ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
14

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
3

А. С. БЕЛОУСОВ

РЕЖИМ МУССОЛИНИ И МАССЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2000

А. С. Белоусов. РЕЖИМ МУССОЛИНИ И МАССЫ

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Под редакцией С.П. Карпова

[14]

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(3)

МОСКВА
2000

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Л.С. БЕЛОУСОВ

РЕЖИМ МУССОЛИНИ И МАССЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2000

УДК 93/99
ББК 63.3
Б43

Серии Трудов исторического факультета МГУ:

♦ Исторические источники ♦ Исторические исследования
♦ Instrumenta studiorum ♦ Биобиблиографии

Рецензенты:

доктор исторических наук *И.В. Григорьева*,
доктор исторических наук *Н.П. Комолова*

Белоусов Л.С.

Б43 Режим Муссолини и массы. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 368 с. (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 14; Сер. 2. Исторические исследования: 3)

ISBN 5–211–04206–9

В монографии раскрыты многосторонние и сложные отношения режима Муссолини с гражданским обществом. Выявлены особенности итальянской модели тоталитаризма, основные формы и способы тотального контроля власти над жизнью граждан. Особое внимание уделено динамике массового сознания итальянцев и проблеме консенсуса.

Для историков, преподавателей и студентов исторических и политологических специальностей, для всех интересующихся новейшей историей Италии и проблематикой тоталитаризма.

УДК 93/99
ББК 63.3

ВВЕДЕНИЕ

Европейская история первой половины XX века драматична. Многие события этого периода оказали столь глубокое воздействие на судьбы людей и народов, что их отзвуки не только отчетливо слышны, но буквально осязаемы современниками, как пережившими эти события, так и имеющими о них лишь смутное представление. Бездна человеческого горя и страданий, потоки крови и слез, произвол беззакония, растоптанные судьбы, унижение достоинства целых народов — все это, как результат варварского насилия и надругательства над человеческой личностью, неразрывно связано с понятием «тоталитаризм».

Этот социально-политический феномен не может быть отнесен к категории сугубо исторической, и не столько потому, что до сих пор, пусть за пределами Европы, но все же сохраняются режимы, которые могут быть названы тоталитарными, сколько потому, что в наше время еще не изжита тоталитарная тенденция, свойственная в большей или меньшей степени любому, даже самому развитому демократическому обществу. Ее постоянным источником являются превратные представления различных социальных групп о так называемой «сильной власти», основанной на неприкрытом, возведенном в ранг государственной политики насилии, власти, якобы способной жесткими методами управления справиться со стоящими перед обществом сложными задачами, защитить рядового гражданина от невзгод и потрясений, обеспечить ему «достойное место под солнцем». Именно поэтому тоталитаризм, имеющий широчайшие возможности трансформации и приспособления, не оставляет равнодушной мыслящую часть современного общества как в странах, преодолевших тоталитарные режимы, так и в тех, где тоталитаризм не приобрел формы государственной власти.

В Италии, пережившей более 20 лет фашистского господства, понятие «тоталитаризм» во многом ассоциируется с режимом Муссолини 30–40-х годов. Это был сложный и неоднозначный период, вызывающий и ныне противоречивые оценки современников. От той эпохи в обществе сохранился не только мощный антифашистский потенциал, определявший облик послевоенной Италии, но и постоянно рецидивирующий синдром возврата к идеализируемому прошлому. Он проявился в формировании неофашистской партии с постоянным и весьма устойчивым электоратом, в неоднократно предпринимавшихся попытках правых сил осуществить государственный переворот и направить развитие страны по иному, недемократическому пути, в усилении правых настроений в обществе в первой половине 1990-х годов

(призывы к разрушению «мифа о Сопротивлении», необходимости принятия новой Конституции и т. д.[1]) и прорыве неофашистского объединения «Национальный альянс» к рычагам государственного управления в составе коалиции, победившей на парламентских выборах 1994 г.,[2] наконец, в постоянном подогревании интереса молодежи к фашистскому прошлому и привлечении ее в экстремистские организации.[3]

Особенно мощная волна общественного интереса к событиям 30-х годов была спровоцирована в 1983 г. в связи со 100-летием со дня рождения Муссолини. Сотни газетных и журнальных публикаций, утверждавших, что при фашизме не так уж плохо жилось, десятки тысяч растиражированных открыток и фотографий, запечатлевших приветствовавшие дуче многотысячные толпы на площадях, переполненные поезда, счастливые лица спешащих на очередное массовое мероприятие крестьян, длинные вереницы горожан, жертвующих драгоценные кольца, видеокассеты с документальными кадрами тех лет, статуэтки дуче и безделушки с ликторской символикой[4] — все это пробуждало любопытство молодежи и стимулировало новый поток воспоминаний и полемики старших. Неудивительно, что изучение тоталитаризма во всех его проявлениях, как и прежде, вызывает широкий общественный и научный интерес. Множество публицистических и научных статей, заметок, брошюр и монографий почти на всех европейских языках, а также многочисленные семинары, коллоквиумы и конференции по проблемам, так или иначе связанным с тоталитаризмом, — лучшее тому подтверждение. Об этом феномене писали такие известные ученые, как Р. Арон, Х. Арендт, Н. Бердяев, З. Бжезинский, К. Д. Брахер, Ф. Бюррон, А. Грегор, Дж. Линц, И. Ортега-и-Гассет, Т. Парсонс, Э. Фромм и другие.

Сразу отметим, что любая попытка дать хотя бы беглый обзор этой литературы и поставленных в ней проблем изначально обречена на неудачу, поскольку сама по себе является темой отдельных историко-социологических и философских исследований. Более уместно выделить в этой многогранной проблематике лишь один аспект, имеющий непосредственное отношение к нашей теме, а именно: отличия в механизме функционирования тоталитарных и авторитарных режимов в рамках их взаимодействия с массами.

Первые концепции тоталитаризма сложились на основе бонапартистско-популистской теории авторитарного правления, в которую в начале XX века было привнесено два новых существенных элемента: иное понимание значения масс в определении форм политического устройства общества, необходимость их завоевания с использованием конкретной идеологической программы, позволяющей мобилизовать людские ресурсы и сконцентрировать усилия на достижении ясно обозначенной цели, а также переосмысление роли государства, его превращение из «ночного сторожа» в активный субъект социально-экономических отношений, способный регулировать общественные процессы.[5] На этой платформе развивались теории сильного тоталитарного государства в 20–30-е годы, когда сам феномен находился в

процессе становления, а термин применялся преимущественно к режимам Муссолини и Гитлера (правление Сталина предпочитали называть диктатурой).

Для непредвзятого осмысления тоталитарного опыта обществоведам понадобилось несколько десятилетий. Лишь в 50–70-е годы стали появляться фундаментальные труды, претендующие на универсальное значение. В свете нашей темы среди них особый интерес представляет книга Х. Арендт «Элементы и первоисточники тотального господства»,[6] содержащая анализ основных форм функционирования власти в условиях тоталитаризма, и монография К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия», в которой впервые в литературе подобного жанра обозначена проблема общественного согласия по отношению к тоталитарному режиму.[7] На материале гитлеровской Германии и СССР периода сталинизма авторы раскрыли особую роль идеологического насилия, которое характеризует все модели тоталитаризма и отличает их от предшествующих авторитарных форм власти.[8] Подчеркнем эту мысль, открывающую перспективу постановки вопроса о степени интеграции масс в тоталитарные режимы и характере согласия с ними.

Десять лет спустя американский историк Дж. Линц попытался сформулировать ключевые различия между авторитарной и тоталитарной формами правления. Он полагал, что любой тоталитарный режим характеризуется наличием монопольного центра власти, «эксклюзивной» идеологии и «предприятия» по всеобщей мобилизации населения в лице унитарной партии и зависимых от нее организаций. Авторитарные режимы, по Линцу, выделялись наличием власти, признающей легитимность привилегированных слоев, ограниченного плюрализма, смутно очерченной и слабо распространенной идеологии, а также едва заметным присутствием (или отсутствием) средств политической мобилизации масс.[9]

Теорию Линца оспаривали многие ученые, в том числе Ф. Бюррон, полагавший, что «в исторической действительности эти два типа власти выступают в комбинированном виде», например, режим генерала Франко — авторитарный, но приобретавший время от времени тоталитарные черты.[10] Схожей точки зрения придерживаются и российские обществоведы А. А. Галкин и Ю. А. Красин, утверждающие, что резкое разграничение между тоталитарными и авторитарными формами правления «только затрудняет понимание сути тоталитаризма как экстремально жесткой формы авторитаризма».[11]

Активное включение отечественных историков в дискуссии о тоталитаризме в 90-е годы[12] нашло яркое проявление в публикации монографии, подготовленной коллективом авторов Института всеобщей истории под руководством Я. С. Драбкина и Н. П. Комоловой.[13] В соответствии с высказанной ими рабочей гипотезой тоталитаризм следует оценивать как феномен XX века, как политологическую модель, выделяющую методы функционирования и политический инструментарий определенных диктаторских

режимов и применимую для анализа лишь с учетом динамики общего исторического процесса, но не в качестве универсальной схемы, накладываемой на конкретно-историческую реальность отдельных стран. По общему мнению авторов, солидарному с точкой зрения К. Д. Брахера,[14] родовым признаком тоталитаризма является совокупность унитарной идеологии, массового народного движения и жестокого диктаторского, репрессивного режима, стремящегося к тотальному контролю над обществом и личностью. Именно это выделяет «тоталитаризм из системы родственных ему авторитарных, автократических режимов, из которых он может вырасти и в которые может, при наличии определенных условий, преобразоваться».[15]

В целом мы разделяем этот подход,[16] но считаем необходимым отметить две дискуссионные проблемы. Во-первых, общий вывод книги состоит в том, что понятие «тоталитаризм» «непригодно для универсального объяснения событий и явлений истории, в том числе и в XX столетии».[17] Поскольку этот вывод звучит несколько парадоксально, хотелось бы все-таки уточнить: универсального значения понятие «тоталитаризм» (как и подавляющее большинство однородных научных понятий), конечно, не имеет и иметь не может, но политологическая модель тоталитаризма, в продуктивности которой сильно сомневаются авторы, является весьма эффективным инструментом в руках историка: не будучи абсолютизированной, она помогает понять и объяснить очень многое в истории XX века. На наш взгляд, авторы монографии не только вывели эту модель, но и продемонстрировали пример ее блестящего применения для обобщения материала.

Следующее соображение касается третьего компонента: репрессивного режима и террора как решающего элемента в «национальной системе манипуляции сознания».[18] Эта установка по существу абсолютно верна, но с одной оговоркой: помимо террора и запугивания любой тоталитарный режим опирается в системе господства над обществом и на определенный уровень общественного согласия (консенсуса), формируемого на основе его реальных и мнимых достижений. Было бы неправильно списывать факты массовой поддержки тех или иных действий тоталитарных режимов лишь на счет фанатизма и тотального оболванивания в массовых организациях. Определенный сегмент общественных настроений приходился на долю конформизма, а также осознанной поддержки власти. Этот факт отчетливо просматривается не только в истории фашистской Италии и нацистской Германии, но и в значительной степени в истории СССР. С другой стороны, итальянский опыт показал, что при тоталитарной организации общества террора может и не быть, но система тем не менее обретает внутренний потенциал прочности, достаточный для того, чтобы позволить режиму существовать еще немалый срок даже при неблагоприятных внутренних и внешних факторах.

Одна из главных причин такой устойчивости кроется, на наш взгляд, именно в согласии (консенсусе) значительной части общества с господствующим режимом. Однако чтобы доказать (или опровергнуть) это, необ-

ходимо вскрыть всю систему взаимоотношений сформировавшегося в Италии во второй половине 20-х годов тоталитарного режима с гражданским обществом в целом и его отдельными компонентами, в частности.

В этой связи вопросов возникает гораздо больше, нежели можно найти ответов в литературе. В самом деле, проблема консенсуса, будучи составной частью более широкой темы «режим — массы», предполагает необходимость изучения динамики массового сознания в 20—40-е годы. Но как измерить степень проникновения фашизма в ткань гражданского общества, в помыслы и действия отдельных личностей и целых социальных групп? Как выявить механизм трансформации, которую претерпевали ценностные ориентации различных категорий населения в результате воздействия массированной пропаганды режима и других методов фашизации? Кто, почему и в какой степени поддерживал фашистский режим? Есть ли основания утверждать, что был сформирован (воспитан) новый тип мировоззрения — фашистский или профашистский, — и если да, то когда и в какой связи начинается процесс дефашизации сознания? Каковы были основные формы ее проявления; почему оказались безрезультатны попытки фашистов сломить нарастание «негативных» тенденций, искоренить диссидентство и антифашизм; под воздействием каких факторов рушились навязываемые сверху стереотипы мышления и поведения; каким образом недовольство, нараставшее на обыденном уровне сознания, преобразовывалось в понимание необходимости свержения режима?

На первый взгляд, ответ на эти и другие вопросы не может быть найден в рамках исторического анализа из-за отсутствия необходимой документальной базы. Действительно, опросы общественного мнения в те годы не проводились, документов, прямо отражающих взгляды простых итальянцев на события тех лет, не существует. Условия диктатуры, создавшей разветвленную систему тотальной слежки и жесткой цензуры, почти исключали возможность открыто высказывать свои мысли. Сеть осведомителей тайной фашистской полиции густой паутиной опутывала страну. Реальные помыслы многим приходилось скрывать под маской согласия, и сделать это было не трудно, так как в середине 30-х годов (хотя в этом утверждении мы забегаем немного вперед) конформизм был господствующей, но не единственной тенденцией в массовом сознании средних слоев и значительной части рабочего класса.

И все же есть возможность поиска ответов на поставленные вопросы. Для этого необходимо провести компаративный анализ документов, прямо или косвенно отражающих умонастроения масс с разных, противоположных полюсов (в данном случае фашизма и антифашизма) и изнутри социальной группы. Полученный на этой основе материал следует сопоставить, во-первых, с теми фактами итальянской действительности, появление которых свидетельствовало о существенных изменениях в ценностных ориентациях определенных социальных категорий (например, распространение так называемой «молодежной фронды»); во-вторых, с реальными социально-

экономическими и юридическими показателями, характеризующими динамику материального, профессионального, правового и социального положения этих категорий в годы режима Муссолини. Выводы такого исследования можно отстаивать только и исключительно в отношении социальной группы, ставшей объектом изучения (в данном случае промышленного рабочего класса). Их распространение на всю многомиллионную массу итальянцев вряд ли допустимо, разве что в форме научной гипотезы. Иными словами, решение проблемы «режим Муссолини — массы» на сегодняшний день не имеет единой формулы, поскольку распадается (в соответствии с дифференцированной социальной политикой фашизма) на отдельные составляющие, а именно: режим — рабочий класс, режим — мелкобуржуазные слои города, режим — интеллигенция, режим — крестьянство и сельскохозяйственный пролетариат и т. д. Ответ на вопрос о характере общественного консенсуса 30-х годов может быть найден лишь на основе синтеза результатов исследований, проведенных по каждой из этих социальных групп. Поэтому следует еще раз подчеркнуть, что на основе предложенной методики мы делаем выводы применительно к промышленному рабочему классу, выбранному в качестве первого объекта изучения в силу специфики рабочей политики и идеологических установок фашистского режима, и лишь в форме научной гипотезы — ко всему обществу в целом.

Это вовсе не означает искусственного дробления единых установок и политики фашизации («мобилизации сверху»), осуществлявшейся режимом Муссолини. К примеру, «новая педагогика» и воспитание были нацелены на завоевание всей молодежи, независимо от социальной принадлежности, но и рабочей в том числе. Идеология фашизма, механизм и формы подчинения масс, попытки насаждения консенсуса и формирования «человека эпохи Муссолини» — все это следует рассматривать вкупе, как единое целое, как основную пружину, приводившую в действие различные, в том числе социально ориентированные, рычаги воздействия на общество. Степень эффективности такого воздействия являлась одной из составляющих в определении главных тенденций в массовом сознании итальянцев в 30-е годы.

Однако изучение всей совокупности отношений «режим —массы» следует начинать еще со второй половины 20-х годов, то есть со времени окончательной стабилизации фашистской диктатуры после издания «чрезвычайных законов» и урегулирования отношений светской власти с Ватиканом (1926–1929). В эти годы завершается формирование основных признаков нового режима, дающих основание считать его тоталитарным. Предшествующий этап истории фашизма (зарождение и становление фашистского движения, борьба за власть, первые годы правления Муссолини) не имеет прямого отношения к обозначенной проблеме, но зачастую помогает уяснить специфику и внутреннюю логику тех или иных действий тоталитарной власти. В таких случаях уместны и необходимы экскурсы в более ранний период, общая оценка и характеристика которого содержится в трудах других авторов.[19]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: *Gobbi R.* Il mito della Resistenza. Milano, 1992; *Colombo F., Feltri V.* Fascismo /antifascismo. Milano, 1994.

[2] В правительство С. Берлускони вошли 5 министров и 12 заместителей министров от блока «Национальный альянс». Представитель неофашистов занял пост заместителя председателя Сената.

[3] *Caldiron G.* Gli squadristi del 2000. Roma, 1993.

[4] Ликторский знак — пучок прутьев, плотно увязанных вокруг древка топора, — символизировал единство граждан Древнего Рима и их готовность покарать тех, кто это единство подрывает. Ликторский знак стал символом итальянского фашизма.

[5] Переосмысление роли государства происходило и в рамках иных теорий, в том числе либеральных.

[6] *Arendt H.* Elemente und Ursprunge totaler Herrschaft. N. Y., 1951.

[7] *Friedrich C. J., Brzezinski Z. K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mas.), 1956.

[8] Ibid. P. 22.

[9] *Linz J. J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes // Handbook of Political Science. Vol. 3. Macropolitical Theory. Addison-Wesley, 1975. P. 175–412.

[10] *Burrin P.* Politique et societe': les structures du pouvoir dans l'Italie fasciste et l'Allemagne nazie // Annales. ESC, 1988, №. 3. P. 616–617.

[11] *Галкин А. А., Красин Ю. А.* Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М., 1998. С. 26.

[12] Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989; *Гаджиев КС* Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии, 1992. № 2; Тоталитаризм, что это такое? М., 1993; Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995; и др.

[13] Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.

[14] *Bracher K. D.* Fascismo e nazional-socialismo. Bologna, 1986.

[15] Там же. С. 9.

[16] Подробнее см. авторскую рецензию в: Новая и новейшая история. 1997. № 6.

[17] Тоталитаризм в Европе XX века. С. 499.

[18] Там же. С. 139.

[19] *Лопухов Б. Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919–1929 гг. М., 1968; *Алатри П.* Происхождение фашизма. М., 1961; и др.

ДИСКУССИИ В ИСТОРИОГРАФИИ

В советские времена историки-профессионалы не очень тяготели к изучению проблем итальянского фашизма вообще и режима Муссолини в частности. Да это и понятно: политическая цензура не позволила бы выйти в свет книге, в которой содержался бы даже отдаленный намек на сходство типов политической власти в фашистской Италии и Советском Союзе сталинской поры. Неудивительно, что и проблема консенсуса не появлялась в работах наших авторов, поскольку тезис о «согласии» общества с режимом Муссолини явно противоречил идущей со времен Коминтерна и вполне устоявшейся концепции классовой сущности фашизма. Это вовсе не означает, что советские авторы не видели или не хотели видеть серьезную научную проблему. Они просто обходили ее красноречивым молчанием или формулировали свою мысль так, что оставляли возможность читателю додумывать остальное. К примеру, смелое для 70-х годов по сути, но осторожное по формулировке высказывание Б. Р. Лопухова о характере фашизма ничуть не утратило своей научной значимости и сегодня. «Многое, пожалуй, трудно будет понять в фашизме, — пишет он, — если искать во всем направляющую руку или крупной монополистической или крупной аграрной буржуазии. Скорее, наверное, можно сказать об историческом синтезе и логике, обусловленной подлинными и мнимыми интересами, чувствами и действиями разных групп населения»,[1] которые в конечном счете способствовали превращению фашистского движения в тоталитарный режим.

Б. Р. Лопухов рассматривал режим Муссолини в свете эволюции форм буржуазной власти в XX веке, то есть как исторический феномен, который «был в большей мере детерминирован логикой исторического развития, в том числе и социально-экономической реальностью, чем волей Муссолини или даже всех фашистских руководителей вместе взятых».[2] В этой связи проблема «режим — массы» ставилась автором в плане расширения регулирующей социальной функции государства, которое в 30-е годы вторгалось, или во всяком случае пыталось вторгаться практически во все сферы жизни общества. Это государство создало весьма специфический, присущий лишь тоталитарным структурам алгоритм своих взаимоотношений с различными социальными слоями, механизм функционирования которого в работах Б. Р. Лопухова специально не освещался, поскольку автор не ставил перед собой такой задачи.

В этическом и психологическом аспектах эта лакуна отчасти восполняется в книгах заслуженно почитаемой у нас в стране и в Италии историка и писательницы Ц. И. Кин.[3] Прожив немало лет в удушающей атмосфере фашистской Италии, Ц. И. Кин, как тонкий наблюдатель и исследователь, уловила особый настрой значительной части итальянского общества. Он был охарактеризован ею как конформизм, основанный на моральном неприятии господствовавшей идеи и политической практики, далекий как от фашистского фанатизма, так и от непримиримого антифашизма.

Вышедшая в 1973 г. монография Г. С. Филатова «Крах итальянского фашизма»[4] до сих пор является единственным в отечественной историографии комплексным исследованием различных аспектов вызревания кризиса фашистского режима во второй половине 30-х годов.[5] Наряду с социально-экономической и военно-политической составляющими кризиса, которые автор считает основными, им прослеживается также процесс распространения в обществе антифашистских идей, преимущественно среди молодежи, а также деятельность антифашистских партий, в первую очередь КПИ, по формированию организованной молодежной антифашистской оппозиции. Во второй половине 30-х годов сопротивление фашизму в Италии не выливалось в массовые действия. «Скорее это было, — по мнению автора, — капиллярное распространение антифашистских идей, которые постепенно все глубже проникали в массовую базу фашизма, подтачивали и размывали ее изнутри».[6] Этот процесс протекал неравномерно, испытывал паузы и отступления, однако он «продолжал нарастать под влиянием внешних и внутренних мероприятий фашизма, направленных на подготовку империалистической войны».[7] В этой связи любопытно отметить, что автор как бы априори исходит из того, что выросшее при режиме Муссолини новое поколение итальянцев было фашизировано, хотя нигде не пишет об этом прямо. И это тоже, на наш взгляд, пример глубокого понимания и «красноречивого» умолчания.

Тема «режим — массы» затрагивается в монографии В. И. Михайленко[8] в связи с описанием полемики, сопровождавшей в Италии появление на свет многотомной биографии дуче Р. Де Феличе. Автор указал лишь на некоторые сильные и слабые стороны концепции Де Феличе в целом, не вдаваясь подробно в дискуссию о консенсусе.

Этим, пожалуй, исчерпывается перечень работ, в которых содержатся по меньшей мере упоминания о существовании проблемы, которая еще не только не изучена в отечественной историографии, но даже должным образом не обозначена в качестве таковой.

В итальянской историографии картина совершенно иная. Тему вовлечения широких масс в так называемую «фабрику согласия» можно считать одновременно и новой и старой для итальянской исторической науки. Новой — поскольку в 70–90-е годы в связи с появлением работ Де Феличе

именно эта проблематика оказалась в центре жарких историографических дебатов и дала мощный импульс новым исследованиям отношений тоталитарного режима с массами; старой — поскольку всякий историк-профессионал, занимавшийся периодом «черного 20-летия» сразу после Второй мировой войны, не мог обойти упомянутую проблему стороной, касаясь ее в той или иной степени, но не ставя в центр своего исследования. Это обусловлено, во-первых, тем, что количество источников, доступных исследователям, а тем более введенных в научный оборот, было еще явно недостаточным; во-вторых, тем, что сама постановка «проблемы консенсуса» неизбежно выводила дискуссию на более высокий уровень обобщения — о «коллективной ответственности» итальянского народа за консолидацию и длительное господство фашистского режима.

Споры на этот счет и ныне еще далеки от завершения. Термины, в которых ведется полемика, нередко весьма расплывчаты, импрессионистичны, общепризнанных дефиниций до сих пор нет, и каждый из авторов по-своему истолковывает содержание используемых им понятий.[9] Один из современных историков левой ориентации Э. Францина справедливо утверждает, что сущность консенсуса по-прежнему «остается недостаточно изученной», хотя многие внешние формы его проявления исследованы досконально.[10]

В этой связи представляется целесообразным обозначить сначала крайние точки зрения, поскольку позиции более взвешенные, глубокие и вместе с тем менее ангажированные в конечном счете занимают промежуточное положение и лишь весьма условно могут быть отнесены к одному из этих полюсов. За рамками предложенной схемы остаются откровенно апологетические и ранние антифашистские интерпретации проблемы, поскольку они носят не столько научный, сколько публицистический характер. Идеологическая аргументация теоретиков противостоящих лагерей, в том числе А. Грамши, не рассматривается, поскольку является предметом отдельного исследования, выходящего за рамки заявленной темы. Представляется целесообразным начать пусть с политизированной, но все же научной полемики в 30-е годы.

По мнению В. И. Михайленко, изучавшего историографию «черного 20-летия», в «интеллектуальном блоке», который обслуживал фашистский режим и контролировался им, были представители практически всех известных к тому времени разновидностей буржуазного историзма»,[11] наиболее крупным из которых являлся Дж. Вольпе. Его работы многократно становились объектом справедливой научной критики, поэтому отметим лишь то, что имеет непосредственное отношение к нашей теме. Поскольку фашизм интерпретировался Дж. Вольпе как явление вполне закономерное, обусловленное всем ходом предшествующего исторического развития Италии, как «великая народная революция»[12], постольку установленный

им режим выражал концентрированную волю и мудрость итальянской нации. Политические институты режима Муссолини, по мнению Дж. Вольпе, отстаивали интересы всех социальных групп и способствовали консолидации национальной общности, поэтому проблемы консенсуса не стояло: режим прочно опирался на массы, в том числе на рабочий класс.

Против этого тезиса в 30-е годы активно возражал историк и публицист Г. Сальвемини, относящийся к представителям «экономико-юридической» школы. В пылу спора он не задавался вопросом о поддержке или отторжении итальянцами тоталитарной диктатуры, но доказывал, что режим Муссолини не имел глубоких корней, носил временщический характер и не был принят обществом. Проблема консенсуса не была обозначена прямо и в этом случае, но мнение Сальвемини о ней известно: народ против режима.

Во второй половине 30-х годов трудно было ожидать полноценной научной постановки вопроса о согласии, да это и понятно: требуется время, чтобы можно было оглянуться назад, освободиться от идеологических наслоений, добраться до источников. Тем удивительнее выглядит тот факт, что первая работа, которую можно считать открывающей дискуссию о консенсусе, вышла в свет уже в 1936 г. в Карловых Варах. Она называлась: «Между двумя мировыми войнами?»[13] Ее автор, австрийский историк и социолог, социал-демократ О. Бауэр, заявил, что фашизм есть форма политической власти, стоящая над буржуазией и пролетариатом и осуществляющая «капиталистическо-милитаристскую диктатуру», подлинная новизна которой, по сравнению с бонапартизмом и прочими формами диктаторских режимов XIX века, состоит именно в попытке создания консенсуса широких народных масс, необходимого для сохранения и упрочения власти. Эта констатация еще не могла быть веско аргументирована, но для середины 30-х годов она была поразительно прозорлива.

После победы движения Сопротивления, когда накал страстей в обществе оставался весьма высоким и постоянно подогревался условиями «холодной войны», историкам-профессионалам было очень трудно избежать тяготения к тому или иному политическому полюсу. И хотя многие из них призывали к отказу от идеологизации исследований, например П. Алатри в 1962 году,[14] сделать это было практически невозможно.

Крайние точки зрения на проблему «тоталитарный режим — массы» выглядели малоубедительными. Наследники традиции активного антифашизма, стоявшие на позициях марксистской методологии или причислявшие себя к таковым, заявляли, что фашизм затормозил социальное и культурное развитие рабочего класса, ограничил его участие в национальной жизни. Сами же рабочие оставались верны своей «классовой целостности», сумели подспудно сохранить классовое сознание, которое постоянно «подпитывалось» эксплуатацией, выработали иммунитет против фашистской идеологии и наряду с большинством населения выгонялись на

массовые официальные мероприятия силой необходимости. Разумеется, ни о какой поддержке антинародного режима не было и речи, что подтверждается итогами движения Сопротивления.

Эту позицию можно считать умеренной в сравнении с историографией левацкого (в том числе троцкистского) толка, утверждающей, что фашистский режим не имел серьезной поддержки и мог быть свергнут революционными действиями масс, которые якобы не велись из-за оппортунистической позиции итальянских коммунистов, не желавших поднять рабочий класс на восстание и «забывших военный опыт ленинизма».[15] Сторонники этой концепции полагают, что классовая борьба являлась стержнем всего антифашистского движения,[16] но при этом признают существование «проблемы консенсуса» в том смысле, что режим ставил своей целью «осуществление контроля над процессом формирования согласия в обществе».[17]

Диаметрально противоположная точка зрения состоит в том, что режим Муссолини якобы опирался на активную, широкую поддержку масс, в том числе рабочих, которые имели извращенное фашистской пропагандой сознание. Поведение рабочего класса, «успокоенного» и «прикормленного» режимом, в целом вписывалось в установившийся общественный порядок, и этим объясняется длительное и почти бесконфликтное существование фашистской власти.[18]

На деле все обстояло значительно сложнее, и по мере углубления исследований к пониманию этого факта приходили сторонники обеих концепций. В этой связи следует отметить, что уже в конце 60-х годов социолог А. Турэн попытался сформулировать некую третью, срединную точку зрения. Для изучения сознания рабочего класса он предложил ввести понятие «принцип идентичности», который в зависимости от конкретной, рожденной требованиями момента конфликтной ситуации может трансформировать сознание рабочих в классовое (в общепринятом смысле этого слова) или, напротив, в некое иное, позволяющее обосновать концепцию социальных отношений внеклассового, сугубо функционального свойства, объясняющую пассивность рабочих в течение длительного периода диктатуры.[19] Этот подход представляется весьма продуктивным при анализе сознания тех групп и слоев рабочего класса, которые влились в него недавно и еще не избавились от прежних, как правило, традиционалистских элементов мышления, восприятия и оценки действительности. Обычно это вчерашние крестьяне, бежавшие из деревень в поисках лучшей доли и пополнявшие маргинальные слои городского общества.

Идея маргинализации промышленного рабочего класса в годы фашизма впервые была сформулирована юным социалистом Маттео Маттеотти в 1944 г. Подготовленное им исследование положения рабочих в 20–30-е годы[20] было своего рода манифестом позиции левых сил и в концентриро-

ванном виде выражало крайнюю точку зрения, которую можно считать началом отсчета. Выводы М. Маттеотти сформулированы четко и прямолинейно: в годы фашизма происходило постоянное обнищание рабочего класса, вплоть до полной его пауперизации; значительно увеличилась резервная армия труда, участились случаи производственного травматизма; сократилась и ухудшилась в качественном отношении структура потребления рабочих семей; уменьшились возможности для борьбы с неграмотностью и для приобщения рабочих к ценностям итальянской культуры. Все начинания фашистского правительства в области рабочей политики оценивались как демагогические, лишенные какой-либо реальной значимости, либо направленные к ухудшению положения рабочего класса. В последующих исследованиях ученых-марксистов выводы на эту тему стали значительно более осторожными и взвешенными, но ключевая идея — об относительном ухудшении положения рабочего класса в годы фашизма — оставалась прежней.

В 50–60-е годы историки левой ориентации, которых иногда условно объединяют в рамках «прогрессивно-демократического» или «леводемократического блока»,[21] занимались преимущественно разработкой проблем генезиса фашизма и его краха. Тем не менее в осмыслении особенностей самого тоталитарного режима ими также был сделан шаг вперед: все признали, что нельзя недооценивать способность уже победившего фашизма к мобилизации масс и их включению в орбиту своего влияния.

Наиболее отчетливо эту мысль выразил марксист Э. Сантарелли в своей фундаментальной работе «История фашистского движения и режима», вышедшей в 1967 г.[22] В научный оборот было введено большое количество новых документов и фактов, которые иллюстрировали активную мобилизующую деятельность режима Муссолини. Тем самым преодолевалась весьма типичная для антифашистов недооценка возможностей тоталитарного режима и намечались новые научные подходы, которые развивались все более активно по мере опубликования историко-философского наследия А. Грамши.[23] Его рассуждения о проблеме гегемонии и «прогрессивном цезаризме», раздумья о мотивах влечения к фашизму мелкобуржуазных слоев и применяемых им методах идеологического воздействия на массы, — все это и многое другое[24] оказало серьезное влияние на итальянских, и не только итальянских, историков-марксистов, осознававших необходимость глубокого анализа механизма функционирования тоталитарного режима.

Однако действительно мощный импульс для развития исследований в этом направлении был дан в 1970 г. в связи с публикацией в Италии «Лекций о фашизме» П. Тольятти.[25] Оказалось, что тридцать пять лет спустя после того, как они были прочитаны в Москве для итальянских коммунистов-подпольщиков, лекции П. Тольятти не только не утратили своей оригинальности и свежести, но приобрели новое качество, оказывая серьезное влияние на участников разворачивавшейся научной дискуссии.

Наиболее ценным для историков выводом, к формулировке которого руководитель КПИ приближался и раньше,[26] было утверждение, что фашистский режим в Италии имеет особый характер, не позволяющий смешивать его ни с обычной полицейской диктатурой XIX века, ни с бонапартизмом. В отличие от репрессивных режимов прошлого фашистская власть вынуждена мобилизовать массы с целью подавления любой возможности их автономного самовыражения и ради приобщения к выполнению своих программ. Для этого создаются новые по типу массовые организации, заменяющие и вытесняющие существовавшие прежде классовые объединения. Главными объектами анализа П. Тольятти стали: фашистская партия как буржуазная «партия нового типа»; профсоюзы, которые по-прежнему олицетворяли классовое противостояние и предоставляли легальные возможности для антифашистской борьбы; «Дополаворо»,[27] как самая оригинальная и всеохватывающая организация режима, действительно удовлетворявшая потребности трудящихся, которые почти не удовлетворялись прежде; корпоративизм, как идеология режима и реальная действительность. В конечном счете П. Тольятти дает блестящее определение существующей системе, как «реакционного режима, опирающегося на массы». В его анализе, на наш взгляд, не хватает одного, но весьма существенного элемента, для осмысления которого к 1935 г. было уже немало материала, а именно: факта признания определенного типа «общественного согласия», которого удалось достичь режиму Муссолини. Но даже если этот факт не остался незамеченным П. Тольятти, вряд ли можно было в 1935 г. ожидать от одного из лидеров Коминтерна развернутой аргументации по столь «деликатной» проблеме.

Предисловие к итальянскому изданию «Лекций о фашизме» написал Э. Раджиониери. Признав, что историки левой ориентации еще должным образом не изучают фашизм в качестве реакционного режима, опирающегося на массы,[28] Э. Раджиониери всерьез этим занялся и придал проблеме историческое звучание. По его мнению, фашизм реализовал политическое единство имущих классов на основе общей программы подавления политической и культурной автономии низших классов и одновременно предложил решение сверху (то есть в авторитарной форме) проблемы включения масс в государственную инфраструктуру, чего не сумело сделать либеральное государство после объединения Италии.[29] При этом Э. Раджиониери указывает на потенциальные «пределы возможностей» нового режима, как внутренние (противоречия между различными компонентами блока власти), так и внешние (открытые противники фашизма, хотя и малочисленные, плюс недовольство населения).[30] Фактор гражданского недовольства постоянно присутствовал в 30-е годы. Это не отрицается никем, но интерпретируется по-разному, зачастую с диаметрально противоположных позиций.

Левые, или весьма условно причисленные к «прогрессивно-демократическому блоку», усматривают в движении недовольных низов мощный заряд протеста, интуитивно направленный против режима как главного виновника всех бед. При этом делается оговорка, что в фашистский период требовать большего от масс, лишенных традиционных форм самовыражения и самозащиты, было невозможно. Такой вывод сформулирован во многих работах, посвященных локальной истории.[31] Содержащийся в них материал дает основания для определения характера стихийного протеста масс в 30-е годы и ответа на вопрос о том, был ли он антифашистским. Многие локальные и общие исследования в этом направлении грешат смешением понятий «социально-экономическая нужда» и «оппозиционная деятельность», за что их справедливо упрекают оппоненты.[32] Увлечение поиском антифашизма там, где его не было, иногда приводит к преувеличению сознательной оппозиции режиму. В таких случаях антифашизм предстает как некий скрытый айсберг, на котором покоилось итальянское общество 30-х годов.[33] Цифры осужденных и сосланных, которыми оперируют авторы, а также изучение документов полиции и осведомителей приводят к постановке вопроса о «массовом недовольстве» фашистским режимом.[34] Никто из оппонентов этих авторов не отрицает полицейского характера диктатуры, но вопрос об условиях и времени, когда недовольство действительно стало массовым, до сих пор остается дискуссионным и одним из наиболее сложных.

В этой связи авторитетнейший историк левой ориентации Г. Куацца утверждает, что в течение всего периода тоталитаризма отношение рабочего класса к режиму Муссолини определялось не стремлением к антифашистской борьбе, а «инстинктивной защитой классовых интересов».[35] Недовольство рабочих концентрировалось на режиме лишь постольку, поскольку в их представлении он являлся «главным союзником хозяев».[36] Рабочий антифашизм органически нес в себе классовые черты, а владельцы, директора и управленцы «идентифицировались с фашизмом как представители той же классовой системы».[37] Г. Куацца не отрицает существования консенсуса в 30-е годы, но полагает, что он распространялся лишь на мелкобуржуазную и студенческую молодежь, церковь и отчасти армию, тогда как в рабочем классе, помимо «сознательной и фронтальной оппозиции», обнаруживалась политическая отчужденность, отступавшая на задний план лишь когда речь заходила о непосредственных условиях жизни и работы. В этом смысле, по его мнению, можно говорить о «пассивном консенсусе»,[38] который следует рассматривать в сочетании с насилием, причем именно на насилии необходимо делать основной упор.[39]

Г. Куацца не первым и не единственным из историков обратил внимание на эту проблему. И здесь уместно временно прервать линию развития «прогрессивно-демократического блока», обратившись к тем, кто являлся

его оппонентами. Иначе будет не вполне понятен смысл и характер острейшей дискуссии, разгоревшейся в итальянской историографии в 70–90-е годы.

Проблема соотношения насилия и согласия в системе господства тоталитарного режима в Италии была впервые обозначена историком либерального направления А. Аквароне еще в середине 60-х годов.[40] Изучая механизм функционирования политической власти, он пришел к выводу, что понятия «насилие» и «консенсус» не являются антагонистическими применительно к диктаторской форме правления. Речь шла не о том, что консенсус был навязан силой, а о том, что насилие, идеологически обоснованное и юридически закрепленное, могло составлять одну из решающих опор консенсуса. Иными словами, насилие (в данном случае А. Аквароне имеет в виду как само насилие, так и постоянную угрозу его применения, олицетворяемую полицейскими органами) рассматривается не только в качестве инструмента подавления оппозиции и инакомыслия, хотя это его основная функция, но и как средство для постоянного подогрева энтузиазма и веры сторонников, для рекрутирования новых адептов, для стимулирования согласия с политикой режима. Одна из пружин, приводящих в движение механизм консенсуса, состоит, по мнению А. Аквароне, в умении фашизма побеждать с применением силы.[41] В период сквадризма это было способом самоутверждения фашистов, а в годы режима насилие приобрело еще и «ритуальную функцию». Возведя его в ранг идеологического принципа деятельности «хорошего правительства» в интересах большинства нации, режим Муссолини уже не мог отказаться от насилия, поскольку в противном случае потерял бы изрядную долю своей «законности» в глазах поддерживавших его мелкобуржуазных масс.[42] Таким образом, фашизм мог формировать консенсус, не отказываясь от насилия, а сами эти составляющие (независимые лишь в определенных пределах) являлись переменными одной постоянной величины — режима. Консенсус носил консервативный, а не революционный характер, то есть в гораздо большей степени был обращен к фашизму-режиму, нежели к фашизму-движению.

Такова логика А. Аквароне, с которой в принципе можно было бы согласиться, поскольку все это звучит весьма убедительно. Но есть один вопрос, относящийся к исходному пункту концепции, ответ на который может разрушить все построение в целом, а именно: почему применение или угроза применения насилия приводят к укреплению консенсуса, а не наоборот? Так называемая «юридическая законность», ущемляющая права личности, может стимулировать реакцию прямо противоположную. Чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо выявить основные мотивы про- и антифашистских настроений в итальянском обществе в середине 20-х — 30-е годы, чего А. Аквароне не делает. Поэтому его интерпретация бинома «насилие — консенсус» носит отчасти умозрительный характер.

К сказанному следует добавить, что оценка А. Аквароне антифашизма и настроя рабочего класса делает его прямым оппонентом авторов «прогрессивно-демократического блока». В частности, он утверждает, что режим Муссолини завоевал симпатии и сочувствие в рабочем классе, и хотя речь шла о «феномене миноритарном», он оказался несопоставимо большим, чем то, чего удалось добиться либеральному государству после объединения. Антифашизм действия, по мнению А. Аквароне, имел место, но определяющим был «антифашизм пассивный, легалитарный, выжидательный», с плохо очерченными границами, не позволяющими отделить идейно-политическую оппозицию от общего негативного отношения к власти и ее структурам, столь характерного для итальянцев и формулируемого пословицей: «Идет дождь. Виновато правительство воров».[43]

Такая оценка весьма типична и для других представителей либеральной школы, в том числе Р. Де Феличе — признанного корифея итальянской историографии, с именем которого связывают появление новой концепции истории фашизма. Эта концепция сформулирована в многотомной биографии дуче, а по сути — фундаментальной истории фашистского движения и режима.[44] Появление книг Де Феличе сопровождалось в Италии бурным ростом общественного интереса, острыми дискуссиями в средствах массовой информации и в научных изданиях.[45] Внешне аполитичный (во всяком случае не заявляющий о своей идейной принадлежности) профессионал бросил вызов всей левой историографии, утверждая, что нельзя быть одновременно антифашистом и беспристрастным историком недавнего прошлого. Вокруг имени Де Феличе был создан ореол объективности, а его работы вызвали такой шквал критических и хвалебных отзывов, что отзвуки этой «историографической бури» слышны до сих пор. В этой связи представляется целесообразным остановиться на «новой концепции истории фашизма» подробнее.

В отличие от всех предшественников, писавших о фашизме, Де Феличе поставил проблему консенсуса в центр своего исследования. Созданная им концепция служит ответом на вопрос о характере взаимоотношений новой власти с гражданским обществом. Анализ этих отношений Де Феличе начинает с момента прорыва фашизма к рычагам управления государством. «Чтобы сделать эффективной эту власть (только что завоеванную фашизмом), — пишет он, — помимо силы было необходимо еще и согласие, но (нужно это четко понимать) не большинства страны (Муссолини, по крайней мере в данный момент, не испытывал иллюзий по поводу возможности его обеспечения), а тех сил и институтов, благодаря которым фашизм смог прийти в правительство».[46] Таким образом, в начальной фазе фашистской диктатуры консенсус рассматривается Де Феличе как господствующий блок новых политических сил и старых элитарных структур, допустивших переход власти. Процесс его формирования ограничен рамками этого блока, носит внутренний характер, не захватывает основную массу граждан.

Следующий этап развития консенсуса имеет принципиально иное содержание. Годы 1929–1936 — период наивысшего подъема общественного согласия с установившимся режимом. Консенсус выходит за рамки узкого социального слоя и вбирает в себя подавляющую часть гражданского общества. Поддержка режима становится сплошной, почти «без трещин» даже в неблагоприятных условиях мирового экономического кризиса.[47] Протест масс, усилившийся в те годы, не имел политической, антифашистской окраски. По мнению Де Феличе, это подтверждается тем фактом, что даже недовольные слои общества вращались внутри установленных фашизмом рамок. За сохранение сложившегося статус-кво выступали две категории итальянцев: те, кто боялся утратить полученные льготы и собственное положение, то есть преследовал личные интересы, которые явно были бы ущемлены в случае перемен, и те, кто видел в режиме гарантию стабильности в стране, столь необходимую для экономического подъема. К этой категории относилась подавляющая часть бизнеса и рабочего класса, «заинтересованного в поиске компенсации зарплаты, урезанной в предыдущие годы, или хотя бы в возможности избежать новых сокращений, сохранить работу и не подвергать себя риску экспериментов, в которые большая его часть не верила и которых боялась».[48]

По утверждению Де Феличе, положение рабочего класса в годы мирового экономического кризиса характеризовалось, во-первых, существенными трудностями с заработной платой (несвоевременное получение, торможение роста) в результате увеличения числа безработных и расширения предложения на «черном рынке» рабочей силы; во-вторых, крайне низким уровнем жизни безработных и работающих без договора, большая часть которых не получала пособия; в-третьих, особенной тяжестью положения сельскохозяйственных рабочих, испытывавших реальное сокращение зарплаты и не имевших тех социальных компенсаций, которыми располагали городские рабочие; наконец, особым положением государственных служащих, рабочих промышленности и транспорта, реальная заработная плата которых в годы кризиса увеличивалась, или оставалась неизменной, или сокращалась незначительно, поскольку существенно уменьшалась стоимость жизни в результате падения оптовых и розничных цен.[49] Приняв во внимание, что в результате предпринятых фашистским правительством мер была значительно расширена система социального страхования рабочих, введены пособия по болезни, безработице и инвалидности, в законодательном порядке осуществлялось регулирование заработной платы, а также установлен новый порядок рассмотрения трудовых конфликтов, Де Феличе делает вывод о стабильности экономического положения подавляющей массы рабочих даже в неблагоприятных условиях мирового экономического кризиса, что в конечном счете служило одной из опор консенсуса. При этом Де Феличе не испытывает иллюзий по поводу того, какие именно

чувства питали рабочие к режиму Муссолини. Он признает, что они его не любили, не доверяли ему,[50] видели в нем конкретное и действенное проявление власти хозяев, а в самих фашистах — «тех, кто разрушил их политические и классовые организации».[51]

Однако активная социальная политика режима и установившаяся политическая стабильность постепенно сформировали иную реальность в рабочей среде. «Большинство пролетариата уже не испытывало желания подвергать себя новым жизненным передрягам, — пишет Де Феличе, — терять то, что удалось сохранить, а также упускать возможность пользоваться материальными благами, в особенности в рамках социального страхования... Рабочие не стремились встать в оппозицию, которая не смогла бы изменить ситуацию, но наверняка обеспечила бы только жертвы, безработицу, преследования, горе».[52] Связь между социальной политикой режима и широко распространенной в массах фаталистической концепцией кризиса 1929 г. (в смысле его неизбежности и необходимости примирения) мешала, по мнению Де Феличе, превращению недовольства «в рациональный акт обвинения правительства».[53] Более того, Де Феличе не боится, казалось бы, очевидного противоречия, утверждая, что, несмотря на недоверие рабочих в период кризиса, именно «в первой половине 30-х годов фашизм смог раздробить трудящихся, в том числе рабочих (причем не только категории, традиционно более корпоративные), и найти в них растущее согласие».[54]

Таким образом, консенсус приобретает иное содержание, становясь массовым, а результаты фашистской политики выглядят менее жесткими, чем могло показаться на первый взгляд. Оказывается, они были «столь поверхностными и обусловленными целой серией конъюнктурных и сугубо практических мотиваций, что по сути дела оказались лишь предварительными и преходящими, подверженными всем рискам и противоречиям, типичными для консенсуса традиционного, основанного почти исключительно на мотивациях конъюнктурных и практических и/или на внезапных психологических реакциях, не имеющих каких-либо корней в сознании или вере».[55]

В таком толковании консенсус как бы исключает тоталитарный характер власти, которая почти добровольно принимается обществом, а не утверждается над ним. Консенсус приобретает у Де Феличе новый, многофакторный и самодостаточный характер, а именно: согласие между новым господствующим слоем и традиционным, что обеспечивало преемственность господства, во-первых; поверхностное, спонтанное, конъюнктурное согласие масс, во-вторых; «согласие на вере», фанатичное, слепое, в-третьих; наконец, «репрессивный момент консенсуса»[56] как его незначительная, но необходимая составная часть в духе идей А. Акварone. Консенсус вбирает в себя множество элементов: от мистической веры до

подавления. Это и сильная, и слабая сторона концепции Де Феличе: сильная — поскольку позволяет объяснить под этим углом зрения весь период 30-х годов, включая ряд внешнеполитических акций фашизма; слабая — поскольку нередко сглаживает и смешивает противоречивые интересы и конфликты, не выявляя, а напротив, затушевывая их суть. Даже если, однако, принять такое многослойное толкование консенсуса как несущую конструкцию всей системы социально-политического господства, остается непонятным, почему в ней отсутствует такой важный, системообразующий, присущий любой диктаторской форме правления элемент, как прямое насилие над гражданским обществом в целом и над каждым индивидом в отдельности, что, в свою очередь, определяет реакционный характер власти? Ответ на этот вопрос очевиден: Де Феличе не признает реакционный характер режима Муссолини. Вряд ли с этим можно согласиться.

Спорной представляется и интерпретация Де Феличе политики фашизации, осуществлявшейся режимом через систему массовых организаций. Собственно фашизации как таковой он в ней не усматривает, полагая, что таким путем лишь формировался общественный консенсус. Это была «пассивная фашизация», под которой понимается совокупность действий властвующей элиты, направленных на «превращение итальянцев в «хороших граждан», лояльных к правительству, не противопоставляющих себя политике режима, принимающих ее мотивировку и стратегические цели, приспосабливающих к ним свое поведение и повседневную деятельность, не позволяющих потенциальной критике вылиться в понимание возможности изменения режима, но которые в то же время не участвуют активно в политической жизни, или, если участвуют, то делают это в ограниченных рамках чисто внешних проявлений, или в таких формах, которые позволяют пользоваться какими-то льготами и не быть ущемленными в своей деятельности в сравнении с более ревностными гражданами». Но была и «активная фашизация», также понимаемая как совокупность действий власти, направленных на формирование «настоящих фашистов, активных в этом качестве в жизни страны на всех уровнях повседневной деятельности и включенных в структуры режима как движущие элементы».[57]

В этой цитате, значительная часть которой не вызывает нареканий, содержится одно положение, выдвинутое Де Феличе априори и не находящее веских подтверждений в книге — о принятии массами «мотивировки и стратегических целей» фашистской политики. Но от этого зависит очень многое и в первую очередь — определение характера общественного согласия. «Активная фашизация» не могла быть осуществлена в широком масштабе из-за моральной уязвимости господствующей идеи, поэтому массовые фашистские организации выполняли исключительно важную функцию — закладывали основы для прагматического восприятия режима и его целей, хотя в этом утверждении мы забегаем несколько вперед. Пока

лишь отметим, что, на наш взгляд, именно в прагматизме кроется ключ к пониманию проблемы стабильности режима, а не в принятии обществом «мотивировки и стратегических целей», типичном для «пассивной фашизации».

В наиболее общих чертах концепция Де Феличе сводится к тому, что фашизм являл собой политическую стратегию с дальним прицелом, вынашивавшуюся самим Муссолини, — муссолинизм, то есть результат творческого гения дуче, феномен революционный,[58] форма «левого тоталитаризма».[59] Однако реальное осуществление этой стратегии дуче приходилось откладывать на будущее, сделав ставку на новое поколение, поскольку массы, да и сама фашистская партия еще не поднялись до уровня осмысления гениального замысла. Поэтому на смену общественному консенсусу первой половины 30-х годов, достигшему пика после захвата Эфиопии и провозглашения империи, приходит пассивное общественное непротивление при некотором «психологическом отрыве» части буржуазных слоев, безграничной преданности активистов, особенно молодых, и полном крушении организованного антифашизма.

Этот новый тип консенсуса формируется в условиях тоталитарного государства (именно так был назван очередной том), которое, по мнению Де Феличе, по сути своей тоталитарным никогда не было. Более того, режим Муссолини даже не ставил перед собой такой задачи, поскольку был основан на идее создания «нового человека», то есть идее прогрессивной, не имеющей ничего общего с нацизмом. Режим действовал, сосредоточивая власть в руках государственной машины «вплоть до кажущейся ликвидации различий между государством и гражданским обществом, да и то лишь в перспективе, которая не имела ничего общего с нацизмом или сталинизмом». По Де Феличе, это был «незаконченный тоталитаризм», при котором его «моральный» аспект преобладал над политическим, а воспитательный — над репрессивным. Говорить же о действительном повороте к тоталитарной форме управления, осуществлявшемся в результате прямого нацистского влияния, можно лишь с 1938 г. (имеются в виду расовые законы), но и этот поворот не принес чего-либо, «сравнимого с разгулом массового террора, характеризующего нацистский и сталинский режимы».[60] Таким образом, массовый террор для Де Феличе — один из главных показателей тоталитарной диктатуры, который отсутствовал в фашистской Италии.

В центре многотомного труда — «исполинская фигура» дуче. Муссолини предстает харизматической личностью, всемогущим диктатором, почти независимым в своих действиях от каких бы то ни было политических сил. Это не случайность, а позиция, которую Де Феличе декларировал в своем нашумевшем интервью о фашизме: «Не так уж важно устанавливать степень зависимости фашизма от определенных сил и интересов, — заявил он, — сколько понять степень и основы его автономности от них».[61]

В этой позиции сформулирован методический принцип исследования Де Феличе. Его применение на практике вылилось в массированное использование автором однотипных источников (материалы правительства, канцелярии дуче, Большого фашистского совета, полиции, министерств и ведомств, фашистской партии, парламента и т. д.), в том числе ставших доступными в период написания первых томов биографии дуче лишь ему одному, например личные архивы Гранди и Боттаи. Характер этих документов таков, что позволяет обрисовать ситуацию внутри фашизма, его «кухню», а самого дуче представить в облике почти независимого арбитра. Феномен фашизма, консенсус, тоталитаризм исследуются как бы сами по себе, зачастую вне связи с гражданским обществом и социально-экономическими процессами. В итоге и сам автор начинает «вариться в собственном соку», не замечая тех реалий, которые не укладываются в рисуемую им картину.

Де Феличе впервые ввел в научный оборот огромное количество новых документов и фактов, полагая, что этого вполне достаточно для обоснования концепции. Но позиция «факты говорят сами за себя» вряд ли может считаться неуязвимой: факты говорят так, как их заставляет говорить историк. И это чувствуется всякий раз, когда Де Феличе переходит от эмпирического изложения материала к обобщениям. Будучи «рабом» им же самим отобранных фактов, он как бы смотрит на них с одной стороны и лишает себя возможности высветить противоречия между тем, что кажется на первый взгляд, и тем, что было на самом деле. По меткому замечанию одного из его оппонентов Р. Виварелли, Де Феличе не хватает «иронии», столь необходимой любому историку.[62] Этот методический изъян исследования отмечают практически все его критики.[63]

Признавая в целом справедливость критики, нельзя не отметить, что на сегодняшний день многотомный труд Де Феличе, охватывающий целую эпоху в истории современной Италии (с конца прошлого века до падения «республики Сало»), является наиболее емким, многоплановым, действительно фундаментальным исследованием, аналогичного которому до сих пор нет в историографии левой ориентации. Тезис о консенсусе в первой половине 30-х годов прочно утвердился среди итальянских историков, причем не только последователей или единомышленников Де Феличе, но и его оппонентов. В их числе ведущие представители «прогрессивно-демократического блока»: Г. Куацца, Дж. Сапелли, Дж. Сантомассимо, Э. Коллотти, М. Леньяни и другие. Приняв термин и проблему консенсуса, они возражают против ее толкования в духе Де Феличе. Наиболее отчетливо выразил эту позицию Дж. Сантомассимо, заявив, что есть весомые основания говорить о формировании «элементов консенсуса по отношению к фашистскому государству, а не к фашизму как идеологии и политической партии».[64] С ним солидарны многие критики концепции Де Феличе, в особенности те из них, кто занимался проблемами «социальной истории».

Полемика о консенсусе органично вплелась в более раннюю дискуссию в итальянской историографии о том, какую историю следует писать: преимущественно идейно-политическую («верхнюю») или «историю низов», основанную на традиционных и устных источниках. Последний мотив был типичен для итальянских (да и не только итальянских) «новых левых» историков, чьи позиции заметно окрепли в конце 60-х — начале 70-х годов, после того как Италия пережила мощный взрыв массового демократического движения, привлекшего внимание ученых-обществоведов к рядовому носителю протеста. «История низов» дает реальную возможность выявить историческую преемственность в том, что составляет непосредственную канву жизни обычного человека: семья, работа, отношения индивида и коллектива, мировоззрение, психология социальной группы и т. д. В этом подходе чувствовалось влияние той «новой социальной истории», которая появилась в 60-е годы в англоязычной, преимущественно американской, историографии и распространилась впоследствии в странах Западной Европы.

Проблематика социальной истории наиболее полно раскрывалась на уровне региональных исследований, поэтому дискуссия об основных направлениях исторического познания тесно переплелась с проблемой соотношения истории локальной и общенациональной.

Первая «волна» локальных исследований прокатилась по Италии в конце 40-х — начале 50-х годов. Однако во второй половине 50-х годов эти сюжеты оказались отодвинуты на второй план работами по общенациональным проблемам. Отчасти это было отражением идейно-политического и культурного климата тех лет, когда многие историки, осмысливая новизну ситуации после развенчания культа личности Сталина в СССР, ставили вопрос о национальной роли рабочего класса в истории и культуре страны.

В начале 70-х годов в науке вновь стали раздаваться призывы к изучению локальной истории, необходимой для обогащения и углубления идей общего характера. Новизна локальных исследований заключалась не в выборе тем, а в подходе к их изучению. Главная задача работ такого рода состояла в выявлении на конкретном региональном материале многообразия связей и динамики различных компонентов внутри объекта исследования и в использовании полученных выводов и гипотез в качестве критериев интерпретации общеисторических проблем, избегая, таким образом, как опасности их распыления, так и простого арифметического суммирования.

70—80-е годы — пик исследований по локальной истории. Их простой перечень составил бы не один десяток страниц.[65] Значительная их часть шла в русле идей «прогрессивно-демократического блока» и дополнялась работами по отдельным категориям рабочего класса в период фашизма.[66] Обобщение работ, диверсифицированных по регионам и направлениям,

позволяло делать выводы, которые активно использовались в продолжавшейся дискуссии.

Особый интерес в этой связи представляли объединенные общим замыслом тематические сборники статей.[67] Так, в 1981 г. группа ученых опубликовала солидную книгу под названием «Рабочий класс в период фашизма».[68] Каждый из авторов изучал свою, не очень широкую тему (рынок рабочей силы в Эмилии-Романье, семья, школа и профтехобразование, длительность рабочего дня, положение рабочих-текстильщиков и т. д.), но их выводы позволили редактору всего тома Дж. Сапелли сформулировать общее видение проблемы. По его мнению, несмотря на упорное стремление фашистского режима интегрировать рабочий класс в созданные им структуры и привить ему корпоративную идеологию, развитие капитализма, объективно рождавшее «рабочий вопрос» в традиционном смысле, превращало промышленный пролетариат в весьма неудобный объект для «мобилизации сверху» (то есть через массовые организации, в том числе профсоюзы). С другой стороны, рабочий класс оставался в течение всего периода диктатуры объектом фашистских репрессий и носителем (субъектом) «подрывной традиции».[69] Подавление становилось единственным средством решения «рабочего вопроса», когда действия пролетариата приобретали конфликтный характер и были направлены против «посредничества самих инструментов системы господства». Поскольку этот процесс нарастал, «мобилизация сверху» в конечном счете потерпела крах.

Сформулированная в первой половине 80-х годов,[70] эта концепция не претерпела существенных изменений вплоть до конца 90-х. Ее придерживаются многие, в том числе молодые и не очень молодые историки, которые лишь условно могут быть причислены к продолжателям традиции «прогрессивно-демократического блока». Личное общение с ними (А. Паризелла, С. Сетта, Ф. Кордова, М. Палла, М. Леньяни, С. Коларици, Г. Тури, К. Натоли, К. Казула, Э. Коллотти и др.) и ознакомление с их работами подводит к выводу о том, что в современной итальянской историографии фашизма продолжается начавшееся ранее размывание границ между традиционными течениями, сложившимися в послевоенные годы. Декларируя приверженность принципу историзма, многие исследователи жестко пресекают любые попытки причислить себя к представителям той или иной школы. Однако, несмотря на диверсификацию подходов к исследованию и многообразие методических приемов, их позиции можно определить на основе оценок доминирующих концепций, в том числе принадлежащих Де Феличе и его сторонникам.

90-е годы дали для этого обильный материал: переиздавались ранние произведения А. Аквароне[71] и Р. Де Феличе,[72] И. Силоне[73] и А. Таски,[74] большими тиражами уже в который раз выходили в свет дневники и воспоминания фашистских главарей,[75] появились интересные работы много-

численных последователей Де Феличе,[76] наконец, сам «маэстро» завершил знаменитую биографию дуче и опубликовал ряд новых исследований.[77]

Однако в отличие от 70-х годов ознакомление публики с очередными томами истории жизни Муссолини не вызвало бурного общественного резонанса. Этих книг ждали, а некоторые специалисты даже небезуспешно пытались предугадать, какие идеи будут в них высказаны. Де Феличе остался верен себе как в плане методики исследования, так и в развитии концепции. Это избавляет нас от необходимости вновь возвращаться к анализу сильных и слабых сторон его творчества: принципиально они остались прежними. Следует лишь отметить, что мы не можем согласиться с оценкой кризиса, переживавшегося итальянским обществом на рубеже 30–40-х годов. У Де Феличе это общество предстает мало подвижным, вяло реагирующим на бурные политические события предвоенной поры. В нем почти не слышен голос антифашистов, почти не ощутимы признаки неумолимо надвигавшейся катастрофы. Складывается впечатление, что Де Феличе допускает возможность иного развития событий, будь Муссолини и окружавшие его люди прозорливее и мудрее, не допусти они вовлечения Италии во Вторую мировую войну. Элементы социально-экономического и политического кризиса, по мнению Де Феличе, нарастали, но не имели структурного характера и не влекли за собой необратимых изменений на уровне менталитета. Общество не ощущало необходимости политических перемен, оставаясь «глухим» вплоть до того момента, когда на головы людей начали сыпаться бомбы англо-американской авиации. Слабость военно-материальной базы, оперативные просчеты командования, ошибки политического руководства, наконец, военные поражения на фронтах — таковы были, по мнению Де Феличе, решающие факторы «кризиса и агонии» режима. Таким образом, оценка степени зрелости внутрисистемного кризиса тоталитаризма в начале 40-х годов, глубина отторжения фашистской диктатуры гражданским обществом — вот та «лакмусовая бумажка», которая позволяет разделить сторонников и противников «новой истории фашизма» после выхода в свет последних книг Де Феличе.[78]

Эта проблема имеет еще один историографический аспект, связанный с движением Сопротивления. Отношение народных масс к вооруженной борьбе с фашизмом и нацизмом, особенно на раннем ее этапе, в значительной мере определялось состоянием общественных умонастроений летом–осенью 1943 г. Картина массового сознания в этот период складывалась как совокупный результат нарастания многообразных форм социально-политического и морального протеста (скрытых и явных) в предшествующие годы. Их изучение по отдельным регионам и социальным группам в середине 90-х годов привело к подлинному открытию новой темы: «Невооруженная борьба в движении Сопротивления».[79] Речь идет о способах и особенностях проявления негативного отношения масс к фашизму вообще и «республике

Сало», в частности, которое определяло пути и условия вовлечения людей в вооруженную борьбу или отказ от таковой.[80]

Дискуссия на эту тему, идущая и ныне, тесно переплетается с начавшейся ранее историографической полемикой о возможности определения движения Сопротивления как «гражданской войны»,[81] то есть противостояния одной части общества другой по политическому признаку «фашист — антифашист». Не имея возможности углубляться в аргументацию сторон, отметим лишь, что доводы, которыми оперируют авторы, по большей части черпаются из сферы общественного сознания и его развития в предшествовавший Сопротивлению период.

* *
*

Завершая историографический очерк, представляется целесообразным обрисовать вкратце и тот корпус источников, на который мы опирались. Большая их часть была почерпнута в итальянских архивах и впервые вводится в научный оборот, иные уже попадали ранее в поле зрения историков, что дало нам возможность удостовериться в их подлинности и оценить степень профессионализма итальянских коллег, изучавших эти материалы.

Первая группа документов относится к категории официальных и внутриведомственных (то есть тех, на которые преимущественно опирается Де Феличе): законодательные акты, постановления правительства и Большого фашистского совета (БФС), распоряжения дуче, материалы его личной канцелярии, переписка и внутренняя документация министерств и ведомств, документы фашистской партии и парламента. К этой категории примыкает фашистская периодическая печать, публицистика, выступления самого дуче и его ближайшего окружения. Подавляющая часть упомянутых источников хранится в Центральном государственном архиве Италии в Риме. Они доступны для исследователей без всяких ограничений, почти все хорошо систематизированы, многие опубликованы, а те, что издавались большими тиражами, дошли и до России.

Особый интерес среди них представляют архивы тайной полиции (ОВРА), которая располагала тысячами филеров, вращавшихся во всех социальных слоях на всей территории Италии. «Среди них можно было встретить... журналистов..; бывших офицеров..; известных педагогов..; женщин всех возрастов и социальных слоев..; старого кулуарного интригана..; и прелата, даже в ранге кардинала».[82] Это были завербованные полицией доносчики, целенаправленно работавшие по разоблачению антифашистов.

Но главной фигурой был иной агент: как правило, полуграмотный (судя по донесениям), едва различимый в толпе серый человечишко, который

постоянно терся в общественном транспорте и на рынках, в барах и тратториях, подсаживался поиграть в карты в организациях «Дополаворо» и угощал стаканчиком вина, подслушивал разговоры и провоцировал на откровения подвыпивших говорунов, а затем скрупулезно воспроизводил увиденное и услышанное в еженедельном отчете своему полицейскому куратору. Благодаря этим агентам ОВРА улавливала даже едва заметные перемены в настроениях людей. Доносы ложились на стол квесторов (начальников региональных полицейских управлений), которые, в свою очередь, на их основе составляли регулярные рапорты префектам и главе тайной полиции А. Боккини, занимавшему этот пост в течение 14 лет (с сентября 1926 г. по ноябрь 1940 г.). Документы ОВРА несут на себе неизгладимый отпечаток времени: осведомители могли специально преувеличивать степень критического настроя итальянцев (особенно в период подъема консенсуса) и даже выдумывать факты, чтобы хоть как-то оправдать свое существование и получение денег, тогда как квесторы, напротив, нередко оказывались заинтересованы в утаивании информации о росте антифашизма (особенно в конце 30-х годов), ибо в противном случае рисковали вызвать в свой адрес упреки в неумении контролировать ситуацию и направлять ее развитие в нужном режиму русле. Сопоставление первичных доносов и составленных на их основе рапортов квесторов (на материале Лацио, Тосканы и Умбрии) показывает, что рисуемые ими картины заметно отличались друг от друга. Однако фальсификация такого рода встречается все-таки не часто. Большинство квесторов ощущали себя частицей режима и старались быть правдивыми, даже рискуя впасть в немилость.

В государственном архиве в Риме хранится еще один фонд исключительной важности: центральная политическая картотека.[83] В ней систематизированы дела всех политически неблагонадежных лиц, взятых на учет тайной полицией. Но картотека не была изобретением фашистов. Начало ей было положено в 1896 г. специальным циркуляром министра внутренних дел, который предписывал префектам периодически посылать в главное управление общественной безопасности сведения о так называемых «подрывных элементах». Дело начиналось с биографических данных подозреваемого и систематически пополнялось информацией о его политических взглядах, контактах, круге знакомых, передвижениях, выступлениях, основной деятельности и т. д. В настоящее время в картотеке сохранилось приблизительно 160 000 дел — это лишь та часть, которая осталась после транспортировки документов на Север (в период «республики Сало») и обратно (после Освобождения). Сведения, содержащиеся в картотеке, обладают высокой степенью достоверности, что подтверждается другими источниками. Кроме того, у полиции не было каких-либо мотивов для их фальсификации. Ошибки встречаются по большей части в графе «Политическая принадлежность», которую полиции не всегда удавалось установить.

Картотека разделяла «подрывные элементы» на три категории: первая — самые опасные лица; вторая — опасные лица (те, кто в случае проведения общественных акций должны были подвергаться аресту, поскольку считались способными нарушить нормальный ход мероприятия); третья — лица, которых следовало считать опасными в случае возникновения общественных беспорядков. Таким образом, в эти три категории антифашисты попадали по определению, даже если они не собирались ничего делать. Кроме того, в квестурах были составлены списки еще двух категорий лиц с ограниченным периодом наблюдения, не включенных в центральную политическую картотеку: «террористы» (в основном антифашисты-эмигранты) и «неустойчивые элементы» (в основном лица с психическими расстройствами). Раз в два-три года списки подвергались сплошной ревизии, обновлялись, составлялись вновь в алфавитном порядке.

Данные картотеки позволяют установить социальную, политическую, профессиональную и возрастную принадлежность подозреваемых. Для нас наибольший интерес представляют социальная и возрастная категории. Результаты проведенной нами 5%-й выборки[84] весьма показательны: около 60% «подрывных элементов» имеют профессии рабочих; подавляющая их часть (более 80%) родилась в 1880–1900-х годах. Это рабочие старшего поколения, прошедшие школу антифашистской борьбы, каждый третий из которых — член КПИ. Дела молодых рабочих встречаются в основном в конце 30-х годов, то есть это были люди, выросшие уже при фашизме.

Блок официальных, публичных и внутриведомственных документов замыкается государственной статистикой и коллективными договорами. Не все официальные статистические данные внушают доверие. С приходом фашизма к власти развитие независимой национальной социологической школы было прервано.[85] Социологические исследования проводились в ряде научных центров (INEA, ENIOS, SIPS, ISTAT) и университетов[86] в рамках единого официального направления. Корпоративное общество, по замыслу фашистов, нуждалось в специалистах-технократах узкого профиля, которые не поднимались бы в своих изысканиях до уровня политических обобщений. Они должны были осуществлять сугубо эмпирические исследования. Это требование вынуждало ученых строго придерживаться принципов самоцензуры, ибо факт изучения процессов, происходивших в обществе, сам по себе означал соприкосновение с системой власти. Таким образом, в Италии в 30-е годы сложилась официальная социология, в которой трудно было отличить заказную подтасовку данных от избытка воображения, и сформировался определенный тип социолога: компетентного в отдельном, узком секторе исследования и некритичного по отношению к власти. Тем не менее результаты их труда, опубликованные в многочисленных статистических сборниках, за небольшим исключением признаются вполне достоверными и широко используются историками различного профиля.

Одним из самых емких источников статистического материала по рабочему классу являлись коллективные договоры: общенациональные, межрегиональные, региональные, провинциальные, наконец, самые многочисленные — фабрично-заводские. Коллективные договоры в 30-е годы были общедоступны. Они выходили отдельными брошюрами, печатались в специальном приложении к бюллетеню министерства корпораций и в «Официальной газете». В нашем распоряжении были все коллективные договоры с 1928 г. по 1943 г., хранящиеся в историческом архиве Всеобщей итальянской конфедерации труда (Лацио).[87] Это очень емкий пласт документов, позволяющий вкупе с материалами официальной и нелегальной статистики проследить изменения в условиях и уровне жизни промышленного пролетариата в период фашизма, сдвиги в его профессиональной структуре и занятости, в уровне образованности и характере труда, модификации инфраструктуры и новых типах производства, изменениях в социальном статусе рабочего с точки зрения его социальной защищенности и правовой обеспеченности.

Под нелегальной статистикой мы подразумеваем результаты исследований, проводившихся альтернативной социологией, представленной публицистическими работами антифашистов, большая часть которых принадлежала к КПИ. Внимание авторов выходившего в Париже под редакцией Р. Гриеко, а затем Э. Серени журнала «Стато Операйо»[88] было сосредоточено преимущественно на промышленном пролетариате крупных и средних фабрик, который рассматривался, с одной стороны, как объект социального эксперимента фашизма, с другой как движущая сила неизбежной политической модернизации общества. Отличительной чертой этих публикаций было понимание глубокой связи между структурой занятости и общей социально-экономической ситуацией в стране, однако выводы нередко носили надуманный, гиперидеологизированный характер и выдавали желание авторов связать напрямую ухудшение жизненных условий пролетариата с ростом его революционного потенциала. Фактический материал, публиковавшийся в «Стато Операйо», зачастую расходился с данными официальной статистики, хотя многие из приводимых в нем статистических показателей были настолько далеки от политики, что не требовали какой-либо подтасовки.

Материал для аналитических рассуждений авторы «Стато Операйо» черпали из отчетов коммунистов, нелегально работавших в Италии. КПИ была единственной из антифашистских партий, сумевшей сохранить в стране действовавшую подпольную организацию. Многие ее члены постоянно вращались в рабочей среде и в своих отчетах в загранцентр информировали о ситуации на заводах и фабриках, о реальной заработной плате, об отно-

шении к режиму, о конфликтах с администрацией, о деятельности профсоюзов, об умонастроениях масс в целом. Эта информация время от времени дополнялась в результате специальных рейдов, которые осуществляли «уполномоченные КПИ» по различным регионам страны. Предоставлявшиеся ими доклады носили не только информативный, но в какой-то мере и аналитический характер, однако в рисуемой ими, а также коммунистами-подпольщиками картине был заложен немалый заряд эмоционального оптимизма в отношении перспектив антифашистской борьбы и возможностей рабочего класса. Поэтому эти документы трудно считать объективными: авторы видели в основном то, что им самим очень хотелось видеть и чего от них ждали руководители КПИ и Коминтерна. Через Париж письма и донесения итальянских коммунистов попадали в Москву и оседали в архивах Коминтерна. Лишь после XX съезда КПСС их копии были переданы компартии Италии. Ныне они хранятся в архиве института А. Грамши в Риме и вполне доступны исследователям.[89] Именно эти документы позволяют взглянуть на ситуацию в рабочей среде как бы с противоположной стороны и тем самым уравновесить тенденциозность полицейских осведомителей и квесторов.

Этой же цели служат письма из ссылки итальянских социалистов, собранные в римском фонде Л. Бассо.[90] Их авторами в основном являются руководители ИСП среднего и низшего звена. Письма социалистов менее информативны по сравнению с отчетами коммунистов, что вполне объяснимо условиями ссылки, но содержащиеся в некоторых из них наблюдения, сформулированные на «эзоповом языке», очень точны.

После Второй мировой войны многие антифашисты, как и амнистированные в конце 40-х годов фашистские главари, начали писать мемуары. Это «увлечение» было повальным: за 50—90-е годы нам удалось насчитать более 400 наименований литературы подобного жанра. Известный итальянский историк Н. Галлерано, специально изучавший особенности развития мемуаристики, считает, что лишь в начале 90-х годов (после крушения биполярного мира) появилась реальная возможность непредвзято проследить эволюцию «общественной памяти», поскольку предыдущие ее оценки были чересчур подвержены политической конъюнктуре.[91] В этой связи он отмечает явно выраженную тенденцию «угасания» антифашистской традиции и появление некой «контртенденции». «Новые исторические процессы, — пишет Галлерано, — порождают старые пороки: расизм, угнетение, неравенство, насилие и тем самым непреднамеренно открывают путь для воспоминаний боязливых, скомканных и подавленных».[92]

Степень достоверности отраженных в мемуаристике фактов измеряется их соответствием реальным событиям, однако установить это соответствие

не всегда представлялось возможным, особенно когда использовались так называемые «устные источники».[93] В каждом случае приходилось ставить вопрос о социально-политических и психологических условиях, в которых пребывал «источник» после описываемого факта и до его устной или письменной реконструкции (эти условия могут ощутимо смещать акценты при ретроспективном взгляде на события); об опасности смешивания коллективистских представлений, действительно имевших место в прошлом, с наслоениями более позднего времени, воспринятыми носителем информации и интерпретируемыми как его собственные представления той поры;[94] о «лакунах памяти», которые нередко оказываются неслучайными и, таким образом, становятся политизированными; наконец, если речь шла об обычных гражданах, о репрезентативности и типичности их свидетельств. И все же, несмотря на субъективность, ценность каждого такого источника несомненна: никакой другой документ не позволяет столь тщательно проследить процесс эволюции взглядов и мировоззрения индивида.

Таковы основные группы и категории источников, которыми мы пользовались. Их объем и многоплановость позволяют воспользоваться предложенной во введении методикой и попытаться дать ответы на поставленные вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 11; *Он же.* Эволюция буржуазной власти в Италии. М., 1986.

[2] *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. С. 291.

[3] *Кин Ц. И.* Миф, реальность, литература. М., 1968; *Она же.* Алхимия и реальность. М., 1984; *Она же.* Итальянский ребус. М., 1991.

[4] *Филатов Г. С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973.

[5] В первой главе монографии Н. П. Комоловой «Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. 1943–1947 гг.» (М., 1972) обозначены основные структурные противоречия, обусловившие «глубокий характер кризиса итальянского фашизма, симптомы которого выявились уже во второй половине 30-х годов». См.: Указ. соч. С. 13.

[6] История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 115.

[7] История Италии. Т. 3. М., 1971. С. 138.

[8] *Михайленко В. И.* Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987.

[9] Подробнее см.: *Palla M.* Sul regime fascista italiano. Precisazioni terminologiche e interpretative // Italia contemporanea, 1987. № 169.

[10] *Franzina E.* Proteste sociali nel Veneto fra le due guerre // Geografia e forme del dissenso sociale in Italia durante il fascismo (1928–1934). Cosenza, 1990. P. 301.

[11] *Михайленко В. И.* Указ. соч. С. 39.

[12] *Volpe G.* Storia del movimento fascista. Milano, 1939. P. 47. Дж. Вольпе близок по взглядам официальный историк и идеолог фашизма Ф. Эрколе (*Ercole F.* Storia del fascismo. Milano, 1939).

[13] Итальянский перевод: *Bauer O.* Tra le due guerre mondiali? Torino, 1979.

[14] *Alatri P.* Le occasioni della storia. Roma, 1990. P. 353.

[15] *Del Carria R.* Proletari senza rivoluzione. Storia delle classi subalterne in Italia. Vol. 4. Roma, 1979. P. 74.

[16] См., например, выступления ряда авторов на научной конференции, организованной Итальянской социалистической партией пролетарского единства во Флоренции в 1973 г. // Antifascismo come lotta di classe. Roma, 1974.

[17] *Massari R.* Il fascismo oggi // Introduzione a: *Guerin D.* Fascismo e gran capitale. Roma, 1994. P. 24.

[18] См. например: *Tamaro A.* Venti anni di storia (1922–1943). Roma, 1953.

[19] *Touraine A.* La coscienza operaia. Milano, 1969.

[20] *Matteotti M.* La classe lavoratrice sotto il fascismo (1922–1943). История этой публикации весьма любопытна. В студенческие годы М. Маттеотти, изучавший экономику, собирал материал о положении рабочего класса с целью «развеять мистификации, которые фашистская пропаганда пыталась навязать общественному мнению». В начале августа 1943 г. он разыскал в Риме Б. Буоцци и передал ему свою рукопись на отзыв, а также с просьбой написать для нее предисловие. На следующей встрече Б. Буоцци высказал замечания к тексту, но предисловие подготовить не успел. Вскоре он был арестован, а рукопись юного М. Маттеотти осталась в его архиве без какого-либо сопроводительного письма. В октябре 1943 г. Маттеотти удалось подпольно напечатать рукопись тиражом 2000 экземпляров. Несколько сотен брошюр разошлось, остальное было конфисковано фашистами. Лишь после освобождения союзническими войсками Рима Маттеотти удалось передать работу П. Ненни, который сразу написал предисловие, и книга была напечатана в типографии «Нуовиссима» под названием «La classe lavoratrice sotto la dominazione fascista». В 1972 г. в ежегоднике «Аннали Фельтринелли» был опубликован найденный в архиве текст якобы не издававшейся ранее рукописи, авторство которой приписывалось самому Б. Буоцци. Спустя шесть лет в том же ежегоднике директор института Фельтринелли Дж. Сапелли внес ясность, признав, что А. Андреази, опубликовавшая рукопись, ошиблась: автором текста является М. Маттеотти, а Буоцци лишь скорректировал название. Ссылки на эту работу в дальнейшем даны по тексту Annali Feltrinelli 1972. Milano, 1973.

[21] Подробнее см.: *Михайленко В. И.* Указ. соч. С. 97–107.

[22] *Santarelli E.* Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967.

[23] *Gramsci A.* Opere. Vol. 1–12. Torino, 1947–1971.

[24] Подробнее см.: *Григорьева И. В.* Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978. С. 228–235 и др.

[25] *Togliatti P.* Lezioni sul fascismo. Roma, 1970.

[26] См.: *Togliatti P.* Opere. Vol. 3, t. 1. Roma, 1973. P. 468–488.

[27] Дополаворо — дословный перевод: «после работы». Массовая организация, имевшая целью монополизировать свободное время трудящихся. Подробнее см. глава I, параграф 5 настоящей работы.

[28] *Togliatti P.* Lezioni sul fascismo. P. XXV.
[29] *Ragionieri E.* La storia politica e sociale // Storia d'Italia dall'unita' a oggi. Vol. IV. T. III. Torino, 1976.
[30] Op. cit. P. 2197.
[31] См. например: *Cipriani A.* Il fascismo in una provincia creata dal Duce // Farestoria, 1996. № 27; Geografia e forme del dissenso sociale in Italia durante il fascismo. Op. cit.; *Bevilacqua P.* Le campagne del Mezzogiorno tra fascismo e dopoguerra. Il caso della Calabria. Torino, 1980; *Merlin T.* Storia di Monselice. Padova, 1988; *Piva F., Toniolo G.* Sulla disoccupazione in Italia negli anni trenta // Rivista di storia economica, 1987. Vol. 4 и др.
[32] См., например: *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. 2. Torino, 1981. P. 156–253.
[33] *Dal Pont A., Leonetti A., Maiello P., Zacchi L.* Aula IV. Tutti i processi del Tribunale speciale fascista. Milano, 1976; *Dal Pont A., Carolini S.* L'Italia dissidente e antifascista, 3 vol Milano, 1983..
[34] См., например: *Casali L.* E se fosse dissenso di massa? Elementi per un'analisi della «conflittualita politica» durante il fascismo // Italia contemporanea, 1981. № 144.
[35] *Quazza G.* Introduzione al: Fascismo e societa' italiana. Torino, 1973. P. 28.
[36] Idem. Politica e societa' in Italia dal fascismo alla Resistenza. Problemi di storia nazionale e storia umbra. Bologna, 1978. P. 37.
[37] Ibid. P. 45.
[38] Ibid. P. 38.
[39] *Quazza G.* Resistenza e storia d'Italia. Problemi e ipotesi di ricerca. Milano, 1976. P. 70–104.
[40] *Aquarone A.* L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1965.
[41] Эта мысль подробно развивается в исследованиях историков, примыкающих к школе Р. Де Феличе: *Lyttelton A.* Fascismo e violenza: conflitto sociale e azione politica in Italia nel primo dopoguerra // Storia contemporanea, 1982. № 6; *Petersen J.* Il problema della violenza nel fascismo italiano» // Ibid.
[42] *Aquarone A.* Violenza e consenso nel fascismo italiano // Storia contemporanea, 1979. № 1. P. 147.
[43] Ibid. P. 148–150.
[44] Среди многочисленных работ Р. Де Феличе для нас представляют наибольший интерес лишь те, которые имеют прямое или косвенное отношение к проблеме консенсуса: *De Felice R.* Mussolini il fascista. Vol. I, Torino, 1966. Vol. II, Torino, 1968; Mussolini il duce. Gli anni del consenso. Torino, 1974; Lo stato totalitario. Torino, 1981; Mussolini l'alleato 1940–1945. Vol. I, L'Italia in guerra. Vol. 2, Crisi e agonia del regime. Torino, 1990; La guerra civile. 1943–1945. Torino, 1997; Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici. Bari, 1970; Intervista sul fascismo. Bari, 1975; Rosso e nero. Milano, 1995.
[45] Подробнее см.: *Белоусов Л. С.* По страницам журнала «Современная Италия» // Новая и новейшая история, 1984, № 6.
[46] *De Felice R.* Mussolini il fascista. Vol. I. P. 427.
[47] *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. I. P. 55.
[48] Ibid. P. 5.
[49] Ibid. P. 75–76.

[50] Причем сами фашисты это понимали. Так, в марте 1929 г., обращаясь к миланским рабочим, секретарь фашистской партии А. Турати заявлял: «Вы пока еще полностью нам не доверяете, но мы верим в вас, потому что вы — итальянский народ» // *De Felice R.* Mussolini il fascista. Vol II. P. 196–197.
[51] Ibid. P. 452.
[52] Ibid. P. 452–453.
[53] *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. I. P. 88.
[54] Ibid. P. 195.
[55] Ibid. P. 180–181.
[56] Ibid. P. 181.
[57] Ibid. P. 199.
[58] Это утверждение основано на революционном, социалистическом прошлом Муссолини. Складывается впечатление, что Де Феличе верит и социальной демагогии, и риторике дуче тех лет.
[59] Тогда как германский национал-социализм — это тоталитаризм правый, феномен консервативный. Де Феличе не избегает аналогий двух режимов, германского и итальянского, но стремится свести их до минимума, ограничивая сходство в основном тем, что оба режима отрицают большевизм, либерализм, демократию и т. п.
[60] *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. II. P. 87.
[61] *De Felice R.* Intervista sul fascismo. P. 49–50.
[62] *Vivarelli R.* Benito Mussolini dal socialismo al fascismo // Rivista storica italiana, 1967. Vol. LXXIX. P. 458.
[63] *Santomassimo G.* Il fascismo degli anni trenta // Studi storici, 1975. № 1; Idem. Senza dubbio fu reazione. Fascismo: a proposito della polemica intorno alla «Intervista» di Renzo De Felice // Rinascita, 1975. № 35; Idem. Classi subalterne e organizzazione del consenso // Storiografia e fascismo. Milano, 1985; *Collotti E.* Lo stato totalitario // Ibid.; Una storiografia afascista per la «maggioranza silenziosa» // Italia contemporanea, 1975. № 119; *Rochat G.* Il quarto volume della biografia di Mussolini di Renzo De Felice // Ibid. 1976. № 122; Idem. Ancora sul «Mussolini» di Renzo De Felice // Ibid. 1981. № 144; *Sapelli G.* La classe operaia durante il fascismo: problemi e indicazioni di ricerca // La classe operaia durante il fascismo. Milano, 1981; *Legnani M.* Postilla sul fronte interno. Paese muto o storico sordo? // Italia contemporanea, 1991. № 182 и др.
[64] *Santomassimo G.* Classi subalterne e organizzazione del consenso. P. 104.
[65] См. подробнее: *De Felice R.* Bibliografia orientativa del fascismo. Roma, 1991.
[66] См., например: *Bonelli F.* Lo sviluppo di una grande impresa in Italia. La Terni dal 1884 al 1962. Torino, 1975; *Rugafiori P.* Uomini, macchine, capitali. L'Ansaldo durante il fascismo 1922–1945. Milano, 1981; Acciaio per l'industrializzazione. Contributi allo studio del problema siderurgico italiano. Torino, 1982; Operai tipografi a Roma 1870–1970. Milano, 1984; *Martini A.* Biografia di una classe operaia. I cartai della Valle del Liri (1824–1954). Roma, 1984 и другие.
[67] См. библиографию.
[68] La classe operaia durante il fascismo. Milano, 1981.

[69] Ibid. P. LXIII.
[70] См. также: *Quazza G.* Il fascismo: esame di coscienza degli italiani // AA. VV. Storiografia e fascismo. Milano, 1985.
[71] *Aquarone A.* L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1995.
[72] *De Felice R.* Intervista sul fascismo. Milano, 1992; Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1995; Mussolini il fascista, 2 vol. Torino, 1995.
[73] *Silone I.* Il fascismo: origini e sviluppo. Carnago, 1992.
[74] *Tasca A.* Nascita e avvento del fascismo. Scandicci, 1995.
[75] Taccuini mussoliniani (raccolti da Yvon De Begnac). Bologna, 1990; *Bottai G.* Diario. Milano, 1989; Idem. Quaderno africano. Firenze, 1995; *Ciano G.* Diario: 1937–1943. Milano, 1990; *Federzoni L.* 1927: diario di un ministro del fascismo. Firenze, 1993; *Graziani R.* Una vita per l'Italia: Ho difeso la patria. Milano, 1994.
[76] Среди них заслуживают особого внимания работы талантливого историка Э. Джентиле, в том числе: *Gentile E.* Il culto del littorio: la sacralizzazione della politica nell'Italia fascista. Roma, 1994.
[77] *De Felice R.* Il fascismo e l'Oriente: arabi, ebrei e indiani nella politica di Mussolini. Bologna, 1989; Mussolini l'alleato. Op. cit.; Rosso e nero. Op. cit.
[78] Наша позиция по существу дела отражена в главе III.
[79] Эту тему обозначают по-разному: «Гражданское Сопротивление», «Невооруженное Сопротивление», «Пассивное Сопротивление».
[80] См.: *Gallerano N.* L'uso pubblico della storia. Milano, 1993; *Oliva G.* I vinti e i liberati. Milano, 1994; La lotta non armata nella Resistenza. Roma, 1994; La lotta non armata nella Resistenza. Roma, 1995; *Cotta S.* Resistenza. Come e perche'. Roma, 1995; La Resistenza tra storia e memoria. Milano, 1998.
[81] Де Феличе является одним из наиболее последовательных сторонников концепции «гражданской войны». Именно так была названа последняя книга в биографии дуче.
[82] *Де Лутиис Д.* История итальянских секретных служб. М., 1989. С. 19.
[83] Archivio Centrale dello Stato, Casellario Politico Centrale. Далее: ACS, CPC.
[84] Выборка осуществлялась, во-первых, из 128 000 дел, доступных в то время (1986 г.) исследователям, поскольку остальные не были до конца систематизированы; во-вторых, без учета лиц, дела которых были заведены до создания фашистской тайной полиции — приблизительно 10–12%; в-третьих, за вычетом подозреваемых, профессиональная принадлежность которых не указана, — 15–17%.
[85] По специальному циркуляру дуче, разосланному его канцелярией 10. 06. 1931 г., в научной работе, лекциях и публикациях можно было пользоваться лишь теми статистическими данными, которые вышли из официальных источников // ACS, PCM, Gabinetto, busta 447, fasc. 9.
[86] Обширные исследования велись в католическом университете Сакро Куоре в Милане, при котором в 1930 г. был создан Католический союз социальных наук. Его официальной целью была подготовка «нового предпринимателя — католика и фашиста».
[87] Archivio storico CGIL (Lazio). Contratti collettivi di lavoro nel periodo fascista. Далее: AS CGIL.

[88] Lo Stato Operaio (1927–1939). Antologia. Roma, 1964.

[89] *Fondazione A.* Gramsci. Partito Comunista Italiano. Далее: FG, PCI.

[90] *Fondazione L.* Basso. Ser. /c. Esilio. Далее: F. B.

[91] *Gallerano N.* Memoria pubblica del fascismo e dell'antifascismo // Politiche della memoria. Roma, 1993. P. 7.

[92] Ibid. P. 18–19.

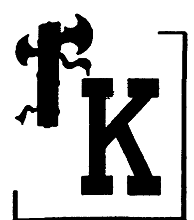
[93] Об особенностях их использования см.: *Passerini L.* Torino operaia e fascismo. Una storia orale. Roma;Bari, 1984.

[94] Методика изучения «устных источников», позволяющая провести такое различие, предложена в книге социолога М. Грибауди // *Gribaudi M.* Mondo operaio e mito operaio. Spazi e percorsi sociali a Torino nel primo Novecento. Torino, 1987.

ГЛАВА I

МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕЖИМА НА ОБЩЕСТВО

1. ХАРАКТЕР И СТРУКТУРА КОНСЕНСУСА



аждый исследователь, изучающий проблему консенсуса, неизбежно сталкивается со сложностью и некоторой неопределенностью самого понятия. Единой, общепринятой дефиниции консенсуса в историографии не существует, поэтому каждый из авторов толкует этот термин на свой лад или, что случается гораздо чаще, не задумываясь употребляет его как синоним общественного согласия.

Широкое распространение получило представление о том, что консенсус не означает единодушной поддержки, но отражает определенный, трудно измеримый уровень согласия общества по отношению ко всей системе социально-политических ценностей и связей, а именно: к государству, правительству, правовым нормам и институтам, социальной регламентации, культурной сфере, религиозным традициям и т. д. (А. Акварone, отчасти Р. Де Феличе).[1] Это расширительное толкование феномена, в основе которого — стремление тоталитарного режима проникнуть в той или иной форме во все сферы общественной жизни и жизни каждого индивида. Но в таком виде консенсус приобретает весьма неопределенные, расплывчатые черты, позволяющие подвести под это понятие явления и факты, не имеющие с ним ничего общего.

Характер консенсуса определяется, в первую очередь, его задачами, главная из которых — обеспечение устойчивости господствующей формы власти. Эта «задача-функция» — сугубо политическая, поэтому основное содержание, или «природу», консенсуса, видимо, следует интерпретировать как согласие и/или непротивление именно существующей, конкретной системе власти и насаждаемым ею идейным, организационным, политическим, юридическим, социальным, культурным и прочим институтам, а также ее действиям. Для решения этой задачи используются новые, специально созданные инструменты режима, но вовлекаются также и прежние, то есть те, без которых немыслимо существование общественного организма. Культура, религия, быт, формы межличностного общения, народные представления и традиции, психологические типы восприятия и

поведения — все это и многое другое составляет среду, которая является объектом воздействия при формировании консенсуса и в свою очередь влияет на него в позитивном или негативном смысле. Однако характер самого консенсуса в результате такого воздействия остается прежним — политическим (что, впрочем, не исключает симптомов неоформленного, смутного согласия). В противном случае, то есть при расширительном толковании термина, происходит смешение характера феномена с его многофакторными составляющими, которые действительно несут в себе элементы социальных отношений, религии, культуры, народных традиций, представлений и прочее.

Общественно-политический консенсус — явление новейшего времени. Его не следует уподоблять обычной поддержке частью общества той или иной формы власти. Если под этим углом зрения взглянуть на европейскую историю нынешнего тысячелетия, то все многообразие форм диктаторских режимов можно условно свести к трем основным типам:

— простая авторитарная диктатура, основанная на монократическом контроле с использованием традиционных методов принуждения;

— диктатура «цезаристского» или «бонапартистского» типа, сочетающая абсолютную централизацию власти, покоящейся на внеэкономическом принуждении, с элементами народной поддержки;

— тоталитарная диктатура, стремящаяся к полному подчинению общественной и частной жизни граждан системе политического господства.

Такой тип диктаторского режима появляется лишь в XX веке,[2] когда массовые народные движения, зародившиеся на рубеже веков преимущественно на основе протеста против усиления произвола капиталистических корпораций,[3] стали действующими субъектами политического развития, то есть силой, при опоре на которую (в том числе) приходят к власти организованные структуры, выражающие тоталитарную тенденцию.

В новых условиях массы становятся не только носителями этой тенденции, но и объектом воздействия со стороны диктаторского режима. По мнению ряда авторитетных социологов, существенное отличие тоталитарной системы власти от прошлых форм политического господства помимо прочего состоит в стремлении «иметь не пассивных, безучастных подданных, но фанатичных солдат и граждан, имеющих «убеждения». По сути дела речь идет о стремлении мобилизовать все население, переделывая в соответствии с требованиями четкой модели правила и формы его участия в жизни общества. В этом состояла попытка создать нового человека — фашиста. Отсюда — необходимость активной социальной адаптации взрослых и особенно социализации молодежи в соответствии с новой моделью».[4]

Даже если считать такую постановку вопроса весьма дискуссионной (вспомним якобинцев, Кромвеля, эпоху крестовых походов), нельзя не признать, что в новых условиях каждый итальянец оказался перед необходимостью выбора. Уже в 1923 г. Муссолини, еще не укрепившись

должным образом у власти, открыто заявил о своих целях: «Когда не хватает согласия, есть сила. Во всех начинаниях, даже самых тяжелых, которые собирается осуществить правительство, мы поставим граждан перед этой дилеммой: или принять их, руководствуясь высоким духом патриотизма, или подчиниться им».[5] Именно в этом, в попытке формирования консенсуса вокруг режима и его лидера, заключается, на наш взгляд, подлинная новизна тоталитарной модели по сравнению с диктатурами прошлого. Впитывая их организационно-правовые формы и структуры, фашистское тоталитарное государство ставило и пыталось решить качественно новую задачу — контроля над мотивацией и управления поведением граждан.

Она не могла быть решена в одночасье, поскольку тоталитарный режим утверждался в обществе, в котором уже давно сложилась неоднородная (гетерогенная) социальная структура и множественность идеологизированных субкультур. Если принять за основу предложенное К. Г. Холодковским определение субкультур как идеологизированных, то есть сложившихся под влиянием определенной идеологии образований, существующих в рамках национальной политической культуры, представляющих собой «совокупность устойчивых представлений, ценностей, норм, характерных для части населения (отсюда и приставка «суб») и закрепляемых специфическими механизмами социально-политической организации»,[6] то представляется весьма вероятным существование в Италии к моменту прихода фашизма к власти трех основных субкультур: католической, социалистической и либеральной. Каждая из них была основана на конкретной, имеющей более или менее глубокую историческую традицию идеологии и располагала мощным организационно-политическим инструментарием воздействия на массы (партии, профсоюзы, средства массовой информации, представительство в парламенте и т. д.).

В этих условиях формирование новой гомогенной политической власти вступало в противоречие с естественной гетерогенностью социальной структуры и идеологизированными субкультурами, то есть с той общественной средой, которую фашизм должен был контролировать. Режим Муссолини пытался преодолеть это противоречие путем силового отождествления монопольной политической власти с гражданским обществом, что делало необходимым проведение агрессивной социальной и политической линии, или так называемой «мобилизации сверху».

Под социальной «мобилизацией сверху» следует понимать воздействие тоталитарной власти на социально-экономические, а также культурные, духовные и иные процессы, происходящие в общественном организме, последствия которых, как правило, не выливаются напрямую в политической сфере, но отражаются в системе социально-экономических и духовных связей, образующих (наряду с политическими) основу гражданского общества.[7] Политическая «мобилизация сверху» предполагает навязывание обществу нормативных ценностей правящего блока с целью активизации

именно политического участия масс, что, в свою очередь, требует применения дифференцированного инструментария, используемого властью для связи с гражданским обществом.

Режиму Муссолини удалось создать и использовать такой инструментарий, о чем речь пойдет ниже, однако это не позволило ему преодолеть противоречие между политической гомогенностью власти и социальной гетерогенностью капиталистического общества, находившегося в постоянном развитии. В период «черного 20-летия» в Италии продолжался рост производительных сил, расширение капиталистических отношений производства на новые секторы экономики, вовлечение в сферу производства людских и материальных ресурсов, развитие новых форм производства и многое другое. Основными факторами, оказывавшими прямое и опосредованное воздействие на эти процессы, были потребности капиталистической модернизации и интересы правящей политической элиты. Фашистский режим решал объективно назревшие проблемы модернизации, и в конце 30-х годов Италия превратилась в индустриально-аграрную страну.

Однако политические интересы фашистской олигархии не всегда и не во всем совпадали с потребностями капиталистического развития, которое, в свою очередь, оказывало прямое и опосредованное влияние на характер отношений политической власти с гражданским обществом. Нередко оно вступало в противоречие с интересами господствующей системы, стремившейся, прежде всего, к сохранению прочной общественной стабильности. В таких случаях тоталитарное государство пыталось действовать вопреки объективной логике модернизации, стремясь избежать потенциально опасных для себя социальных последствий (например, образования новых крупных очагов рабочей силы). В этой связи некоторые авторы-марксисты, например Дж. Сапелли, приходят к выводу о том, что монополия власти в период фашизма обнаружила свою несостоятельность в попытке поставить под контроль динамику гражданского общества и, таким образом, проявила себя как «механизм политического господства, постоянно ищущий свою стабилизацию в стагнации, в параличе социальных изменений, вплоть до стремления... к "регрессу" отношений производства».[8]

С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти как с общей социологической установкой. Итальянская же действительность 20–30-х годов оказалась сложнее. Устойчивость режима Муссолини во многом зависела от его способности видеть, понимать, учитывать в своей политике изменения, происходившие в социально-экономической сфере, а также управлять ими, причем таким образом, чтобы их последствия не оказали негативное влияние на прочность и монополию политической власти. Многие попытки фашистского режима влиять на социальные процессы терпели крах, нередко действительно оказывали тормозящее воздействие, однако в целом тоталитарное государство проявило незаурядную изобретательность и гибкость, используя два основных рычага: насилие и консенсус.

Эти методы поддержания политического господства присущи всем, или почти всем, формам общественного управления, включая самые демократические. Поэтому фокус проблемы заключается в их соотношении. Выше мы уже высказали свое мнение по поводу бинома «насилие—консенсус» в интерпретации А. Акварone. Уместно лишь добавить, что применительно к тоталитарным режимам консенсус имеет все-таки подчиненное в сопоставлении с насилием значение. Оно определяется, во-первых, тем, что без силового подавления несогласия в любых формах невозможно формирование массовой базы консенсуса, и в этом смысле насилие есть его обязательная составляющая; во-вторых, тем, что аппарат принуждения и наказания помимо своей основной функции имеет еще и превентивную, оберегающую консенсус от потенциальной угрозы, а режим — от оппозиции; наконец, тем, что постоянное присутствие фактора силы в общественном организме непосредственно влияет на характер согласия граждан с политической системой (добровольное, вынужденное, показное, конформистское и т. д.). Тесная взаимосвязь этих двух элементов управления столь очевидна, что приводит некоторых исследователей к чересчур резкому выводу об уничтожении фашистским режимом «сколько-нибудь заметного различия между насилием и консенсусом».[9]

Правильнее, видимо, говорить о том, что организация консенсуса и подавление инакомыслия есть две обязательные составляющие одного процесса: социально-политического контроля над обществом. Тоталитарный режим использует обе составляющие одновременно, но отдает предпочтение той или иной в зависимости от конкретной исторической ситуации. Однако в любом случае, особенно на начальной стадии, в период становления режима решающее значение имеет насилие.

Целью его применения является подавление оппозиции и инакомыслия, а также подготовка условий для организации консенсуса. Под этим следует понимать комплекс мер, осуществляемых монопольной властью, для формирования и распространения в массах благоприятных по отношению к политической системе стереотипов мышления и поведения. Эти меры делятся на две категории. Первые воздействуют непосредственно на индивида, формируют его политическое сознание, образы, характер мышления и в конечном счете поведения. Вторые влияют на материальную и духовную среду его обитания, создают особые экономические и бытовые условия, ассоциируемые с деятельностью режима, идейные и культурные модели, продуцирующие формирование лишь таких потребностей, которые соответствуют возможностям системы и исключают появление альтернативы.

Для реализации этих мер требуется создание новых и преобразование или уничтожение старых организационно-политических структур и механизмов взаимодействия власти с гражданским обществом. Иными словами, организация консенсуса осуществляется с помощью «инструментария консенсуса». В самом общем виде к числу таких «инструментов» относятся:

— репрессивный аппарат, комплекс законодательно закрепленных ограничений и мер принудительного характера;

— единственно допускаемая, унитарная идеология и мифотворчество в качестве основы агрессивной пропаганды и жесткой цензуры, а также механизм их внедрения;

— массовые, идеологизированные, социально ориентированные объединения, в том числе: партия, профсоюзы, корпорации, ассоциации по интересам и для проведения досуга, культурные, развлекательные, женские, спортивные и прочие;

— система воспитания нового поколения, включая все этапы образования и молодежные организации;

— государственное вмешательство в сферу рыночных отношений и элементы ее регулирования, имеющие социально значимые последствия;

— активная, адресная политика социальной поддержки и обеспечения;

— правовая система предотвращения и урегулирования социальных конфликтов;

— механизм управления и контроля над процессом производства (применительно к рабочему классу).

Названные выше рычаги являются основными, но не исчерпывающими перечень «инструментов» консенсуса. Они использовались как для воздействия на индивидов, так и для создания соответствующей среды обитания. Порядок их перечисления не означает возрастания или убывания по степени значимости. Кроме того, существует еще целый ряд факторов, которые определяются спецификой отдельных стран и поэтому не входят непосредственно в структуру консенсуса, но оказывают на него серьезное влияние. В фашистской Италии такими факторами были монархия и католическая церковь.

Сохранение монархии в условиях тоталитарного режима выражало формальный дуализм власти — феномен, сложившийся на основе равновесия сил, на которые опирался правящий блок. С точки зрения организации консенсуса, фокусом проблемы является не соотношение ветвей власти внутри этого блока, а необходимость для режима Муссолини использовать институт королевской власти для упрочения собственных позиций. Альтернативы не существовало, ибо монархическая традиция в Италии была очень сильной, Савойский дом олицетворял единство нации, а формирующийся режим не мог позволить потенциальному союзнику превратиться в опасного противника. И хотя король был унижен Муссолини, монархия сохраняла формальную власть, реальный потенциал которой оказался гораздо больше, чем казалось в годы расцвета диктатуры. В этой связи дуализм власти следует оценивать не как дисфункцию государственного механизма тоталитарного типа, а как попытку придать институциональную форму политическому компромиссу, на который фашизм был вынужден пойти в своих взаимоотношениях с монархией.

Схожая ситуация сложилась и во взаимоотношениях режима с церковью. Католическая традиция имела в Италии более глубокие корни, нежели монархическая, поэтому возможность добиться согласия огромной массы верующих прямо и в решающей степени зависела от взаимопонимания новой власти и Ватикана. Их сближение в период становления диктатуры увенчалось подписанием Латеранских соглашений, урегулировавших давнее противостояние светской и религиозной власти и заложивших правовую основу их примирения. Согласие с церковью было характерной чертой режима Муссолини, привлекавшей к нему симпатии других режимов тоталитарного типа (Австрия, Венгрия) и способствовавшей успеху в соперничестве с Германией за влияние на третьи страны.

Внутри страны консенсус служил формированию благопристойного имиджа власти, крайне необходимого для поддержания и улучшения отношений с различными группами итальянского истэблишмента. С этой точки зрения весьма эффективным средством проникновения в духовную культуру масс служила религиозная и литургическая «мимикрия» фашизма: от «катехизиса балиллы»[10] до организации пышных католических обрядов, от благословения священниками регулярных войск до освящения ими фашистских сборищ. Условия консенсуса позволяли режиму использовать религию в качестве одного из элементов контроля за индивидуальной и общественной жизнью, одухотворяющего насаждаемые сверху поведенческие модели.

Параллельное функционирование двух мощных идеологических аппаратов, а также совместимость (зачастую схожесть) пропагандируемых ими тезисов обусловили появление так называемого «клерофашизма» — своеобразной смеси мировоззренческих представлений религиозного и псевдопатриотического типа, которую некоторые исследователи считают «самой распространенной и влиятельной идеологией в воспитании итальянцев в 30-е годы».[11] Однако гарантированная Латеранскими соглашениями относительная автономность церкви, служившая одной из опор консенсуса и выражавшаяся в сохранении сети светских организаций католиков, таила в себе потенциал умеренной альтернативы, который выплескивался наружу в ходе отдельных столкновений и проявился в полной мере в период кризиса режима Муссолини. В конце 30-х годов ряд мероприятий фашистского правительства привел к резкому охлаждению отношений с Ватиканом и, как следствие, к подрыву консенсуса с католическими массами.

* *
*

Консенсус — это понятие, которым большинство исследователей пользуется (независимо от вкладываемого в него содержания) применительно к

уже сложившемуся тоталитарному режиму. В принципе такой подход представляется верным, однако у него имеется своя предыстория.

В период борьбы за власть Муссолини и окружавшие его лидеры фашистского движения всерьез не задумывались над тем, как будет организовано общество после победы. Убежденный прагматик, Муссолини концентрировал свою волю и действия на достижении ближайших, реально обозначенных целей. Но уже в те годы в его писаниях и в программных документах фашизма прослеживается идея о необходимости «национализации масс». Обычно эта мысль сопровождала разглагольствования о слабости либерального государства, не сумевшего обеспечить включение масс в орбиту своего влияния и, следовательно, «повинного в общественном хаосе и большевистской революции».[12] В этом постулате содержалось концентрированное выражение двух мифов прошлого, раздутых и препарированных фашистами: о неком «агностицизме» либеральной эпохи, создавшем «пустоту» между государством и массами, и о заполнении этой «пустоты» антинациональными силами социализма, якобы пытавшимися в ущерб национальным интересам «создать автономное государство в государстве».[13]

В противовес этому выставлялся лозунг «фашистской революции», якобы призванной и способной «включить массы в национальное Государство».[14] Однако содержание этого призыва истолковывалось по-разному: если дуче и его ближайшее окружение выражали таким образом претензию фашизма на роль общенациональной силы, «души и сознания нового национального Государства»,[15] то сквадристы[16] на местах пользовались им для оправдания своих действий, то есть насилия по отношению ко всем тем, кто в это новое государство не вписывался и не желал ему принадлежать.

Фашизм открыто претендовал на управление страной от имени некой «молодой Италии», якобы идущей на смену старой и одряхлевшей. В этом содержалась лишенная оснований претензия на глубокую историческую преемственность, ибо превознесение «молодого духа» восходит своими корнями ко временам Мадзини, который усматривал в новом поколении силу, способную нанести удар старому порядку на всем Апеннинском полуострове. Впоследствии восхваление молодости было вновь поднято на щит Д'Аннунцио, а затем подхвачено футуристами. И вот теперь фашизм заявил о своих «правах преемника молодого духа нации», призванного «спасти Италию.., перевоспитать.., приучить ее к движению и дисциплине труда, порядка.., заразить итальянцев любовью своей и преданностью отечеству».[17]

Под этим штандартом можно было объединить весьма разношерстную публику: от бывших фронтовиков и спортивных болельщиков до философствующих интеллигентов и действительно болеющих за судьбу страны

граждан. В нашу задачу не входит анализ программных установок, демагогических лозунгов и действий фашизма, обеспечивших ему массовую базу на этапе борьбы за власть. Важно лишь отметить, что гибкий курс на завоевание адептов во всех социальных категориях и группах уже в те годы нес в себе зародыш новой общенациональной идеологизированной субкультуры, амбициозно претендовавшей на преодоление экономических и классовых интересов, региональных различий, этногеографических противоречий и вековой социальной разобщенности. Обращенный ко всем итальянцам призыв «омолодить нацию» и «включиться в Государство» находил благодатную почву в душах многих тысяч истерзанных войной и революционными потрясениями граждан. Тем самым закладывались идейные и духовные основы консенсуса по отношению к свежей политической силе, нацеленной на разрушение традиционных классовых объединений и создание новых форм массовой организации граждан, готовых бороться за «величие нации». Переход от социальной турбулентности периода революционного подъема к постепенной стабилизации капиталистического общества создавал благоприятные предпосылки для распространения «культуры консенсуса», что, в свою очередь, оказывало обратное стабилизирующее воздействие на социально-экономические процессы.

Таким образом, в первые годы существования правительства Муссолини проблема укрепления капиталистической экономики увязывалась с задачей «дисциплинировать» массы. В достижении обеих целей были заинтересованы как нувориши от политики, составившие костяк фашистской власти в центре и на местах, так и представители старой финансово-промышленной, бюрократической, военной и прочей элиты. Представители большого бизнеса открыто требовали внедрить «сугубо фашистский принцип иерархии и дисциплины во все экономические и социальные отношения».[18] Новая политическая и старая экономическая элита объединялись в понимании того, что дисциплина труда (в широком смысле слова, то есть как комплекс отношений между работодателями и наемной рабочей силой), сильно расшатанная в период революционного подъема, не соответствовала вызовам конкурентной экономики и амбициям правительства. Отсюда лишь один шаг до утверждения необходимости «сильной власти», способной мобилизовать «производительные силы нации и раз и навсегда покончить с разрушающим либеральным индивидуализмом и большевистской анархией».[19]

На этой основе приобретал реальные контуры новый, господствовавший, олигархический блок финансово-промышленной верхушки и нарождавшегося слоя фашистского чиновничества. Поэтому есть основания утверждать, что в концептуальном плане организация консенсуса в период формирования в Италии тоталитарного режима составляла одну из основных черт процесса самоорганизации господствующих классов. Забегая немного

вперед, отметим, что существенные результаты, достигнутые в рамках этого процесса, реальные меры по внедрению механизма консенсуса параллельно с формированием тоталитарных институтов власти позволили фашистской Италии избежать наиболее драматических социальных последствий мирового экономического кризиса.

Однако не во всем можно согласиться с теми авторами,[20] которые утверждают, что формирование консенсуса было вызвано объективной необходимостью, созревшей после Первой мировой войны и революционного подъема, и являлось обязательным условием капиталистической модернизации. Во-первых, модернизация, будучи объективной закономерностью капиталистической системы отношений, осуществлялась повсеместно и независимо от уровня общественного согласия с господствующей политической системой; во-вторых, определенный консенсус существует в обществе всегда, за исключением периодов революционной ломки; в-третьих, формирование консенсуса в фашистской Италии было в большей степени потребностью тоталитарного режима, нежели экономической необходимостью.

Иное дело, что содержание консенсуса в 20-е годы отчасти имело экономическую окраску. Это означало необходимость отказа трудящихся от сопротивления новой власти и упорный труд. «Я предпочитаю тех, — не раз заявлял в те годы Муссолини, — кто трудится упорно, глухо, слепо, в полном повиновении и, по возможности, в молчании». «У нас есть потенциальные возможности, — пояснял дуче свою мысль, — но страны, которые уже сидят за банкетным столом, нас не любят. В этих условиях любое расточительство в труде, любое распыление ресурсов, любая потеря времени просто преступны. Нам необходим порядок в делах и дисциплина духа. Лозунг дня таков: работать!»[21] Уделом промышленных рабочих становилось терпение, несмотря на падение жизненного уровня и ускорение ритма рабочих операций; задачей крестьян — борьба за урожай в условиях снижения закупочных цен и бегства селян в города; мелкой буржуазии и государственных служащих — скрупулезное выполнение своих обязанностей и манифестация политической поддержки фашизму. Рассчитывать на такую поддержку со стороны рабочего класса пока не приходилось, и фашисты это прекрасно понимали. Выступая в парламенте в мае 1927 г., дуче откровенно заявил: «Не нужно строить иллюзий по поводу того, что касается так называемого городского пролетариата: по большей части он все еще далек (от фашистов. — *Л. Б.*) и если не враждебен, как уже бывало, то безразличен».[22]

У дуче были основания для беспокойства, поскольку пятый год его правления, несмотря на начавшуюся стабилизацию, был отмечен ростом количества экономических забастовок и некоторым увеличением безработицы. Фашистскую иерархию и лично Муссолини заботило уже не

столько подавление оппозиции, которая к тому времени была уже фактически разгромлена, сколько необходимость вовлечения широких масс в решение стоявших перед Италией задач экономической модернизации и преодоления на этой основе их недоверия и враждебности. По мнению Дж. Беллуццо (бывшего инженера Ансальдо, ставшего в 20-е годы одним из ближайших экономических советников Муссолини), ускорения темпов экономического роста можно было добиться лишь при условии «общей экономической мобилизации граждан как средств и субъектов производства», что подразумевало «тотальную вербовку всех итальянцев».[23] И хотя эта вербовка («мобилизация сверху»), названная фашистским официозом «самой грандиозной битвой, которую Нация когда-либо решалась предпринять»,[24] в тот момент диктовалась преимущественно экономическими причинами (отсюда — экономическая окраска консенсуса на раннем этапе), осуществить ее можно было лишь организационно-политическими методами.

Однако в Италии, не относившейся к числу высокоразвитых индустриальных стран, еще не существовало разветвленной государственной инфраструктуры, которую можно было бы поставить на службу «мобилизационным» целям режима. Уровень жизни населения оставался низким, степень его неграмотности — высокой, сеть массовой информации — слаборазвитой. Фашистский режим должен был укрепить и расширить материальную основу для организации консенсуса, но поскольку эта задача не могла быть решена в одночасье, первоочередное значение приобретали мероприятия организационного характера — формирование «инструментария согласия» и его институциональной базы. Но прежде чем перейти к их анализу, отметим еще один фактор, определявший структуру и характер консенсуса в целом.

Выше уже отмечалось, что методическим принципом изучения этого феномена является анализ по отдельным социальным группам и слоям. Такой подход в значительной мере обусловлен политикой фашизма, нацеленной на углубление естественных различий в положении и общественном статусе отдельных социальных категорий в сочетании с попытками их унификации на идеологической (шовинистической, националистической и т. д.) основе. Результаты этой политики, то есть глубина и характер консенсуса в каждой группе, были различны. Однако они составляли общую картину и оказывали влияние друг на друга.

В этой связи уместно отметить, что основными носителями консенсуса в 30-е годы были мелкие и средние государственные служащие, вышедшие, как правило, из мелкобуржуазной среды. Этот факт общепризнан, и никем не оспаривается. Есть основания говорить даже о том, что государственные чиновники составляли массовую базу консенсуса, поскольку их количество за годы диктатуры увеличилось втрое, достигнув почти миллиона человек, что для 40-миллионной Италии было немало.[25] Наибольший рост пришелся

на период становления диктатуры, когда издавались специальные законы, предусматривавшие увеличение штатов министерств, иерархическое перераспределение внутриведомственных обязанностей, укрепление дисциплины, определение нового порядка продвижения по служебной лестнице и особые (льготные) условия для высшей номенклатуры. В обмен на жесткую регламентацию своей деятельности и казарменную дисциплину чиновники получали гарантированное место работы, приличное жалованье, высокий социальный и четкий юридический статус. Многие из них, заняв руководящие кресла низкого и среднего уровня, были наделены командными функциями в аппарате правительства, министерств и ведомств, местном управлении, фашистской партии, милиции, корпорациях, профсоюзах и даже школах, что не только создавало иллюзию причастности к системе управления (школа, профсоюзы, корпорации), но действительно наделяло этих людей «кусочком власти». Увеличение их численности являлось, с одной стороны, ответом на естественные потребности общества в условиях экономического и демографического роста, с другой, причем в решающей степени, результатом расширения сверху форм и методов социального контроля. Эта функция позволила новому бюрократическому слою эффективно овладеть инструментами манипулирования массовым сознанием и внедриться помимо рыночных механизмов регулирования в мобилизацию и управление экономическими ресурсами, в том числе промышленным рабочим классом.

2. РЕПРЕССИВНЫЙ АППАРАТ

Согласно общепринятой периодизации фашистского режима в Италии тоталитарное государство начинает свою историю с конца 1920-х годов. К этому времени общество обрело новую форму существования, так как завершился период складывания основных черт и элементов тоталитаризма. Однако один из ключевых его институтов — мощный, разветвленный репрессивный аппарат — сформировался еще в предшествовавшие годы, претерпев в дальнейшем ряд существенных изменений.

Репрессивный аппарат не является особенностью тоталитарной модели, поскольку существует в любом диктаторском обществе, подавляющем индивидуальные права и свободы граждан. Уже упоминавшийся А. Акварone, безусловно, прав, подчеркивая двойственную функцию насилия, реализуемого через репрессивный аппарат: подавление сопротивления оппозиции и запугивание общества самим фактом своего существования. И хотя эта функция существовала и прежде, только в тоталитарных государствах репрессии в широком смысле слова обрели полномасштабный, перманентный, всеохватывающий характер. Были ущемлены или ликвидированы многие права личности, разрушен или существенно изменен сложившийся в обществе правопорядок. Сила возобладала над разумом и правом.

Сформировался мощный аппарат подавления, который обрел еще одну, новую функцию — идеологическую. Конечно, и в Средние века можно было за вероотступничество угодить в темницу и даже на костер. Но лишь в XX веке в тоталитарных государствах репрессивный аппарат превратился, помимо своего основного назначения, еще и в орудие насильственного насаждения в обществе агрессивной светской идеологии. Эта функция реализовывалась в создании условий, исключавших возможность появления и распространения любой системы взглядов, альтернативных господствовавшим, что, в свою очередь, являлось одним из основных требований в организации консенсуса.

Решающим этапом в формировании репрессивного аппарата в фашистской Италии стал ноябрь 1926 г., когда после четвертого покушения на дуче были изданы так называемые «чрезвычайные законы». К этому времени уже сложились необходимые предпосылки для окончательного перехода от буржуазно-либерального устройства общества к диктатуре. С трудом преодолев глубокий социально-политический кризис («кризис Маттеотти»), правительство Муссолини в начале 1925 г. объявило о «второй волне фашизма». По стране вновь прокатились погромы сквадристов, во главе фашистской партии был поставлен фанатик Р. Фариначчи[26], а само правительство стало чисто фашистским по своему составу. В течение 1925 г. был принят ряд законов, означавших существенные изменения в конституционном порядке итальянского государства, в том числе: закон против тайных обществ (прежде всего масонов); о правомочиях и прерогативах главы правительства (который теперь назначался королем и лишь ему был подотчетен); о праве исполнительной власти издавать законы и вводить их в силу (в форме декрета короля) без согласования и утверждения парламентом, что фактически означало объединение в одних руках исполнительной и законодательной власти; о чистке государственного аппарата от «ненационально мыслящих элементов», то есть увольнении чиновников любого ранга, деятельность или взгляды которых считались несовместимыми с политическими директивами правительства; о праве префектов запрещать выпуск «опасных для общественного спокойствия газет»;[27] о лишении итальянского гражданства политических эмигрантов; о введении института «подеста» (старшин), назначаемых королем вместо выборных муниципалитетов на местах, и ряд других. Эти законы формально не выходили за рамки действовавшей конституции, но качественно меняли институционно-правовую и легалитарную ситуацию в стране. Общее направление изменений было очевидно: дальнейшая концентрация реальной государственной власти в руках фашистского кабинета и существенное ограничение демократических свобод и прав личности.

Этот процесс получил свое логическое завершение в «чрезвычайных законах» 1926 г., смысл которых по существу сводился к внедрению нового

репрессивного механизма, позволяющего говорить о смене в Италии пострисорджиментального либерального государства фашистской диктатурой. Уже упоминавшееся покушение на дуче 31 октября 1926 г.[28] дало искомый повод для окончательного «завинчивания гаек». 5 ноября по докладу министра внутренних дел Л. Федерцони[29] Совет министров одобрил серию репрессивных мер, вводившихся сроком на пять лет и поэтому названных «чрезвычайными».[30] Они предусматривали не просто ограничение, но фактическое уничтожение ряда демократических прав и свобод граждан, и тем самым означали становление нового типа отношений государства с гражданским обществом. Их применение влекло за собой коренную ломку сложившихся социально-политических связей, основанных на плюрализме, и создание необходимых условий для формирования новой, однородной системы политической организации общества и ускоренного внедрения фашистской субкультуры.

Граждане были лишены права и возможности политического выбора, так как все партии, ассоциации и движения, действовавшие якобы вопреки национальным интересам, были распущены. Оппозиционная печать запрещалась, и ключевые рычаги воздействия на массовое сознание оказались полностью монополизированы фашистами. Три специальных закона, направленные против свободы передвижения, означали фактический запрет на эмиграцию: все загранпаспорта подлежали ревизии; попытки незаконного перехода границы, то есть вне специально установленных мест, должны были пресекаться всеми мерами, вплоть до применения огнестрельного оружия; для усиления контроля на заставах располагались специальные заградительные отряды. Королевским декретом № 1903 от 6 ноября 1926 г. при префектах была учреждена служба политического сыска и расследования. Ее возглавляли офицеры фашистской милиции, входившие в специальные группы, созданные при штабах каждого легиона Добровольной милиции национальной безопасности (ДМНБ). И хотя ее полномочия не были детально оговорены в законе, а в дальнейшем перешли к тайной полиции, сам факт легализации политической слежки весьма показателен. Теперь, по словам Б. Р. Лопухова, «государство взяло на себя решение таких вопросов, которые до сих пор считались неотъемлемым правом личности... Вторгаясь в одну за другой области гражданских прав, элементарных человеческих отношений и личных убеждений, до сих пор свободных от прямого государственного вмешательства, фашистское государство все более превращалось во всеобъемлющий организм».[31] Эта тенденция отчетливо проявилась и в усилении собственно репрессивных черт в политике режима.

На том же заседании кабинета министров по предложению А. Рокко был одобрен проект закона о «мероприятиях по охране Государства». В нем предусматривалось введение смертной казни за попытку покушения на

жизнь короля, королевы, регента, наследного принца и главы правительства,[32] а также менее строгое наказание за подстрекательство к этому действию или оправдание оного. Тюремному заключению на срок от трех до десяти лет подвергались лица, которые попытались бы воссоздать в любой форме и под любым названием распущенные официальной властью партии и ассоциации, от двух до пяти лет полагалось за принадлежность к этим организациям или пропаганду их лозунгов. Антифашистская деятельность за рубежом каралась еще строже: распространение «лживых, преувеличенных или тенденциозных сведений о внутреннем положении в Государстве с целью подрыва престижа и доверия к Государству за рубежом, или осуществление деятельности, наносящей ущерб национальным интересам», влекло за собой тюремное заключение на срок от пяти до пятнадцати лет.[33]

Все эти «преступления» были отнесены к компетенции Особого трибунала по защите Государства, состоявшего из президента, выбранного среди генералов армии, флота, авиации и фашистской милиции, пяти судей, выбранных среди старших офицеров ДМНБ, и одного докладчика без права голоса, выбранного среди персонала военной прокуратуры.[34] Поразительный факт: в мирное время создавался судебный орган, состоявший из военнослужащих, наделенных огромными полномочиями в отношении гражданских лиц! Тем самым фашистское государство как бы подчеркивало объявление открытой войны всем проявлениям антифашизма. Наряду с этим открывалась перспектива для полного судебного произвола, ибо толкование национальных интересов или определение характера сведений, распространяемых о режиме Муссолини, отдавалось на усмотрение членов трибунала.

25 ноября 1926 г. этот закон (№ 2008) вступил в силу после скоротечного одобрения в парламенте и сенате. 12 декабря королевским декретом № 2062 были утверждены конкретные инструкции по его применению, а 4 января 1927 г. были назначены члены Особого трибунала — одного из самых одиозных и эффективных инструментов подавления в руках фашистов. Необходимость его создания диктовалась очевидным фактом: формировавшийся режим не мог опереться на обычные органы правосудия для реализации антидемократических, антиконституционных по сути, но не по форме правовых норм, зафиксированных в «чрезвычайных законах». Нарождавшийся тоталитаризм нуждался в таком юридическом инструменте, который сочетал бы ускоренную судебную процедуру (по типу военных трибуналов) с личной преданностью его членов новому режиму и их готовностью безоговорочно следовать политическим установкам. Таким образом, Особый трибунал становился неотъемлемой составной частью новой политической «инфраструктуры», внедрявшейся в общество на основе принципа силового (или «революционного», ибо, по логике фашистских теоретиков, режим Муссолини был плодом осуществившейся «фашистской

революции») права. Поскольку, однако, существование Особого трибунала и других репрессивных органов формально не противоречило конституции, в Италии во второй половине 20-х годов сложился своеобразный симбиоз политико-правовых принципов организации государства, в котором «революционные» новшества, основанные на насилии, уживались с традиционными нормами закона. По словам Муссолини, ему удалось «привить революцию к стволу старой легальности».[15]

С первых же дней существования Особый трибунал в полной мере проявил свою «революционную» сущность, нарушив порядок рассмотрения дел, принятый не только в гражданских судах, но даже в трибуналах военного времени. Подсудимые оказались почти беззащитными перед фашистским «правосудием». Процедура расследования исключала возможность их ознакомления с доказательствами вины, а адвокат назначался только после завершения следственных действий. Защитник мог быть и гражданским лицом, но президент трибунала имел право отстранить его от ведения дела, «если считал это необходимым в общественных интересах».[16] По этой причине настоящие профессионалы старались избегать назначения защитниками в Особом трибунале. Их профессиональное достоинство оказывалось ущемленным судебно-правовой профанацией и невозможностью честно выполнить свою работу. Однако Особый трибунал не испытывал недостатка в гражданских адвокатах, многие из которых, как это стало известно после освобождения, были платными агентами полиции, в задачу которых входил сбор информации о сообщниках антифашистов и побуждение подследственных к сотрудничеству с режимом.[17]

Слушание дел проводилось в усеченном временном режиме, хотя подследственные имели возможность произносить речи в свою защиту, даже если они состояли сплошь из обвинений режиму. Так происходило в ходе процессов над группами антифашистов, самыми крупными из которых были судилища над руководящим ядром компартии (Грамши, Скоччимарро, Роведа, Террачини и др.) в 1928 г.[18] и лидерами миланской организации «Справедливость и Свобода» (Росси, Бауэр и др.) в 1931 г. Поскольку Особый трибунал выполнял функцию не только карающего, но и профилактического органа, его приговоры время от времени, особенно в конце 20-х годов, публиковались в прессе. Группы антифашистов осуждались за «возбуждение классовой ненависти», «подрывную пропаганду», «попытки воссоздания партии». Отдельным обвиняемым инкриминировалось «оскорбление дуче», «глумление над Государством», «оскорбление фашистской милиции» и прочее.

В первый год своей деятельности Особый трибунал вынес приговоры 219 обвиняемым, в следующем году — 636, в 1929 г. — 159, в 1930 г. — 199, в 1931 г. — 519 (увеличение в связи с социальными последствиями мирового экономического кризиса) и в дальнейшем 100–200 подсудимым ежегодно

вплоть до вступления Италии во Вторую мировую войну, после чего эти цифры заметно увеличились. За весь период существования Особого трибунала с 1927 г. по 1943 г. им было осуждено к различным срокам тюремного заключения 4587 человек. В мирное время к высшей мере наказания были приговорены 9 человек, из них пятеро — славянские ирредентисты за акты терроризма.[39]

Можно по-разному относиться к этим цифрам. С одной стороны, не нужно обладать богатым воображением, чтобы сопоставить их с миллионами жертв, загубленных другими тоталитарными режимами, прежде всего сталинским и гитлеровским. Конечно, в фашистской Италии не было кровавого геноцида собственного народа, но были десятки тысяч погибших в борьбе против фашизма, сотни тысяч, отдавших свои жизни в развязанных режимом войнах, миллионы, так или иначе пострадавших от него. Поэтому степень виновности тоталитарного режима несоизмерима с количеством осужденных Особым трибуналом. Диктатура Муссолини была столь же безнравственной, как и диктатуры Сталина или Гитлера, а презрение к личности и человеческой жизни вообще — их общий знаменатель.

Особый трибунал — изобретение именно тоталитарного режима. Но одновременно с ним действовали другие репрессивные органы, которые фашизм «унаследовал» от либерального государства и модернизировал на свой лад. Речь идет о провинциальных комиссиях по административному надзору и высылке. Эти органы имели свою небольшую предысторию.

Правовая база объединенного королевства была далека от совершенства и оставляла массу лазеек для нарушения прав и свобод граждан. Она допускала существование некоторых традиционных юридических нормативов, применявшихся для ограничения индивидуальных свобод вне сферы действия суда. Так, законом об общественной безопасности (1865 г.) вводилось понятие административного надзора за тунеядцами и подозреваемыми в совершении преступлений против личности и собственности. В действительности этот нужный обществу закон нередко становился политическим инструментом и применялся против членов I Интернационала — анархистов и социалистов. Двумя годами раньше обрел силу направленный против «бандитизма» закон о ссылке на поселение (domicilio coatto), а в 1866 г. сфера его компетенции была расширена на лиц, подозревавшихся в действиях против национального единства. В 1893–1894 годах, борясь против движения сицилийских фашей,[40] законом о ссылке активно пользовался Ф. Криспи. Он сумел добиться разрешения применять этот закон к «нарушителям общественного порядка».

Таким образом, фашистское правительство имело возможность воспользоваться сложившейся юридической традицией, адаптировав имевшиеся правовые нормы к политическим требованиям режима. В соответствии с

ноябрьскими законами 1926 г. административный надзор и ссылка на поселение (получившая название «высылка под полицейский надзор» — il confino di polizia) были изъяты из компетенции мировых судей и переданы в ведение провинциальных комиссий, состоявших из префекта (глава комиссии), квестора (глава региональной полиции), королевского прокурора, командира карабинеров и старшего офицера фашистской милиции.[41] Дела на рассмотрение комиссии поступали из местной квестуры. Тем самым на всей территории Италии была создана сеть внесудебных органов, наделенных широкими полномочиями по ограничению индивидуальных свобод граждан. В отличие от Особого трибунала их деятельность была менее заметной и централизованной, но всеохватывающей и приближенной к местным условиям. По своему статусу в репрессивной системе их можно сравнить со сталинскими «тройками», хотя эти комиссии появились значительно раньше и обладали гораздо меньшим карательным потенциалом. Тем не менее они очень широко использовались режимом Муссолини, хотя статистические данные о количестве прошедших через эти жернова не предавались гласности, так как они никоим образом не укладывались в рисуемую официальной пропагандой картину всеобщего согласия.

Административный надзор и высылка на поселение были очень гибкими и эффективными инструментами репрессий, поскольку размытость их юридического статуса позволяла пользоваться ими в любых ситуациях. Условия надзора состояли в ряде ограничений и предписаний, невыполнение которых влекло за собой более суровое наказание. Поднадзорные лица должны были иметь постоянное место жительства и стабильную работу, им запрещалось покидать жилище до и возвращаться после установленного часа, участвовать в общественных мероприятиях, им следовало регулярно отмечаться в полицейском участке и т. д. Помимо бродяг и тунеядцев под надзор попадали «лица, которых общественное мнение считает социально опасными и несущими угрозу политическим установкам Государства».[42] Эта формулировка могла толковаться произвольным образом, наделяя провинциальную комиссию функциями арбитра и распахивая двери для всевозможных доносов, в том числе анонимных, имевших целью сведение личных счетов. Поднадзорными оказывались многие мигранты из деревень, перекочевывавшие в города в поисках лучшей доли; болтуны, имевшие неосторожность в публичном месте отозваться неуважительно о дуче и новых порядках; граждане всех социальных категорий, подозревавшиеся в наличии контактов, пусть даже спорадических, с оппозиционерами-антифашистами и многие другие.

Высылка на поселение была более жесткой мерой. Она могла продолжаться от одного года до пяти лет и состояла в переселении наказуемых «в колонию или коммуну королевства, отличную от постоянного места жительства». Сосланные не имели права покидать свое поселение и даже

удаляться за его пределы без специального разрешения; им запрещалось вести беседы о политике и вступать в бесконтрольную переписку; они должны были отмечаться в комиссариате общественной безопасности в строго установленные дни и часы. В то же время они имели возможность самостоятельно зарабатывать на питание, получать деньги и регулярно переписываться с родными и близкими. Многим удавалось даже устраивать своеобразные «политшколы», что являлось прямым нарушением регламента высылки.[43] Конечно, их жизнь вовсе не была «сладкой и гуманной», как говорил Муссолини, ибо они находились в строгой изоляции, но она еще более не походила на тот земной ад, который олицетворяли гитлеровские и сталинские концлагеря.

Высылке подвергались лица, нарушившие регламент административного надзора, а также те, «кто разворачивал или проявил намерение развернуть деятельность, направленную на насильственный подрыв политических, экономических и социальных устоев Государства, на создание препятствий действиям государственной власти или любую другую активность, наносящую ущерб национальным интересам».[44] Столь изощренная казуистика позволяла хватать и отправлять на поселение практически любого итальянца, поскольку каждому можно было при желании приписать НАМЕРЕНИЕ совершить то или иное действие. К этому следует добавить полную юридическую незащищенность тех, кому угрожала высылка: еще до вынесения решения комиссии они могли быть арестованы и содержаться под стражей даже в случае подачи апелляции в центральную комиссию в Риме.[45] На деле это означало превентивное заключение, что являлось прерогативой полиции. Ее роль, таким образом, усиливалась, а индивидуальная свобода приносилась в жертву неким «национальным» и «государственным» интересам, которые она якобы защищала.

Круг лиц, высылавшихся на поселение, был очень широким. В него попадали все те, кто уже состоял под административным надзором, а также антифашисты, деятельность которых не могла быть доказана документально и передана в Особый трибунал. Кроме того, Муссолини пользовался этим инструментом для наказания фашистов, не проявлявших должного пиетета, и для удаления с политической сцены впавших в немилость иерархов.[46]

«Дела» оппозиционеров готовились для передачи в Особый трибунал и провинциальные комиссии по надзору и высылке органами общественной безопасности, которые занимались «оперативной разработкой», то есть отслеживанием и вылавливанием антифашистов. Это была их основнзя, но не единственная функция. Служба общественной безопасности стала главным орудием нового режима по контролю над политической ситуацией и умонастроениями масс в стране. Ничего подобного прежде в Италии не существовало. Роль полиции и секретных служб, как правило, сводилась к

борьбе с общественными беспорядками и антиправительственными выступлениями,[47] а также к политической разведке на уровне правящих элит. Тоталитарный же режим создает такой орган, объектом деятельности которого становится все общество в целом, и эта деятельность имеет четкую идеологическую направленность. Поэтому неудивительно, что в недрах фашистской партии еще в первой половине 20-х годов зрела идея создания специальной секретной полиции, которая состояла бы из верных, убежденных сторонников движения и подчинялась бы местным и центральным партийным органам. Эту идею высказывали И. Бальбо, М. Бьянки, Дж. Вольпи и некоторые другие иерархи.[48]

Однако Муссолини придерживался иного мнения. Он никогда не рассматривал партию в качестве ключевого инструмента своего могущества, каковым она могла бы стать в случае реализации замысла И. Бальбо. Дуче был государственником в самом широком смысле слова и себя лично видел прежде всего главой сильного государства, главой правительства, а уж потом всего остального. Именно в этом качестве он должен был располагать основным рычагом контроля над обществом и соответствующим образом строить всю исполнительную вертикаль. Поэтому на местах власть префекта и даже квестора намного превосходила реальные возможности секретаря фашистской партии.[49] Даже созданная при каждом легионе ДМНБ служба политического сыска оказалась низведенной до уровня второразрядной: формально она подчинялась префектам, а функции ограничились сбором информации о положении дел и настроениях в низовых и региональных организациях партии.[50] И хотя в дальнейшем эта служба превратилась в серьезный канал сбора информации об общественных умонастроениях, ее формальный статус наносил удар по автономистским устремлениям местных расов, в которых Муссолини всегда и не без оснований чувствовал потенциальную опасность единовластию.

После отставки Федерцони в ноябре 1926 г. Муссолини забрал себе портфель министра внутренних дел. Полиция была поставлена в его прямое подчинение, и Муссолини не ленился ежедневно (нередко даже в выходные дни) заслушивать отчет ее главы. С тех пор это ведомство начало набирать силу, которой и должно было располагать в тоталитарном государстве. Оно было наглухо закрыто от всяких поползновений со стороны партийных иерархов, сохранило основные кадры профессионалов, получило почти неограниченные материальные возможности и доступ к любой информации в государстве.

Во главе этого механизма стоял человек неординарный, наделенный исключительными качествами, позволившими ему удерживаться на посту более 14 лет: А. Боккини был подлинным профессионалом и пользовался абсолютным доверием дуче. Его имя не вызывало у итальянцев суеверного

страха, так как он всегда стремился остаться в тени, не теряя при этом ни толики своего могущества и силы. Боккини был типичным государственным функционером джолиттианской эпохи, получившим прекрасное юридическое образование и прошедшим все ступени административной лестницы от клерка до префекта. Человек немалых интеллектуальных способностей (что, за редким исключением, нетипично для ближайшего окружения дуче), Боккини был лишен сентиментальных эмоций, но в избытке наделен цинизмом, позволявшим ему верой и правдой служить режиму, политические идеи которого он не вполне разделял.[51]

Дуче внимательно наблюдал за работой самого Боккини и возглавлявшегося им ведомства. Сформировавшийся не без его личного участия стиль работы секретной полиции в значительной мере отражал особенность тоталитарного режима в Италии, который по своим репрессивным параметрам не может быть поставлен в один ряд с гитлеровским или сталинским тоталитаризмом. Эта особенность состояла в эластичности и гибкости репрессивного аппарата, нацеленного против оппозиции. Его сила основывалась не столько на терроре, сколько на косвенных формах принуждения и моральном компромиссе, рождавшем конформизм. Не «веселая вдова», рубившая головы почти без разбора, а кожаная плеть, сила удара которой зависела от воли палача. В течение 20 лет Муссолини нередко совершал «акты милосердия», смягчая по собственной воле меру наказания и заменяя высылку на поселение административным надзором;[52] многие противники режима были приговорены к длительным срокам тюремного заключения и ссылки, но на многих иных оказывали давление сами следователи с целью принудить к подаче прошения о помиловании;[53] интеллектуалы из организации «Справедливость и свобода» представали перед Особым трибуналом, но ни один волос не упал с головы не скрывавшего своей неприязни к фашизму Б. Кроче. Наконец, никто из итальянских антифашистов не свидетельствует о массовых кровавых пытках и зверских издевательствах, которым их подвергали бы в местах заключения,[54] да и само количество тюрем в годы режима почти не увеличилось. «Терпимость» режима Муссолини к своим оппонентам (если в данном случае вообще уместен этот термин) была одним из факторов, способствовавших насаждению консенсуса и распространению в обществе фашистской субкультуры.

Назначение Боккини главой полицейского ведомства положило конец сомнениям и пересудам о путях формирования службы политического сыска. Будучи связанным лишь волей и указаниями дуче, Боккини сумел гарантировать полную автономность секретной службы от фашистской партии (ПНФ). По свидетельству К. Сенизе и Г. Лето, высокопоставленных сотрудников тайной полиции, их шефу удалось предотвратить сплошную фашизацию своего ведомства.[55] Более того, полицейские чины имели право

отдавать приказы на арест фашистских руководителей соответствующего ранга, и лишь в 1933 г. специальными циркулярами министра внутренних дел (№ 013302 от 15 мая и № 019299 от 25 июля) префектам и квесторам было предписано предварительно информировать о готовящемся аресте руководителей провинциальных организаций ПНФ, с тем чтобы они могли заблаговременно применить к подозреваемым дисциплинарные меры.[56]

Дуче дал «зеленый свет» внутренней реорганизации службы безопасности, и ее новый глава рьяно взялся за дело. Поначалу ему не пришлось коренным образом перестраивать работу ведомства, так как наметившиеся ранее пути повышения эффективности его работы соответствовали стратегическим замыслам Боккини. 8. 07. 1925 г. префектам был направлен секретный циркуляр министра внутренних дел (№ 15742), обязывавший их представлять ежеквартальные отчеты о подрывной деятельности и политических партиях,[57] а месяц спустя, 4 августа, еще один (№ 25754-R) — с указанием расширить информационную сеть с целью «предотвращения любого возможного криминального плана».[58] Боккини двинулся дальше по этому пути, упорядочив систему обработки информации о подрывных элементах.[59] Он обязал префектов представлять месячные отчеты о ситуации в провинциях (во второй половине 30-х годов отчеты станут еженедельными) и значительно увеличил финансирование на содержание платных агентов. Средства поступали и распределялись в обход официальных источников через секретный фонд, которым ведал лично глава полиции.[60] Специальным распоряжением Боккини были существенно расширены операции по прослушиванию телефонных переговоров.[61]

В начале 1927 г. Главное управление общественной безопасности претерпело внутреннюю перестройку, а в конце года Боккини сделал реальный шаг по созданию собственно тайной полиции: в Милане появилось первое подразделение Особой полицейской инспекции. Чтобы правильно оценить значение этого шага, нужно иметь в виду, что в Италии не было недостатка в разного рода полицейских ведомствах, деятельность которых носила закрытый характер и зачастую переплеталась, а именно: служба общественной безопасности, корпус карабинеров, военная разведка и контрразведка, пограничная милиция, милиция связи (почта, телеграф, телефон), служба политического сыска при ДМНБ, уголовная полиция и ряд других, менее значимых. По приблизительным подсчетам, общее количество занятых в этих подразделениях составляло в 1928 г. не менее ста тысяч человек. [62] Секретные ведомства конкурировали между собой и внимательно следили друг за другом. Это позволяло Муссолини играть роль высшего арбитра и поддерживать внутренний баланс между спецслужбами, что являлось фактором первостепенного значения для устойчивости самого режима. Но почти все эти службы пока еще не могли быть в полной мере использованы режимом для жесткого контроля и подавления

антифашизма, поскольку не были к этому приспособлены. Идея создания специальной тайной полиции, наделенной чрезвычайными полномочиями, витала в высших эшелонах власти, и Боккини чутко ее уловил и реализовал.

Созданное в Милане подразделение Особой полицейской инспекции включало в зону своей компетенции всю Северную Италию. Эмилия-Романья, Тоскана и Марке вошли во вторую зону, штаб которой находился в Болонье. В последующие годы вся Центральная и Южная Италия была поделена на аналогичные секторы, в которых Рим и Неаполь выделялись как отдельные территории.

Зоны ответственности подразделений Особой инспекции не совпадали с административно-территориальным делением королевства. Это было сделано специально с целью обеспечить операциям инспекции экстерриториальный характер, выведя ее, таким образом, из формальной зависимости от префектов и квесторов. Тем самым преодолевался громоздкий бюрократический порядок, при котором местные полицейские власти, прежде чем послать своего агента для выполнения задания в другую провинцию, должны были получить разрешение МВД.

Во главе каждой зоны стояли генеральные инспекторы общественной безопасности, подчиненные лично шефу полиции. Их штаб-квартиры были законспирированы, нередко они выступали под вымышленными именами, располагали собственными каналами связи с руководством и отдельными денежными фондами.[63] Подразделения инспекции имели право осуществлять все виды следственных действий, не ставя в известность местную полицию, а также изымать у квестур любые дела и забирать их на доследование. Поэтому отношения между ними, как правило, были весьма натянутыми, а в случаях осуществления параллельных розыскных мероприятий резко обострялись. Однако полиция не могла конкурировать со специальными агентами, отобранными из ее же рядов по принципу наивысшей квалификации. Кроме того, она явно уступала по техническому оснащению и материальным возможностям. Особая инспекция располагала новейшими средствами слежения, современным автотранспортом, конспиративными квартирами, службой шифровки, личным покровительством дуче и многими другими преимуществами. На рубеже 20–30-х годов она превратилась в организацию, контролировавшую и координировавшую всю работу по борьбе с «подрывными элементами». При осуществлении крупных операций, требовавших объединения усилий разных видов полиции, главы зон ОВРА[64] брали на себя руководство и ответственность за их проведение.

Создание ОВРА преследовало две главные цели: подавление антифашизма и контроль за умонастроениями масс в стране. Казалось бы, выполнение этих задач было не под силу 50–60 штатным функционерам и 200–250 кадровым агентам в 40-миллионной стране.[65] На самом деле ОВРА,

как структура элитная, выполняла лишь наиболее сложные задания и руководила деятельностью множества тайных осведомителей, завербованных в различных социальных слоях или внедренных в антифашистские организации.

Сеть платных филеров ОВРА была не единственной в стране. В конце 20-х годов Боккини реорганизовал и замкнул на себе всю систему сбора внутренней информации. Он создал три независимых друг от друга канала ее поступления. Во-первых, через префектов и квесторов провинций, имевших собственную агентурную сеть. В соответствии с представлениями дуче о роли исполнительной власти (в данном случае в лице префектов) Боккини настойчиво требовал от полицейских управлений и префектур расширения диапазона их деятельности, осознания своей ответственности за безопасность государства, глубокого проникновения в общественные структуры с целью сбора информации.[66] В январе 1934 г. он разослал квесторам очередное секретное предписание, требовавшее внедрения агентов «во все сферы (на фабрики, в профсоюзы, в секции «Дополаворо» и т. д.) с целью увеличения объема информации, которая может оказаться чрезвычайно полезной для эффективной работы полиции».[67] Во-вторых, Боккини располагал собственной сетью агентов, имевших номер и псевдоним, с которыми общался напрямую (лично или по почте) и о существовании которых мало кто догадывался даже среди фашистских иерархов. В-третьих, агентура ОВРА,[68] действовавшая в условиях особо жесткой конспирации: филеры знали в лицо лишь своих кураторов, которые собирали сведения и на их основе докладывали главам зон ОВРА. Затем составлялись рапорты в центральное управление, где они, в свою очередь, систематизировались, обобщались, обезличивались и в таком виде попадали на стол Боккини, а затем в личный секретариат дуче, в кабинет министров, в политический отдел руководства ПНФ, иногда в ряд других ведомств. Начальник полиции, таким образом, имел возможность дозировать и направлять по каналам власти эту информацию.[69] Степень ее достоверности оценивалась весьма высоко, поскольку Боккини жестко требовал от префектов и руководителей спецслужб абсолютной объективности, полноты сведений, а также собственных комментариев и предложений.[70]

Материалы полиции касались не только деятельности антифашистов, но самых разных аспектов политической, экономической, социальной и культурной жизни страны. Система осведомителей обеспечивала бесперебойное поступление сведений о личной жизни граждан, о коммерческой активности банков и предприятий, о несанкционированных режимом культурно-развлекательных мероприятиях и прочее и прочее. Именно эта система, результаты деятельности которой становились известны дуче в интерпретации Боккини, в начале 30-х годов превратилась в эффективный инструмент контроля над общественным настроением в условиях отсутствия свободы слова и печати. Она же оказывала психологически угнетающее

воздействие на общество в целом, создавая климат взаимного недоверия и подозрительности, сея вражду и поощряя доносительство, вынуждая людей строго придерживаться принципа самоцензуры в устной и письменной речи. Масса обывателей, с трудом преодолевавшая экономические неурядицы и оглушенная фашистской героической буффонадой, столь не вязавшейся с серостью рядовых будней, приспосабливалась к новым условиям, становясь более осторожной и замкнутой. Ощущение постоянной угрозы, исходившей от «всевидящего ока» полиции и ее осведомителей, изолировала людей друг от друга, превращала в массу, доступную для фашистской «мобилизации сверху».[71] Таким образом, связь между превентивной функцией репрессивного аппарата и организацией консенсуса оказывалась вполне очевидной.

* *
*

Наиболее опытные и пронырливые агенты секретной полиции были нацелены на выполнение главной функции — борьбу с антифашизмом вне и внутри страны. Как следует из документов МВД, само создание ОВРА диктовалось необходимостью подрыва и уничтожения коммунистического движения.[72] В дальнейшем Боккини неустанно повторял, что именно коммунисты представляли наибольшую опасность, поскольку они имели опыт нелегальной деятельности, создали хорошо законспирированную подпольную сеть, пользовались организационной и материальной поддержкой Коминтерна.[73] Поэтому для эффективной нейтрализации компартии, по мнению Боккини, следовало использовать методику работы военной контрразведки, при которой наблюдение и выявление всех звеньев цепочки превалирует над нанесением прямых ударов. Шеф полиции настойчиво требовал от квесторов вербовать информаторов среди коммунистов, аккуратно вести допросы с целью добиться сотрудничества арестованных, тщательно отслеживать переходящих границу эмиссаров загранцентра, максимально приспосабливаться к формам и методам деятельности КПИ.[74] ОВРА была прекрасно осведомлена об изменении тактики компартии после VII конгресса Коминтерна, о переносе центра тяжести на использование легальных возможностей борьбы. В этой связи Боккини разослал префектам и главам зон ОВРА подробнейшую инструкцию о способах противодействия новой тактике, в том числе расширении сети информаторов, усилении надзора над бывшими политическими противниками, отслеживании перемещений эмигрантов и т. д.[75] Аналогичные меры предпринимались и против организации «Справедливость и свобода», деятельность которой внутри страны органы полиции оценивали как «весьма опасную».[76]

3 Зак. 398

По мнению многих иерархов и лично Муссолини, не меньшую опасность представляли антифашисты, нашедшие убежище за рубежом. Напомним, что в соответствии с законом (№ 108, 31.01.1926) они лишались итальянского гражданства, а их движимое и недвижимое имущество подлежало секвестру. Под действие этого закона подпадали лица, «которые совершают или собираются совершить за рубежом действие, направленное на нарушение общественного порядка в Королевстве, или от коего может проистекать вред итальянским интересам, ущерб доброму имени или престижу Италии, даже если таковое действие не составляет преступления».[77] По «чрезвычайным законам» 1926 г. антифашистская пропаганда за рубежом каралась тюремным заключением на срок от 5 до 15 лет. Однако эти жесткие меры, за исключением конфискации собственности, могли быть применены лишь в случае выдачи (экстрадиции) противников режима правительствами тех стран, где они укрывались. Это было мало вероятно, во-первых, потому, что с указанными странами не существовало соответствующих соглашений, во-вторых, потому, что инкриминировавшиеся «преступные деяния» носили ярко выраженный политический характер, что не давало оснований для экстрадиции. Поэтому для преследования своих противников за рубежом правительство Муссолини использовало совсем иные приемы.

В конце 20-х годов ОВРА попыталась перенести на территорию соседних стран уже опробованные в Италии методы сквадристского насилия против эмигрантов. Однако эта тактика не приносила ощутимого успеха, поскольку сквадристы не располагали такими возможностями, как в Италии: их деятельность выходила за рамки законов этих стран, да и сами антифашисты уже научились должным образом давать отпор. Поэтому террористические акты, осуществлявшиеся агентами охранки, носили целевой, индивидуальный характер. Наиболее громким из них стало убийство видного либерального антифашиста К. Росселли, которого в документах полиции тех лет именовали не иначе как «самым опасным противником фашизма».

Основная масса агентов секретной полиции была внедрена в эмигрантские организации антифашистов в конце 20-х годов, то есть в период их становления, когда поток выходцев из Италии был велик, а механизм их проверки еще не отлажен. Компартия, имевшая устойчивый запас организационной прочности и постоянно ориентируемая Коминтерном на повышение бдительности, значительно меньше, чем группа «Справедливость и свобода», пострадала от проникновения провокаторов.[78] Их деятельность была направлена на получение информации о замыслах антифашистов, а также на их дискредитацию перед властями и общественным мнением Франции и Швейцарии — стран, в которых находились наиболее многочисленные колонии эмигрантов.[79] Жертвы удачно осуществленных провокаций обычно не выдавались фашистскому режиму, а высылались в третьи страны. И хотя правительство Муссолини активно настаивало на пресечении анти-

фашистской пропаганды и ограничении прав на получение политического убежища, французские и швейцарские власти на уступки не шли.

Самого дуче раздражала не столько деятельность эмигрантов, сколько ущерб, наносившийся его личному имиджу и престижу режима за рубежом. Муссолини чрезвычайно «пекся» об этом имидже, претендуя на роль «вершителя судеб Европы».[80] Поэтому вопреки общепринятым нормам дипломатической практики он пытался вмешиваться во внутренние дела соседних стран. Начиная с 1927 г. дуче систематически требовал от своего посла в Париже напоминать французскому МИДу о необходимости «предотвращать подрывную деятельность» антифашистов среди итальянских рабочих, а в 1928 г. выставил это требование в качестве обязательного условия для улучшения франко-итальянских отношений.[81] Посланник в Берне получил еще более жесткие инструкции, уполномочившие его пригрозить Швейцарии закрытием границы в кантоне Тичино с целью «избежать проникновения подрывной литературы».[82]

На путях ее распространения были поставлены почти непреодолимые полицейские барьеры. Однако они не исключали возможность появления «нежелательной» с точки зрения режима информации изнутри. Такую гарантию могла обеспечить только полная монополизация средств массовой информации, осуществляемая каждым режимом тоталитарного типа. Жесткая цензура, постепенно введенная силовыми методами и уничтожившая само понятие о свободе слова, стала неотъемлемой составной частью именно репрессивного аппарата фашистского государства.

Во второй половине 20-х годов цензорские функции новой власти проявились в прямом запрете неугодных газет и журналов и секвестре их собственности, а также в установлении административного контроля над оставшимися средствами массовой информации. Этот контроль должен был компенсировать относительно небольшие тиражи фашистских газет (за исключением «Il Popolo d'Italia»)[83] и мог стать эффективным орудием монополизации печати при условии выполнения ею предписаний новой власти. Так постепенно появился идеологический компонент цензуры, ставший основным в ее содержании в 30-е годы. Идеологическая функция имела решающее значение в уничтожении и выкорчевывании из общественного сознания любых взглядов, альтернативных официальной идеологии, и поскольку организационные формы их распространения были уже подорваны, есть основания полагать, что условные рамки существования в обществе социалистической и либеральной субкультур значительно сузились. Одновременно цензура создавала исключительно благоприятные предпосылки для насаждения так называемых «идейных ценностей» фашизма и распространения фашистской субкультуры.

Первые шаги на этом пути были сделаны сразу после прихода Муссолини к власти. Королевский указ от 15.07.1923 г. наделял главу

правительства правом закрывать газеты и журналы, которые он сочтет «опасными для национальных интересов»,[84] а год спустя в связи с «кризисом Маттеотти» право секвестра печати было отдано в руки префектов. Муссолини лично контролировал периодику, просматривая множество газет и регулярно заслушивая отчеты Л. Ферретти, руководителя Комитета по печати, который с сентября 1923 г. был поставлен в прямое подчинение главы правительства. В июле 1926 г. газетам было предписано сократить объемы до шести страниц и публиковать лишь сообщения о наиболее важных событиях в сжатом виде.[85] Эта установка привела к тому, что со страниц печати постепенно исчезли сообщения об арестах антифашистов (которые продолжались), а о процессах над ними остались лишь скупые отчеты, искажавшие истинную картину. Форма и содержательная характеристика этих отчетов предписывались в специальном циркуляре Ферретти, запрещавшем помимо прочего «публикацию фраз подсудимых, которые могут распространяться и оседать в представлении слабых».[86]

В начале 30-х годов со страниц газет исчезла «уголовная хроника», поскольку фашизм якобы решил эту проблему. Действительно, режиму Муссолини удалось заметно снизить уровень преступности в стране и нанести сильнейший удар по сицилийской мафии, которая сумела оправиться лишь после Второй мировой войны.[87] Этот факт повышал акции режима в глазах обывателей и подтверждал тезис о возможности силой навести порядок в стране. Тем не менее так называемое «зеркало прессы», в котором отражалась итальянская жизнь, становилось все более кривым.

В марте 1933 г. в Германии было создано министерство пропаганды, а два месяца спустя его глава Геббельс прибыл в Италию с официальным визитом. Прямым следствием этого вояжа стало дальнейшее ужесточение цензуры[88] и назначение главой Комитета по печати зятя Муссолини Г. Чиано, который в сжатые сроки подготовил реформу своего ведомства по типу министерства Геббельса. Законом № 1434 от 6.09.1934 г. оно было преобразовано в Комитет по печати и пропаганде. Чиано получил право участвовать в заседаниях кабинета министров и Большого фашистского совета (БФС), его подпись была приравнена к подписи дуче во всем, что касалось печати и пропаганды.

Процесс концентрации и централизации управления цензурой, необходимость которого обсуждалась на страницах фашистской печати с 1927 г.,[89] получил свое логическое завершение в 1935 г., когда вышеупомянутый комитет был возведен в ранг министерства. К этому времени Чиано успел переподчинить своему ведомству Генеральное управление по кинематографии, Комиссию по наблюдению за радиовещанием, Театральную инспекцию и Главное управление по туризму. Теперь новому министерству была передана и цензура книг, ранее являвшаяся прерогативой МВД. В октябре 1935 г. министерство получило право секвестра и закрытия любых

периодических изданий, что прежде также относилось к компетенции органов общественной безопасности.

Появление в названии министерства термина «пропаганда» означало стремление режима придать его деятельности более наступательный характер, а также выражало признание за новым ведомством особой роли в осуществлении тоталитарной политики. Смысл содержательной перестройки цензуры заключался в выхолащивании всей информации, не пропитанной «фашистским духом», и насаждении единообразия в печати посредством так называемых «веленевых бумаг». Под этим вычурным названием скрывались обычные циркуляры и распоряжения, которые скрупулезно предписывали форму и содержание основных статей. Ярким примером такой «веленевой бумаги» является документ под названием «Обновить тип газеты».[90] Подписавший его Чиано в резких выражениях требовал придать периодическим изданиям подлинно фашистский облик, больше писать об успехах режима, всячески подчеркивать роль и величие дуче, избегать изображения «неженственных» женщин (ибо фашистские женщины должны рожать полноценных, здоровых сыновей), не пользоваться диалектами, не употреблять слово «Юг» (ибо Италия должна быть единой) и т. д.

Во второй половине 30-х годов «дрессировка» прессы была доведена до полного абсурда. Почти ежедневно редакторы получали «веленевые бумаги» такого типа: «Не ссылаться на Дуче, когда речь идет о маловажных вещах», «Сказать, что Дуче десять раз вызывали на балкон», «По поводу смерти Горького не помещать никаких статей», «Никогда не упоминать имя Эйнштейна» и тому подобное.[91] В этом потоке нередко попадались опусы, которые невозможно обойти молчанием. «Есть проблема женских брюк, — пишет министр А. Паволини в одном из своих циркуляров. — Указание состоит в том, что нам женщина нравится в юбке. Поэтому не делать фотографий женщин в брюках и не пропагандировать катание женщин в брюках на велосипеде».[92] В декабре 1941 г. в средствах массовой информации не было вообще упомянуто Рождество, так как «оно создает атмосферу праздника, крайне неподходящую для текущего момента. Продолжаем спокойно говорить о войне и точка».[93]

Журналист П. Монелли, сопровождавший Муссолини в ходе его поездки в Ливию в 1926 г., рассказывает, что итальянские корреспонденты частенько договаривались между собой, выдумывали «исторические фразы», якобы произнесенные дуче, и рассылали их в свои редакции.[94] В середине 30-х годов подобная операция была абсолютно немыслима: каждая фраза вождя перед публикацией перепроверялась и одобрялась им лично. Муссолини категорически запретил газетчикам писать о своем 50-летии и возрасте вообще, ибо он должен был оставаться вечно молодым и служить символом неувядающей молодости режима. Поразительный эпизод в этой связи вспоминает Дж. Боттаи. 15 ноября 1936 г. дуче распорядился составить

очередное официальное сообщение, которое начиналось бы словами: «Глава правительства, министр внутренних дел (в скобках: и который останется министром внутренних дел в течение 12 месяцев после своей кончины)...»[95]: Муссолини хотел сохранить за собой власть даже после смерти! До такого не додумался ни один диктатор XX века.

В 1936 г. Чиано сменил на посту министра Д. Альфиери. Вскоре он представил в парламент доклад, в котором охарактеризовал отношения между своим ведомством и журналистами как «сердечное сотрудничество». «Министерство не отдает секретных приказов, но лишь поясняет и направляет, — цинично заявил он. — Наступил момент перехода от репрессивной фазы к фазе новой, дающей возможность пробуждать активность и направлять ее, предлагая массам духовную пищу, лучше подходящую к особенностям нашего времени».[96] За столь витиеватой формулировкой скрывалась готовность к очередному преобразованию: королевским декретом № 752 от 27.05.1937 г. министерство печати и пропаганды было упразднено, а на его основе создано министерство народной культуры.

Официально провозглашенной целью этого новообразования стало превращение культуры в достояние масс, а «не привилегию избранных».[97] Фашисты трактовали термин «народная» в латинском смысле: обращенная ко всем, для всего народа. Достичь этой цели предполагали двумя путями: стимулируя появление новых форм и развитие именно фашистской культуры, а также устанавливая жесткий контроль над всей культурной средой. Именно эта функция, сугубо тоталитарная по характеру, стала главной в деятельности нового министерства, сохранившего за собой все прежние цензорские обязанности.

Расширение сферы контроля повлекло резкое увеличение штатов: если в 1936 г. в составе министерства было 183 сотрудника, то в 1938 г. их стало около 800.[98] Конечно, следует учесть, что во второй половине 30-х годов у цензоров и работы прибавилось. Цензура шла в ногу с политикой режима, чутко реагируя на ее малейшие изменения. Если поначалу в ее деятельности определяющим был поиск антифашистской крамолы, то в результате сближения с фашистской Германией приходилось следить, чтобы в средствах массовой информации, в театре и кино не проявлялись антигерманские настроения; вследствие издания «расовых законов» — убирать из репертуаров театров пьесы авторов-евреев и фильмы с участием артистов-евреев; по мере приближения войны — запрещать американские фильмы.[99]

Развитие собственного кинематографа в фашистской Италии заметно отставало от американского или немецкого из-за отсутствия средств, но уже с 1927 г. в кинотеатрах стал постоянно демонстрироваться массовый политический киножурнал «Luce». Полностью запретить показ фильмов иностранного производства оказалось весьма накладно,[100] поэтому дуче

распорядился обрезать ленты таким образом, чтобы сделать фильмы анонимными, идущими без титров.[101] Поскольку, однако, сеть кинотеатров еще не была достаточно широкой, цензура фильмов собственного производства не отличалась особой жесткостью.[102]

Иное дело — радиовещание. В начале 30-х годов Муссолини и его окружение поняли исключительное значение радио как пропагандистского средства, и хотя в Италии оно не имело такого распространения, как в Германии, а сеть вещания только создавалась, эфир был сразу и полностью монополизирован правительством. В 1929 г. в Италии насчитывалось не менее 60 тысяч радиоприемников,[103] которые слушали обычно группами по 10–15 и более человек. Нетрудно представить восторг рабочих и крестьян, впервые в жизни услышавших прямые репортажи с футбольных матчей (их начали транслировать с 1926 г.), а затем и с массовых манифестаций режима.[104] Психологический эффект был огромен, и политика прямо вторгалась в дома сотен тысяч итальянцев.

В середине 30-х годов, когда радио перестало быть в диковинку, фашисты сами стали практиковать «массовые прослушивания», на которые нередко загоняли силой. Обычно это происходило в дни трансляций «эпохальных» речей дуче, например о провозглашении империи или вступлении в войну. Радио постепенно вошло в повседневный быт, стало его обычным атрибутом. И хотя содержание передач было фашистским, люди привыкли к новому источнику информации. Более того, в ходе гражданской войны в Испании радио стало чуть ли не единственным источником получения правдивой информации, передававшейся республиканскими радиостанциями. В этом случае цензура оказалась бессильна: «вредные» передачи глушили мощные армейские радиостанции. Тем не менее этот опыт заложил основу будущего массового прослушивания антифашистского радио в годы Сопротивления, и к концу войны оно стало одним из самых важных средств разрыва информационной изоляции масс, сложившейся в основных чертах на рубеже 20–30-х годов.

В тот период, то есть к моменту завершения формирования ключевых институтов тоталитарной системы, в стране было создано новое, одноцветное информационное поле и полностью ликвидированы возможности легального распространения социалистических, либеральных и иных альтернативных фашизму идейных ценностей, что привело к подрыву условий существования сложившихся субкультур. Их участь была незавидна: социалистическая сокращалась и уходила в подполье, либеральная оказалась обреченной на вымирание, католическая — на вынужденное сожительство с режимом и раздел сфер влияния. Репрессивный аппарат, включая цензуру, создал такую общественную инфраструктуру, которая допускала и стимулировала быстрое, агрессивное развитие лишь одной субкультуры — фашистской. Место было расчищено, информационный вакуум создан, оставалось лишь

наполнить его необходимым содержанием. Эти процессы шли параллельно, но задачу наполнения решал иной механизм — пропагандистский. О нем пойдет речь в следующем разделе.

3. ПРОПАГАНДА И МИФОТВОРЧЕСТВО

В период формирования институтов тоталитарной власти официальная пропаганда не носила ярко выраженного фашистского характера. Еще только разрабатывался механизм ее повсеместного распространения, отсутствовало жесткое деление на «плохое» и «хорошее» (за исключением оценок противников фашизма), не было монополизировано информационное пространство. Однако, с точки зрения организации консенсуса, этот период очень важен. С середины 20-х годов, точнее, после «кризиса Маттеотти», когда значительная часть правящего истэблишмента консолидировалась с фашизмом и взяла курс на установление диктатуры, средства массовой информации, находившиеся в руках имущих, работали в пользу создания благоприятного имиджа новой власти, способствуя тем самым расширению массовой базы ПНФ и укреплению фашистского режима.[105] Эта поддержка на пропагандистском уровне была особенно ощутима в трех аспектах: обоснование «законного права» власти на насилие; подтверждение лозунга Муссолини о необходимости наведения «порядка» в стране; представление фашизма как движения в защиту общенациональных и патриотических ценностей.[106]

В этой связи есть основания утверждать, что официальная пропаганда тех лет характеризовалась слиянием усилий собственно фашистского аппарата и сопутствующих, «дружественных» ему сил, без активного содействия которых было весьма затруднительно навязывать обществу уже сложившиеся пропагандистские связки: дуче—народ, партия—нация, фашизм—родина и т. д. Формирование нового пропагандистского альянса (в том числе на личностном уровне, так как многие опытные журналисты сохранили свои места или перешли на работу в государственный и партийный аппарат) позволило включить в «образ фашизма» целый ряд традиционных, устоявшихся ценностей и идей, которые и прежде имели влияние на многие аспекты частной и общественной жизни. Признавая в новом режиме эксцентричного, но «законного» наследника всего социально-экономического и политического порядка, эти «дружественные силы» как бы передавали фашизму наследие своего присутствия в обществе, гарантировали столь необходимое посредничество в расширении резонанса его пропагандистских посланий, которые доходили до границ, недостижимых иными путями. В начальной стадии формирования тоталитарного режима именно этим фактом объясняется успех пропагандистской кампании Муссолини.

Новый альянс определял содержание и облик официальной пропаганды, пока еще далекой от примитивного «промывания мозгов» последующих лет. Этот облик формировался под воздействием различных социальных, экономических, культурных, этногеографических и иных факторов и не являлся продуктом прямой «трансплантации» политических и идеологических целей формировавшегося режима. Взаимосвязь между политикой и пропагандой была опосредована реалиями и потребностями итальянского общества (наиболее показательный пример — так называемые «битвы» фашизма), поэтому шумные пропагандистские кампании режима не выглядели чистым, дистиллированным продуктом фашистской идеологии, но представляли собой конденсат различных задач и намерений, не всегда гармонировавших и сочетавшихся друг с другом. Если к этому добавить, что собственно фашистская идеология являлась выражением сложного переплетения социальных интересов в условиях острого общественно-политического кризиса, то станет ясно, что в годы «черного 20-летия» было очень трудно провести четкую грань между политикой и пропагандой, то есть отличить пропагандистскую акцию, направленную на обеспечение массовой поддержки тому или иному мероприятию режима, от выбора политической линии, которая на первый взгляд преследовала цель формирования консенсуса.

Яркий пример, поясняющий эту мысль, — агрессия в Эфиопии.[107] В рамках единой, беспрецедентной по масштабу пропагандистской кампании, развернутой в поддержку вторжению и последующему провозглашению империи, слились воедино стратегические интересы правящей элиты в Средиземноморье и задачи укрепления общественного консенсуса внутри страны. Поэтому можно говорить о тесной взаимосвязи политики и пропаганды, хотя самодовлеющим фактором в политике тоталитарного режима пропаганда никогда не являлась. Это был лишь один из наиболее эффективных инструментов фашистской «мобилизации сверху». Опасности ее превращения в нечто большее, граничащее с идеологией и уводящее реальную власть из рук политиков в руки мастеров манипуляции общественным сознанием, в тоталитарной Италии, в отличие от демократических государств, не существовало. Политика, идеология и пропаганда были взаимообусловлены и тесно переплетены. Однако отметим, что для Муссолини и его ближайшего окружения идейные постулаты никогда не являлись каким-то ограничивающим фактором. Политический прагматизм и беспринципность позволяли дуче жонглировать идеями, пользуясь по мере надобности любыми, даже взаимоисключающими.[108]

В 30-е годы облик и характер фашистской пропаганды изменились. Сложившийся ранее альянс обрел черты официальной однородности, а сама пропаганда стала более идеологизированной, прямолинейной и грубой. Навязывавшиеся обществу стереотипы мышления и восприятия отличались

простотой, граничившей с примитивизмом, а их массированное насаждение превратилось в повседневную реальность. На коротком отрезке времени такой характер пропаганды непродуктивен, но в более длительной перспективе ее результаты, как правило, оказываются весьма ощутимыми. Методика многократного повтора и отсутствие альтернатив приучали людей воспринимать пропагандируемые тезисы и верить им.

Лозунги фашистов имели яркую, броскую форму. В них пытались создать и выразить эмоциональный настрой миллионов итальянцев, придать их душевному порыву, зачастую весьма смутному, целенаправленный, идейно оформленный характер. Именно в этом заключалась главная цель пропаганды, добиться которой можно было, лишь подавив в людях критический индивидуализм и заменив его доведенным до абсурда чувством коллективизма. «Мы, как в России, стремимся в жизни к коллективному чувству и хотим его усилить за счет жизни индивидуальной, — разглагольствовал Муссолини в беседе с немецким писателем Э. Людвигом. — Масса не может управлять собою сама... чтобы управлять ею, нужен энтузиазм и интерес».[109]

Фашисты действительно пытались, и не без успеха, пробудить интерес и активность масс, используя методику концентрации коллективного внимания. Эта методика включала в себя, во-первых, переключение внимания на сюжеты, не имевшие прямого отношения к сложным социальным и политическим проблемам, с целью канализировать и нейтрализовать потенциальное недовольство; во-вторых, использование реального недовольства, для того чтобы переложить ответственность за неудачи с «больной головы на здоровую», найти виновных вне и внутри страны и создать из них «козлов отпущения», поглощающих элементы негативного индивидуального и коллективного настроя; в-третьих, создание позитивных образов в виде целей, к достижению которых должны быть направлены все помыслы и усилия масс.[110]

Применение этой методики опиралось на ряд принципов, вытекавших из самой «природы» тоталитаризма. К ним относятся:

— подчинение индивида иерархической структуре и его самоидентификация (растворение и самовыражение) с харизматическим вождем, родиной, государством, нацией;[111]

— деиндивидуализация и самоутверждение в группе, толпе, массе, включая сугубо внешние формы принадлежности;

— мистико-иррациональная мотивация поступков и действий индивидуальных и групповых;

— преобладание эмоциональной веры над убеждением и здравым смыслом. «Вера, а не разум сдвигает горы», — провозгласил Муссолини.[112] Этот принцип был особенно важен для воспитания фанатизма: человек терял способность критической оценки происходящего в пользу отношения, основанного на слепой вере. Фанатик становился адептом религии, в которой

Бог и христианская добродетель были заменены политическим идолом и фашистской идеологией.

Указанные принципы пропаганды в полной мере воплотились в деятельности средств массовой информации в середине 30-х годов. К этому времени уже были осуществлены семантические операции, позволившие установить единые стандарты понятийного аппарата и пропагандистской лексики. В итоге сформировались три привилегированные семантические зоны, ставшие накопителями идеологической риторики.

Первая зона объединяла смысловые понятия со знаком «плюс» и в наибольшей степени была привязана к идейным постулатам фашизма и формированию «нового человека». Термин «дисциплина» как фундамент фашистского общества являлся головным в следовавшей за ним семантической цепочке: подчинение дуче, чувство долга, самопожертвование во имя родины, вера в дуче, любовь к риску, презрение опасности, право сильного, готовность к действию, упорство, трудолюбие, строгость нравов, презрение к удобной жизни и т. д. К этой же группе относятся слова, которые обрели в фашистском лексиконе иное смысловое звучание, например качества металлов как свойства человека: стальной, железный, кузница, ковать, плавить, закаливать и т. п.

Вторая группа включала в себя термины из словаря классовой борьбы. Фашизм, изначально претендовавший на роль молодой, обновляющей общественной силы, активно пользовался революционной фразеологией как в период борьбы за власть, так и в годы режима. Большая часть этих понятий, включая головное — «революция», имели в пропаганде фашистов позитивное звучание, но были и иные, подававшиеся в сугубо негативном смысле: большевизм, забастовка, классовая борьба, демократия, равенство, братство и т. д. Четкое деление на «хорошее» и «плохое», «наше» и «не наше», «черное» и «белое» типично для пропагандистских клише тоталитарных и авторитарных режимов XX века, а в ряде случаев — и более ранних. Их насильственное внедрение в массовое сознание влекло за собой появление двухмерного изображения действительности, при котором индивид лишался возможности выбора: все элементы со знаком «+» подлежали усвоению, со знаком «–» — отторжению. Кроме того, в пропагандистском лексиконе постепенно произошла замена устоявшихся терминов: на смену «хозяевам» пришли «работодатели», на смену «крестьянам» — «сельские жители», на смену «классовой борьбе» — «борьба интересов».

Наконец, третья семантическая зона была создана значительно позже предыдущих и оказалась весьма искусственной. Ее появление связано с конкретными событиями во внутренней и внешней политике режима. Так, после введения Лигой Наций экономических санкций против фашистской Италии группа кинотеатров «Eden», созвучная с фамилией британского министра иностранных дел, была переименована, а из официального

лексикона исчезли слова французского происхождения: chauffeur (водитель), garage (гараж), sofa (диван) и др.[113] Внутри страны фашисты попытались вытравить из речевого употребления личное местоимение женского рода третьего лица «Lei», использовавшееся в качестве вежливой формы обращения, ибо оно якобы было обращением буржуазным и служило для отделения буржуазии от народа. В официальной печати указывалась и другая причина травли несчастного местоимения: чуждость «женской формы обращения мужественному стилю фашистской жизни».

Этот так называемый «стиль» утвердился и в пропаганде: ее язык стал одновременно напыщенным и лапидарным, а содержание походило на выжимку из речей дуче. Идеология, ориентированная на массы, представляла собой набор готовых лозунгов и штампов, а ее теоретическая аргументация оставалась уделом избранных и не выходила за пределы круга интеллектуальной элиты. В этой связи следует отметить, что фашистская пропаганда возникла не на пустом месте, но была подготовлена определенной идеологической традицией. Нет веских оснований утверждать, что фашистские иерархи были хорошо знакомы с теорией видного итальянского социолога В. Парето,[114] однако созданный ими механизм официальной пропаганды в значительной степени соответствовал именно этой теории.

Парето был одним из первых крупных ученых, которые на рубеже XIX–XX веков поставили проблему массовой пропаганды в контексте социальной психологии. Если просветители XVIII века полагали, что главным способом воздействия на умонастроения масс является их просвещение, то есть целенаправленный духовный поток, благотворно влияющий на человека и преобразующий его, то мыслители более позднего времени, в том числе Парето, пришли к выводу, что коллективные представления далеко не всегда складываются в результате идейного воздействия извне, но являются продуктом каких-то иных процессов и закономерностей.

Это наблюдение 100-летней давности многократно подтверждалось впоследствии экспериментальными научными данными. Современная психология различает у человека два диапазона восприятия действительности: сенсорный (осознанный) и субсенсорный (неосознанный), при котором информация усваивается, минуя сознание. Материал, предъявляемый в субсенсорном режиме, воспринимается человеком с эффективностью, тысячекратно превышающей норму. Это связано с тем, что около 95% психической деятельности индивида протекает на уровне подсознания и лишь 5% — на осознаваемом уровне. Поэтому непосредственные впечатления, образ быта, социокультурная среда обитания нередко сами по себе являются источниками стандартизации мышления, формируя предрасположенность индивида к восприятию символов и появлению иллюзий, близких по своему содержанию и характеру к распространяемым пропагандой.

Однако вернемся к Парето. В его концепции определено значение идеологизированных мифов и показано их происхождение от иллюзий, коренящихся в психической природе человека. Парето понял и попытался объяснить, как навязываемые сверху идейные представления проникают в сознание людей и сохраняются в нем, как мифологические элементы идеологии становятся составной частью стихийно складывающихся обывательских представлений.

Исходным пунктом его теории является тезис о различии между реальным содержанием идейной доктрины и ее образом в массовом и индивидуальном сознании. Проводя это различие, Парето вскрывает дихотомию логического (на основе верифицируемого знания) и иррационального (на основе неверифицируемого псевдознания), лежащую в основе механики политической мифологии. Любые действия индивида и группы могут носить логический характер, то есть осуществляться в соответствии с объективной оценкой целей и возможностей их достижения, и нелогический, то есть основанный на эмоциях, а не на разуме. По мнению Парето, в общественной жизни преобладали именно нелогические действия, основанные на инстинктивных мотивах поведения, которые он условно называл «остатками».

Однако иррациональная основа также нуждается в объяснении и логическом подкреплении. Поэтому на базе инстинктов формируются псевдорациональные концепции и мифы. Эти производные от «остатков» явления Парето называл «деривациями», обусловленными эмоциями и не имеющими логического обоснования. «Деривации» у Парето выступают «как аргументы, рационализации, оправдания, рассуждения, идеологии и псевдодоказательства, с помощью которых ценностные суждения предстают как фактические объяснения, как логико-экспериментальные объяснения естественных явлений».[115] «Деривации» Парето разделил на четыре категории, классифицировав все иллюзорные образования, используемые в пропаганде.[116] Это позволило ему раскрыть психологический механизм превращения навязываемых сверху идейных стереотипов и стандартов мышления в составную часть мировоззрения индивида. Сама же идеология рассматривалась им, в отличие от просветителей, не в качестве «путеводной звезды» и способа приобщения к истинному знанию, а в роли инструмента интеграции индивидов, позволяющего добиться единства их действий и представлений о мире. Эта функция, по мнению Парето, сохраняется применительно к любой идеологии, поскольку любая идеология по своему генезису является иррациональной, коллективной иллюзией, основанной на изначальных аффективных влечениях человека. Как социальный феномен, идеология лишь маскирует в рассудочной форме подлинные побудительные мотивы действий индивидов и социальных групп. Поэтому она обманчива, а строящаяся на ее основе пропаганда лишь символика обмана.

Как всякая теория, претендующая на подлинную глубину и новизну, концепция Парето вызвала и продолжает стимулировать до сих пор весьма противоречивые оценки у социологов и психологов. Для нас же важно отметить лишь два ее аспекта. Во-первых, мифологичность сознания людей, доказанную Парето и почти не оспариваемую его оппонентами. Поскольку, однако, философ считал мифологическим и обыденный и теоретический тип осмысления действительности, грань между ними оказалась весьма размытой. Этот элемент (или, как полагают многие, изъян) его концепции не позволяет провести четкое различие между базовыми ориентациями, представляющими собой устойчивую совокупность идейно-политических взглядов и ценностных систем индивида, определяющих его мировоззрение и жизненную позицию, и обыденными ориентациями, возникающими на нижних этажах сознания под воздействием непосредственных внешних импульсов, стимулирующих эмоциональную реакцию индивида на раздражитель и способных трансформироваться в базовые при наличии определенных условий. Это различие представляется весьма существенным, поскольку тоталитарный режим создал новые, непривычные, нетрадиционные условия духовного существования личности.

Во-вторых, механизм формирования и проникновения мифов в общественное сознание. В этом отношении концепция Парето остается непревзойденной до сих пор. Она дает психологическую основу понимания процесса фашизации и дефашизации массового сознания в годы тоталитарного режима. Не идеология, а идеологизированные мифы — ключ к разгадке секретов массовой обработки умов и динамике умонастроений в итальянском обществе в годы фашизма.

Муссолини, несмотря на личное знакомство, не был основательно осведомлен о воззрениях Парето,[117] но интуитивно очень глубоко усвоил эту мысль. Она была близка его духу и мироощущению, его представлениям о роли личности в истории и способах завоевания масс. Дуче был уверен, что удачно найденный миф, в реализации которого массы видят способ разрешения собственных проблем, становится эффективнейшим орудием в достижении политических целей. «Мистика и политика взаимообусловлены, — любил повторять он. — Одно без другого сухо и теряет всякий смысл в пустом трепете знамен».[118]

Идеологизированный миф мог обрести силу, лишь став достоянием масс, то есть неотъемлемой частью мировоззрения индивида. Для этого в обществе должна была быть создана особая идейно-культурно-психологическая среда, в которой полумистическая вера преобладала бы над рациональным знанием. На формирование этой среды и насаждение мифов, а не идеологии и были направлены все усилия фашистской пропаганды.

МИФ ПЕРВЫЙ. ВОЖДЬ

«Не трогайте Муссолини, — прокричал Р. Фариначчи, поднявшись со своего места в парламенте. — Муссолини — это миф!»[119] По свидетельству Дж. Боттаи, эта фраза, ставшая крылатой, впервые прозвучала летом 1924 г. в разгар «кризиса Маттеотти», когда судьба правительства и самого Муссолини висела на волоске. Факт весьма символичный: тоталитарный режим находился еще у истоков своего формирования, а образ его лидера уже был окутан харизматической дымкой. Для его создания больше всех потрудился сам Муссолини.

Свою первую автобиографию он умудрился написать уже в 28 лет, сидя в тюрьме,[120] а в конце 20-х годов, укрепившись у власти, дуче откликнулся на предложение американского посла в Италии Р. В. Чайлда и надиктовал автобиографию для американской аудитории.[121] В Италии эта книга так и не была издана. Более того, когда одна из итальянских газет объявила конкурс на лучшее эссе-портрет, раскрывающее «тайну облика» Муссолини, дуче остановил конкурс, написав в газету, что такое соревнование абсурдно, ибо даже он сам якобы не смог бы предложить правильную версию. Он всегда был убежден в том, что создание ореола таинственности возвеличивало его персону.

В действительности за этой напускной таинственностью не скрывалось чего-либо необычного. Как и многие юные бунтари начала века, Муссолини испытал в молодости весьма противоречивое идейное влияние, в результате которого его взгляды на революционный процесс и свое место в нем приобрели черты некоторой определенности и представляли причудливую смесь из элементов сорелевского синдикализма, постулатов Ницше, Маккиавелли и Джемса, воззрений Штирнера, Парето и Бланки.[122] В этом интеллектуальном «коктейле» отчетливо проступала заимствованная у Сореля и Парето идея значимости социальных мифов, а также культ насилия и прямого действия, усвоенный Муссолини в результате знакомства с работами Джемса, Сореля и Ницше. Прочитав книгу Ж. Сореля «Размышления о насилии», Муссолини навсегда остался восторженным поклонником прямого действия, не скованного никакими моральными и прочими преградами.[123] В его представлении формулы и теории имели значение лишь после совершения акта насилия и служили его оправданию, а приоритет действия всегда был абсолютным и универсальным принципом. И если поначалу вслед за Сорелем Муссолини говорил о насилии все же во благо людей, то позднее отказался от этой мысли и перешел на позиции Ф. Ницше.

Немецкий философ незримо присутствовал в помыслах и молодого социалиста из Форли, и стареющего диктатора из палаццо «Венеция». Еще на заре своей политической карьеры Муссолини написал небольшой трактат,

озаглавленный «Философия силы». Ницше был назван в нем «самым гениальным мыслителем последней четверти прошлого века». Муссолини прочно усвоил его формулу «Ничто не истинно, все дозволено», безоговорочно следовал ей всю жизнь и предрекал стать «знаменем нового поколения». Он был буквально ошеломлен ницшеанской концепцией «сверхчеловека», который был призван завоевать мир и преобразить его. Муссолини понял, что этого «сверхчеловека» надо не искать где-то на стороне, а культивировать в самом себе. Кроме того, будущему дуче явно импонировало у Ницше понимание народа как «постамента для избранных натур», а войны как наивысшего проявления человеческого духа.

Эта установка лежала в основе его видения истории как смены иерархий, аристократий, элитарных меньшинств, управляющих нациями, как череды социальных революций, вдохновляемых и осуществляемых великими вождями, не скованными никакими моральными нормами. Народ в этом видении представал как объект воздействия со стороны волевых, сильных лидеров, но не как субъект самого исторического развития. Муссолини полагал, что великая личность способна моделировать общественные ситуации, создавать по своему желанию благоприятные условия и обстоятельства для достижения цели. И хотя на практике эта установка, как правило, выливалась в грубое применение силы, в столкновение амбиций и интересов, массы итальянцев должны были верить, что именно дуче дано высшее понимание национального блага и право творить отечественную и мировую истории.

Особое место в этом творении Муссолини отводил войне и революции, которая представлялась как взрыв насилия, опровергающий существующий порядок. Этот взрыв направляется в нужную сторону энергичным меньшинством и в конечном счете приводит к триумфу возглавивших движение деятелей, среди которых первую роль играет он сам. Муссолини полагал, что достаточно будет натиска небольшой, но хорошо организованной элитарной группы революционеров, чтобы свергнуть господство правящего блока. Масса непременно поддержит переворот, и тем самым будет окончательно решен вопрос о власти.[124] В этой концепции проглядывают идеи О. Бланки, которого Муссолини с нескрываемой симпатией называл «человеком баррикад».

Однако все эти идеи и доктрины имели для него не принципиальное, а сугубо прикладное значение. Он с легкостью жонглировал словами и теориями, отказывался от одних и принимал другие, менял их в зависимости от обстоятельств места и времени. Муссолини ничуть не смущало, что многие его поступки были в явном противоречии с теми принципами, о приверженности которым он заявлял прежде. Интересы Италии, благосостояние народа, революция, социализм, величие нации — все это были лишь символы, использовавшиеся по мере надобности. Его собственная мораль, а моральным

он считал лишь то, что способствовало личному успеху и сохранению власти,[125] как щитом закрывала дуче от окружающего мира. Муссолини не был ницшеанским «сверхчеловеком». Он был вполне земным человеком действия, ценившим лишь конечный результат, достигнутый любым путем, — прагматизм, доведенный до абсурда и въевшийся в плоть и кровь.

Дуче всю жизнь испытывал устойчивое отвращение к нравственности. Оно питалось его глубоким презрением к людям. Человек был для него лишь инструментом в достижении цели и потому измерялся степенью своей полезности. В жизни Муссолини никогда не было настоящей любви, как не было друзей и «своего круга». Пожалуй, он и не ощущал острой потребности во всем этом. Муссолини изменил социалистам, стал главой правительства, но никогда не был принят как «свой», равный среди аристократии, генералитета, промышленных и финансовых воротил. Ему угождали, льстили, его боялись, но на одну доску с собой не ставили, видели в нем слугу, но не хозяина. Среди камератов — соратников по фашистской партии — Муссолини пользовался непререкаемым авторитетом, но держался от них на расстоянии, отделяющем лидера от рядового члена. Он постоянно ощущал себя одиноким, но одиночество его не тяготило: оно было осью, вокруг которой вращалась вся остальная жизнь.

Следует отметить и еще одну, не менее значимую для понимания его облика черту. Дуче был блестящий актер и позер, в избытке наделенный характерным итальянским темпераментом. Он играл всю жизнь, его амплуа было необъятным: ярый революционер и упрямый консерватор, великий вождь и свойский «рубаха-парень», необузданный любовник и благочестивый семьянин. Как человек эмоциональный, он остро переживал свои взлеты и падения, полосы отчаяния и триумфа. Его настроение часто менялось, а импульсивность приводила к поступкам, нередко удивлявшим даже хорошо знавших его людей. В 20-е годы Муссолини глубоко уверовал в свою мессианскую роль: пули при покушениях летели мимо, противники отступали, многие начинания удавались. Перед изумленным взором итальянского обывателя он предстал как архитектор и кавалерист, скрипач и истребитель мух, строитель водопроводов и автомобилист, враг беспечности и инфлюэнцы, сеятель риса и гонитель антифашистов, творец «великой Италии» и борец за производство зерна и детей. Муссолини умело превращал в «героическое» и «историческое» все то, что на самом деле было прозаичным и будничным.[126]

Он был и до сих пор остается непревзойденным мастером политического блефа. Но за всем этим — искушенный политикан и демагог, умевший безошибочно рассчитать время и место для удара, стравить между собой противников, сыграть на людских слабостях и низменных страстях, воспользоваться благоприятной обстановкой. Муссолини обладал феноменальной способностью не просто улавливать настроения масс, но и воздействовать на них, накалять атмосферу и зажигать толпу. Он был не

великим политическим деятелем, а популистским вождем, умевшим завораживать массы.

По интенсивности пропаганды и значимости в фашистской мифологической иерархии культ дуче стоит на первом месте и намного превосходит все прочие. Его целью было формирование образа харизматического вождя, наделенного сверхъестественной мудростью и силой. Более того, он являлся своего рода локомотивом, вытягивавшим за собой всю систему идейно-политических и нравственных «ценностей» фашизма, основанную на безоговорочном признании авторитета вождя, олицетворявшего абсолютную истину во всех ипостасях. Моральная уязвимость господствовавшей идеи была очевидна. Однако осознание этого факта в том случае, если оно имело место, толкало носителей идеи не к нравственной самопереоценке, а к силовому подавлению всякого другого мнения, затыканию рта и устранению инакомыслящих. При этом отсутствие массовых форм проявления недовольства, характерное для середины 30-х годов, объявлялось верным признаком всеобщего согласия.

«Дуче всегда прав!»[127] — таков стержень ключевого мифа, придававшего обывателю уверенность в правильности и закономерности всего происходившего, а по сути дела означавшего узурпацию непререкаемого права на истину. Вера в этот пропагандистский штамп вселяла в человека спокойствие и надежду на исполнение своих желаний. Растворение в мифе лишало его способности критически осмысливать окружающий мир, ибо за него мыслил дуче, но одновременно давало точку опоры, позволяло обрести внутреннее равновесие и даже смысл жизни. В этом случае люди становились настоящими фанатиками, которых можно отличить от всех прочих по трем психологическим параметрам:

— они действительно верили в вождя, в его гениальность и всемогущество;

— они имели возможность ежедневно и ежечасно утверждаться в своей вере в ходе коллективных идеологических и иных мероприятий (так называемая «групповая терапия»);

— они стремились навязать свои представления остальным, обретая тем самым все большую внутреннюю, индивидуальную свободу. Пусть этот психологический эффект не покажется парадоксальным: обращение в собственную веру укрепляет душу самого пастыря.

Что же касается «верховного наставника» (харизматического вождя), то его функция в условиях тоталитарного режима, обязательным, неотъемлемым атрибутом которого он являлся, имела двойное содержание: глава пирамидальной системы власти, обладающий исключительными полномочиями и способный уравновешивать различные групповые, клановые и прочие интересы, подчиняя их стратегической линии или, наоборот, приспосабливаясь к ним, и основной объект притяжения симпатий масс,

добивающийся их подлинного доверия и направляющий в идейное русло приверженности режиму. По мнению Де Феличе, этот последний элемент «был действительно ключевым» в системе организации фашистского господства, основанного на «мифе-привычке Главы и вере... в способность Дуче обеспечить "величие" Италии».[128] К этому следует добавить, что оба элемента функции имели системный характер: крушение любого из них было способно повлечь за собой крах всей системы, что в конечном счете и произошло.

Раздувание мифа о «сверхчеловеке, ниспосланном Италии провидением» и ведущем нацию к «светлому будущему», достигло апогея в середине 30-х годов. Персонификация высшей воли провидения и народа в лице харизматического вождя, ставшего носителем абсолютного авторитета во всех областях жизни, провозглашалась самой эффективной формой общественного управления. «Понимание» этого факта «прививалось» массам ежедневно и ежечасно: в честь дуче слагали поэмы и песни, снимали кинофильмы, создавали монументальные скульптуры и штамповали статуэтки, рисовали картины и печатали открытки. Бесконечные славословия лились на массовых митингах и официальных церемониях, по радио и со страниц газет. Нередко апологетика выходила за элементарные пределы разумного. [129] Оказывается, в дождливую погоду Муссолини достаточно было выйти на открытый воздух, чтобы тучи рассеялись. [130] Магия его имени была «столь велика», что дети, плакавшие от боли во время процедур, мгновенно затихали, когда врачи говорили им, что плач может услышать дуче.[131]

Похоже, Муссолини и сам уверовал в то, что он был «ниспослан Италии провидением», что все ее реальные и мнимые успехи есть плод его гениального творчества. Он прочно усвоил привычку обо всем, будь то фашистская милиция, государство, армия или рабочее законодательство, говорить «мое» или «созданное мной». «Править» значило для него «править образцово», ибо иначе Муссолини якобы не мог править вообще. Представление об «образцовом правлении» и реальность слились в его сознании воедино, и тем самым он в какой-то мере стал жертвой им же созданного обмана. Итальянцы, «будьте спокойны, — заявил он однажды в ходе поездки в Реджо-Эмилию. — Я буду вести вас все выше и все дальше».[132]

Дуче часто ездил по городам и провинциям, вся жизнь которых задолго до визита подчинялась этому «историческому событию»: к торжественной встрече вождя со всей округи сгоняли крестьян и стягивали воинские части, предприятия прекращали работу, дети усиленно репетировали приветствия. Кто-то являлся на эти встречи «по зову сердца», кто-то из простого любопытства, но немало было и тех, кто получал «красные карточки» — специальные приглашения от местного партийного главаря. Можно было проигнорировать сборище один, даже два раза, но на третий кара следовала неотвратимо: «несознательные» подвергались различным наказаниям,

вплоть до временного увольнения с работы. Сценарий публичных выступлений дуче был отработан до мелочей и разыгрывался как по нотам. Сначала Муссолини произносил зажигательную речь с балкона дома или башни танка, после этого устраивался обязательный парад с участием юношеских организаций или войск местного гарнизона, а затем кортеж автомобилей совершал «круг почета» по улицам и площадям.

Обычно Муссолини не готовил своих речей заранее, целиком полагаясь на импровизацию и интуицию. Он бередил воображение итальянцев цезаристскими планами, миражем империи и славы, великих достижений и всеобщего благополучия. Он апеллировал не к разуму, а к чувству, эмоциям, инстинкту, заражал толпу своей экзальтацией, нередко доводя ее до фанатичной истерии. Следует отдать должное его ораторскому таланту: среди тиранов XX века в этом искусстве он занимает ведущее место. Кроме того, он является абсолютным чемпионом по количеству занимаемых государственных постов. В 1929 г. он был одновременно главой правительства, Большого фашистского совета, фашистской милиции, министром внутренних дел, иностранных дел, военным, военно-морским, аэронавтики и корпораций. А также являлся вождем партии и итальянской нации (хотя таких должностей никто никогда не устанавливал), «почетным академиком» болонской филармонии, позже стал первым маршалом империи, обладателем многих других титулов.

Столь высокая концентрация власти в руках одного лица резко снижала степень управляемости обществом, так как физические пределы ограничены кругом проблем, которые может охватить и решить один человек. Такие решения, как правило, деформируются под воздействием односторонности получаемой информации и в результате интриг приближенных. Пирамида власти в фашистской Италии замыкалась на авторитет харизматической личности, обладавшей приобретенной легитимностью, и на высших этажах власти опиралась на узкий круг избранных лиц, обладавших реальными полномочиями и многими привилегиями.

Круг этих лиц дуче подбирал себе сам. Слепую преданность тупицы, типа Стараче, он всегда предпочитал трезвости рационального ума.[133] Своему личному секретарю Де Стефани Муссолини даже как-то раз признался: «Между разбойником и человеком достойным, если я ни того ни другого не знаю, всегда выбираю первого».[134] Давно ушли в прошлое те времена, когда Муссолини хоть и был признанным вождем фашизма, но все-таки яростно спорил с соратниками, учитывая их позиции и настрой. Теперь между ними пролегла незримая глубокая пропасть: даже докладывать Муссолини в его кабинете они были обязаны стоя. «Все государственные министры и все их заместители являются солдатами, — любил повторять дуче. — Они идут туда, куда их посылает Глава, и стоят там, где я приказываю им остановиться». Муссолини часто и тщательно тасовал колоду

своих приближенных, сообщая о смещениях через средства массовой информации, но это не влияло на «качество» принимаемых им решений.

Государственная бюрократия обрела в 30-е годы большую силу и немалую автономность. И хотя в Италии принцип вождизма не был закреплен на местном уровне, он стал обязательным элементом системы управления: каждый провинциальный партийный и административный божок ощущал себя полновластным хозяином в своей вотчине. Тотальное возвеличивание Муссолини рождало неуемную тягу фашистских главарей к насаждению собственных культиков, создавало почву для злоупотреблений и хамской вседозволенности. Коррупция и казнокрадство захлестнули бюрократический аппарат в центре и на местах, а многочисленные финансовые аферы на военных заказах привели к расцвету нуворишей.

Мнимые и реальные успехи правительства Муссолини пышно отмечались, обильно раздавались награды и ордена, лились победные реляции. Тем, кто страдал от этого лицемерия, ханжества и фальши, приходилось замыкаться в себе, однако значительная часть обывателей, особенно в середине 30-х годов, судила о Муссолини приблизительно так: он установил в стране порядок, многим безработным обеспечил работу, искренне печется о величии нации и хочет добиться социальной справедливости. [135] Нерешенность крупных социально-экономических и внешнеполитических задач рождала в людях уверенность в необходимости лидерства, массам нужен был энтузиазм веры, закрепленный властной волей авторитета. Именно такое восприятие служило надежным фундаментом вождизма и отражало формирование элементов авторитарного сознания масс, главной характерной чертой которого являлась иррациональная вера в харизматического лидера.

МИФ ВТОРОЙ. КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Следующим по значению в фашистской мифологической лестнице шло утверждение нового социально-политического порядка, выраженного в емком термине «корпоративное государство». Этот миф был тесно связан с предыдущим, а самого дуче можно считать «государственником» в широком смысле слова. И хотя в юности под влиянием отца Муссолини испытал кратковременное, но завораживающее очарование анархо-социалистических идей К. Кафиеро, А. Чиприани и М. Бакунина, в своей последующей политической карьере он твердо придерживался принципа примата государственной власти. Пожалуй, это был один из немногих принципов, которому дуче никогда не изменял ни по идейным, ни по прагматическим соображениям.

В начале 20-х годов, обвиняя в слабости либеральное государство и требуя его замены, фашизм устами своего лидера заявил о приверженности политико-юридической концепции государства. «Мы выступаем за возврат

государства к присущим ему... политико-юридическим функциям», — провозгласил Муссолини.[136] Этот курс получил подтверждение в программе созданной в ноябре 1921 г. фашистской партии. Государство оценивалось в ней как орган защиты высших национальных интересов, как «юридическое воплощение нации» и составляющих ее индивидов и групп. Политические институты общества, на которые опирался механизм законодательной и исполнительной власти, имели право на существование и могли функционировать лишь в той мере, в какой они выражали национальные интересы и обеспечивали их защиту. Сама же нация понималась не только как совокупность индивидов, объединенных общими признаками и живущими на определенной территории, но как некая историческая общность, содержащая в себе «бесконечные ряды прошлых, настоящих и будущих поколений». Отдельный индивид являлся в этой череде лишь мимолетным, «преходящим элементом», интересы которого выражало и воплощало национальное государство.[137]

Приход фашистов к власти не изменил этой концептуальной установки, получившей дальнейшее развитие в так называемой «Хартии труда». В ней не содержалось какой-либо принципиальной новизны в плане оценки государства, но в первом же параграфе отмечалось, что «итальянская нация является организмом, цели, жизнь и средства действия которого превышают силой и длительностью цели, жизнь и средства действия составляющих этот организм отдельных лиц и групп их. Она представляет моральное, политическое и экономическое единство и целиком осуществляется в фашистском государстве».[138] Иными словами, государство воплощает волю нации и соответственно каждого индивида, материализуя ее в конкретных действиях власти. Если при этом иметь в виду, что в тоталитарном государстве соотношение между законодательной и исполнительной властью существенно меняется в пользу последней (как правило, за счет перераспределения и слияния функций, а в фашистской Италии преимущественно за счет присвоения исполнительной властью полномочий законодательной), во главе которой стоит наделенный исключительными правами вождь, то становится ясно, что интерпретатором государственных, национальных и индивидуальных интересов является именно он, в данном случае Муссолини. «Я хочу быть простым, бескорыстным слугой государства, — заявлял дуче в 1928 г., — лидером партии, но прежде всего — главой сильного правительства».[139] На третий день после назначения премьером в кабинет Муссолини вошел его сподвижник П. Орано. «То, чего до сих пор не было, есть, — напыщенно произнес дуче, — правительство. Это я».[140] Муссолини перефразировал известное изречение Людовика XIV «Государство — это я», но смысл обоих высказываний был одинаков — авторитарное правление.

Курс на тотальное подчинение общества был выражен емкой формулой: «Все — в государстве, ничего — вне государства, ничего — против

государства», то есть государства, созданного фашистами и лично Муссолини. Никакой маскировки, все заявлено предельно четко и ясно: или индивид становится на путь признания, подчинения и самоидентификации с политико-юридическим институтом в лице государства, или он автоматически превращается в его противника. Таким образом, люди оценивались лишь в рамках их функций внутри государства, которое, по мнению Муссолини, «распространялось на всех с одинаково беспощадной энергией».[141] Однако индивид, защищенный, по мнению фашистских теоретиков, тоталитарным государством, не только не терял свободу от этого «распространения», но обретал ее, причем в гораздо большей степени, нежели в демократических государствах.[142] Понятие «свобода», по Муссолини, есть категория сугубо философская, абстрактная, существующая лишь в воображении интеллектуалов и никогда не имевшая места в действительности,[143] а демократия — «это правительство, которое дает или пытается дать народу иллюзию того, что он является властелином».[144] Фашистский режим, культивировавший коллективистские начала,[145] урезал индивидуальные права, но, по мнению дуче, «оставил столько свободы, сколько сегодня можно оставить».[146] В действительности это означало, что тоталитарное государство узурпировало право быть толкователем естественных прав человека и мерилом общественной нравственности. Вопреки устоявшемуся в новое время либеральному идеалу свободы и равенства фашистская доктрина и практика пытались утвердить «свободу» через ее отрицание, ибо гарантом такой «свободы» становилось само тоталитарное государство, стоявшее на страже «интересов общества и индивида». В наиболее полном и законченном виде эти идеи были декларированы в «Фашистской доктрине» — весьма любопытном документе, авторство которого приписывается Муссолини и философу-идеалисту Дж. Джентиле.[147]

В истории философии с именем Дж. Джентиле связано появление концепции «этического государства». Она была сформулирована задолго до прихода фашизма к власти и основывалась на понимании государства как формы духовной жизни, объединяющей в себе закон и свободу. Отвергнув культуру индивидуалистического либерализма, который «превращает государство всего лишь в средство и продукт индивидуальной воли, отрицает всякую этическую сущность и реальность государства как общности, которую индивиды находят в глубине себя», Джентиле создал образ «идеального» государства, которое есть внутри каждого и управляется «глубоко и подлинно религиозным духом».[148] «Гражданин должен проникнуться религиозным чувством к государству, — пишет он, — ощущать его как собственность, как свою сущность, чья судьба — это его собственная судьба».[149] В таком государстве, по мнению Джентиле, достигается полная свобода личностей через их добровольное и осознанное подчинение государству, в котором господствует равенство закона для всех граждан

что, в свою очередь, обеспечивает наилучшую защиту общих интересов. Благо государства индивиды осознают как свое собственное и в этом смысле «растворяются» в идеальном государстве.

Неудивительно, что в таком виде теория Джентиле была воспринята режимом Муссолини и в дальнейшем рассматривалась как составная часть фашистской доктрины, тем более что сам Джентиле приложил к этому руку. В упомянутом выше документе, который появился на свет в качестве статьи в «Итальянской энциклопедии», он изложил спиритуалистическую концепцию фашизма как «духовного способа» восприятия жизни, как процесса «реакции эпохи на материалистический позитивизм XIX века». Фашистское государство предстает в доктрине в качестве «высшей и самой могущественной формы индивидуальности. Это духовная сила... духовная реальность, поскольку конкретная политическая, экономическая и юридическая организация нации в своем появлении и развитии является проявлением духа».[150]

Конечно, итальянский обыватель был очень далек от витийства философа-идеалиста. Ему предназначалось иное — рожденный на этой основе миф, простой, понятный, тиражируемый в различных формах всеми средствами массовой информации. Однако в данном случае речь шла все же не о мистическом усвоении на вере, чего требовал культ дуче, а об определенном осознании идеи и понимании своего места и роли в обществе. Иными словами, освоение этого мифа затрагивало базовые ориентации и сопровождалось ломкой сложившихся стереотипов сознания. В этой связи достаточно вспомнить хотя бы классические формулы социалистической теории о роли и перспективах буржуазного государства, которыми питалось рабочее и демократическое движение в начале века и которые являлись составной частью социалистической субкультуры.

Теперь же предлагалась прямо противоположная и довольно примитивная схема: фашистское государство бессмертно и выражает интересы нации; я — часть этой нации, поэтому оно выражает также и мои интересы; я свободен, поскольку мою свободу оберегает государство; оно справедливо, так как корпоративно. Эта последняя часть шаблона имела решающее значение в понимании и распространении мифа о государстве.

«Фашистское государство может быть только корпоративным, иначе оно не является фашистским». Это расхожее клише, запущенное Муссолини в пропагандистский оборот в начале 30-х годов, свидетельствует лишь о большом желании фашистской иерархии облачить тоталитарное государство в корпоративные одежды. На деле корпоративное устройство общества и его управление на корпоративных началах осталось идеализированной, «романтической мечтой», далекой от реальности.

В ранних выступлениях Муссолини ни о каком корпоративизме не было и речи. Лишь после Первой мировой войны бывший социалист начал заду-

мываться о будущем государственном устройстве, но по-прежнему оставался далек от корпоративной идеи. Это и понятно: его гораздо больше занимали вопросы захвата власти, нежели то, как эту власть употребить в будущем. Тем не менее термин «корпоративизм» иногда мелькал в его речах и встречался в переписке с Г. Д'Аннунцио по поводу «Карнарской конституции».[151] В манифесте фашистов бегло и туманно упоминалась идея «прямого представительства отдельных интересов», а в программе партии, принятой в 1921 г., содержалось требование передачи части государственных функций неким техническим советам, избираемым профсоюзами, компетенции которых подлежали вопросы, касавшиеся индивидов как производителей. Корпорации же, по замыслу фашистов, должны были решать задачи обеспечения национальной солидарности и развития производства. Для этого классовое сознание рабочих следовало заменить национальным, а их самих приобщить к национальной солидарности и национальной государственности. Оставалось лишь доказать общность интересов пролетариата с интересами нации в их фашистской интерпретации.

Ничего оригинального в этих «задумках» не было. К началу XX века корпоративная идея уже имела глубокую историческую традицию, восходя к правым социалистическим течениям в I и II Интернационалах, к теоретическому наследию Гегеля в плане отношений «человек — общество — государство», к социальной доктрине католицизма. Заимствуя идею, которая уже являлась пусть небольшой, но все же частичкой политического сознания носителей социалистической и католической субкультур, фашизм облегчал свое вторжение в орбиту влияния иных идеологических образований, и в этом смысле в корпоративизме изначально оказались заложены элементы консенсуса и примирения с новой властью.

Отечественная и зарубежная марксистская наука на протяжении ряда лет усматривала в фашистской корпоративной политике сочетание трех ключевых элементов: попытку установления классового сотрудничества, форму организации экономики и элемент связи с государством. Эти представления опирались на анализ корпоративизма, содержащийся в «Лекциях о фашизме» П. Тольятти, который не только вскрыл его основные черты, но и проследил процесс развития пропаганды от проповеди принципа классового сотрудничества «к насаждению идеи о создании новой системы, изображаемой уже не как организованный капитализм, а как организуемая и управляемая экономика, порывающая с капитализмом».[152]

Марксистский анализ представляется объективным и точным. Однако, на наш взгляд, в нем отсутствует еще один элемент, раскрывающий воспитательную функцию корпоративной идеологии. Фашистские теоретики определяли корпоративизм как противопоставленный либерализму и социализму «новый тип политической цивилизации», основанной на синтезе прав и обязанностей наемного работника и работодателя как полномочных участ-

ников производственного процесса.[153] Однако осмысление этой «реальности» требовало иного стандарта мышления, нового взгляда индивида на свое место в производстве и обществе в целом. Недаром перед фашистской пропагандой ставилась задача «преобразования менталитета, который дал бы капиталисту дух трудящегося, спекулянту дух накопителя, служащему дух ремесленника и крестьянина».[154] Несмотря на множественность толкований корпоративизма внутри фашистского лагеря, большинство теоретиков хотело видеть в корпорациях элемент духовного начала, «шаг за пределы обычного капиталистического или социалистического менталитета»,[155] поскольку именно такой «шаг» превращал человека в верного сторонника нового общества. Миф о его создании и преимуществах усиленно вколачивался в сознание масс, становясь, таким образом, методом фашистской «мобилизации сверху», нацеленным на формирование и укрепление консенсуса, а сами корпорации превращались в инструмент мистификации и идейно-пропагандистской интеграции населения на внеклассовой основе. «Корпоративизм — это включение масс на базе организованного труда» — такова формула фашистской «мобилизации сверху» на основе корпоративного мифа.[156]

Его содержание в том виде, в каком он подлежал усвоению массами, выглядело приблизительно так: корпорации есть органы, в которых на равных правах представлены лица наемного труда, работодатели и фашистские иерархи в качестве арбитров. Они заинтересованы в конечных результатах производства, осуществляемого во благо нации. Основания для классовой борьбы исчезают, так как государство само дает труженику все, что необходимо. В стране устанавливается порядок «высшей социальной справедливости», при котором происходит более справедливое распределение материальных благ и каждый получает по результатам своего труда. Я, индивид, есть часть этого нового социально-экономического порядка, избавленного от недостатков капитализма и социализма.

По сравнению с прочими фашистскими мифами корпоративный был в наибольшей степени идеологизирован и оторван от действительности даже с учетом того, что режим Муссолини предпринял ряд конкретных мер по строительству корпоративной системы. В институциональном плане начало ей было положено законом «О правовой организации коллективных трудовых отношений» от 3 апреля 1926 г., и хотя сам термин «корпорации» в законе отсутствовал, смысл его сводился к запрету проявлений классового противостояния и мирному разрешению конфликтов. С этой целью было создано министерство корпораций и Национальный совет корпораций как его консультативный орган (закон от 1 июля 1926 г.). Функции нового министерства, пока еще лишенного самих корпораций и сколько-нибудь заметного влияния в иерархии власти, сводились, во-первых, к арбитражу

в коллективных трудовых спорах в качестве высшей инстанции; во-вторых, к регулированию системы профессионально-технического образования и ученичества (функция имела нормативный характер); в-третьих, к «содействию, вдохновлению и поддержке всех инициатив, направленных на координацию и лучшую организацию производства».[157] По существу, эти функции в экономике носили маргинальный характер и отчасти перекрещивались с задачами министерства экономики и министерства финансов. Но для нас важно другое: был учрежден государственный орган, имевший целью мирное урегулирование конфликтов и создававший тем самым иллюзию продвижения страны по корпоративному пути.

Следующим шагом в этом направлении стало одобрение БФС так называемой «Хартии труда» — документа не нормативного, повторявшего положения уже действовавших или находившихся в стадии разработки законов,[158] но преподносившегося режимом как огромное завоевание рабочего класса. Политическое значение хартии было действительно немалым, ибо провозглашенные в ней права трудящихся и принципы корпоративной системы, по меткому замечанию Де Феличе, придали режиму Муссолини «налет социальности», позволив изобразить движение по новому и справедливому пути.[159] Этот факт особенно важен с учетом надежд трудящихся на компенсацию тех негативных последствий, которые были вызваны дефляционистской политикой кабинета и введением «квоты 90».[160] Распространение в массах связанных с хартией надежд создавало благоприятную почву для прорастания семян консенсуса и укрепления корпоративного мифа.

Этому способствовала и получившая широкую огласку полемика вокруг текста хартии, конечный вариант которого явился результатом компромисса между так называемой «профсоюзной» точкой зрения и «предпринимательской».[161] Она послужила отправной точкой более широкой и острой дискуссии о сущности и характере фашистского корпоративизма, развернувшейся в Италии в начале 30-х годов под воздействием мирового экономического кризиса, достигшей своего апогея в 1932 г. на II конгрессе по корпоративным исследованиям в Ферраре и продолжавшейся с периодами упадка и подъема вплоть до начала второй мировой войны. Дискуссия стимулировалась начавшимся процессом строительства корпоративного государства и экономики, отрывочными сведениями о ходе выполнения первой пятилетки в СССР и обострившимися на Западе спорами о «программируемой экономике» и роли государства. Общим фоном дискуссии было стремление ее участников придать корпоративизму некую «динамичную и ускоряющую функцию» (в рамках социально-экономического развития страны), а также утвердить понимание необходимости усиления государственного вмешательства в экономику и социальную сферу путем введения ограничений в компетенцию патроната.

В центре дискуссии — проблема корпоративного общества как третьего пути между капитализмом и социализмом. Ее участники были едины в желании продвигаться по этому пути, но способ движения и перспективы виделись им по-разному. Наиболее распространенной среди итальянского истэблишмента (крупные предприниматели, государственные чиновники, технократы) была точка зрения, в соответствии с которой корпоративизм понимался как юридический инструмент, позволяющий с большей эффективностью, чем прежде, решать проблемы взаимоотношений труда и капитала, то есть контролировать массы и направлять в корпоративное русло все формы социального протеста. Эта версия допускала ограниченное государственное вмешательство как «рационализаторское», способствующее лучшему распределению готовой продукции (читай: продаже по госзаказу), но отрицала всякий государственный контроль над производством и любые ограничения частной собственности и инициативы.[162]

Сторонники следующей интерпретации корпоративизма были самыми многочисленными: молодежь, поверившая в возможность построения «справедливого государства», значительные слои интеллигенции, в том числе не причислявшие себя к сторонникам нового режима, группа старых «фашистов-революционеров» во главе с Дж. Боттаи и другие. В их системе взглядов наиболее выпукло было выражено стремление придать корпоративизму некое модернизаторское и обновляющее начало. В отличие от сторонников «элитарной» концепции они настаивали на установлении жестких социальных ограничений для частной собственности, на большем вмешательстве государства в экономику и ее регулировании нормативными актами, пусть даже ущемляющими права патроната, наконец, на необходимости вторжения государства в лице корпораций в «святая святых» владельцев — в процесс производства.[163] Эту точку зрения можно условно назвать «официальной», так как Боттаи, будучи министром корпораций, озвучивал идеи, согласованные с дуче. Однако «официальность» не защитила концепцию от сильной критики, прозвучавшей на съезде в Ферраре из уст профессора корпоративного права У. Спирито.

Вокруг Спирито и возглавлявшегося им журнала «Исследования по праву, экономике и политике» группировались молодые интеллектуалы, выражавшие так называемое «левое течение» в корпоративизме. Оно было немногочисленным, но постоянно находилось в центре дебатов. Спирито исходил из того, что в XX веке в общественной жизни резко возросло значение коллективистских начал. По его мнению, это обострило противоречия с элементами частного, что, в свою очередь, диктовало необходимость вмешательства государства для ликвидации негативных последствий дуализма.[164] Фашизм якобы сумел осознать эту реальность и, создав корпоративную систему, ликвидировавшую основные классовые контрасты, сделать первый шаг на пути преодоления противоречий. Теперь следовало,

по мнению Спирито, двигаться дальше и создавать некую «системную организацию», которая должна иметь возможность регулировать внутри себя все проблемы, возникающие между предприятиями, профсоюзами, корпорациями и государством.[165] Заметим, что в рамках этой идеи государство теряло функции верховного арбитра, становясь, наряду с прочими, одним из субъектов системы. Такой подход, недооценивавший роль фашистского государства в его экономической и политической функции, никоим образом не устраивал сторонников «официальной» версии. Боттаи подверг его резкой критике и, не убоявшись крамолы, заявил о существовании в обществе классовых противоречий и классовой борьбы, опровергавших исходные позиции в концепции Спирито.[166]

Однако основная полемика разгорелась на съезде вокруг другого тезиса Спирито — о так называемой «пролетарской корпорации». Суть его идеи сводилась к тому, что труд в условиях корпоративной системы не мог и не должен был быть источником частной собственности для других. Следовало заинтересовать рабочих в конечных результатах своего труда, передав им часть акций предприятий, на которых они работали. Это, по мнению Спирито, привело бы к некоторым изменениям форм собственности и характера управления производством. На смену частному принципу пришел бы корпоративный, а сама корпорация действительно стала бы объединением лиц, на равных правах участвующих в производстве: «пролетарской корпорацией» (как занятых) или «корпорацией собственников средств производства» (как владельцев акций). [167] Подобная установка не могла не вызвать обвинения в попытке насаждения «разновидности коммунизма», хотя сам Спирито делал основной упор лишь на возможности преодоления внутри «пролетарской корпорации» классового дуализма, а не на коренном изменении форм собственности. Частный характер собственности сохранялся, кардинально менялось лишь количество собственников.

Наконец, последняя точка зрения была представлена деятелями фашистских профсоюзов во главе с Э. Россони. Они опасались, что развитие корпоративизма может привести к окончательному подрыву роли и значения профсоюзов на производстве, что сами корпорации станут бюрократическими органами, препятствующими работе профсоюзов и присваивающими их функции. По мнению Россони, главным в деятельности корпораций должна была стать разработка и осуществление принципов отвечающей интересам нации экономической политики и «новой производственной системы», имеющей целью модернизацию производства.[168]

Развернувшиеся на конгрессе дискуссии бурным потоком выплеснулись на страницы газет и журналов, причем особенно широкую огласку получил доклад профессора Спирито, содержание которого было заранее известно Муссолини. Этот факт весьма примечателен, ибо он свидетельствует о том, что все разговоры о корпоративизме, «ломание копий» и страстные дебаты

были не только отражением подлинного стремления интеллектуальной элиты найти какой-то особенный, третий путь развития общества, но и выражением тенденции, провоцировавшейся и поощрявшейся фашизмом: споры о корпоративизме рождали иллюзию о социальном и прогрессивном характере режима Муссолини. Постоянная поддержка этой дискуссии не только гарантировала в какой-то мере сохранение полемического и критического потенциала, особенно молодежи, в условиях тоталитарного режима, но превращала корпоративную идею в неотъемлемую часть фашистского мировоззрения и соответственно субкультуры.

Иллюзии масс подпитывались конкретными действиями режима Муссолини. Еще в марте 1930 г. был принят закон о реформе Национального совета корпораций, отныне возглавленного лично дуче. Полномочия этого органа были заметно расширены. Они состояли в содействии режиму «по любому вопросу, касающемуся национального производства», то есть в издании нормативных актов, координирующих предоставление социальных гарантий, обеспечивающих соблюдение коллективных договоров и дисциплины труда, регулирующих экономические отношения между различными отраслями производства и между профсоюзами. На бумаге этот орган выглядел весьма солидно, но на деле при принятии крупных экономических решений (например, при создании ИРИ) его мнения никто не принимал в расчет. Совет превратился в громоздкую бюрократическую структуру, и даже секретарь фашистской партии Турати высказывал опасения, что за дымом дискуссий осталась нетронутой сущность экономических и социальных отношений, в том числе отношений рабочих с капиталистами, которые превратились в руководителей корпораций.[169]

В 1934 г. наконец-то были созданы сами корпорации, объединившие практически все трудоспособное население Италии по принципу производимой продукции. Им были переданы основные функции Национального совета корпораций, а также предоставлено право пересмотра тарифов и установления цен на готовую продукцию. Это право осуществлялось декретом главы правительства, одновременно возглавившим все 22 корпорации. С нормативной точки зрения, новшество означало явное усиление государственного вмешательства в экономическую сферу, однако на деле функции корпораций свелись к консультированию и улаживанию споров по общенациональным коллективным договорам. Сколько-нибудь заметного влияния на само правительство они не оказывали, и в этом смысле их можно оценивать как угодно, но только не в качестве «органов самоуправления категорий производителей», каковыми их изображали авторы закона.[170] Многие, в том числе искренне уповавшие на корпоративизм фашисты, вскоре это почувствовали. Дж. Боттаи впоследствии признал, что, «как только был опубликован закон от 5 февраля 1934 г., корпоративизму пришел конец. Появились корпорации без корпоративизма».[171]

Главной причиной краха идеи построения корпоративной системы подавляющее большинство авторов, в том числе отечественных, считают сохранение в обществе реальных социальных и классовых противоречий, которые не исчезали, как того хотелось фашистским теоретикам, но трансформировались и загонялись внутрь корпоративного устройства, находя свое выражение «в выступлениях фашистских профсоюзов против политики предпринимательских организаций в рамках самих корпораций и под флагом борьбы за полное осуществление принципов корпоративизма».[172] К этому следует добавить, что в среде патроната корпоративная идея никогда не рождала энтузиазма. Она воспринималась скорее как вынужденная мера, способная в какой-то степени обеспечить новые формы социального контроля (вспомним «элитарную» концепцию корпоративизма). Глухое сопротивление патроната, выливавшееся наружу в ходе острой полемики о функциях и полномочиях корпоративных органов, создавало видимость противостояния с фашистским режимом, что, в свою очередь, подкрепляло усиленно насаждавшийся тезис о «надклассовом характере» государства. Пропаганда этого тезиса достигла апогея в начале 1939 г. в связи с изменением парламентской системы и появлением «Палаты фаши и корпораций». Таким образом, строительство корпоративного государства получило «триумфальное» завершение, но оно оказалось построенным лишь на бумаге и в умах теоретиков. Однако миф о корпоративизме, рожденный в начальной фазе борьбы фашистов за власть, успешно держался в течение всего периода диктатуры и рухнул лишь после вступления Италии во Вторую мировую войну. Для ее подготовки режим Муссолини располагал другим мифологическим инструментом.

МИФ ТРЕТИЙ. ВЕЛИЧИЕ НАЦИИ

Этот миф можно считать самым привлекательным и самым банальным. В его интерпретации фашистами не было каких-либо существенных, принципиальных отличий от теоретических построений итальянских националистов на рубеже XIX–XX веков. Все то, за что ратовали Э. Коррадини, А. Ориани, Л. Федерцони и другие поборники «величия нации», нашло отражение и развитие в основных официальных документах режима: программе партии, «Хартии труда» и «Доктрине фашизма». Отличие состояло лишь в том, что фашизм монополизировал все толкования патриотизма и «интересов нации», возведя их в ранг официальной доктрины. Это позволило новому режиму формировать свой облик как единственного законного наследника славных традиций прошлого, глубоко осмыслившего национальные интересы и умеющего их защищать. Сердцевиной мифа стало отождествление политических целей тоталитарного режима с превратно истолкованными интересами итальянской нации. «Фашизм — это самая

подходящая доктрина для выражения тенденций и настроений итальянского народа, возрождающегося после стольких веков унижения и пресмыкательства перед иностранцами», — провозглашалось в «Доктрине фашизма».[173]

Муссолини не сразу пришел к этой идее. Свою политическую карьеру он начинал как противник всякого национализма. «Мы не итальянцы, — утверждал в 1912 г. будущий дуче, — мы ощущаем себя по крайней мере европейцами».[174] Муссолини активно выступал против итальянского вторжения в Ливию, называя его не иначе, как «новой африканской авантюрой».[175] Однако уже в те годы он был искренне очарован величием Древнего Рима, которое в сравнении с окружавшей его действительностью приобретало характер взрывной силы и мощного идейного оружия. На страницах издававшейся им газеты «Классовая борьба» он не раз с восторгом писал о прелести и таинственности «возрождения нашей романской страсти».[176]

Точки над «i» были поставлены после вступления Италии в Первую мировую войну и перехода Муссолини на позиции интервентизма. К этому времени он уже прочно усвоил основные догматы итальянского национализма, в том числе теорию «пролетарской нации» Э. Коррадини. Вкратце ее суть сводилась к обоснованию права «бедной» итальянской нации занять «достойное место под солнцем» за счет освобождения от гнета «богатых», плутократических держав, к коим причислялись почти все крупные европейские государства.[177] Понятие «пролетарская нация» было основано на прямой аналогии с классовой борьбой. По мнению Коррадини, итальянский национализм должен был стать «национальным социализмом. То есть подобно тому, как социализм научил пролетариат ценности классовой борьбы, мы должны научить Италию ценности борьбы международной. Но международная борьба есть война. Ну что же, пусть будет война. И пусть национализм вызовет в Италии жажду победоносной войны».[178] Условием ее успеха должна была стать жесткая национальная дисциплина и социальный мир внутри страны. Таким образом, идея классового сотрудничества увязывалась воедино с концептуальным обоснованием внешнеполитической экспансии. «Классовой борьбе и международной солидарности, — писал А. Рокко уже в годы фашизма, — мы готовы противопоставить классовую солидарность в международной борьбе».[179]

По сути дела, теория «пролетарской нации» стала идеологическим выражением итальянского империализма. Это произошло задолго до прихода фашизма к власти, но было заимствовано им в качестве готового обоснования внешней экспансии во всех возможных формах: культурной, идеологической, торгово-экономической, военной. В «Доктрине фашизма» экспансия нации пояснялась как стремление государства к созданию империи и выражение ее жизненной силы. Термин «империя» означал не только «территориальное, военное или торговое понятие, но духовное и мораль-

ное», для которого традиции Древнего Рима являются «идеей-силой».[180] Апелляция к Древнему Риму была не случайна. В ней содержалась претензия на глубокую историческую преемственность, позволявшую фашизму предстать пред взором изумленного обывателя в качестве законного наследника славных традиций прошлого.

В эпоху Рисорджименто «римский миф» также был поднят на щит, хотя и ненадолго, но его содержание было иным — демократическим. Он олицетворял стремление народных масс к национальной независимости, государственному единству и свободе. Однако логика развития нации, заложенная в этом мифе в период буржуазной революции, в XX веке, и в годы фашизма особенно, сменилась логикой агрессивного национализма. Когда Муссолини заявлял о том, что он хотел бы как Мадзини «дать итальянцам *религиозную концепцию собственной нации*»,[181] он имел в виду превращение мифа в средство выполнения экспансионистских целей, а не избавление от иностранного гнета и обеспечение единства страны. Подлинный патриотизм превращался в свою противоположность, и по мере раздувания мифа становилось все труднее отличить правомерность борьбы в защиту родины от незаконности агрессии, направленной на узурпацию родины чужой.

Националистическое перерождение «римского мифа» влекло за собой утверждение, что «новая Италия» должна повернуться лицом к цивилизации других народов. Однако итальянский колониализм якобы не имел ничего общего с английским или французским, ибо он осуществлялся во имя восстановления «исторической справедливости», а не ради эксплуатации «цветных», которым Италия несла свободу и процветание. Под «исторической справедливостью» понималось заявленное националистами и поддержанное синдикалистами «право» нации, обделенной материальными ресурсами и страдающей от избытка населения (имелось в виду крестьянство Юга), завоевать свои колонии, чтобы направить туда поток эмигрантов и с их помощью освоить новые земли. Эта миссия была по плечу лишь «молодому, динамичному государству», способному выдержать противостояние со странами-гегемонами. Государство и нация едины в этой борьбе, результаты которой (то есть территориальное расширение) должны способствовать установлению «более высокой социальной справедливости» на Апеннинах.[182] Так националистический миф увязывался и переплетался с корпоративным.

Радужные перспективы заморских приобретений, рисовавшиеся фашистской пропагандой, сеяли иллюзии о возможности решения как общенациональных, так и индивидуальных проблем. Каждый итальянец мог при желании усмотреть в колониальной экспансии собственную выгоду: безграмотный сицилийский батрак, мечтающий о собственном наделе в далеких землях; индустриальный рабочий, лелеющий надежду на существенное повышение зарплаты и стабильное производство; мелкий лавочник, ожидающий новых

4 Зак. 398

товаров; студент, надеющийся на успешную государственную или военную карьеру; наконец, маститый бизнесмен или банкир, предвкушающий солидные барыши от военных поставок. «Романтическое очарование» этого мифа будило воображение и захватывало помыслы, нужно было лишь обладать небольшой фантазией и верить в заманчивую перспективу.

Однако колонии никто не хотел отдавать даром, поэтому следовало не только мечтать, но и готовиться к войне. И в этом случае фашизм не был оригинален, унаследовав от националистов представления о войне как о высшем проявлении человеческого духа, как о самом эффективном способе обеспечения «достойного места под солнцем» для возрождающейся нации. В «Доктрине фашизма» курс на подготовку агрессии был назван «фатальным движением», которому никто не вправе противодействовать, а Муссолини, слывший на заре своей политической биографии непримиримым антимилитаристом, в 30-е годы чуть ли не в каждой из своих речей обыгрывал тему патриотизма и военного могущества Италии. Поскольку война, по его мнению, являлась непременным атрибутом истории человеческого общества, длительный мир был абсурдом, и ни один полноценный мужчина не мог не испытывать потребности «немного повоевать». Поэтому каждый итальянец, по мнению дуче, должен был «спать, положив голову на солдатский ранец», а в самой Италии «все должно быть военным, все должно быть милитаризовано».[181]

В 1934 г. был принят закон «О военизации нации», нацеленный на тотальную милитаристскую обработку населения. Отныне нагнетание культа войны, приобретавшее порой гротескные и истерические формы, сопровождалось усиленной военной подготовкой. Массовое освоение военных специальностей, полувоенные организации и муштра, строгие уставы и железная дисциплина, униформы и бесчисленные парады — все это было направлено на стирание грани между гражданином и солдатом, на полное их слияние.

Представление о «величии нации» отождествлялось в фашистской мифологии с военной мощью. И дуче рьяно взялся за перевооружение армии, авиации и флота. Он строил аэродромы и закладывал военные корабли, готовил пилотов и капитанов, устраивал маневры и парады. Миф о возрождении былого военного могущества Италии, рвущейся за пределы Апеннин, был самым театрализованным. Муссолини безумно любил парады и смотры, мог часами стоять неподвижно, уперев руки в бока и задрав голову. Парады проходили повсюду: на суше, на море и в воздухе. Обычно в финале зрелища дуче сам становился во главе полка берсальеров и с винтовкой наперевес пробегал с ними перед трибуной. Зрителям бывало невдомек, что для создания видимости военной мощи через площадь гнали по нескольку раз одни и те же танки, в воздухе проносились одни и те же самолеты. Иллюзия могущества опьяняла толпу, но был в этих мили-

таристских шоу и более глубокий смысл — убедить итальянцев в собственном превосходстве над другими. «Бедная» нация не означает «худшая», скорее наоборот: несмотря на нехватку природных ресурсов и невысокий по сравнению со странами Западной Европы жизненный уровень, итальянцы создали самую справедливую систему общественных отношений (корпоративную), у них самое славное историческое прошлое, у них самый «гениальный вождь», успешно возрождающий былую военную мощь и величие нации.

И вновь причудливо сливались мифы: величие нации было немыслимо без ее вождя, олицетворявшего в одном лице и режим, и нацию, и военное могущество. Этот блеф, как паутина, окутывал страну, проникал в потаенные глубины сознания, побуждал мириться с окружающим и стимулировал веру. Даже такие люди, как Боттаи, которому никак нельзя отказать в рационализме, усматривали в деяниях режима элементы возвышения нации. Неоднократно фиксируя в своем дневнике сомнения в правильности политики Муссолини, Боттаи оправдывал приверженность фашизму своей любовью к родине.[184] Патриотический миф оказался самым коварным: ложно понятое чувство национального долга породило множество человеческих трагедий после краха режима Муссолини и оккупации Италии гитлеровскими войсками.

МИФ ЧЕТВЕРТЫЙ. УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ФАШИЗМА

В отличие от предыдущих этот миф был наименее значимым. Его не связывала никакая историческая традиция, а восприятие массами носило довольно отвлеченный характер. На запросы начальника полиции о том, какое впечатление производили на общественное мнение те или иные мероприятия, связанные с пропагандой идеи универсальности фашизма, от квесторов обычно приходил неутешительный ответ: «серьезной реакции не наблюдается», «в разговорах упоминается лишь изредка», «скептические оценки перспектив», «непонимание, какую это может принести пользу для режима» и т. д.[185] Тем не менее в официальной пропаганде, особенно с начала 30-х годов, тезис об универсальности фашистской доктрины занимал определенное место, являясь пусть небольшой, но все же частью фашистской идеологии и субкультуры.

В этой связи любопытно отметить, что Муссолини довольно долго мучился сомнениями, пытаясь найти некую оптимальную комбинацию между приверженностью к основным постулатам итальянского национализма, с одной стороны, и стремлением к интернационализации собственного опыта — с другой. По поводу универсальности фашистской идеи он высказывался еще в середине 20-х годов, заявляя, что европейский либерализм обречен на вымирание и в ближайшем будущем будет заменен новым, «фашистским типом цивилизации». В последующие годы дуче не раз отнекивался от при-

писываемой ему фразы о том, что «фашизм не является товаром для экспорта». Напротив, утверждал он, «фашизм как идея, доктрина и практика универсален».[186] Этот тезис активно обыгрывался на страницах печати в 1929 г. в связи с проведением парламентских выборов по корпоративному принципу, что и должно было означать начало «новой эры».[187] Однако в 1932 г. в беседе с Э. Людвигом дуче на вопрос о том, может ли фашизм быть экспортирован в Германию, вдруг ответил: «Ни в какую другую страну... Это продукт итальянский».[188]

Однозначный ответ Муссолини, как, впрочем, и большую часть всего, что он говорил, нельзя принимать на веру. Заявление Людвигу не означало отказа от претензии на универсальность, но было продиктовано сугубо конъюнктурными соображениями. В 1932 г. Гитлер еще не прорвался к власти, однако национал-социализм уже заявил о себе в полный голос. Его гегемонистские устремления, а также расовая и антисемитская платформа вызывали весьма настороженное отношение в Италии, в том числе в кругу высшей фашистской иерархии. Это настроение отражалось в многочисленных публикациях на страницах теоретических журналов. Их авторы ставили вопрос о том, что национал-социализм «как система отвергает и уничтожает фундаментальные духовные основы западной цивилизации и поэтому не может считаться фашизмом. Речь идет о немецком псевдофашизме или гитлеризме».[189] Имея в виду такую позицию и в значительной мере симпатизируя ей, Муссолини в беседах с Людвигом и в публичных выступлениях той поры тщательно обходил стороной вопрос о национал-социализме и избегал попыток его сравнения с итальянским фашизмом. Однако родственную связь обеих идеологий невозможно было замаскировать умолчанием, тем более что тезис об универсальности фашизма находил в Германии свое подтверждение.

Ответ Людвигу имел и иную подоплеку. В нем нашла выражение позиция «универсалистов», которая сформировалась не без участия дуче в начале 30-х годов. Фашизм оценивался как феномен, выросший на Апеннинах и потому имеющий итальянские корни и облик. В этом смысле он якобы неповторим. Однако предложенные им рецепты выхода из кризиса (корпоративизм, социальная дисциплина, иерархическое государство и т. д.) могут и должны быть использованы в других европейских странах, стремящихся избежать опасности большевизма и негативных последствий либерального капитализма. Следовательно, практика режима Муссолини носит универсальный характер, и европейские народы должны быть благодарны итальянским фашистам за предложенное ими блестящее решение всех проблем.

Приблизительно в таком духе (разумеется, с углубленным витийством) были выдержаны выступления итальянских делегатов на проходившем в Риме в ноябре 1932 г. международном конгрессе «моральных и исторических наук», созванном Королевской Академией Италии.[190] Многие

из выступавших были уже хорошо известны в кругах интеллектуальной фашистской элиты как постоянные авторы журнала «Антиевропа», основанного в 1928 г. А. Гравелли. Участник захвата Фиуме, член первого фашистского союза, не утративший былого революционного запала, Гравелли вынашивал идею «мирового фашистского переворота», главной движущей силой которого должна была стать молодежь.[191] Старому континенту, «одряхлевшему, больному демократией», он противопоставил (отсюда термин «Антиевропа») некую «Европу молодости, восставшую по примеру Рима» и создающую «новую универсальную систему по римскому образцу». Грядущая «фашистская революция» европейского масштаба мыслилась Гравелли как органическое продолжение «революции» на Апеннинах, о которой в 30-е годы вспоминали не часто, как правило, лишь в связи с годовщинами «похода на Рим».

Действительно, миф о так называемой «фашистской революции», якобы увенчавшейся захватом власти, в отличие от прочих не нагнетался в обществе ежеминутно и ежечасно. Ни по степени интенсивности его распространения, ни по уровню эффективности воздействия на массы «революционный миф» не может быть отнесен к числу основополагающих «инструментов» консенсуса. И дело тут не столько в стремлении Муссолини подчеркнуть «законность» осуществленного им переворота и преемственность власти, сколько в понимании фашистами революции как моральной ломки старого, как некоего духовного разрыва с прошлым, якобы проявившегося в утверждении в обществе «ценностей» новой эпохи: корпоративного устройства, нового «стиля жизни» и «нового человека», самим фактом своего существования якобы отражавших революционную ломку прежних жизненных стереотипов поведения и мышления.[192]

В этих «ценностях», найденных фашизмом на «третьем пути» между буржуазным либерализмом и большевистским социализмом, «революционный миф» как бы растворялся, сходил на нет. Недаром Гравелли, остро переживавший его затухание, уже в первой половине 30-х годов громко заявлял о том, что фашизм в самой Италии нуждается в очередном революционном импульсе, что он должен бороться с тормозящими его развитие факторами (бюрократизм, компромиссы, «выгадывание льгот»), что он никогда не будет стареть, если начнет триумфальное шествие по Европе.[193]

Так «революционный романтизм» «фашистов первого часа» увязывался с идеей универсальности фашизма в целом. Однако его чрезмерная «революционность» и откровенная ставка на молодежь содержали в себе «зародыш оппозиционных существующему режиму настроений».[194] Для нас этот феномен исключительно важен, так как во второй половине 30-х годов он обретет форму так называемой «молодежной фронды», отразившей серьезные сдвиги в умонастроениях выросшего при фашизме нового поколения итальянцев.

Стремление к универсализации «римского опыта» нашло выражение в попытках создания фашистского интернационала. По замыслу Гравелли, основой его деятельности должна была стать популяризация принципов корпоративного государства и их воплощение в странах, где фашисты пришли бы к власти.[195] И хотя в те годы эта идея не осуществилась из-за полной несовместимости идеологии национализма с интернационализмом, режим Муссолини активно формировал свой имидж за рубежом, используя не только печать, но также туризм, гостиничный сервис, морское пароходство и т. д. В 1928 г. в Риме была даже создана специальная Комиссия по зарубежной пропаганде, которая буквально «затопила» библиотеки и университеты Европы литературой о фашизме. Любому студенту-иностранцу достаточно было написать открытку в ближайшее итальянское консульство или туристическое агентство, чтобы бесплатно получить груду материалов о режиме Муссолини.[196] Идейная экспансия итальянских фашистов не вызывала особого энтузиазма у зарубежных единомышленников. И если поначалу их сопротивление выражалось лишь в теоретических спорах, то с 1933 г. в связи с приходом Гитлера к власти оно приобрело более действенные формы.[197]

Ответом Муссолини стало создание в июне 1933 г. комитетов действия за универсализацию Рима (КАУР), которые возглавил Э. Козельски, в прошлом — личный секретарь Д'Аннунцио. Какой-либо принципиальной новизны в теоретическом плане появление КАУР и назначение Козельски не принесли,[198] но в политическом отношении эти факты весьма показательны. Новая организация имела официальный статус, что означало прекращение колебаний дуче и его окончательный выбор в пользу универсальности фашизма. С другой стороны, по мнению самих фашистов, КАУР были призваны «дать новый импульс динамичному продвижению фашизма на европейские просторы во благо интересов Родины и всей цивилизации».[199] Иными словами, комитеты должны были заниматься тем же, что и Гравелли, но без риска превращения в потенциальные очаги оппозиционности режиму.

В декабре 1934 г. на международном конгрессе фашистов в Монтре, организованном по инициативе КАУР, Козельски в очередной раз пытался обосновать возможность и необходимость сочетания национализма с идеей универсальности. По существу доклада, имевшего откровенно лидерские амбиции, никто из делегатов не спорил, поскольку в Монтре не было основных оппонентов — представителей Третьего рейха. Отношения Италии и Германии были подпорчены их недавним конфликтом из-за Австрии (июль 1934 г.), усилившим антигерманские настроения в итальянском обществе, и прежде не питавшем особых симпатий к немцам.[200] Все это значительно осложняло восприятие массами «универсального мифа». Во всяком случае в отчетах квесторов и полицейских осведомителей за 1932–1935 гг. нам не встречались факты, которые можно было бы истолковать как проявление

дружеских чувств к немецкому народу или понимание общности исторических судеб. Обычно речь заходила лишь о том, что немцы по своему усмотрению заимствуют внешнюю атрибутику фашизма, а «все остальное делают иначе».[201] Однако то, что было связано с атрибутами режима, относилось уже к другому мифу.

МИФ ПЯТЫЙ. НОВЫЙ СТИЛЬ ЖИЗНИ

«Мы хотим фашизировать нацию», — провозгласил Муссолини в июне 1925 г., выступая на V съезде фашистской партии. В этом броском и агрессивном лозунге в концентрированном виде выражено стремление новой власти переделать не только формы социально-политической организации общества, но и духовную, нравственную атмосферу, что предполагало вторжение в обыденные (отчасти и базовые) ориентации и психологию масс. Выполнение такой задачи означало бы установление полного господства фашистской субкультуры за счет уничтожения и вытеснения на периферию массового сознания прочих идейных и нравственных ценностей.

Содержание этого лозунга многослойно. Оно включало в себя как минимум три основных компонента: во-первых, формирование всеохватывающей сети массовых организаций, обеспечивающих непосредственное соприкосновение индивида с фашистской идеологией и практикой; во-вторых, культивирование в обществе «новой нравственной системы», основанной на самоидентификации личности с всевластным корпоративным государством, якобы выражающим «высшие интересы нации» и обеспечивающим «свободное развитие» граждан; в-третьих, насаждение «нового стиля жизни», соответствующего требованиям «эпохи Муссолини». Все три компонента преследовали цель воспитания «нового человека» — фашиста по убеждению, духу и стилю поведения. В этом состоял смысл «фашизации нации».

«Мы хотим, чтобы завтра, — пояснял дуче свою цель, — об итальянце говорили фашист столь же естественно, как сегодня говорят, что он католик... Лишь создав новый образ жизни, то есть способ жить, мы сумеем вписать страницу в историю, а не только в хронику событий. Каков же этот образ жизни? Прежде всего смелость, отвага, любовь к риску, отвращение к миролюбию и сюсюканью, готовность дерзать... презрение ко всему чуждому, прямота во взаимоотношениях, разговор в полный голос, а не шепотом, чувство гордости от принадлежности к итальянской нации, дисциплина в труде и уважение власти».[202] «Фашистская революция» как «моральная ломка старого» должна была, по замыслу фашистов, создать некий новый «духовный порядок века», в котором «фашистский тип» человека по всем параметрам противопоставлялся обычному «буржуазному

типу», причем категория «буржуазное» в этой антитезе обретала в устах Муссолини морально-политический смысл: образ мышления, состояние духа, менталитет.[203] «Фашистскому типу» человека, в отличие от «буржуазного», чужды эгоизм и погоня за прибылью, он презирает комфорт и уют, воспринимает жизнь как долг перед государством, трудится и сражается во имя величия Италии, смело идет на обдуманный риск и т. д. и т. п. Добиться этого можно было, переделав не только внешнюю сторону жизни, «но ее содержание, самого человека, его характер, веру», то есть решив триединую задачу «фашизации нации».

В ее выполнении «новому стилю жизни» отводилась особая роль. Если массовые организации режима можно условно уподобить плотной паутине, окутывавшей страну, но все-таки оставлявшей свободные промежутки между нитями, то «фашистский стиль» как некая вязкая субстанция заполнял будничную жизнь, проникая в самые отдаленные и, казалось бы, закрытые ее зоны. Можно было уклониться от участия в официальных манифестациях, но избежать соприкосновения с элементами стиля и атрибутикой фашизма практически невозможно. Уже в 1923 г. чуткий 16-летний подросток, а в будущем видный деятель ИКП Дж. Амендола подметил, что фашизм был явлением, стремившимся проникнуть «в нашу личную жизнь, даже в повседневные дела».[204]

Дуче и не скрывал в этом отношении намерений режима. В 1932 г., выступая перед врачами, он без обиняков заявил: «Весь комплекс наших повседневных привычек должен быть преобразован: наши манеры есть, одеваться, работать и спать».[205] И вот, чтобы создать «новый моральный и физический тип итальянца», режим Муссолини начал яростно внедрять смехотворные, а порой просто циничные нормы поведения и общения людей. По инициативе Стараче, разумеется, одобренной дуче, среди фашистов были отменены рукопожатия, женщинам было запрещено носить брюки, для пешеходов устанавливалось одностороннее движение по левой стороне улицы (чтобы «не мешать друг другу»). Фашисты обрушились на «буржуазную привычку» вечером пить чай, ибо она якобы не соответствовала «мужественному стилю жизни».

Одной из наиболее красочных форм его проявления стала серия ритуалов, связанная живой нитью традиции с Древним Римом. Показной культ древнеримской доблести, введение в оборот слов из лексикона древних римлян, пышная торжественность церемоний, парадов, смотров, приветствие по римскому образцу поднятием вверх правой руки, объявление ликторского знака национальным гербом Италии — все это импонировало мелочному тщеславию обывателя, его стремлению к мнимому величию. Однако и в этом заимствовании фашизм не был оригинален. Фьюманская экспедиция Д'Аннунцио дала ему «образец его будущей милиции и униформы, имя его сквадрам, военный клич и литургию».[206] В начале 20-х годов многие фашисты усматривали в Д'Аннунцио источник новой этики, символики и патрио-

тического стиля. [207] Дуче, умело использовавший пристрастие итальянцев к внешней красочности и театральности, ловко скопировал с Д'Аннунцио все сценические эффекты, в том числе диалоги с толпой. Однако в его напыщенных речах и показухе, в бесконечной череде парадов и смотров, в пошловатых славословиях на официальных церемониях, в самой атмосфере фашистской Италии отчетливо ощущался избыток помпезности, некой провинциальной претенциозности, тотального подхалимства и ханжества.

И вся эта претендовавшая на оригинальность мишура находила выражение в массовых мероприятиях, имевших целью укрепить «фашистский стиль» жизни. Его черты — «быстрота, решительность, динамизм» — закалялись в ходе так называемых «фашистских суббот». По решению правительства все итальянцы независимо от возраста, социального положения и пола должны были по субботам заниматься военно-спортивной и политической подготовкой. Муссолини сам являл пример для подражания, устраивая заплывы через Неаполитанский залив, бег с барьерами и скачки на лошадях. За годы фашизма в Италии было построено большое количество стадионов, бассейнов и спортплощадок. Спорт стал доступен миллионам граждан, однако «занятия по военной закалке нации», как это называлось, сопровождались насаждением культа грубой силы и жестокости. Модными и повсеместными стали массовые гимнастические упражнения, ибо движения в едином ритме, по мнению фашистов, способствовали выработке чувства коллективизма. Муссолини требовал, чтобы все партийные сборища сопровождались занятиями физкультурой, а иерархи сдавали спортивные нормы. Даже в повседневной жизни дуче нашел способ проверять уровень их подготовки: входя в здание, Муссолини стремглав устремлялся вверх по лестнице, увлекая за собой всю свиту.

В 30-е годы появился еще один новый массовый ритуал: «фашистские свадьбы», на которых дуче считался посаженым отцом. Эта буффонада проводилась в рамках провозглашенной фашизмом «битвы за высокую рождаемость» и стала одной из наиболее одиозных. Стимулирование прироста населения Муссолини возвел в ранг государственной политики, выразив свой замысел в сжатой формуле: «Больше населения — больше солдат — больше могущества». Дуче надеялся, что 40 миллионов итальянцев к середине века превратятся в 60 миллионов. С целью поощрения рождаемости были установлены специальные награды для особо преуспевших в этом деле городов и провинций, ряд льгот для женатых мужчин и молодых матерей. При первой встрече с дуче женщины должны были называть не только имя и фамилию, но и количество своих детей. С 1933 г. в Италии стал официально отмечаться «День матери и ребенка». Шумная пропагандистская кампания сопровождалась некоторыми социальными мерами правительства, однако сколько-нибудь ощутимых успехов эта деятельность не принесла, а темпы прироста населения в 30-е годы снизились.

Мировой экономический кризис придал новый импульс начавшейся еще в 1926 г. «битве за хлеб». Фашистское руководство пыталось увеличить производство зерновых и прекратить закупки хлеба за рубежом. В эту «битву» были втянуты все основные категории населения, включая священнослужителей, призывавших прихожан к участию в сельхозработах. Между провинциями было организовано соревнование, а весной победители получали специально учрежденные призы. И в этой кампании вездесущий дуче вдохновлял массы личным примером: участвовал в молотьбе, получал символическую заработную плату, танцевал с крестьянками. Были и реальные результаты «битвы». В 1931 г. Италия впервые самостоятельно покрыла потребности в зерне, а в 1933 г. производство зерновых достигло рекордной цифры в 82 миллиона тонн (в среднем 15 центнеров с гектара), и хотя в дальнейшем оно немного снизилось, закупки хлеба за рубежом были существенно сокращены. Этого удалось достичь не столько на волне энтузиазма масс, сколько в результате вытеснения других сельскохозяйственных и садовых культур, распашки целинных земель и увеличения капиталовложений. В итоге стоимость производимого зерна нередко оказывалась даже выше привозного.

Для решения продовольственной проблемы фашизм развернул еще одну «битву» — за «интегральную мелиорацию». Смысл ее состоял в том, чтобы окультурить некоторые заболоченные территории, возвести ирригационные системы, насадить лесные полосы, провести шоссейные дороги и построить дома для крестьян, осваивающих новые земли. Львиная доля средств, выделенных на эти цели, была направлена на осушение Понтийских болот под Римом. Здесь фашисты создали образцово-показательное хозяйство, разрекламированное как символ успехов режима. На стенах домов колонистов была начертана очередная «историческая истина», изреченная дуче: «Плуг пашет землю, но защищает ее меч».

Действия правительства диктовались естественными потребностями развития страны, но устами Муссолини облекались в фашистскую риторическую оболочку. Стабилизация курса национальной денежной единицы получила пышное наименование «битвы за лиру», а попытки обеспечить большую автономность отечественного хозяйства путем ограничения импорта сырья, обусловленные политической задачей подготовки экономики к войне, — «битвы за автаркию».

По сути дела, все эти «битвы», инициированные и проводимые фашистским правительством, означали прямое вмешательство государства в экономику, требовавшее массовой «мобилизации сверху» значительной части трудоспособного населения. Каждая из «битв» сопровождалась оглушительной пропагандистской кампанией, нацеленной на пробуждение чувства личной сопричастности каждого итальянца великим историческим событиям, триумфальному установлению «нового социального порядка».

Крестьяне, с детства привыкшие сеять и собирать урожай, женщины, рожавшие и прежде без участия дуче, граждане, всегда и за все расплачивавшиеся лирой независимо от ее курса к английскому фунту, — все они оказывались помимо желания и воли вовлеченными в эту гигантскую мистификацию. Их естественная деятельность обретала некий «возвышенный смысл», вливаясь в общее дело во благо нации. Мифическое смешивалось с повседневным, преодолевало барьер критической оценки и становилось элементом обыденного сознания. Если поезд приходил по расписанию, а спортсмен выигрывал турнир, если итальянский самолет пересекал Атлантику, а крестьяне собирали хороший урожай, если «Ла Скала» обнаруживала новые таланты, а генуэзские портовики быстро разгружали суда — все это и многое другое оказывалось результатом совокупных созидательных усилий масс, режима и его лидера.

Подлинные и мнимые успехи ежегодно отмечались в ходе празднования годовщин «фашистской революции». В 1932 г. ее 10-летний юбилей был обставлен особенно пышно: «достижения нации» демонстрировала специально организованная выставка; к началу празднования было приурочено открытие новой автострады; в Риме прошли торжества на улице Империи. 28 октября на набережной Тибра открыл двери строившийся несколько лет «форум Муссолини» — комплекс спортивных сооружений, включавший большой стадион, «украшенный» 60 статуями атлетов со злобными лицами и непропорционально большими бицепсами, бассейн, гимнастический зал, теннисные корты, а главное — 17-метровый мраморный обелиск с латинским словом «DUX» (вождь).

В эстетическом обрамлении «форума Муссолини» нашло выражение насаждение в искусстве нового официального стиля, названного «ликторским». Он отличался тяжелой монументальностью и вульгарной помпезностью, но вполне соответствовал представлениям дуче о роли и задачах искусства и культуры в обществе — служить возвеличиванию режима и перевоспитанию нации. 5 октября 1926 г., выступая в Академии изящных искусств в Перудже, Муссолини заявил: «Нужно создать новое искусство нашего времени, фашистское искусство».[208] Эту задачу решал «Институт фашистской культуры», который покрыл страну густой сетью своих филиалов. Институт устраивал выставки художественного творчества, издавал газеты и журналы, к нему примыкало более 400 полуофициальных организаций.

«Фашистское искусство» должно было стать «понятным и доступным» массам, то есть быть пригодным для политической пропаганды. В начале 20-х годов при активном содействии М. Сарфатти, любовницы и советницы Муссолини в вопросах искусства, в Милане было положено начало художественному движению «Новеченто италиано», начертавшему на своих знаменах призыв «обратиться к массам».[209] Фашистский режим поддерживал это течение, противостоявшее модернизму и футуризму, что вовсе не

означало ликвидацию иных художественных направлений. В отличие от тоталитарных режимов в Германии и СССР фашистское государство в Италии не применяло против лиц творческих профессий методов открытого террора и помыкания их деятельностью. «Подлинно творческой свободы все это не давало, но возможности уйти от конформизма в Италии было больше, чем в СССР и Германии».[210]

Тем не менее глубоко идеологизированная среда обитания индивида трансформировала его способность к адекватному восприятию художественных произведений любого жанра, ибо зритель оценивал их достоинства и недостатки с усиленными националистическими и псевдопатриотическими оттенками.[211] Высокий уровень унификации духовной жизни порождал эффект восприятия художественных произведений, лишенных официальной ангажированности, с позиций внедрявшихся в массовое сознание идеологических стереотипов. В этом состояла опасность и особенность воздействия искусства и культуры на массы в условиях тоталитарного режима.

Однако создать иную культуру фашизм так и не сумел. Родившиеся в 20—30-е годы талантливые произведения были лишены фашистской идеологической начинки, а те, что создавались по официальному заказу, не стали составной частью народной культуры: это было поверхностное напластование в рамках фашистской субкультуры, быстро смытое после падения режима. «Несмываемыми» остались лишь те архитектурные новшества, которые режим воплотил в градостроительных решениях в городах.

Придя к власти, дуче рьяно взялся за перестройку Рима. В конце 1925 г. он заявил мэру столицы, что «через пять лет Рим поразит все народы мира своим великолепием: широтой, порядком, силой; он станет таким, как во времена империи Августа».[212] Суть деятельности Муссолини сводилась к уничтожению средневековой застройки, высвобождению античных памятников и строительству новых сооружений в «ликторском стиле»: громоздких и неуклюжих «дворцов фашизма», помещений партийных, молодежных и прочих организаций, призванных увековечить «эру фашизма». И хотя многие архитекторы в своей работе руководствовались не амбициозными замыслами режима, а требованиями современной урбанистики и стремлением гармонично «вписать» новостройки в общий ансамбль города,[213] его неповторимый облик, в напластованиях архитектуры которого прослеживалась многовековая история, был заметно трансформирован. Церкви вплотную обступили мрачные сооружения с фашистской символикой, античные фундаменты разрушались, старинные здания превращались в обрубки стен, поглощавшихся новой кладкой. С 1925 по 1942 г. с целью высвобождения места под строительство в Риме было разобрано на кирпичи 19 церквей. Когда же Боттаи заметил патрону, что разрушение памятников старины деморализует народ (и, добавим от себя, явно противоречит псевдопатриотическим установкам режима), дуче презрительно бросил: «Это народ эстетов! Искусство отравило итальянцев!»[214]

Дуче оказался прав лишь в том, что народ был «отравлен», но не искусством, а той нравственной атмосферой, которую создавал в стране фашистский режим. Эта атмосфера формировала людей, духовно опустошенных, лишенных представления о подлинных моральных ценностях, беспомощных и равнодушных. Недаром А. Моравия именно так и назвал свой первый роман, написанный в 1929 г., — «Равнодушные». Как всякий талантливый художник, он черпал материал из окружавшей его действительности, поэтому нарисованная им картина затхлой духовной жизни явно несет на себе приметы времени — эпохи фашизма. Чувство беспомощности перед ним, страха за свое будущее охватывало немалую часть итальянцев и объясняло «многие сделки с собственной совестью, имевшие место в это время».[215]

Убогая, но воинственная нравственная атмосфера создавала в стране особый микроклимат, способствовавший примирению с режимом и расцвету конформизма. Но вынужденное согласие не могло устроить тоталитаризм, ибо он претендовал на большее: осмысленную поддержку и преданность масс, которую пытались воспитать чуть ли не с рождения человека. Успех мифотворчества зависел не только от степени привлекательности мифа, но и от предрасположенности масс к его восприятию, которую можно было прививать с детства. Поэтому неудивительно, что «воспитание нации», особенно нового поколения, стало одним из приоритетных направлений в деятельности режима по формированию консенсуса.

4. ВОСПИТАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

Любая общественно-политическая система стремится сохранить историческую преемственность своего развития, передавая новому поколению основные идейные и нравственные ценности, то есть воспитывая его. Однако процессы воспитания в тоталитарных и демократических обществах различны по своей сути. Их объединяют лишь формальные признаки и способы передачи детям знаний, умений, навыков. Принципиальное же отличие состоит в том, что демократическое государство предоставляет ребенку более или менее реальную возможность свободного развития и нравственного выбора, тогда как тоталитарный режим такую возможность ликвидирует. Факт подобного принуждения косвенно признавался даже на страницах фашистской печати. «Нужно понять, что форма управления обществом в отдаленной перспективе становится формой менталитета, — утверждалось в официальном журнале «Критика фашиста». — Иными словами, тот, кто был сначала балиллой, затем молодым фашистом, затем членом Партии и чернорубашечником милиции, членом разного рода культурных и спортивных ассоциаций, не может без напряженных ментальных усилий прийти к заключению о необходимости замены другой

системой существующей ныне организации, которая десятки раз служила ему в самых разных ситуациях».[216] Таким образом, безальтернативность формирования личности становилась главной чертой воспитания в условиях тоталитаризма.

Режим Муссолини не являлся в этом смысле исключением. Скорей наоборот. Он прокладывал путь в направлении, по которому позже последует нацистская Германия, перенявшая у итальянских коллег «опыт работы» с молодежью. Этот опыт приобрел универсальное значение, так как все тоталитарные режимы в Европе в межвоенный период имели схожую с итальянской концепцию воспитания, его методику и молодежную политику. Общность подхода была обусловлена единством цели и рядом психофизиологических (возрастных) особенностей, присущих молодежи как социально-демографической категории.

Прежде всего это противоречивость еще не сформировавшейся до конца личности. Благородный порыв, смелость, устремленность в будущее во имя высоких идеалов могут причудливым образом сочетаться в молодых людях со слепым фанатизмом, жестокостью, эгоцентризмом и склонностью к насилию. Завышенность оценок, бескомпромиссность, малоопытность и юношеский максимализм определяют динамизм молодежи, но в то же время таят в себе зародыши ошибочных представлений и действий, которые могут усугубляться стечением обстоятельств и волею сознательно действующих идеологов и политиков. В юношеском возрасте эмоциональное начало обычно преобладает над рациональным, поэтому молодежи бывает свойственно «идти против течения», вступать в конфликт с окружающей действительностью и поднимать знамя протеста даже тогда, когда речь идет о неверном выборе. Ниспровергая авторитеты, молодежь пытается отыскать новые нравственные и политические ценности, увлекается красивой фразой, дерзким лозунгом, ищет своих кумиров. Все это открывает широкие возможности для злоупотребления экзальтированностью молодой натуры, для эксплуатации ее тяги к самоутверждению, проявляющейся в форме социальной критики и выливающейся в определенный момент во взрыв политической активности.

Именно так произошло на раннем этапе фашистского движения в Италии, которое по своей возрастной характеристике было молодежным. Причин тому немало,[217] но для нас важно сейчас иное — откровенная ставка фашизма на молодежь, его демагогическая заявка на «омоложение нации» и на права преемника ее «молодого духа». С момента появления первых сквадр «идеология молодости» стала константой идейных построений и публицистики фашизма. «Спасти Италию может только молодежь, — заявляли лидеры движения, — прошедшая школу войны, усвоившая значение дисциплины, роль иерархии, то есть роль начальства. Молодежь должна по своему образцу перевоспитать Италию, приучить ее

к движению и дисциплине труда, порядка, молодежь должна заразить итальянцев любовью своей и преданностью отечеству». [219] Демагогический «революционный дух» и мистика насилия очаровывали молодежь, в особенности фронтовую, которая активно вовлекалась в политическую и классовую борьбу. Ее динамизм способствовал формированию у молодых людей сознания объективной зависимости их судеб от развития общества, а личные проблемы выступали все более отчетливо как проблемы социально-политические, которые могли быть решены в широком общественно-историческом ракурсе. С этим пониманием связан процесс возрастания социальной активности молодежи после Первой мировой войны.

Приход Муссолини к власти поставил проблему в иную плоскость. Если раньше фашизм стремился воспользоваться социальным протестом молодых людей, то теперь его следовало обуздать и направить в иное русло. Для этого требовалось не просто идейно «обработать» подрастающее поколение, но полностью его «фашизировать»: захватить власть над умами, воспитать в милитаристском духе, заставить маршировать по жизни в унисон с поступью фашистского «нового порядка». Именно молодежь должна была унаследовать эту «поступь» и тем самым гарантировать режиму историческую перспективу. (Забегая вперед, отметим, что в известной мере добиться этого удалось, так как конформистский облик Италии середины 30-х годов определялся и новым поколением, выросшим в условиях тоталитаризма.) Поэтому она стала той категорией итальянцев, на которую фашизм пытался «оказать наибольшее идеологическое воздействие, дисциплинировать и превратить в свой резерв».[220] Для достижения поставленных целей требовалась всеобъемлющая, тщательно продуманная и четко отрегулированная система воздействия на молодежь. Она должна была охватить все стороны деятельности и быта, заполнить каждую минуту жизни, проникнуть во все уголки души и сознания юных итальянцев. Такая система была создана, и даже последовательные и непримиримые антифашисты, например П. Тольятти, вынуждены были констатировать, что фашизм сумел по-своему довольно глубоко осознать проблему молодежи, признать за новым поколением «особую роль в национальной жизни».[221]

К этому новому поколению относились молодые люди, достигшие совершеннолетия в 30-е годы. Их разрыв со старшим поколением оказался значительно глубже, чем это могло произойти в обычных условиях, поскольку он приобрел определенную политическую окраску. Если молодые люди воспитывались в семьях, не имевших устойчивой антифашистской традиции (а таковых было большинство), то они впитывали лишь новый социальный опыт, навязывавшийся всей системой воспитания.

Сущность политики режима сводилась к тотальному вовлечению детей, подростков и молодых людей в орбиту своего влияния путем создания идейно однородной среды существования. Этот курс требовал уничтожения

всех антифашистских юношеских объединений, ограничения или ликвидации альтернативных форм и источников влияния на молодежь, создания собственной многоступенчатой структуры детских и юношеских организаций, развертывания мощной пропагандистской кампании по насаждению мифов, а также реформирования системы начального, среднего и высшего образования в стране.

Школа стала одним из центральных звеньев в системе фашизации молодежи, хотя к моменту захвата власти фашизм не имел четко выраженной программы ее перестройки. Дуче пока еще специально не задавался этим вопросом, а в программе ПНФ, принятой в 1921 г., провозглашались лишь общие лозунги будущего курса: борьба с неграмотностью, строительство новых школ, обязательность образования до 4 или 6 классов в зависимости от материальных возможностей коммун.[222] Однако уже осенью 1922 г. в Италии началась широкомасштабная перестройка системы образования, охватившая все ее звенья от начальной до высшей школы и получившая название «реформы Джентиле» по имени своего теоретика и проводника, ставшего министром просвещения в первом правительстве Муссолини.

Назначение широко известного в стране философа-идеалиста на министерский пост было продиктовано несколькими взаимосвязанными причинами. Во-первых, стремлением Муссолини обеспечить правительству поддержку интеллектуалов, объединенных общей идеей ответственности за судьбу страны и считавших своим долгом воспитание нации. Это представление, по их мнению, было продолжением решения пострисорджиментальных задач общества: «Италия сделана, надо сделать итальянцев».[223] Поэтому задача интеллигенции сводилась к выработке идей для духовного обновления общества и созданию элиты, достойной новой, великой, цивилизованной Италии. Джентиле, провозгласивший основным направлением своей реформы качественное улучшение правящего класса и моральный и интеллектуальный подъем нации,[224] наилучшим образом выражал это стремление.

Во-вторых, совпадением ближайших целей, которые ставились правительством и преследовались школьной реформой, а именно: создать механизм ускорения социальной адаптации молодежи к политическому устройству; преодолеть несоответствие между школой и рынком рабочей силы, страдавшим от избыточной интеллектуальной безработицы; сократить бюджетные расходы на образование за счет уменьшения количества учащихся и учителей; успокоить в какой-то мере интеллигенцию, дальнейшая радикализация которой теперь становилась невыгодной фашистам.

В-третьих, результатами борьбы в педагогике в предшествующие годы. Реформа быстро назревала в первые десятилетия века, поскольку система образования, основанная на принципах «реформы Казати», безнадежно устарела и не соответствовала потребностям страны, вступившей в новую

стадию социально-экономического развития. Недаром попытки реформирования школы предпринимались и до прихода фашизма к власти и не кем-нибудь, а самим Б. Кроче, который в бытность свою министром просвещения (1921–1922) пытался, хотя и безуспешно, ввести государственные экзамены.

Наконец, курсом Муссолини на примирение с Ватиканом. В тот период дуче «был готов использовать все пути и средства, лишь бы установить хорошие отношения с Ватиканом и, пользуясь ими, оторвать католиков от Народной партии».[225] Идея Джентиле возродить преподавание закона Божьего в начальных классах[226] вполне соответствовала этому замыслу. Таким образом, в целом реформа Джентиле становилась выражением довольно широкого идейно-политического процесса, включавшего различные элементы соприкосновения интересов фашистов, националистов, католиков и либералов, причем последних в немалой степени. Это проявилось прежде всего в развитии принципа дидактической свободы.

По утверждению Джентиле, реформа была направлена на то, чтобы «вернуться от педагогической неразберихи и грустных лет итальянского политического упадка к чистым, надежным, классическим принципам свободы».[227] Претендуя на развитие теории «свободного воспитания» Руссо, Джентиле предоставил учителям большую независимость в выборе материала, форм и методов обучения, а ученикам — больше самостоятельности в занятиях. Новые учебные программы носили индикативный, а не нормативный характер, как прежде. Существенные изменения претерпели программы для начальных классов, в которых заметно увеличились элементы игры и объем творческих предметов.[228] Поощрение именно творческого отношения к изучаемому материалу взамен простого усвоения суммы знаний означало отход от прежних позитивистских принципов и методов обучения. По мнению французского специалиста-дидактика Э. Тюзе, работавшей в Италии в 20-е годы, «программы начальной школы, введенные в 1923 г. Дж. Ломбардо-Радиче, являются одними из лучших в мире и более прогрессивными, чем наши; но эти программы, разработанные для создания в школе обстановки спокойной и радостной работы, были почти удушены насаждением гражданской культуры».[229]

Меткое наблюдение Тюзе было основано на анализе дидактической линии, проводившейся Джентиле в соответствии со своими представлениями о свободе. Они опирались на концепцию «этического государства». Школа должна была стать свободной, но лишь в рамках этого государства, «растворившись» в нем. По мнению Джентиле, проникновение государства в школу увеличивало степень ее свободы, и тем самым якобы снималось противоречие между ужесточением дисциплины и процессом свободного формирования личности. Причем речь шла не только о государственных, но и частных школах, которые, как полагал Джентиле, также являлись

органами государства, передающего им часть своих функций в целях лучшего выполнения собственных задач.

Усиление государственного присутствия проявилось в двух аспектах. Во-первых, в формировании жесткой иерархической структуры управления, выстроенной в единую цепь от учителя до министра. Была отменена выборность директоров школ и ректоров университетов, которые отныне назначались распоряжением свыше. Их властные полномочия возросли: директора школ при принятии решений могли не учитывать мнение педсовета, а ректоры университетов стали свободнее распоряжаться материальными средствами. Во-вторых, в ужесточении административной дисциплины и ответственности в школах. По мнению Джентиле, задача школьного начальства заключалась в том, чтобы «быть бдительными стражами, которые принимают приказ как святыню, с военной преданностью, с абсолютным и безусловным повиновением».[230] Всякое неповиновение каралось жесткими мерами, вплоть до увольнения с работы. Такая жесткость приветствовалась министерством, так как соответствовала курсу на уменьшение числа учителей. Эту же цель преследовало и объединение предметов: философии с историей, физики с математикой и т. д.

Сокращение количества школ и учителей сопровождалось возведением дополнительных барьеров на пути в университет. Только так, по мнению Джентиле, можно было обеспечить эффективную селекцию и не допустить в высшую школу потенциально слабых претендентов на диплом. Поскольку для нормального функционирования государства нужны не грамотные массы, а компетентные руководители, полагал Джентиле, всю систему образования следует подчинить этой цели. Начальная школа призвана дать каждому необходимые инструменты для приобретения знаний, средняя — пробудить качества для приобщения к культуре (в ней должны преобладать предметы гуманитарного цикла), высшая — формировать элиту, оставаясь доступной лишь немногим. И вот на этом рубеже был установлен новый барьер в виде так называемой «дополнительной школы» и женских лицеев. «Дополнительная школа», имевшая трехлетний цикл обучения после начальной, не обладала статусом средней школы, ограничивала изучение ряда предметов (латынь не изучалась вообще) и не давала права продолжать учебу в университетах.[231]

Аналогичный статус имел и женский лицей. По словам П. Гобетти, он был «симптомом и символом психологии», господствовавшей в фашистский период.[232] Девушки лишались возможности осуществить профессиональную карьеру, и в этом проявилось убеждение Джентиле, а вместе с ним и части фашистской элиты, в интеллектуальном превосходстве мужчин над женщинами. Еще в 1918 г. Джентиле публично выражал обеспокоенность увеличением количества учащихся женского пола и постепенным превращением классического образования в их монополию. «Следует при-

знать, — писал он, — что женщины не наделены и никогда не будут наделены той оригинальностью мысли, той строгой духовной дисциплиной, которые являются высшими интеллектуальными и моральными силами человечества».[233] Став министром, Джентиле волевым решением отстранил женщин от преподавания большинства дисциплин гуманитарного цикла.

Однако главным мероприятием реформы, позволявшим превратить систему образования в селективное сито, стало введение в школах вступительных и выпускных государственных экзаменов, проводившихся ежегодно специально приглашенной комиссией. Новая система аттестации уравнивала частную школу с государственной, ужесточала порядок отбора для дальнейшего обучения и, таким образом, была направлена на снижение уровня интеллектуальной безработицы и улучшение состава интеллектуальной элиты. Государственные экзамены, затруднявшие продвижение вверх по социальной лестнице, были встречены враждебно в буржуазной среде, в особенности «золотой молодежью», не привыкшей и не желавшей идти на жертвы. Ее оппозицию возглавил Р. Фариначчи — будущий секретарь фашистской партии. В стране начались студенческие волнения, однако в дело немедленно вмешался сам Муссолини, заявив, что он считает реформу Джентиле «самым большим революционным актом фашистского правительства, предпринятым за эти месяцы». По этому поводу Боттаи впоследствии не без иронии заметил, что это действительно так, поскольку школьная реформа была единственной реальной в то время, но и она не была результатом творчества фашизма.[234]

Действительно, по духу эта реформа имела мало общего с фашизмом, и «фашистской» ее можно назвать разве что по способу осуществления: насильственному, тоталитарному. Эту особенность П. Гобетти отметил сразу после начала осуществления реформы. Оценивая ее характер, он писал: «Скорее реакционная, нежели фашистская. Разница велика. Фашистская реакция носит характер латинский, бунтарский, футуристический. А Джентиле навязал школе мрачный, клерикальный, ханжеский облик... Как министр, он проявил себя в качестве авторитарного догматика, диктатора с провинциальной претензией на непогрешимость».[235] Кстати, еще один наблюдательный современник оценивал реформу как реакционную — А. Грамши. В позиции Джентиле он усматривал «значительно больше политики, чем думают, много бессознательной реакционности».[236] Вывод Грамши звучит с меньшим полемическим запалом, но более взвешенно и точно. Когда Гобетти пишет о «клерикальном характере», а Грамши — о политических интересах, оба имеют в виду возвращение в школу закона Божьего в качестве обязательного предмета изучения в начальных классах. И хотя его преподавали не священники, а сами учителя, факт расширения сферы влияния католицизма и его политическая подоплека (движение новой власти навстречу Ватикану) были налицо.

Введение закона Божьего не вызвало ни в обществе, ни в парламенте сильной негативной или позитивной реакции.[237] Основная причина относительного спокойствия кроется в настроении широких кругов буржуазии и интеллигенции, ставшем результатом долгого и сложного процесса, восходящего к моменту объединения государства. В начале XX века эти слои были настроены менее антиклерикально, чем прежде, и видели в церкви потенциального союзника сильного государства. Идея Джентиле выражала их настрой, хотя была результатом его собственных теоретических выкладок.

Джентиле полагал, что основой процесса воспитания является развитие духа. Поскольку позитивистская теория педагогики не давала детям жизненного идеала и не могла насытить воспитательный процесс моральным содержанием, эту задачу следовало решать незамедлительно путем изучения в начальной школе закона Божьего как составной части процесса развития духа. В средней школе на смену религии приходит изучение философии, также науки о духе, «охватывающей всю личность и культуру».[238] «Любая религия — это всегда философия, — утверждал Джентиле, — а любая философия, если она достойна так называться, это всегда религия».[239] Таким образом, Джентиле понимал философию как вид светской религии и поэтому выступил «против двух противоположных тенденций (конфессиональной и агностической) с концепцией школы светской, но не агностической».[240]

Теория воспитания как развития духа должна была обеспечить единство дидактических методов на всем периоде обучения, однако разрыв между начальной и средней (в виде «дополнительной»), а еще больше между средней и высшей школой нарушал этот принцип. Система образования приобрела более элитарный характер, сделав весьма затруднительным доступ в университеты детям из малообеспеченных семей. Общее количество школ и учащихся сократилось, но не настолько, чтобы оказать ощутимое влияние на рынок интеллектуальной рабочей силы. Фашистская элита, католические круги, либеральная интеллигенция — все они находили в реформе сильные и слабые стороны, но безоговорочно ее не поддерживали. Наконец, в самой школе по прошествии нескольких лет концепция воспитания на основе неограниченной свободы (в рамках государства) и развития духа сменилась грубым насаждением дисциплины, принцип дидактической свободы учителя — требованием соответствия его деятельности целям государства, абсолютизация гуманитарных предметов и культуры — превознесением физического совершенства. Именно в этом, то есть в несоответствии педагогической теории Джентиле новым задачам формировавшегося тоталитарного режима состояла главная причина постепенного «умирания» реформы.

«Homines novi» не нуждались в «саморазвитии личности» на духовной основе. Уже в декабре 1925 г., выступая перед учителями, Муссолини

открыто потребовал, чтобы школа на всех ее уровнях «прониклась идеалами фашизма», чтобы она учила «понимать фашизм, обновляться в фашизме и жить в историческом климате, созданном фашистской революцией». Эрудиции для этого не потребуется, ибо, по мнению дуче, это простая «гимнастика ума», которая тем более будет полезна, чем быстрее будет забыта. «Напротив, нужно чтобы школа воспитывала характер итальянцев», — так закончил Муссолини свою мысль.[241] Еще более циничен в откровенности психолог Дж. Фанчулли, работы которого знал и высоко ценил дуче. «Дети должны быть частью одного механизма», — писал он, поэтому новая педагогика должна стремиться к тому, чтобы «целые фаланги подростков имели одинаковые души».[242] Иными словами, дух и содержание образования должны были соответствовать духу фашизма — в этом суть фашизации школы.

Единовременным актом решить эту задачу было невозможно, поэтому процесс фашизации оказался растянутым на долгие годы. Он шел по четырем основным направлениям: 1) изменение содержания образования; 2) фашизация внутришкольного распорядка; 3) централизация управления школьной системой; 4) подчинение школ фашистской партии.

В 1928 г. началась кампания фашизации учебников. В декабре были введены единые учебники для начальной школы, а январским законом 1929 г. запрещались все школьные пособия, не соответствовавшие «духу фашизма». Оформление, построение и содержание новых книг было направлено на формирование у детей милитаристской психологии, стандартизацию их мышления, воспитание агрессивности и слепого подчинения. Эта идейно-мобилизующая направленность была очевидна даже несмотря на то, что в учебниках по гуманитарным дисциплинам почти полностью отсутствовали ссылки на «Доктрину фашизма» и иные официальные источники. Причина ясна: воспитание «гражданина-фашиста» основывалось не на усвоении концепций, а на привитии иного способа мышления и образа жизни, в котором эмоционально-сентиментальный компонент был значительно важнее, чем идейно-рационалистический. Вышедшие массовыми тиражами в начале 30-х годов, школьные учебники оставались неизменными по своему содержанию вплоть до разгрома режима.

Во имя пробуждения в детях патриотического энтузиазма вся история Италии была грубо фальсифицирована и искажена. Изумленным и восторженным взорам подростков открылась пестрая, калейдоскопическая вереница легенд, героев и мифов, неумолимо приближавшая осуществление высшей цели, поставленной перед Италией Богом, — триумф фашизма. Даже изображение далекого прошлого умело приспосабливалось на потребу дня. История Древнего Рима выглядела примерно так: римляне, смелые, ловкие, но бедные люди, отказавшись от классовой борьбы, сумели установить в мире покой и порядок, но потом они разбогатели, разложились, не занимались военными упражнениями и стали легкой добычей варварских

орд. «Новые педагоги» не обошли своим вниманием и самых маленьких. Первым словом, которое учились писать итальянские дети, было «Eia» — военный клич фашистов. Каждая страничка букваря была пронизана ура-патриотическими идеями, даже безобидные слова и картинки имели фашистский пропагандистский подтекст. В учебниках для средней школы[243] многие термины оказались насыщены новым, идеологизированным содержанием: «порядок» — дисциплина, «справедливость в мире» — пересмотр границ и договоров, ущемлявших Италию, «прогресс народов» — цивилизаторская миссия Италии и т. д.

Чистке подверглись школьные библиотеки: книги Г. Ибсена, Дж. Лондона, Л. Толстого, Н. Гоголя, И. Тургенева, других корифеев мировой литературы уступали места на книжных полках произведениям дуче. В качестве обязательных стали изучаться новые предметы: «Корпоративный закон» и «Фашистская культура», а в феврале 1935 г., когда вопрос о вторжении в Эфиопию уже был решен, в школах ввели военную подготовку, на которую отводилось по 20 часов в месяц. Спустя два года появился и первый учебник по военному делу.

Фашизация внутришкольного распорядка нашла свое выражение в усиленном насаждении культа Муссолини. В начальных классах молитва перед занятиями заканчивалась патетическим обращением: «Боже, спаси и сохрани жизнь и здоровье нашего вождя!», а затем на вопрос учителя: «Знаете, дети, кто такой дуче?» — учащиеся хором отвечали: «Как всякий хороший отец, По жизни ведет нас рукой могучей, Он наших мечтаний чтец».[244] С 1923 г. в школах был введен ритуал отдания чести знамени.

Укрепившись у власти, режим Муссолини активно не противодействовал дальнейшему проникновению в школу католической церкви, но опасался чрезмерного усиления ее влияния и сохранял приоритет в воспитании за собой. Это порождало трения с Ватиканом. Папская булла Divini illius Magistri (31. 12. 1928 г.) отмечала лишь вспомогательную роль государства в формировании личности подростка и осуждала гражданские школы. Компромисс был достигнут при подписании Латеранских соглашений: с 1930 г. изучение закона Божьего вводилось и в средней школе, а с 1935 г. успеваемость по этому предмету стала обязательным условием для перевода из класса в класс. Конкордат предусматривал также переименование министерства просвещения в министерство воспитания, а в 1935 г. были установлены диктаторские формы его контроля над школами всех типов, в том числе частными.

Успех фашизации школы во многом определялся позицией учителей. Курс на жесткую регламентацию их деятельности обозначился в 1926 г., когда специальным циркуляром министра просвещения всем преподавателям предписывалось прививать детям любовь к религии, верность итальянским традициям и преданность дуче.[245] Учителя обязаны были давать

подписку о согласии с этими требованиями, в противном случае их увольняли. В 1932 г. была введена обязательная присяга на верность фашизму, и хотя присягать должны были все, это не означало, что школьные учителя поголовно стали убежденными фашистами. Конечно, среди них были и те, кто независимо от преподаваемого предмета пытался всячески превозносить фашизм и его лидера. Были и такие, кто оставался в душе антифашистом, замыкался в себе, ограничиваясь чисто формальным исполнением служебных обязанностей. Но были и иные преподаватели, которые внешне демонстрировали лояльность режиму, но стилем поведения, некоторыми малозначащими, на первый взгляд, акцентами, умолчанием или выпячиванием тех или иных фактов оставляли ученикам возможность для самостоятельного размышления, определенную свободу выбора. Такое поведение не могло укрыться от глаз вездесущих агентов ОВРА, которые неоднократно фиксировали его в своих доносах.[246] Однако к середине 30-х годов упоминания об учителях из них почти полностью исчезли.

Все новые педагоги обязаны были состоять членами фашистской партии, а преподаватели в начальных классах становились одновременно и вожаками юношеских фашистских организаций, посредством которых осуществлялся прямой партийный контроль над учебными заведениями, лишь в этом случае учителям было обеспечено продвижение по службе. В школе сложилось своего рода партийно-административное «двоевластие», которое постепенно сходило на нет по мере слияния партийного аппарата с государственным наряду с четким разделением их функций: во второй половине 30-х годов морально-политическая и физическая подготовка молодежи стала прерогативой юношеских организаций, все прочее — школы.

Новый мощный импульс фашизации системы образования был дан в связи со сменой руководства министерства национального воспитания, которое в 1936 г. возглавил широко известный в стране и близкий самому Муссолини Дж. Боттаи. Его предшественником Де Векки был недоволен секретарь фашистской партии Стараче, обвинивший министра в недостатке рвения.[247] Наиболее существенным элементом преобразований, названных «реформой Боттаи», была разработка и проведение в жизнь «Школьной хартии», одобренной Большим фашистским советом в январе 1939 г. В ней нашла отражение концепция «школьной службы», изложенная в первых двух главах. Суть ее проста: все без исключения итальянцы с детских лет до 21 года должны посещать школу и юношескую фашистскую организацию, что составляет их «школьную службу», лежащую в основе формирования солидарности всех социальных сил в стране.[248]

Реформа Боттаи предусматривала унификацию и разделение всех типов учебных заведений на пять групп, вводила обязательное трудовое воспитание для учащихся младших классов. Само по себе привитие детям навыков трудовой деятельности — явление вполне закономерное, но в условиях

фашистской Италии оно имело и негативную сторону: раннее включение детей в производство, как правило, в третичном секторе и в обход существовавших правовых норм. Социальные законы были весьма «эластичны» и оставляли лазейки для использования детской рабочей силы, хотя большинство документов Международной конференции по труду (1919 г.), вводивших ограничения на применение детского труда, было в Италии в разное время ратифицировано.[249]

На системе образования прямо и непосредственно отразилось подчинение страны гитлеровской Германии. На основе изданного 5 сентября 1938 г. закона «О защите расы в фашистских школах» все преподаватели еврейской национальности были уволены, а студенты и школьники исключены из учебных заведений и юношеских организаций. Ряд последующих сентябрьских законов разрешил создание отдельных еврейских школ на основе общегосударственных программ, однако доступ в университеты для их выпускников был закрыт.

Фашизация коснулась также университетских порядков и образования, но в меньшей степени, чем школьных. Подавляющая часть преподавателей, в основном старых либералов джолиттианского толка, была настроена враждебно к режиму, и большинство из них подписало так называемый «контрманифест Кроче» в 1925 г.[250] В начале 30-х годов это было бы уже невозможно. С 1 ноября 1931 г. для преподавателей высшей школы вводилась присяга на верность фашизму, а два года спустя к этому добавилось обязательное членство в партии. Из более чем 1000 профессоров присягу отвергли лишь 13.[251] Гуманитарии были вынуждены переделывать свои курсы с учетом требований режима, обучать новым дисциплинам: сравнительной расовой антропологии, корпоративному праву, расовой статистике и др. С декабря 1935 г. все учебные планы подлежали утверждению министром, который определял круг обязательных для каждого факультета предметов. Степень фашизации гуманитарных факультетов была значительно выше, чем естественных, что вполне соответствовало содержанию образования.

Приспособление к требованиям режима стало для университетских педагогов обязательным условием для продолжения любимой деятельности внутри страны. Логика конформизма вынуждала их замыкаться в себе, обряжаться в «черную рубашку» и выражать свой протест лишь при «плотно закрытых дверях». Судя по многочисленным доносам полицейских агентов, внедренных в университетскую среду, это явление было довольно широко распространено[252] и в послевоенной исторической и мемуарной литературе получило название «антифашизм в черной рубашке».

Но в университете сохранялся и иной антифашизм, связанный с именами К. Маркези, Г. Калоджеро, А. Манчини, Д. Кантимори и других, кто, по словам студентов, «наполнял конкретным содержанием наш антифашизм, поощряя его своей мыслью и своим авторитетом».[253] Однако в 30-е годы

это были лишь островки свободомыслия в сером море конформизма. По свидетельству ректора Падуанского университета К. Маркези, высшая школа переживала «период упадка и мельчания»,[254] хотя цифровые характеристики ее развития выглядели неплохо. Политика автаркии побуждала фашизм идти на расширение естественных факультетов, а потребность в развитии идеологии — гуманитарных. Количество университетов в годы фашизма увеличилось до 27, а число студентов — в четыре раза.[255] Этот факт весьма примечателен, поскольку во второй половине 30-х годов студенчество представляло собой многочисленную и «неспокойную» массу, процесс «брожения» которой отражал кризис конформизма и привлекал пристальное внимание фашистских властей.

* *
*

Хотя с утверждением в Италии единовластия режима проблема фашизации молодежи стала одним из главных направлений в его внутренней политике, в фашистской верхушке не было единства во взглядах на пути и средства ее решения. Те, на кого была возложена задача воспитания нации, делились на два лагеря: «непримиримых» и «ревизионистов».[256]

«Непримиримых» возглавлял секретарь фашистской партии Стараче. Для них все было предельно ясно: до «похода на Рим» молодежь должна была бурно протестовать против либерального режима, «умерщвлявшего нацию»; этот режим был ею отвергнут, и вместе с его крушением исчезла основа для всякого протеста. Теперь «жалкий буржуазный менталитет» должен быть заменен здоровым фашистским воспитанием, покоящимся на двух столпах: железной дисциплине и канонизации дуче. Целью воспитания является подготовка молодежи к будущей войне и самопожертвованию во имя «высших интересов нации». Поскольку фашистская доктрина «озаряет путь» ее развития и процветания, молодым итальянцам якобы не следует утруждать себя лишними размышлениями. Такова была «педагогическая логика» «непримиримых», в упрощенном виде выражавшаяся и прежде в лозунге сквадристов «Мне наплевать!» Этот лозунг Стараче рассматривал не только как концентрированное выражение некой философской позиции и политической доктрины, но и как жизненное кредо, как «новый стиль итальянской жизни».[257] Милитаристское воспитание представлялось ему формой бытия молодежи, ее образа мышления и восприятия действительности.

В многочисленных писаниях «непримиримых» юный фашист обретал облик аскета, чуждого обычным человеческим радостям и готового во имя дуче «жертвовать собой, смеясь».[258] Интеллектуальное порабощение становилось одним из основных компонентов фашистского воспитания, активно формировавшим «стадное чувство», при котором дисциплинар-

ные запреты и мазохистские элементы самобичевания компенсировались иллюзией борьбы за некие «идеалы», якобы придающие смысл жизни. Молодым людям навязывалось иррациональное видение жизни, ее будущее определялось мистическими силами судьбы, а успех улыбался лишь тем, кто верил и повиновался. Полностью обесценивался рациональный подход к действительности, а незнание и неопытность превозносились как «бесконечное богатство молодости». [259] Так в сознании молодежи утверждался принцип приоритета слепой веры над знаниями. Исходя из неизменности фашистской доктрины, «непримиримые» стремились целиком интегрировать молодежь в тоталитарную систему, приучив ее к жесткой дисциплине и слепому повиновению. Решительное отрицание индивидуальной свободы и права на самовыражение личности, лежавшее в основе концепции воспитания «непримиримых», обрекало молодых итальянцев на превращение в безликую, безропотную массу, готовую идти на бойню.

Однако если внимательно вчитаться в «Декалог» (10 священных заповедей) фашистской молодежи, нетрудно заметить, что некоторые его заповеди не укладываются в теорию «непримиримых». [260] Их включение в фашистскую библию — уступка «ревизионистам», во главе которых стоял Дж. Боттаи. Он выступал сторонником более гибких методов в осуществлении молодежной политики. Не полицейская дубинка, а формирование нового правящего класса, состоящего из грамотных и убежденных последователей «нового порядка», должно было обеспечить устойчивость режиму. Проблему молодежи он рассматривал в качестве центральной для фашизма, ибо любой режим, по мысли Боттаи, должен смело и постоянно обновляться в соответствии с требованиями времени. Боттаи призывал не повторять ошибок старого либерализма, который, родившись как революционная сила, превратился со временем в «музей реликтовых идей». Избежать опасности старения можно было лишь при опоре на молодежь, способную критически выражать потребности нового времени. Поэтому задача фашизма, по Боттаи, заключалась в том, чтобы преобразовать эту способность в конкретные политические действия и создать не климат прусских казарм, а возможности для открытой дискуссии в среде фашистов. Более того, следовало изыскать пути и средства, благоприятствовавшие активному включению молодежи в выработку политических доктрин и их осуществлению на практике. [261] Фашистское творчество продолжается, считали «ревизионисты», поэтому следует побуждать молодежь самостоятельно мыслить, и это позволит обогатить фашизм новым содержанием. Таким образом, за молодежью оставалось право хотя бы частично модифицировать институты и постулаты фашизма, приспосабливая их к новой реальности. Боттаи и его единомышленники выступали за осмысленное восприятие молодыми людьми фашизма, осмеливаясь говорить даже о том, что, если это восприятие окажется сугубо внешним, молодежь будет

способна отринуть фашистские идеи. В отличие от «непримиримых», стремившихся развивать коллективистское сознание путем подавления индивидуальных черт характера и их нивелировки, «ревизионисты» считали необходимым конструировать его как совокупность этих индивидуальных черт. Поэтому, в их представлении, для формирования нового, «динамичного по духу» правящего класса требовалось сочетание коллективной дисциплины и индивидуальной свободы.

Муссолини не принадлежал ни к одному из этих лагерей. Он рассматривал режим как монолитный блок, основанный на одной, его собственной доктрине фашизма, что было несовместимо с идеей Боттаи о ее обновлении и пересмотре. Дать голос молодежи значило демократизировать внутрипартийную жизнь и тем самым способствовать проявлению различных «душ» фашизма, что, в свою очередь, могло поставить под сомнение его единовластие. Муссолини не приписывал молодежи роли созидателя, но он видел и рациональное зерно, заложенное в концепции «ревизионистов». В своей политической карьере дуче не раз оказывался в центре хитросплетений различных точек зрения и интересов. Он блуждал среди них, как в лабиринте, нередко под влиянием внезапного импульса становясь на ту или иную позицию. Так и в вопросе о путях и средствах фашизации нового поколения он время от времени поощрял обе тенденции, поскольку они не были взаимоисключающими и сходились в главном: дисциплина — «святая святых» и фундамент фашистского воспитания. Она должна быть имманентно присуща фашистской молодежи, не имеющей права не только на деле или на словах, но даже в мыслях усомниться в ее целесообразности. «Дисциплина в фашизме имеет религиозный аспект», — неоднократно повторял дуче.[262] Сосуществование и борьба концепций «непримиримых» и «ревизионистов», их временные успехи и отступления отчасти объясняют противоречивость молодежной политики, особенно на завершающем этапе истории режима.

Главным орудием фашизации нового поколения стали юношеские организации, история которых восходит к периоду борьбы фашистов за власть. Первая группа «Студенческого фашистского авангарда» была создана по инициативе самих студентов в марте 1920 г. в Генуе. Вскоре аналогичные объединения появились в Болонье, Павии, Падуе, Милане, Неаполе и других университетских центрах. К маю 1920 г. в стране действовали уже 30 авангардистских организаций, насчитывавших около 3700 членов, что составляло в то время 11,9% всего фашистского движения.[263] В декабре 1921 г. вслед за созданием партии по инициативе ее секретаря М. Бьянки «Студенческий авангард» был преобразован в «Молодежный фашистский авангард», открытый для всех желающих в возрасте 15–18 лет. В соответствии с уставом этой организации группы молодежи создавались при каждом фашистском союзе, копируя структуру самой партии, но любой «авангардист», достигший 16-летнего возраста, должен

был войти в одну из фашистских сквадр.[264] Создание новой молодежной организации преследовало сугубо политические цели: распространить влияние фашистов на все социальные категории молодежи, объединить их в централизованную силу, способную оказать помощь в борьбе за власть, сформировать резерв для пополнения рядов фашистской партии. Даже младшие возрастные группы не остались вне поля зрения фашистов. В декабре 1921 г. в Милане появилась первая ячейка «Балилла»[265] для подростков 10–14 лет, а спустя полгода маленькие «балиллы» уже бодро вышагивали во многих городах Северной Италии.

Новый этап в развитии молодежных организаций начался после установления единовластия режима. В апреле 1926 г. «Балилла» (Opera Nazionale Balilla — ОНБ) стала общенациональной организацией для подростков в возрасте до 18 лет. В декрете о ее учреждении отмечалось, что фашизм рассматривает воспитание молодежи как свою «фундаментальную задачу», гарантирующую его «историческое существование».[266] Главной задачей новой организации являлась милитаристская подготовка молодежи, поэтому ее структура и порядки были в максимальной степени военизированы, хотя единого плана этой подготовки не существовало и она ориентировалась на местные условия. 11 детей составляли эскадрон, 3 эскадрона — манипулу, 3 манипулы — центурию, 3 центурии — отряд, 3 отряда — легион. Дети до 14 лет (собственно «Балилла») находились под командованием школьных учителей, «авангардисты» (до 18 лет) — под командованием офицеров фашистской милиции. Президентом ОНБ был генерал милиции, высшим покровителем — лично дуче.[267] Для руководства юношескими организациями было выделено около 50 тыс. активистов фашистской партии.[268]

Декрет об организации ОНБ предусматривал и религиозное воспитание. С этой целью к каждому отряду прикреплялся священник с титулом капеллана ОНБ преимущественно из числа тех, кто уже исполнял эти обязанности на военной службе.[269] Они должны были воспитывать одновременно «веру в Бога и веру в Родину».[270] Церковь все активнее завоевывала позиции в воспитании подрастающего поколения, но приоритет все же сохранялся за фашизмом, который использовал католичество как инструмент фашизации и конформизации молодежи, инструмент весьма эффективный ввиду глубины католической традиции.

Железная дисциплина стала законом жизни ОНБ. При вступлении дети присягали на верность дуче и клялись отдать все силы и жизнь во имя фашизма. Для большинства из них это была первая, по-детски эмоциональная клятва, и, как подметил П. Тольятти, член «Балилла» был «более активен, чем член фашистской партии».[271] Манифестации и шествия, митинги и еженедельные собрания, происходившие даже в дни школьных каникул, марши и маневры занимали вторую половину дня в будни, а также субботы и воскресенья. Механизм организации массовых мероприятий был прост:

отменялись занятия в школах, трудящаяся молодежь на целый день освобождалась от работы, получая при этом обычную дневную зарплату, в города стягивались из окрестностей молодые крестьяне, которым оплачивался проезд и выдавались пайки.[272] Этот нескончаемый конвейер отвлекал подростков от проблем своей социальной среды и приучал оценивать события сквозь призму фашистского мироощущения. Дети не могли не чувствовать гордости от сознания принадлежности к «великой армии дуче», готовой завоевать Италии место под солнцем. Форма (черная рубашка, бархатные панталоны, шапочка с орлом и кожаные перчатки) и личное оружие (деревянные карабины) льстили детскому тщеславию, способствовали формированию у ребенка ощущения своей причастности к единой спаянной организации. Эта особенность детской психологии широко и эффективно использовалась фашизмом.

Членам ОНБ были предоставлены широкие возможности для занятий спортом. «Homines novi» должны были стать не только политически и морально обновленными, но и физически развитыми. Лишь на первый взгляд могло показаться, что физическая подготовка только дополняла идейное воспитание. На самом деле она преследовала и политические цели. Недаром в 1927 г. ОНБ были переданы функции Национального института физической культуры, а спустя два года — физвоспитание в школе. Фашистские иерархи полагали, что занятия спортом должны пробуждать потаенную энергию и боевой дух, развивать силу воли и приучать к преодолению трудностей, воспитывать презрение к удобствам и комфорту. Физкультура и спорт, по словам Стараче, были направлены на «формирование гражданина-солдата»,[273] что целиком соответствовало идейно-воспитательным принципам «непримиримых».

В конце 1930 г. была создана еще одна организация — «Молодые фашисты» для юношей 18—21 года, то есть для заполнения разрыва между верхней возрастной гранью «авангардистов» и минимальным возрастом членов партии. В отличие от ОНБ, с ноября 1929 г. находившейся в подчинении министерства национального воспитания, «Молодые фашисты» оказались под прямым контролем партии, и их главной задачей была идейно-политическая подготовка для вступления в партию. Военную подготовку они проходили в системе обучения допризывников под руководством офицеров фашистской милиции.

Общие принципы фашистского воспитания распространялись и на девушек, но цели его были иными. Стремясь расширить социальную базу консенсуса, фашизм отводил женщинам особую роль, основанную на включении их семейно-материнских обязанностей в сферу «национальных интересов». В представлении фашистов женщина, по старой римской традиции, должна была стать «ангелом домашнего очага» и «матерью воина», поэтому следовало развивать ее природные качества (интуицию, практичность, уме-

ние приспосабливаться к обстоятельствам, скромность, самоотверженность) и преодолевать недостатки (суетность, непостоянство, поверхностность). Эти задачи возлагались на женские молодежные организации, которые возникли почти одновременно с мужскими. Девушки надели фашистскую форму, наравне с юношами участвовали в массовых мероприятиях, парадах и смотрах, вовлекаясь в орбиту влияния фашизма и расширяя, таким образом, границы консенсуса.

Однако это не означало поощрения режимом политической и экономической эмансипации женщин, которую фашисты и лично Муссолини считали опасной феминистской затеей, отвлекавшей будущих матерей от их основного назначения. «Если бы я предоставил им право голоса, — заявил дуче в беседе с Людвигом, — меня засмеяли бы... Знаете, где кончат англосаксы? В матриархате».[274] Женщины подвергались неприкрытой дискриминации при найме на работу, для них был закрыт доступ на административные и руководящие должности, но в избытке создавались многочисленные курсы рукоделия, кулинарии, машинописи и даже специальные курсы по организации и ведению хозяйства в колониальных условиях. В женских лицеях, появившихся в ходе реформы Джентиле, больше внимания уделялось музыкальным занятиям и рукоделию в ущерб естественным и точным наукам, а стоимость университетского образования для девушек была выше, чем для юношей.

27 октября 1937 г. был издан королевский указ о создании ДЖИЛ (Итальянская ликторская молодежь), которая становилась единственной юношеской фашистской организацией в стране. Плачевный опыт военной авантюры в Испании подвел иерархов фашизма к выводу о необходимости интенсификации военной подготовки молодежи, что и послужило главной причиной создания ДЖИЛ, объединившей 16 возрастов (с 6 до 21).[275] Более того, ряд «непримиримых» членов руководства ОНБ во главе с Р. Риччи склонялись к необходимости превращения ОНБ в организацию по типу Гитлерюгенда, то есть формирующую штурмовиков. Муссолини в принципе поддерживал стремление «гитлеризировать» ОНБ, что отражало общий курс режима на подчинение Германии, но в то же время хотел несколько обуздать эту тенденцию, которая могла обрести автономное развитие и выйти из-под жесткого контроля руководства. Удаление Риччи с поста президента и создание ДЖИЛ как нельзя лучше отвечало выполнению обеих задач.

Полный контроль над ликторской молодежью осуществлял главнокомандующий в лице секретаря фашистской партии. Он руководил идейно-политической и военно-спортивной подготовкой молодежи, которая была рассчитана на 12 лет в рамках единого четырехэтапного плана. Пропуски занятий жестоко карались: прогульщиков не переводили из класса в класс или исключали из ДЖИЛ, что было значительно хуже. Хотя формально

вступление в ликторскую молодежь было добровольным, уклониться от этого было практически невозможно.[276]

Членский билет организации служил для молодых людей своего рода «удостоверением личности», а с 11 лет им выдавались специальные книжки, в которые периодически заносились сведения об их физической подготовке и уровне овладения военными специальностями. Согласно фашистской доктрине, понятия «гражданин» и «солдат» были идентичны, поэтому военная подготовка начиналась с того времени, когда ребенок был в состоянии держать в руках оружие. С 11 лет детей учили обращаться с винтовками, с 16 — стрелять из пулеметов и водить танки, с 17 все юноши обязаны были посещать курсы допризывной подготовки, которые с февраля 1937 г. перешли под управление ДЖИЛ. Только в 1938 г. более миллиона юношей получили на этих курсах военные специальности.[277]

В период каникул стало обязательным пребывание в военно-спортивных лагерях, которые строились в горах и на побережье. Наибольшей известностью пользовался лагерь «Дуче», занимавший 4 млн кв. метров между горой Фарнезина и правым берегом Тибра. Он был рассчитан на единовременный прием 30 тыс. юношей.[278] Подготовка инструкторов ликторской молодежи и школьных учителей физкультуры осуществлялась в специальных военизированных колледжах ДЖИЛ в Удине, Орвието, Венеции, Бриндизи, Форли, академии ДЖИЛ под Римом, а также на многочисленных краткосрочных курсах в крупных городах.

Систему юношеских организаций венчали университетские фашистские группы (ГУФ). Они рассматривались режимом как питомники, из которых должны были выйти новые руководящие кадры партии и государства. Однако воспитание студентов согласно доктрине фашизма оказалось делом непростым.

В период становления тоталитарного государства ГУФ переживали затяжной внутренний кризис, порожденный переходом от сквадризма к выработке новых форм активности. Время открытых столкновений постепенно уходило в прошлое, а программы деятельности на будущее еще не существовало. Внутри ГУФ обозначились противоречия между сторонниками дисциплинарного подхода, то есть прямого действия в поддержку партийной политики, и теми, кто выступал за более активное вмешательство в собственно университетскую жизнь. В дальнейшем оба потока слились в едином русле, так как по существу не противоречили друг другу.

Фашисты «первого часа» болезненно переживали затухание сквадризма, но в середине 20-х годов он еще давал о себе знать. Гуфини (члены ГУФ) прибегали к насилию всякий раз, когда волна сопротивления фашизму поднималась с новой силой. Когда же она была отбита окончательно, от насилия дубинкой и кастетом они перешли к насилию словом. Газеты и

журналы ГУФ, бывшие рупором фашистского экстремизма, стали орудием идеологической обработки студенчества. Банальная риторика и вульгарная демагогия перемежались в них пошлыми рассуждениями на литературно-философские темы. Но для расширения массовой базы групп этого было явно недостаточно. Поэтому во второй половине 20-х годов ГУФ развернули многогранную деятельность с целью привлечь студентов, монополизировать их энергию и время, остающиеся после занятий. Этот курс был закреплен на III съезде университетских фашистов в феврале 1926 г. в Риме. Под эгидой ГУФ стали создаваться «Дома молодежи» и новые читальные залы, студенческие столовые и кассы взаимопомощи, проводились «недели альпинизма и мореплавания», устраивались универсиады и разнообразные увеселительные мероприятия, которые обладали немалой притягательной силой для молодежи, в особенности из малообеспеченных семей.

В предвоенное пятилетие широкое распространение среди студентов получили политизированные спортивные и культурные мероприятия под названием «ликторских». Участвовать в них могли только члены ГУФ, так как «ликторские чтения» были нацелены на отбор фашистской интеллектуальной элиты. Публичные дебаты по научно-политическим темам проходили в три этапа: университетский, провинциальный, общенациональный. Победившие в последнем туре получали звание «ликторов» по определенной специальности на один год. Участникам отборочных и финальных состязаний делались поблажки во время экзаменов, разрешалось пропускать занятия. Темы дебатов вполне соответствовали замыслу самих чтений: военная музыка и психология масс, место театра в политической пропаганде, необходимость Средиземного моря для Италии и т. п.

В сравнении с другими молодежными организациями ГУФ пользовались большей автономией. Участие в многочисленных политических, военно-спортивных, трудовых и прочих мероприятиях не было обязательным, за исключением некоторых особо важных политических акций. Это являлось существенным отличием от школ, где все мероприятия в рамках ДЖИЛ носили строго обязательный характер. Члены ГУФ могли не носить форму, требования к их дисциплине и регламентация их деятельности не были столь жесткими.[279]

Тем не менее многие годы власти не могли обеспечить поголовное включение студентов в фашистские группы. Еще в 1927 г. одна из сквадристских газет признавала, что «большинство студенческой молодежи не только не входит в университетские группы, но более или менее открыто настроено против фашизма».[280] Заметного перелома удалось добиться лишь в начале 30-х годов, когда студенты стали записываться в ГУФ ради получения различных льгот. По мере упрочения режима членство в ГУФ становилось все более принудительным, хотя формально всегда оставалось добровольным. По данным Стараче, в 1937 г. ГУФ насчитывали 82 тыс.

членов,[281] что точно совпадает с численностью студентов и молодых преподавателей до 28 лет, приводимой официальной статистикой.[282] ГУФ целиком находились под контролем фашистской партии: все местное и национальное руководство назначалось соответствующими фашистскими органами, во главе ГУФ стоял секретарь фашистской организации.

Военная подготовка студенчества осуществлялась в рамках университетской фашистской милиции, созданной в 1924 г. Спустя несколько лет она была реорганизована и стала составной частью ДМНБ. В ее задачу входило осуществление полицейских функций в университетах и подготовка кадров специалистов для ДМНБ. По официальным данным, в 1935 г. более полутора тысяч юношей из университетской милиции, в том числе 405 в офицерском звании, отправились добровольцами в Эфиопию.[283]

Таким образом, была создана единая многоступенчатая система военизированной подготовки молодежи под прямым контролем фашистской партии. Она являлась составной частью общей структуры массовых организаций режима и в своей деятельности питалась такой же «духовной пищей», как и остальные. Но поскольку молодежь была особой возрастной группой, ее накачка фашистскими мифами, адресованными ко всему обществу, дополнялась специфическими идеологизированными лозунгами.

«Дорогу молодежи!» — этот лозунг Муссолини взял на вооружение в первое десятилетие своего господства. Его содержание было довольно емким: старое поколение должно уступить место «человеку эпохи Муссолини», перед которым открыты все пути к блестящей карьере и военной славе, к возвышению Италии и утверждению ее господства далеко за пределами Апеннин. «Кто из итальянцев, родившихся в 1915–1920 гг. и многого еще не знавших, мог не поддаться "очарованию" таких лозунгов?» — риторически восклицает один из тех, кто в полной мере испытал на себе силу мифологического воздействия.[284] Старая, дискредитировавшая себя либеральная система не вдохновляла молодежь, поэтому создание тоталитарного государства не только не отпугнуло ее, но в какой-то мере даже соответствовало стремлению к динамичному политическому устройству, способному осуществить социальную модернизацию общества. Это государство в 30-е годы воспринималось многими молодыми людьми как нечто почти священное, выражающее волю всех индивидов, как источник права и этических ценностей: всеобщей любви и справедливости, гармонии и самого смысла жизни. В дальнейшем этот факт, многократно подтверждавшийся современниками, позволил старым либеральным антифашистам бросить всей молодежи обвинение в поддержке фашизма в момент его прихода к власти и в течение длительного периода его господства.

Открывая «дорогу молодежи», режим допускал продвижение по ней преимущественно выходцев из средних слоев населения. Представители интеллигенции, мелкой и средней буржуазии пополняли новый правящий

5 Зак. 398

политический класс, ступая после окончания университета на стезю военной, государственной, дипломатической, экономической и иной службы. Но основная масса трудящейся молодежи такой возможности не имела и иметь не могла, поэтому для нее фашистская риторика оказывалась «палкой о двух концах»: она рождала заманчивые иллюзии, но озлобляла осознанием их беспочвенности. Для многих молодых людей из бедных семей, как вспоминает один из них, фашизм представлялся единственной возможностью «чувствовать себя живым, действовать... сражаться до тех пор, пока не изменится обычный порядок вещей.. Фашизм был возбуждающим».[285] Именно это на первых порах способствовало поддержанию высокого патриотического тонуса в массовых молодежных организациях, верхний возрастной эшелон которых формировался трудящейся молодежью.

Ее удельный вес в экономике фашистской Италии был довольно высок. Молодые люди в возрасте 14–27 лет составляли в 30-е годы приблизительно четвертую часть населения страны, тогда как их доля среди занятых колебалась от 34,4% в 1931 г.[286] до 33,2% в 1936 г.[287] Это объясняется рядом причин, среди которых главная — структура итальянской экономики с преобладанием в ней мелких и средних предприятий с отсталой техникой и устаревшим оборудованием, способных «выживать» в конкурентной борьбе за счет эксплуатации дешевого труда и уклонения от уплаты налогов. Молодые итальянцы использовались преимущественно на строительстве, в стекольном и обувном производствах, в хлебопекарнях и трикотажных ателье, масса их была рассеяна по магазинам, тратториям, лавочкам, тогда как на крупных промышленных предприятиях доля молодежи была очень низка. На заводы ФИАТ вообще не принимались юноши, не прошедшие военную службу. Характер занятости молодежи объясняется традиционным противоречием на рынке труда между частью взрослых рабочих, составлявшей основу контингента рабочей силы, и второстепенной, маргинальной частью, состоявшей из молодежи и женщин, которые выбрасывались на «черный рынок» рабочей силы и трудились без коллективных договоров в кустарных мастерских, выполняли надомную работу, перебивались случайными и сезонными заработками. Поэтому фашистский лозунг «Дорогу молодежи!» звучал для них весьма отвлеченно.

Во второй половине 30-х годов, когда с созданием ДЖИЛ усилились репрессивные тенденции в молодежной политике режима, когда внутри фашистской партии чаша весов начала клониться в сторону «непримиримых», а идеи «ревизионистов» стали все чаще восприниматься слишком прямолинейно, становясь опасным обоюдоострым оружием, старый лозунг был отброшен и заменен новым: «Верить, повиноваться, сражаться!»[288] В его содержании меньше демагогии, он более полно соответствует характеру политики режима в отношении молодежи: агрессивность в стремлении привить слепую веру в дуче, претензию на формирование абсолютного

самоотождествления с режимом в мыслях и действиях, попытку максимальной военизации образа жизни. С целью распространения среди молодежи мистической веры в фашизм на базе миланских ГУФ была создана даже специальная школа фашистской мистики, и хотя результаты ее деятельности оказались малозаметными, само ее появление характеризует тот климат, который создал в стране тоталитарный режим.

Никто и никогда не сможет точно подсчитать количество молодых (и не только молодых) людей, которые искренне поверили в фашистский обман. Но ни у кого не вызывает сомнения и тот факт, что такие люди были. По свидетельству П. Тольятти, они действительно стремились к социальной справедливости и величию родины,[289] поверив в фашизм, но «не в тот, каким он был на самом деле, а в тот, за какой он себя выдавал».[290] Несмотря на трения между фашистами и Ватиканом, молодые католики не могли не видеть, что режим держал курс на примирение с церковью; милитаристский, шовинистический угар позволял юным националистам забыть Кустоцу, Адуа и Капоретто, а сохранявшие в душе верность либерализму усмотрели в фашистской империи основу для обеспечения благосостояния страны. Это поддерживало фанатичную веру ортодоксов и убаюкивало совесть конформистов, которым удобнее и легче было жить по готовым схемам, нежели рисковать и метаться в поисках выхода. Были среди них и те, кто продолжал верить по инерции, чувствуя свою вину за раннюю фашистскую молодость и не желая признаться себе в иллюзорности прежних представлений.[291] Это и было «потерянное поколение», вера которого оказалась основана на зыбком песке фашистских миражей. Она завоевала не столько умы и сердца, сколько воображение многих юных итальянцев, которые выросли в условиях тоталитаризма и ничего или почти ничего не слышали об антифашистской борьбе. Ликторское поколение не знало о том, что рядом жили в молчании такие крупные деятели либеральной оппозиции, как И. Бономи, В. Э. Орландо, Э. Де Никола и другие. Оно лишь смутно помнило то насилие, с помощью которого фашисты захватили власть. Осуждение фашизма с точки зрения незаконности его действий, характерное для периода Авентина, осталось в прошлом. Были и Особый трибунал, и злобный Стараче, и тюрьмы, и ссылки, но «я не могу сказать, — утверждает мемуарист, — что эта реальность, известная нам весьма поверхностно, составляла какую-то проблему, что она затмевала то, что могло казаться экономическим, социальным, культурным прогрессом».[292] Те из них, кто наивно верил, будто фашизм олицетворяет интересы нации, принимали как должное и его борьбу против «врагов нации».

Таким образом, режим Муссолини сумел создать довольно прочную и эффективную систему фашизации нового поколения, основанную на полумистической вере в режим и его лидера. «Мы, не осознавая этого, — вспоминает А. Пезенти, — подвергались воздействию фашистской про-

паганды».[293] Из уст коммуниста такое признание стоит немало. Однако массированному воздействию подвергалась не только молодежь, но общество в целом, и одним из основных его инструментов стали массовые организации режима.

5. МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (ФАШИСТСКАЯ ПАРТИЯ, ПРОФСОЮЗЫ, «ДОПОЛАВОРО»)

Помимо молодежных организаций, самых массовых по численности, инструментарий консенсуса включал в себя целый ряд крупных («Дополаворо», профсоюзы, фаши), средних (Сельские хозяева, CONI — Национальный итальянский олимпийский комитет, Национальная ассоциация участников войны) и мелких (Морская лига, Ассоциация инвалидов войны и др.) объединений, количество которых в 30-е годы постоянно увеличивалось.

Особое место принадлежит в этом списке Национальной фашистской партии (Il Partito Nazionale Fascista — ПНФ), имевшей в условиях режима Муссолини многофункциональный характер. Будучи сама по себе весьма многочисленной (функция организационная), ПНФ контролировала, идейно насыщала и пыталась направлять деятельность прочих массовых организаций (функция идейно-политическая, посредническая между обществом и властью), а также (имея в виду сквадры и ДМНБ) использовалась как боевое формирование в экстремальных для фашизма ситуациях и перманентное орудие насилия (функция военно-политическая). В зависимости от конкретной ситуации и задач, встававших перед фашизмом, сочетание этих функций, их удельный вес менялись, а сама партия становилась объектом борьбы и манипуляций внутри фашистской элиты.

ПНФ сформировалась в ноябре 1921 г. на основе слияния в единую организацию фашистских «союзов борьбы», насчитывавших к тому времени около 300 тыс. членов. Момент ее создания был выбран не случайно: перспектива захвата власти становилась вполне реальной. Однако формы захвата могли быть различными. Муссолини имел в виду оба варианта: мирный (путем использования легальной процедуры) и силовой (но также подкрепленный легальной процедурой). В первом случае многочисленная, хорошо структурированная партия обеспечивала бы мощную политическую поддержку и возможность привлечения на свою сторону колеблющихся масс. В этой связи П. Тольятти верно подметил, что в первой половине 20-х годов ПНФ особенно упорно боролась против тех партий, которые имели схожую с ней социальную базу: Народная партия, реформисты, а затем и КПИ.[294] Эта база состояла в основном из представителей средних слоев, а «в итальянском пролетариате была ограниченной».[295]

В случае прямого захвата власти (по мере обострения ситуации именно этот путь становился все более реальным) дисциплинированная партия, опиравшаяся на вооруженные скварды, уже имевшие немалый опыт применения силы, превращалась бы в ключевой мобилизующий инструмент подготовки и осуществления штурма. Внутри фашистского движения имелись сторонники обоих методов, но явно преобладали «силовики». Поэтому неудивительно, что секретарем ПНФ стал бывший синдикалист М. Бьянки, занимавший экстремистские позиции еще со времен первой фашистской сходки в 1919 г. Совершив крутой поворот от синдикализма, Бьянки заявил о необходимости установить контроль над основной массой трудящихся, подчинив профсоюзы фашистской партии.[296] Синдикалистский опыт поначалу позволял новоявленному иерарху сочетать в своей деятельности политические методы и прямое насилие, однако при малейших колебаниях предпочтение всегда отдавалось насилию. Еще до захвата власти Бьянки призывал начать ускоренную реконверсию и консолидировать национальную промышленность в целях достижения «индустриального и коммерческого процветания». Для этого следовало, по его мнению, заставить рабочих трудиться, принудить их к отказу от забастовок и избавиться, таким образом, от «забастовкомании». Устами своего секретаря ПНФ заявляла о готовности прибегнуть «к любым средствам, вплоть до самых крайних»,[297] чтобы обуздать рабочих. Фашистские профсоюзы на местах получали соответствующие инструкции,[298] и Италия вновь и вновь становилась ареной кровавых столкновений.

Таким образом, в первый год своего существования на этапе борьбы за власть ПНФ использовалась преимущественно в своей военно-политической функции, но сразу после «похода на Рим» дуче попытался переориентировать ее в сторону наведения и поддержания порядка. В декабре 1922 г. на места был разослан подписанный им лично циркуляр, который предписывал фашистам стать «стражами порядка. Каждый нарушитель является врагом, даже если он носит в кармане удостоверение члена Партии», — говорилось в нем.[299] Тем самым провозглашался курс на нормализацию жизни, постепенную интеграцию ПНФ в структуру власти и придание ей благопристойного облика, соответствующего правящей партии. Одновременно наносился удар по автономным устремлениям местных «расов» и фашистской вольнице в целом, грозившей подрывом еще не устоявшегося авторитета новой власти.[300]

Однако, несмотря на превращение Муссолини в главу правительства, бесчинства сквадристов на местах продолжались, что не только противоречило курсу на нормализацию, избранному дуче и единственно возможному в тех условиях,[301] но грозило вылиться в более серьезные для фашизма последствия. По мнению Б. Р. Лопухова, внутренние противоречия в фашизме являлись «выражением своего рода “бунта” средних слоев населения» —

основы контингента так называемых фашистов «первого часа», — стремившихся «к более радикальным переменам, которые превратили бы их действительно в новый правящий класс», и испытывавших озлобление против фашистов "последнего часа", главным образом крупной буржуазии и аграриев, перешедших теперь от поддержки движения к прямому и непосредственному участию в нем».[302]

Глашатаем интересов и взглядов сквадристов, считавших себя «непримиримыми» борцами за «подлинные ценности фашистской революции», был «рас» Кремоны Р. Фариначчи. Один из наиболее известных иерархов режима, которого сами фашисты зачастую называли «вице-дуче», Фариначчи не занимал ключевых государственных постов[303] и лишь однажды возглавил фашистскую партию на весьма непродолжительный срок (12.02.1925 г. — 30.03.1926 г.). Однако в течение двух десятилетий он признавался всеми в качестве непререкаемого лидера «непримиримых», снискав сомнительную славу фашистского фанатика и ортодокса.

Его назначение на пост секретаря ПНФ — событие знаковое. Оно стало результатом ожесточенной внутрипартийной борьбы и победы «непримиримых», располагавших большинством в руководстве ПНФ, над сторонниками нормализации (М. Рокко,[304] Л. Федерцони и др.). В решающей степени это стало возможным из-за «кризиса Маттеотти»,[305] нарушившего складывавшийся баланс сил и вновь поставившего вопрос о власти. Сквадризм снова оказался востребованным, а ПНФ на короткий промежуток времени обрела начавшую было сходить на убыль военно-политическую функцию. Назначение Фариначчи, глубоко убежденного в универсальности насилия как метода достижения цели, фактически означало официальное признание и призвание сквадризма. Поскольку, однако, это произошло в непростых условиях преодоления кризиса и в последующем не повторялось, нет веских оснований утверждать, будто течение «непримиримых» и лично Фариначчи делали неизбежными для Муссолини дальнейшие шаги по установлению и упрочению диктатуры.[306] На наш взгляд, правильнее было бы говорить не о «принуждении» Муссолини, а об ощущении им постоянного давления со стороны «непримиримых», которое не могло не приниматься в расчет и которое нередко совпадало с личными устремлениями и замыслами дуче. В противном случае, то есть когда действия или позиция «непримиримых» не соответствовали его курсу, Муссолини жестко стоял на своем и переходил в контратаку. Так произошло и в споре по одному из ключевых вопросов в организации нового государства: о месте и роли фашистской партии в структуре власти.

С момента присоединения к фашизму и вплоть до своей бесславной кончины Фариначчи с непоколебимым упорством отстаивал так называемую «революционную концепцию» партии. «Мы хотим включить в государство фашистскую революцию, — провозглашал он. — Это означает легализовать

фашистскую незаконность», в том числе сквадры, составлявшие боевую часть ПНФ.[107] По мнению Фариначчи, это было абсолютно необходимо для того, чтобы партия могла выполнить свою историческую миссию в новом обществе, а именно: силовыми методами и в форсированном темпе сплотить нацию в монолитном фашистском государстве, управляемом в интересах трудящихся непримиримой, революционно мыслящей элитой. Все прочие позиции Фариначчи рассматривал как оппортунистические, как отход от «подлинно революционных принципов фашизма».[108] Он возглавлял партию агрессивную, беспокойную, глубоко приверженную «фашистским ценностям», внимательно следившую за социально-политическими силами и стремившуюся подчинить их своему влиянию. Именно такая партия нужна была в годы борьбы за власть, в момент ее захвата и в период острого политического противостояния («кризис Маттеотти»).

Но такая партия не могла создать основу для длительного господства режима. Она явно не вписывалась в представления Муссолини о всемогущем государстве и партии, выполняющей вспомогательную роль в качестве одного из его орудий. ПНФ виделась ему в качестве составной части, детали, но не мотора политической системы, хотя, конечно, детали важной и неотъемлемой. По замыслу Муссолини, она должна была стать «встроенной в систему» массовой организацией («partito inquadrato»), которую можно было бы в любой момент мобилизовать в поддержку политической стратегии и тактики и которая была бы в состоянии сама мобилизовать массы в этих целях. В отличие от Фариначчи дуче ясно видел возможность укрепления личной власти в поэтапном применении авторитарной техники и методов управления к уже существующим государственным институтам и в согласии со старыми привилегированными слоями общества. Поэтому его никоим образом не устраивали «революционные» наскоки Фариначчи, его злобные выпады в адрес Ватикана и преследование католиков, физические и вербальные расправы с рядом видных представителей финансового мира и государственной бюрократии. Дуче чутко уловил усилившийся в умонастроениях негативизм по отношению к действиям сквадристов, подрывавшим симпатии респектабельной части общества, компромисс с которой, по его мнению, должен был стать одной из основ сохранения власти. Сквадризм мог раздавить едва появившиеся ростки консенсуса или по крайней мере непротивления. Ему следовало положить конец, и момент для этого был вполне подходящим: Муссолини уже явно ощущал поддержку не только со стороны монархии, крупной торгово-промышленной и финансовой буржуазии, но также аристократии, генералитета, государственного чиновничества, то есть основных представителей правящего блока. Вокруг него вновь сплачивалась и значительная часть средних слоев, уставших от политической нестабильности и усмотревших в укреплении личной власти дуче возможность упрочения

собственного социального статуса и осуществления успешной карьеры. Теперь они отказывали в поддержке Фариначчи, который своей «революционной активностью» мешал возврату к нормальной жизни, сулившей благоприятные перспективы. Круг «непримиримых» на местах все более ограничивался фанатиками-сквадристами, которые были эффективны лишь в качестве взрывной, разрушающей силы, но оказывались совершенно непригодны для реализации долгосрочных, «созидательных» целей режима. Именно такие задачи вставали на новом этапе перед ПНФ, и для их решения требовалась смена курса и лидера.

После преодоления «кризиса Маттеотти» и принятия «чрезвычайных законов», позволявших сохранить диктатуру, надобность в экстремистской партии и неукротимом «расе» из Кремоны отпала. Дихотомия взглядов на самой верхушке режима грозила стать тормозящим фактором для его дальнейшего развития, и Фариначчи был отправлен в отставку.[309]

На посту секретаря ПНФ его сменил один из прежних заместителей, малозаметный «рас» из Брешии А. Турати. Это был политический выбор Муссолини, поскольку Турати — полный антипод своего бывшего начальника как по взглядам, так и по манере поведения. Чуждый радикальности сквадристов,[310] Турати производил впечатление человека сдержанного, нейтрального, умышленно дистанцировавшегося от внутренних противоречий в фашизме, предпочитавшего гражданский костюм «черной рубашке» и всегда занимавшего сторону Муссолини в тех редких случаях, когда его мнением интересовались. Многим тогда казалось, что выбор Турати означал решение дуче самолично вершить партийные дела через доверенного и полностью управляемого секретаря. И Турати действительно во всем слушался своего кумира, но не только и не столько в силу партийной дисциплины и собственной безликости, сколько в результате совпадения его личных убеждений с новым курсом Муссолини, то есть с явно обозначившимся выбором в пользу компромисса с традиционной элитой итальянского общества. Это вовсе не означает, что выходец из Брешии был противником насилия. Скорей он хотел ограничить его жесткими рамками, рассматривая в качестве одного из инструментов, но не самоцели движения. В его опусах сквозило убеждение, что увлечение насилием грозит фашизму утратой перспективы, то есть потерей из виду важных, конструктивных целей построения «нового общества».[311] Турати выработал свою концепцию партии в этом обществе и с пылом принялся разрушать экстремистскую организацию Фариначчи.

На практике это означало сильнейший удар по позициям провинциальных «расов», установление жесткого, централизованного контроля над партией и ее интеграцию в государство, о необходимости которой Муссолини прямо заявил 7 апреля 1926 г. на представлении в Большом

фашистском совете нового руководителя ПНФ.[312] Спустя полгода был принят устав, который определял ПНФ как «организацию общественно-правового характера, используемую фашистским правительством для конституционных и административных целей».[313] В этой формулировке подчеркивалось ее подчиненное по отношению к исполнительной власти положение. В еще большей степени оно проявилось в отмене внутрипартийных выборов и назначении всех управленцев сверху.[314] Местные «расы» лишались таким образом своего «морального авторитета», ибо из избранников-сквадристов превращались в бюрократов, угодных центру. Более того, стиралось четкое различие, которое «непримиримые» проводили между партией как «революционной элитой» и нацией, подчиняющейся ей и принимающей «фашистскую революцию».

Новый курс был закреплен жесткими циркулярами на места. В категоричной форме в них подчеркивалась «наивысшая государственная власть префекта в провинции», которой должны подчиняться все без исключения граждане, «и в первую очередь те, кто имеет большое преимущество и великую честь сражаться в фашизме».[315] Турати и в дальнейшем неустанно подчеркивал приоритет государства над партией, однако самой партии отводил исключительную роль внутри режима. Он полагал, и *в этом состояла ключевая идея его концепции*, что именно партия призвана решить стратегическую задачу, а именно: создать в Италии такой фашизм, который будет наделен способностью к выживанию и развитию в долгосрочной перспективе и вне зависимости от привходящих обстоятельств, в том числе в случае смерти дуче.[316]

Для этого следовало воспитать в фашистском духе новое поколение, обеспечить согласие общества с режимом и сформировать новый правящий класс. Решение первых двух задач требовало довольно длительного промежутка времени, поскольку нужно было «внедрить» в итальянцев позитивную и бескорыстную веру в фашизм и его институты, привить дисциплину, идущую из глубины души и потому превосходящую формальное подчинение и простую лояльность.[317] А вот третью задачу можно и должно было, по мнению Турати, решать немедленно. «На каждый руководящий пост — ...черную рубашку», — провозгласил он.[318] Тем самым партии отводилась стратегическая роль в реализации принципов «фашистской революции», и в этом смысле позиция Турати сближалась с «левым» течением в фашизме.

Однако ПНФ в том виде, в каком она осталась после Фариначчи, была непригодна для выполнения «созидательных» целей. Основные руководящие посты занимали в ней фашисты «первого часа», большинство из которых имели деструктивный менталитет и не признавали новых норм партийной жизни. Их следовало перевоспитать и заставить отказаться от прежних стереотипов мышления, сложившихся в годы борьбы, или, что

было значительно проще, заменить новыми людьми, доказавшими свои «патриотические чувства» и профессиональные качества, но не обладавшими «революционным» прошлым. Партия должна была сохраниться как элита, включившая в себя «все живые и здоровые силы страны».[319]

Турати и Муссолини использовали обе возможности. Небольшую часть местных «расов» удалось «вылечить» от экстремизма и сохранить за ними посты,[320] а на остальных обрушился мощный административный удар: сначала была упорядочена бюрократическая система прохождения документов и принятия решений, что лишало «расов» возможности править в соответствии со своим стилем, затем были введены единые стандарты дисциплинарных взысканий (среди них главное — передача в компетенцию центральных органов решения об исключении из ПНФ), отнимавшие у «расов» мощное оружие в борьбе с неугодными под предлогом их «политической и моральной непригодности»,[321] наконец, была осуществлена чистка местной фашистской прессы: в течение первых девяти месяцев секретарства Турати закрылись не менее 30 газет экстремистского толка.[322]

Все эти мероприятия сопровождались волной массовых исключений сквадристов на основе формального применения нового устава ПНФ. Партийная чистка быстро набирала обороты, и вскоре к ней подключились префекты и квесторы: против строптивых экстремистов применялись методы борьбы с антифашистами — административный надзор и высылка на поселение. Нередки были случаи установления негласного полицейского наблюдения за сквадристами, что вызывало в их среде озлобление и провоцировало на ответные действия.[323]

Однако противопоставить что-либо существенное этому натиску сквадристы не могли. Как следует из доклада Турати на заседании БФС, через год после начала чистки из партии были изгнаны две тысячи иерархов и тридцать тысяч рядовых членов.[324] В течение последующих двух лет эта цифра удвоилась, но численность ПНФ оставалась на прежнем уровне,[325] так как одновременно шел прием новых членов из числа «дружественных» элементов: преподавателей, государственных служащих, промышленных управленцев, представителей мелкой и средней торгово-промышленной буржуазии, всех тех, кто усмотрел в членском билете ПНФ средство защиты бизнеса или обеспечения карьерного роста.[326] Вступление в партию ускоряло так называемую «вертикальную социальную мобильность» населения, отражало рост конформистских настроений в обществе и расширение социальной базы консенсуса. Старая бюрократия все больше оставляла выжидательные позиции и тяготела к активному сотрудничеству с режимом, особенно наиболее прозорливая ее часть, усмотревшая в курсе Муссолини на укрепление исполнительной власти немалые выгоды для себя.

Главным итогом «кавалерийского наскока» Турати стало радикальное изменение соотношения политических сил в провинции. Префекты окон-

чательно утвердились в качестве полновластных хозяев, воле которых были вынуждены подчиняться партийные иерархи. Это соответствовало стратегическим целям дуче и не противоречило амбициозным (в отношении партии) планам Турати, поскольку префекты также состояли в ПНФ и стремились фашизировать свою провинцию. Были существенно подорваны позиции сквадризма, который потерял лучшие кадры, лишился ДМНБ и окончательно утратил роль ударного отряда фашистского движения.

Однако победа Турати на поверку оказалась «пирровой». Ему действительно удалось убрать из партии самых активных и авторитетных членов, окутанных «героическим ореолом» борьбы, но поставить на их место людей, способных на практике реализовать так называемые «созидательные цели» ПНФ, оказалось не просто. Должности иерархов занимали бездарные карьеристы, зачастую лишенные элементарного интеллекта, быстро погрязавшие в коррупции и разврате. Их не признавали в качестве авторитета ни старые фашистские кадры, ни представители местной финансово-промышленной элиты. Нередко случалось так, что префект оказывался единственной опорой слабого и некомпетентного иерарха, хотя самого префекта это вполне устраивало, ибо ничто не угрожало его единовластию. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: Турати, стремившийся к превращению ПНФ в «вечный двигатель фашистской революции» и инкубатор нового правящего класса, своими действиями подорвал ее престиж и лишил возможности претендовать на какие-либо властные полномочия. Как один из центров власти на местах ПНФ угасала, теряла способность контролировать ситуацию и превращалась в послушный инструмент в руках государства, приспособленный для упрочения формирующегося консенсуса.

Муссолини мог быть доволен, так как подчиненная роль ПНФ полностью соответствовала его представлениям о ее месте в государственном устройстве. Пожалуй, именно этим объясняется длительность пребывания Турати на посту секретаря. И все же дуче был обеспокоен очевидным ослаблением партии и наплывом оппортунистов на руководящие посты. Кроме того, ему не нравилось упрямство Турати в пропаганде своей теории партии, его способность говорить нелицеприятную правду, некоторые элементы «самодеятельности», обозначившиеся на рубеже 20–30-х годов,[327] критика экономических мероприятий правительства, предпринятых в связи с началом мирового экономического кризиса, наконец, борьба Турати против коррупции, затрагивавшая интересы представителей высших эшелонов власти.[328] Они проявляли обеспокоенность тем, что «зарвавшийся» руководитель ПНФ при стечении чрезвычайных обстоятельств мог стать слишком весомой фигурой, будучи секретарем БФС и председательствуя на его заседаниях в отсутствие дуче. Одним словом, выполнив возложенную на него миссию, Турати оказался обречен.[329]

Назначая нового генерального секретаря, Муссолини поставил перед ним задачу оживить деятельность партии и скинуть «балласт, который отягощает наше движение».[330] И хотя Дж. Джуриати оказался фигурой переходной, в краткий период его секретарства отчетливо обозначился новый курс, окончательно определивший место и роль фашистской партии в структуре сложившегося тоталитарного государства. Элементы этого курса проявлялись и прежде (деблокация профсоюзов, прямое подчинение ПНФ юношеских организаций, фашизация школы и т. д.), но лишь теперь, то есть спустя почти 10 лет после прихода фашистов к власти, в результате упрочения режима стало возможным приступить широким фронтом к выполнению самой амбициозной задачи фашизма — построению нового общественно-политического порядка, противопоставленного «закату западной цивилизации» и «варварскому большевизму». Формирования одного лишь правящего класса, господствующего в обществе пассивного непротивления, для этого было недостаточно. Требовался «человек эпохи Муссолини», морально и физически зрелый, противопоставленный по всем параметрам обычному буржуазному типу. Выше мы уже писали о механизме воспитания такого человека, но в данном контексте для нас важно иное — исключительная роль ПНФ в идеологическом и организационном обеспечении процесса «трансформации души» итальянцев. Это была та сфера, в которой партия получила полную монополию и неограниченные возможности, та ниша, которая отводилась ей в структуре тоталитарного управления обществом. Властная иерархия между государством и партией при этом сохранялась, поэтому «государственники», недооценивавшие идеологическую функцию ПНФ, вынуждены были оставить высокие посты.[331]

Смена караула не заставила себя ждать и в ПНФ. 7 декабря 1931 г. вместо Джуриати на пост генерального секретаря был назначен А. Стараче — самая одиозная фигура в фашистской верхушке, деятельность которого вызывала реакцию отторжения даже в среде самих фашистов.[332] Однако выбор Муссолини был абсолютно точен, имея в виду соответствие возможностей руководителя поставленным перед ним задачам. Стараче, прежде командовавший фашистами в Тренто и ставший заместителем секретаря ПНФ в октябре 1921 г., отличался редким тупоумием, солдафонской прямолинейностью и беспрекословной исполнительностью. Он считал себя образцом «нового итальянца» (дуче не в счет, ибо это полубог, в которого нужно просто верить) и с безудержным фанатизмом пытался всех остальных сделать такими же. Для этого Стараче нужно было решить триединую задачу: превратить ПНФ в массовую организацию, расширить и подчинить ее влиянию всю систему прочих массовых организаций в стране, привить итальянцам веру в мифы и привычку жить в «фашистском стиле».

Курс на расширение партийных рядов и новые ориентиры в деятельности ПНФ требовали пересмотра линии Турати и очередной замены кадров.

В течение года после своего назначения Стараче поменял около пяти тысяч иерархов и добился принятия нового устава, в котором ПНФ определялась как «гражданская боевая организация, действующая по приказу вождя и находящаяся на службе фашистского государства».[333] В соответствии с параграфом 20 устава фашист, исключенный из ПНФ, подлежал «изгнанию из общественной жизни».[334] Перед изгоями «захлопывались все двери», и они утрачивали всякую социальную перспективу. Членство в партии де-факто стало обязательным условием для поступления на государственную службу, а также официальным преимуществом при обычном трудоустройстве. Условия вступления в ПНФ были облегчены, а прием расширен, что вполне соответствовало представлениям Стараче о мощи организации, соизмеряемой с количеством ее членов. Расширение было санкционировано дуче, который отказался от своей прежней установки о том, что «фашистами не становятся, а рождаются». Количественный рост ПНФ исчислялся сотнями тысяч, среди которых, по словам П. Тольятти, «было и немало рабочих».[335] Никаких разнарядок и лимитов на прием по количественным и качественным показателям не существовало, поэтому приток новых членов отражал возросший уровень конформизации общества и изменение социального облика ПНФ. Это вовсе не означало ее превращения в представительную, а тем более демократическую организацию. Элитарный характер партии сохранялся, но элита оказывалась на деле «чем-то множественным, вездесущим и всепроникающим. Она была везде и всюду»,[336] и в первую очередь в массовых организациях. ПНФ стала тем «нервом», который изнутри скреплял их в единое целое, подчиняя и направляя в общее русло. В данном случае уместно сравнение с пауком, сидящим в центре сотканной им паутины и контролирующим каждую ее нить.

Результаты прозелитской деятельности были впечатляющими. К окончанию 8-летнего срока пребывания Стараче на посту секретаря (октябрь 1939 г.) численность наиболее крупных объединений, контролировавшихся ПНФ, превысила 18,5 млн человек без учета членов профсоюзов, то есть почти каждый второй итальянец независимо от пола и возраста был организационно связан с фашизмом.[337] Конечно, степень интеграции в тоталитарную систему члена партии и студента ГУФ или спортсмена CONI и девушки из кружка рукоделия при «Дополаворо» была несопоставима. Однако для Стараче членство в ПНФ и контролируемых ею организациях являлось свидетельством приверженности фашистской идеологии и государству. Обращаясь к дуче, он писал о достижении единства и гармонии режима с народом. «Вы спаяли итальянцев, как того желали!» — патетически восклицал он в одном из своих рапортов.[338]

Третья составляющая задачи фашизации жизни была самой одиозной. С маниакальным упорством секретарь ПНФ и его приближенные принялись пропагандировать всю совокупность фашистских мифов, в особенности культ

дуче, и насаждать в обществе «фашистский стиль». Грубые, агрессивные, но вместе с тем бестолковые методы, применявшиеся Стараче, впоследствии дали основание говорить о «старачизме» — увлечении внешней атрибутикой, полной абсурдности и вульгаризации деятельности. Секретарь ПНФ сотнями издавал распоряжения,[339] рассылал их в средства массовой информации и в низовые организации, внимательно следил за их выполнением и в конечном счете превратил ПНФ (разумеется, при полном согласии и активном участии дуче) в основное орудие фашистской мифологизации и стилизации жизни общества. По признанию многих современников,[340] чересчур бурная деятельность Стараче вызывала крайне негативную общественную реакцию и в этом смысле наносила ущерб долгосрочным интересам режима, подрывая консенсус как одну из основ его стабильности. В справедливости этого мнения мы убедимся позже, а пока лишь отметим, что в годы секретарства Стараче ПНФ окончательно утратила роль «революционного двигателя» и была превращена в мощный инструмент конформизации граждан и их организационного приобщения к фашизму. В этом состояла ее основная функция в условиях сформировавшегося тоталитарного режима.

* *
*

Не менее важным инструментом в достижении указанных целей стали фашистские профсоюзы. История их появления и перипетии борьбы за утверждение монополии в представлении интересов трудящихся весьма подробно описаны в отечественной литературе,[341] что дает нам возможность лишь бегло упомянуть основные факты и сосредоточить внимание на другом аспекте проблемы: роли фашистских профсоюзов в структуре консенсуса.

В итальянской историографии[342] выделяются две точки зрения, которые можно условно назвать «крайними», хотя сторонниками обеих являются авторы левой ориентации. Одна делает упор на репрессивном характере фашистских профсоюзов, оценивая их как составную часть полицейской машины режима.[343] Другая, напротив, выделяет их «миротворческую функцию» и подчеркивает роль посредника, амортизировавшего социальное противостояние и сглаживавшего конфликты.[344]

На наш взгляд, истину следует искать где-то посередине, имея при этом в виду два существенных фактора, оказывавших непосредственное влияние на функции профсоюзов. Во-первых, размеры и характер производства. На крупных объединениях (металлургических, машиностроительных, судоремонтных и др.), имевших мощный костяк квалифицированных, потомственных рабочих, остававшихся носителями традиции классового противостояния и элементов социалистической субкультуры, проф-

союзы значительно чаще и эффективнее действовали как буфер между владельцами и наемными рабочими, тогда как на мелких предприятиях (деревообрабатывающих, обувных, стекольных, пищевых и др.), использовавших гораздо больше неквалифицированной, детской и женской рабочей силы, они, как правило, не могли противостоять диктату хозяев и жесткими методами гасили любые формы проявления недовольства.

Во-вторых, привходящие политические и структурные факторы. Если ситуация в стране обострялась (как, например, в начале 40-х годов), режим мобилизовывал на подавление негативного настроя масс все свои силы, включая полицию, партию, ДМНБ и профсоюзы в том числе. Если же ситуация, напротив, благоприятствовала его имиджу (после захвата Эфиопии и в связи с общим улучшением экономической конъюнктуры), профсоюзы получали дополнительные возможности для «умиротворения» рабочих и активно использовали их. Таким образом, однозначного определения политической функции профсоюзов в условиях режима Муссолини быть не может, ибо она включала в себя ряд компонентов: подавление, адсорбция недовольства, умиротворение (в том числе отстаивание интересов занятых). Но именно это сочетание позволяет говорить о гибкости и эффективности фашистских профсоюзов как орудия в насаждении консенсуса и конформизации масс.

Иначе обстоит дело в оценке профсоюзов как одного из регуляторов на рынке рабочей силы. Положение занятых (как, впрочем, и безработных) на этом рынке оказывало непосредственное влияние на формирование их отношения к режиму, и профсоюзы продолжали линию правительства, нацеленную на социальное и категориальное разделение рабочего класса. Это проявлялось, во-первых, в попытках профсоюзов влиять на ограничение миграционных потоков путем установления дифференцированных зон заработной платы, фиксирования в коллективных договорах различных условий найма на однотипную работу,[345] а также в полуофициальном запрете функционерам поддерживать трудоустройство лиц, проживавших вне данного региона. Во-вторых, в нескрываемом нежелании профсоюзов заключать коллективные договоры с неквалифицированными рабочими, то есть с наиболее слабой и наименее защищенной с социальной точки зрения частью рабочего класса. В-третьих, в стремлении к выделению среди занятых привилегированных категорий и групп, по отношению к которым проявлялось больше благожелательности со стороны правительства и патроната.

В этой связи А. Таска еще в начале 30-х годов справедливо указывал на «селекцию по политическим критериям» в пользу рабочих-фашистов, которая «отдаляет немалую часть рабочего класса от тех, кто привилегий не имеет».[346] Размер и характер льгот (о них подробнее речь пойдет в следующей главе) не следует преувеличивать, поскольку историческое

поражение рабочего класса сделало возможным стабилизацию режима Муссолини в том числе за счет материальных компенсаций, которые стоили фашизму значительно меньше, чем если бы они были предоставлены демократическим государством. В данном случае важен не объем, а сама возможность получения таковых при условии присоединения к фашистским профсоюзам, партии, «Дополаворо» и другим организациям. Осуществлявшаяся ими тактика индивидуального привлечения не ставила своей целью упразднение неравенства, но использовала это неравенство, обычно дающее толчок к отрицанию системы, как стимул для получения привилегий, распределяемых системой. Поэтому принадлежность к фашистским профсоюзам и прочим организациям могла означать не столько фашизацию, сколько конформизм, открывавший доступ к реальным благам.

Эта функция оформилась лишь в условиях тоталитарного режима, поскольку на заре движения о каких-либо преимуществах участия в фашистских профсоюзах не было и речи. Формально рождение организованного фашистского профсоюзного движения связывают со съездом в Болонье (январь 1922 г.), на котором было провозглашено создание Национальной федерации профсоюзных корпораций во главе с Э. Россони, к тому времени окончательно перешедшим на позиции фашизма.[347] Ее цель была очевидна: расширить влияние на максимально возможное количество лиц наемного труда, вытеснить классовые и прочие профсоюзы, попытаться утвердить свою монополию в рабочем движении. Однако даже после «похода на Рим» добиться этой цели не удалось: в 1923 г. численность классовых профсоюзов сократилась в несколько раз, но уровень их влияния на рабочих оставался высоким. В соответствии с идеей Россони об «интегральном синдикализме» фашисты настойчиво, но безуспешно пытались заставить их пойти на объединение с фашистскими профсоюзами, которые, в свою очередь, могли добиться признания предпринимателей лишь при отсутствии ощутимой конкуренции со стороны социалистических, коммунистических и католических организаций. С этой целью в декабре 1922 г. БФС предписал всем фашистам активно работать в корпорациях, а по отношению к предпринимателям провозгласил тактику «хорошего соседа».[348]

Борьба за вытеснение соперников приносила плоды, и в декабре 1923 г. в палаццо Киджи под эгидой Муссолини было подписано соглашение между Конфиндустрией и фашистскими профсоюзами, в котором стороны договорились «согласовывать свои действия с директивами национального правительства» и усилить работу, направленную на организацию сотрудничества промышленников с рабочими. Фашистские профсоюзы стали привилегированными собеседниками ассоциации предпринимателей, что окончательно похоронило идею «интегрального синдикализма».

В январе 1924 г. был принят закон, по которому все профессиональные организации трудящихся были поставлены под контроль префектов, а в октябре 1925 г. подписан «пакт Видони», являвшийся логическим продолжением соглашения в палаццо Киджи. Конфедерация фашистских профсоюзов получила монопольное право представлять интересы рабочих. Внутренние фабрично-заводские комиссии упразднялись,[349] профсоюзы выводились за пределы территории предприятий, а исключительную власть на производстве закреплял за собой патронат. Окончательный статус фашистских профсоюзов определялся в законе «О правовой организации коллективных трудовых отношений» от 3 апреля 1926 г., первая глава которого юридически закрепляла их эксклюзивное право представлять интересы рабочих на предприятиях. Поскольку «законно признанным» в той или иной отрасли производства мог быть только один союз, все прочие, существование которых допускалось законом, были обречены на исчезновение.[350]

Быть «законно признанным» на языке фашистов означало: объединять не менее 10% лиц данной профессии, «оказывать поддержку, способствовать образованию и моральному и патриотическому воспитанию членов», а также иметь таких руководителей, которые обладают необходимыми способностями, моральными качествами и национально-патриотической верой.[351] Признание союзов осуществлялось королевским декретом по представлению соответствующего министра с ведома и согласия МВД и государственного совета.[352] Аналогичную процедуру утверждения проходил устав профсоюза (статья 4).[353] Если ко всему этому добавить, что местные профсоюзы находились под наблюдением префектов и провинциальных административных комиссий, а национальные — под контролем министра, имевшего право распускать их правление,[354] станет очевидным, что фашистские профсоюзы оказались подчиненными государственному аппарату и глубоко идеологизированными.

Именно такой статус был предопределен королевским декретом профсоюзным организациям, некогда рожденным в качестве органов классового противостояния. Теперь они не были завоеваны пролетариатом в борьбе, но навязаны властью, сделавшей участие в них практически неизбежным. Неучастие влекло за собой потерю многих преимуществ, полученных ранее, и создавало угрозу применения репрессивных мер, против которых не оставалось никаких способов защиты. Масса трудящихся лишалась возможности выбора. Им было силой навязано безальтернативное решение, что вполне соответствовало духу тоталитаризма. Поэтому есть основания полагать, что формализованное членство в фашистских профсоюзах не только не являлось показателем приверженности режиму,

но на данном этапе даже не было выражением конформистских настроений. Сами фашисты это понимали, а Муссолини даже признавал публично, говоря о «безучастности» промышленного пролетариата.[355]

Эта мысль дуче подтверждается многими современниками, отмечавшими состояние прострации, в которое впала значительная часть рабочих.[356] Фашистские профсоюзы оказались для них единственным инструментом, которым они могли воспользоваться для решения не глобальных, но небольших, личных проблем, а также для принуждения предпринимателей соблюдать условия коллективных договоров и фашистское трудовое законодательство. Это обстоятельство неизбежно рождало прагматизм: если режим смог укрепиться и набрать силу, следовательно, с ним нужно мириться, принимать ситуацию такой, какая она есть, и брать то, что дают. Примерно так рассуждали многие рабочие, которые не были подвержены влиянию традиционного антифашизма.[357] Однако их прагматизм означал не более чем пассивную поддержку, которую режим мог потерять в случае изменения ситуации.

Судя по документам полиции, на рубеже 20–30-х годов среди промышленных рабочих (помимо антифашистов) была еще одна, хотя и немногочисленная категория, которая включала тех, кто на раннем этапе фашистского движения искренне примкнул к нему (фашисты «первого часа»), полагая, что стране действительно необходима новая, сильная власть.[358] Даже если эти люди уже не соглашались с фашистской политикой, в условиях тоталитарного режима они оказывались обреченными на его поддержку: их давил груз ответственности за происшедшее и боязнь тяжелых последствий, которые могли обрушиться на них самих и их семьи.

Пассивность обеих категорий («прагматиков» и фашистов «первого часа») укрепляла власть, но одновременно рождала у вождей иллюзии прочной поддержки рабочим классом этой власти. 6 октября 1934 г., выступая на митинге в Милане, Муссолини горделиво заявил, что «с 1929 г. и по сегодняшний день массы итальянских рабочих приблизились к фашистской революции».[359] Основанием для такого заявления стала активизация деятельности самих профсоюзов, ширившееся участие рабочих в проводимых ими мероприятиях, элементы внутризаводской борьбы вокруг выдвижения на руководящие должности, многие из которых стали выборными.[360] Действительно, рабочие в 30-е годы стали гораздо чаще использовать механизм профсоюзов для получения материальных и социальных льгот и для защиты своих прав.[361]

Однако деятельность профсоюзов не может рассматриваться лишь как «использование рабочими» одного из институтов режима,[362] поскольку этот институт был соткан из множества противоречий. Одним из наиболее существенных среди них было столкновение между политической ролью профсоюзов (как орудия сдерживания и контроля режима над рабочим

классом) и их функциональным назначением (как средства выражения и защиты социальных интересов рабочих). С учетом этого факта можно предположить, что прагматизм рабочих — членов фашистских профсоюзов приводил или к росту влияния режима в условиях отсутствия реалистических альтернатив, или, напротив, к формированию антикапиталистического и антифашистского сознания в случае существенного изменения социально-политической и психологической ситуации в стране, что в конечном счете и произошло. Не следует упускать из виду, что многие рабочие, особенно в крупных промышленных центрах, сохраняли идейную связь с классовыми боями прошлых лет. Эта связь трансформировалась в «подрывное сознание» (как неприятие фашистской власти и предпринимателей), но не мешала использовать легальные возможности для достижения ближайших целей и получения материальных выгод.

Однако в 30-е годы, особенно в первой половине—середине, перспектива радикального изменения ситуации еще не просматривалась, а прагматизм рабочих повышал удельный вес профсоюзов в тоталитарной структуре управления обществом. Это не вполне устраивало фашистскую верхушку, так как в соответствии с законом «О реформе политического представительства» (май 1928 г.) трехмиллионная, иерархически структурированная организация, формально защищавшая общие экономические интересы занятых, получала право выдвижения чуть более половины кандидатов в депутаты парламента. Несмотря на то, что Конфедерация фашистских профсоюзов находилась под жестким контролем власти, такое положение рождало некоторую обеспокоенность иерархов. К тому же во главе Конфедерации по-прежнему находился Россони, считавший необходимым применение при приеме принципа добровольности и сохранение независимости профсоюзов от государства.[363]

Сомнения относительно места и роли профсоюзов в системе политического представительства были окончательно развеяны в декабре 1928 г. Единая Конфедерация лиц наемного труда была деблокирована на семь отраслевых, не зависимых друг от друга организаций. Каждой из них противостояла конфедерация предпринимателей соответствующего профиля, имевшая право выставлять равное число кандидатов в депутаты. Это позволяло представить деблокацию профсоюзов в качестве очередного шага на пути превращения Италии в корпоративное государство. Помимо чисто идеологического аспекта деблокация имела и немаловажные структурные последствия: быстрое разбухание бюрократического аппарата отраслевых объединений (в основном за счет чиновников мелкого и среднего ранга) и подрыв прежних позиций высших профсоюзных управленцев.[364] Новые вакансии заполнялись молодыми карьеристами в «черных рубашках», которые видели в фашистских профсоюзах возможность осуществления быстрой карьеры. Те из них (выходцы из ГУФ), кто присоединился к

фашизму до или сразу после его прихода к власти, как правило, не имели необходимой подготовки и весьма смутно представляли себе проблемы рабочих, которые им предстояло решать. Их некомпетентность вылезала наружу, но принцип иерархичности, дисциплина и чинопочитание позволяли долго держаться на плаву.

В середине 30-х годов ситуация изменилась: штат функционеров пополнялся преимущественно выпускниками специальных «школ корпоративной подготовки». В отличие от старой гвардии профсоюзных бюрократов, еще недавно группировавшихся вокруг Россони, эти люди являлись носителями нового типа профсоюзной культуры, которая «не вытекала из органической связи с техникой и производством»,[365] но характеризовалась попытками втиснуть социальные противоречия в «прокрустово ложе» юридических норм, выработанных без участия рабочих. Это важно иметь в виду, поскольку при заключении коллективных договоров, как правило, доминировал именно бюрократическо-юридический подход к делу, а не реальные интересы сторон. Отсутствие противоборства зачастую выливалось в победу патроната, который лучше ориентировался в специфических проблемах и мог аргументированно доказать по-своему интерпретированные «интересы производства».

Это вовсе не означает, что предприниматели были заинтересованы в том, чтобы видеть на профсоюзных постах бездарных и послушных руководителей. Скорее напротив: профбоссы должны были не только подписывать выгодные патронату договоры, но и уметь убеждать рабочих в их собственной выгоде. Вряд ли тупицы могли проводить столь гибкую линию. Среди профсоюзных функционеров встречались и такие, кто по соображениям личного престижа или даже вполне искренне воевали с предпринимателями в защиту интересов рабочих, за что их подвергали репрессиям и даже увольняли с работы. Это явление приобрело настолько заметный характер, что 6 сентября 1933 г. министр корпораций и секретарь ПНФ были вынуждены издать совместный циркуляр, запрещавший предпринимателям увольнять профсоюзных функционеров за строптивость.[366] Такие казусы случались лишь при подготовке локальных и межрегиональных договоров, поскольку общенациональные формулировались в министерстве корпораций. Круг, таким образом, замыкался, так как именно это министерство было высшим арбитром в конфликтных ситуациях.

Замкнутость круга не означала преодоление внутри него противоречий, так как рабочие являлись, с одной стороны, субъектом борьбы за собственные интересы, с другой — объектом столкновений между властью в лице правительства, и фашистской партии, патронатом и профсоюзной бюрократией. Отношения между ними были весьма противоречивы, так как в их основе лежало стремление каждой из сторон к осуществлению максимально широкого контроля и оказанию влияния на рабочих. Соотношение

сил было неравным, ибо власти в любой момент могли прибегнуть и, когда это было необходимо, прибегали к применению принудительных «методов убеждения». Дуче, обычно стремившийся остаться «над схваткой», время от времени мастерски использовал законные требования рабочих для оказания прямого давления на патронат с целью заставить его «существенно пересмотреть свои позиции».[367] Но в тех случаях, когда его вмешательство оказывалось неизбежным, гораздо чаще вставал на сторону предпринимателей, осуждая требования профсоюзов как проявления «классового менталитета» и попытки создания на предприятиях атмосферы недоверия. Так случилось, к примеру, в апреле 1929 г. в ходе жесткого противостояния ломбардских металлистов и владельцев заводов. Муссолини, специально приехавший в Милан для урегулирования конфликта, обрушился с суровой критикой на профсоюзы, которые, по его мнению, пытались присвоить себе функции контроля за деятельностью предприятий, относящиеся к компетенции министерства корпораций.[368] Конфликт был погашен не сразу, но в итоге межпрофсоюзному комитету пришлось отозвать свои претензии. С тех пор профсоюзы стали испытывать еще большее давление со стороны правительства, а их функционеры — утрачивать остатки былой автономности.[369]

Поскольку, однако, обращение за справедливым решением в профсоюз стало вынужденной нормой поведения рабочих, фашистские власти пытались именно на этом этапе облечь конфликты в удобоваримую оболочку, что нередко приводило к выхолащиванию самих требований. В этой связи руководитель миланских профсоюзов П. Капоферри в апреле 1930 г. вынужден был обратиться с письмом к Муссолини, в котором указывал на «распространенное чувство недоверия по отношению к деятельности организации».[370] Этот факт Капоферри объяснял неэффективностью профсоюзов в защите прав рабочих, однако позже в мемуарах писал о другой, главной причине — давлении со стороны партии и правительства, осуществлявшемся через партийных секретарей и префектов.[371] При личной встрече с Муссолини в мае 1930 г. после весьма прохладного приема, оказанного дуче миланскими рабочими, Капоферри осмелился (если верить его собственному свидетельству) заявить вождю, что вторжение политических сил в деятельность профсоюзов ставило под угрозу компрометации основы общественного консенсуса в регионе.[372] Вряд ли это предостережение возымело какое-либо действие на Муссолини, поскольку в дальнейшем политическое давление на профсоюзы не ослабевало. Более того, в декабре 1939 г. было подписано соглашение между конфедерациями работодателей и рабочих промышленности, в соответствии с которым все индивидуальные трудовые конфликты должны были окончательно решаться на уровне профсоюзов, а в судебные инстанции передаваться лишь в случаях «абсолютной исключительности».

Не менее ожесточенная борьба за социальный контроль над рабочими разворачивалась между профсоюзной бюрократией и администрацией

предприятий, для которой полное признание прав профсоюзов было неприемлемо, ибо ставило под сомнение власть патроната над рабочей силой. Интересы фашистской профсоюзной бюрократии и управленческого аппарата не совпадали. Менеджеры и владельцы пытались сохранить баланс сил и отношений с рабочими, основанный на патернализме, который с давних времен был одним из способов господства над пролетариатом. Теперь же патернализм мог предстать в новом обличии через руководимые и отчасти финансируемые патронатом программы и организации социальной защиты.

Профсоюзная бюрократия, напротив, была заинтересована в изменении этого баланса в свою пользу, что позволило бы «узаконить» ее существование на основе делегирования представительских прав рабочих. Ради этого профсоюзные управленцы пользовались любыми, главным образом демагогическими, приемами, что создавало разрыв между формальным делегированием прав и действительным представительством интересов занятых. При этом профсоюзы сохраняли реальные возможности оказывать и нажим на предпринимателей, и сопротивление фашистской партии и полиции в тех случаях, когда назревали особо опасные конфликты, связанные с усилением эксплуатации в результате внедрения новых технологий и форм организации труда.

Действенная поддержка требований рабочих профсоюзными функционерами определялась как факторами формирования самой профсоюзной элиты (боссы были зависимы от основной массы), так и нелегкими условиями, в которых оказывались рабочие и которые толкали их на решительные действия. В тех случаях, когда фашистские профсоюзы не столько гасили социальную напряженность, сколько поддерживали ее, на них обрушивались репрессии (как правило, в форме замены руководства). Тем не менее реальные возможности защиты интересов рабочих в рамках профсоюзов оставались и впоследствии использовались антифашистами.

Таким образом, в 30-е годы на промышленных предприятиях сложилось своеобразное политическое равновесие: фашистские профсоюзы, пытаясь установить контроль над массами, одновременно побуждали администрацию и хозяев предпринимать ответные меры, усиливая патерналистские действия и укрепляя собственную власть над производством; предприниматели, в свою очередь, способствовали утверждению образа профсоюзов как организаций, противостоявших воле владельцев, но одновременно сопротивлялись их нажиму в качестве монопольных представителей интересов рабочего класса; профсоюзы завершали цикл обмена, аккумулируя напряжение со стороны рабочих, рассеивая и трансформируя его в коллективные и индивидуальные трудовые конфликты, которые обсуждались профсоюзными боссами за «круглым столом» с предпринимателями. Тем самым фашистские профсоюзы выполняли свою основную функцию по подавлению рабочей инициативы и мирному урегу-

лированию конфликтов. Следует лишь добавить, что в обрисованный выше механизм взаимодействия ключевых элементов в рамках «производственного круга» вторгались факторы структурного (развитие экономики и модификация производственного цикла, новые формы организации труда, горизонтальная мобильность рабочей силы и др.) и политического (упрочение или ослабление режима, появление элементов политического протеста и др.) характера, что оказывало прямое и опосредованное воздействие на его функционирование, обостряя «рабочий вопрос» и в конечном счете переводя его из области социально-экономической в политическую. Этот «производственный круг» определял место и роль профсоюзов в структуре общественного консенсуса в 30-е годы.

* *
*

Самой массовой организацией трудящихся в условиях режима Муссолини стала «Дополаворо»,[373] но, как и большинство социальных начинаний фашизма, она не была плодом его собственного творчества и инициативы.

В качестве амбициозного эксперимента социальной инженерии монополизация свободного времени рабочих укладывалась в русло ширившейся в капиталистических странах социально-экономической и технологической модернизации. Если взглянуть на отдельно взятые стороны в деятельности ОНД, нетрудно заметить, что в них нет ничего специфически «фашистского». То же самое можно сказать и о результатах: поглощение и «ассимиляция» ранее автономных ассоциаций рабочего класса, отделение развлекательных мероприятий от деятельности профсоюзов, попытки унификации элементов народной культуры через расширение связи со средствами массовой коммуникации, внешняя аполитичность и т. д. — все это вполне сопоставимо с аналогичной деятельностью в западноевропейских странах в межвоенный период. Схожие с ОНД организации были созданы фашистскими или профашистскими режимами в Германии, Португалии, Испании, Болгарии, Румынии и Греции. В деле организации свободного времени трудящихся они обгоняли либерально-демократические государства (за исключением США), чье вмешательство в эту сферу было значительно меньшим.[374]

В Италии идея создания ОНД впервые прозвучала на рубеже 1919–1920 гг. из уст Марио Джани, туринского инженера, прошедшего обучение в США. В феврале 1919 г., после подписания первых договоров о 8-часовом рабочем дне, он стал директором небольшого римского института, созданного с целью распространения среди итальянских предпринимателей американского опыта организации свободного времени рабочих. Джани был убежден, что новая форма социальной поддержки способна

расширить сферу согласия на предприятии и одновременно «узаконить» власть патроната вне рабочего места.[175] Поскольку в итальянском языке не существует термина, адекватного английскому «welfare work», он создал неологизм «Дополаворо», обозначавший не только время, остающееся после работы, но и способы его использования в социально значимых целях. За этим термином скрывалась модель такой организации, которая должна была стать частью производственного процесса и могла бы способствовать укреплению привязанности рабочего к предприятию.

В начале 20-х годов эта идея не нашла поддержки ни у хозяев, ни у правительства Джолитти. Тогда Джани обратился к фашистам, громогласно обещавшим энергичное и эффективное решение проблем рабочего класса. С 1923 г. фашистские профсоюзы начали создавать сеть развлекательных кружков (или «Дополаворо»), преимущественно в тех зонах, где сквадристы уже захватили или разгромили помещения «народных домов», кооперативов и касс взаимопомощи.[176] В мае 1925 г. они были объединены в ОНД под почетным председательством герцога Аостского.

Однако этот процесс с большим трудом пробивал себе дорогу, несмотря на бурную кампанию по убеждению предпринимателей, которую развернул на страницах печати Джани, ставший в те годы фактическим главой «Дополаворо». Его аргументация сводилась к тому, что ОНД представляла собой идеальный инструмент для сохранения рабочей силы, обеспечения роста производительности труда, формирования у рабочих чувства солидарности с фирмой, что должно было оправдать все затраты и гарантировать прибыль.[177] И хотя промышленники были кровно заинтересованы в наращивании продуктивности производства, их консерватизм, приверженность к традиционным, патерналистским методам сохранения «внутреннего мира» на предприятиях по-прежнему обусловливали весьма прохладное отношение к проекту Джани, поддержанному фашистским правительством и лично дуче.[178]

Ситуация начала кардинально меняться лишь во второй половине 20-х годов. В какой-то мере это было проявлением политического оппортунизма крупного бизнеса (после принятия «чрезвычайных законов» трудно было не считаться с «пожеланиями» правительства), но решающим фактором стала все-таки экономическая целесообразность. Многие предприятия находились в стадии реорганизации в связи с выходом из кризиса и в попытке приспособиться к дефляционистской политике правительства после введения «квоты 90». Заметно ускорился процесс внедрения тейлористских методов организации и управления производством, расширялось применения «системы Бедо», глубже разделялись функции владельцев и менеджеров предприятий и т. д.[179] Использование новых методов приводило к заметному усилению интенсификации труда, что, в свою очередь, стиму-

лировало протест занятых и побуждало руководителей применять не только силовые методы подавления, но и учиться «убеждать» рабочих в необходимости рационализации производства. Промышленный истэблишмент постепенно осознал, что в его собственных интересах было расширение социальной активности и определенная компенсация рабочим их потерь от рационализации, нежели нагнетание классового противостояния, способного повлечь значительно большие потери. Со страниц печатных органов Конфиндустрии все чаще звучал призыв относиться к рабочему не как к «машине», а как к «одушевленному мотору», требующему внимания и заботы, поскольку иначе, то есть «без морального согласия рабочих, невозможно организовать производство на научной основе».[380]

Таким образом, курс на активизацию социальной деятельности диктовался не гуманистическими или патриотическими побуждениями патроната, о чем трубили фашисты, а задачей увеличения продуктивности производства. Многие предприниматели поняли, что ОНД способна решать ее в рамках свободного времени трудящихся столь же успешно, как тейлоризм в рамках времени рабочего. Это понимание помогло им преодолеть настороженное недоверие по отношению к вмешательству государства в регулирование внутризаводских связей. Оказалось, что интересы и цели фашистского правительства и предпринимателей в этом плане совпадали: укрепить стабильность отношений между трудом и капиталом, *придать им качественно новое звучание.*

В 1927 г. Конфиндустрия одобрила создание в Риме «Центра социальной поддержки», призвала к расширению социальных услуг под эгидой ОНД, а фирмы стали дарить своим рабочим и служащим членские карточки «Дополаворо». В апреле 1927 г. контроль над ОНД перешел к секретарю фашистской партии, а сама организация приступила к массированному захвату оставшихся рабочих кружков и их помещений.[381] В течение года ее численность увеличилась в несколько раз, достигнув 760 тыс. человек.[382] К 1935 г. ОНД стала самой многочисленной организацией трудящихся, насчитывавшей более 2 млн 376 тыс. членов, три четверти которых проживали в городах.[383] Из этого количества на долю рабочих приходилось 38%, служащих — 25%, крестьян — 23%, сферу торговли — 9%, транспортников — 5%.[384] Все они были объединены в 20 тыс. местных организаций, из которых 3 тыс. территориально располагались на предприятиях. Их появление служило прямым подтверждением изменения курса заводской администрации.

Быстрое и широкомасштабное распространение ОНД по стране, в том числе на предприятиях, проходило под контролем и, в случае необходимости, жестким давлением фашистской партии и местных органов власти. Муссолини неоднократно заявлял о том, что поскольку фордистская политика высокой зарплаты в Италии не прижилась, режим вправе, мол, рассчитывать на понимание предпринимателями ложащегося на них груза

социальной ответственности, которое якобы не позволит им замкнуться в кругу узкокорыстных интересов. На всех уровнях — от мелких бизнесменов до Конфиндустрии — ПНФ «напоминала» об этом, стимулируя «добровольную инициативу» хозяев по созданию ячеек «Дополаворо».[385] Устами Стараче, назначенного в октябре 1930 г. «чрезвычайным комиссаром» ОНД, фашисты также требовали передачи им средств для строительства детских и спортивных лагерей, домов «Балилла», расширения сети ОНД вне территории предприятий, учреждения новых развлекательных центров и т.д.[386]

Выделяя необходимые суммы, владельцы понимали, что в условиях нового режима социальные расходы являлись относительно недорогим, но весьма убедительным средством усиления власти администрации. В Италии, где хозяева по традиции оказывали свое влияние в большей степени через государственный аппарат, нежели через общественные институты, они вынуждены были из прагматических соображений и под давлением фашизма принять на себя часть груза социальной ответственности, соизмеримого с ростом их экономического могущества и политического веса. Конечно, государственному вмешательству в поддержку социальных инициатив они предпочли бы полную деполитизацию отношений на производстве. Но осознание необходимости поддержания политической стабильности в качестве одного из условий обеспечения экономического роста побуждало патронат идти на расходы и сотрудничать с режимом. Поэтому в 30-е годы не было и не могло быть несовместимости между государственной политикой фашистов (даже в форме давления) и экономическими интересами владельцев, выделявших средства на развитие социальной сферы. Обе стороны это хорошо понимали. Так, президент Конфиндустрии М. Бенни, выступая в 1931 г. в палате депутатов, заявил, что социальное вспомоществование следует понимать «не как патернализм, но как политическую и гуманную деятельность, способствующую укреплению в сознании наших рабочих основных принципов корпоративизма».[387] Неудивительно, что при таком подходе в ОНД гармонично сочетались функции орудия патроната и массовой организации режима.

Внедряя «Дополаворо» и пропагандируя ее деятельность как «законное право» трудящихся, режим Муссолини сумел придать этой менеджерской операции, имевшей частное происхождение, характер общественной акции, что делало ее гораздо более привлекательной в глазах рабочих. Курс на усиление социальной активности подрывал их инстинктивное недоверие к любым, идущим со стороны патроната нововведениям,[388] затруднял осознание подлинных мотивов его действий и сокращал возможности противостояния новым, более утонченным формам зависимости от хозяев. В самом деле, можно было силой заставить рабочего записаться в фашистскую партию,[389] но не было никакой необ-

ходимости вынуждать его посещать дешевую заводскую лавку, так как он сам шел туда для удовлетворения своих повседневных нужд. Естественные потребности человека, таким образом, расширяли инструментарий господства и патроната, и политической системы. Произошла своеобразная трансформация техники патронального манипулирования в политический инструмент тоталитарного контроля. Поэтому бурное, успешное развитие ОНД было обусловлено сочетанием экономических интересов патроната, естественных потребностей рабочих и политических целей режима. В этом — ключ к пониманию места и роли «Дополаворо» в структуре общественного консенсуса.

Однако однозначно определить характер ОНД непросто, ибо по происхождению и типу деятельности она была явлением гибридным: технократическим проектом, местом развлечения трудящихся, околопартийной организацией, инструментом тоталитарного контроля и т. д. Сами фашисты оценивали ее по-разному: реформаторы-технократы (Боттаи) — как блестящий проект социальной инженерии; фанатики-ортодоксы (Старачe) — как способ приобщения масс к режиму. Однако ни те, ни другие не подвергали сомнению главную функциональную задачу ОНД — мобилизацию нации в поддержку экономических и политических баталий фашизма.

В октябре 1931 г., в разгар мирового экономического кризиса, дуче провозгласил лозунг «Лицом к народу!» и пообещал устранить все препятствия, которые мешали упрочению связей режима с массами. По замыслу фашистских иерархов этот лозунг означал стратегию умиротворения, то есть движение навстречу актуальным социальным требованиям трудящихся и их объединение вокруг экономических и политических принципов фашизма. В аппарате ПНФ была разработана программа помощи наиболее пострадавшим от кризиса слоям через благотворительные организации, подведомственные фашистской партии (в том числе бесплатная раздача топлива и хлеба), и взят курс на всестороннюю активизацию деятельности массовых организаций, привития им «народного стиля» работы и расширения их членской базы. По мнению начальника полиции Турина, в 1931 г. в ОНД вступали многие рабочие, не питавшие симпатий к режиму, но «выражавшие естественное желание участвовать, коего не было заметно в прошлом».[390] Запись в ОНД не означала для них поддержки режима. И хотя фашистские иерархи это понимали, они всячески поощряли наметившуюся тенденцию, тем более что она полностью соответствовала новым задачам ПНФ.[391] Из организации «дружественной» «Дополаворо» быстро превращалась в массовое объединение, зависимое от фашистской партии и напрямую подчиненное ее секретарю.

Это приводило к ужесточению директивного управления деятельностью ОНД и влекло за собой расширение бюрократического аппарата. В середине

30-х годов на ниве управления свободным временем были заняты около 700 государственных служащих и целая армия волонтеров. Они делились на три категории:

— чиновники высшего ранга — профессионалы типа адвоката Беретты, занимавшего пост генерального директора ОНД с 1929 по 1935 г., а также отставные партийные и государственные деятели, получившие сытные синекуры;

— функционеры среднего уровня — инспекторы, комиссары, члены советов в провинциях и т. д. Высшего образования для занятия этих должностей не требовалось, но членство в партии было обязательным. Как правило, посты занимали молодые честолюбивые карьеристы, часть из которых были выпускниками специальной школы в Сан Грегорио аль Челио;[192]

— организаторы «Дополаворо» локального уровня — добровольцы, трудившиеся на общественных началах.[193] Для них также было обязательным членство в ПНФ и средний уровень грамотности. Независимо от того, каковым было в действительности их отношение к режиму Муссолини, они выполняли двойную функцию: проводили на местах социальную и культурную политику фашизма, но одновременно действовали ради удовлетворения насущных потребностей трудящихся.

Эти добровольные помощники являлись носителями тоталитарного курса, нацеленного на заполнение «вакуума» между государством и массами, на преодоление территориальной и культурной разобщенности людей, на формирование чувства «национальной идентичности» под эмблемой фашизма. Выполнение этой стратегической задачи, на решение которой были ориентированы все массовые организации режима, требовало не только создания нового идейно-политического и психологического климата в стране, но и расширения возможностей трудящихся в освоении материальных и духовных благ. ОНД стала главным инструментом, посредством которого фашисты пытались «демократизировать» доступ масс к культурным и спортивным развлечениям, активному отдыху, а также надеялись в определенной степени уравновесить их потребительские запросы.

Поскольку динамика потребительского рынка и положения на нем рабочего класса является предметом изучения в следующей главе, в данном случае отметим лишь особенности воздействия на этот рынок через структуру ОНД.

Дуче и его ближайшее окружение понимали важность и необходимость государственного контроля над потребительскими настроениями масс, поскольку от этого в немалой степени зависела устойчивость самого режима: несоответствие между ожиданиями и потребностями, с одной стороны, и реальными возможностями их удовлетворения, с другой, всегда

является источником негативизма в массовом сознании. В начале 30-х годов в Италии, как и в других странах, эта проблема стояла довольно остро: вслед за периодом стабилизации капитализма, стимулировавшим рост потребительских настроений, последовал глубокий экономический кризис, резко сокративший потенциальные возможности масс на потребительском рынке. Поэтому политика государственного регулирования, проводившаяся в рамках ОНД, преследовала цель воспитать «скромные потребности» населения и приучить его к бережливости.[394] С другой стороны, режим должен был поощрять мелкого потребителя, поскольку это гасило недовольство и привязывало к источнику льготного потребления.

Таким источником стали секции «Дополаворо», многие из которых превратились в лавки продуктов и предметов повседневного спроса. По заниженным ценам члены ОНД могли купить в них продукты питания и вещи, без которых не могла обойтись ни одна итальянская хозяйка. Из 15 тыс. договоров с оптовиками, которые ОНД заключила в 1930 г., более 3 тысяч касались мелких бытовых предметов,[395] но при желании можно было также приобрести с большими скидками мебель, граммофон, часы, секундомер, радиоприемник и даже велосипед. В помещениях «Дополаворо» стали организовывать постоянно действовавшие выставки-продажи,[396] газеты заполнились рекламой и многочисленными призывами пользоваться преимуществами ОНД: «Если у вас нет членского билета, вы каждый день теряете возможность экономить деньги».[397] Личная бережливость и экономность возводились в ранг высокой добродетели, поскольку увязывались с общегосударственной задачей накопления ресурсов. Реклама товаров обязательно имела «патриотический» смысл или оттенок, а покупка чайника в лавке ОНД превращалась в акт гражданского долга.[398]

Поскольку денег у рабочих не хватало, ОНД предлагала своим членам ряд накопительных программ[399] и изделий-копилок.[400] Подавляющая часть продававшихся вещей имела символику ОНД, которая появилась также на пакетах, лекарствах, одежде и даже сигаретах (самых дешевых). Особенно активно поощрялась покупка радиоприемников. И если в конце 20-х годов члены ОНД, как правило, приобретали их в складчину, а прослушивание передач становилось своеобразным ритуалом, создававшем дух камератизма, то к концу 30-х годов радио прочно вошло в обиход, став предметом массового спроса.

Поощрение государством потребительских настроений в обществе и наличие организованной массы потребителей, ориентируемых в интересах экономических баталий режима,[401] оказывало позитивное влияние на развитие и функционирование товарного рынка. Но это развитие все-таки шло довольно медленно ввиду низкой покупательной способности основной массы населения, раздутых в условиях протекционистской политики цен и высокой себестоимости продукции. Поэтому элементы потребительско-

го сознания еще не были настолько сильны, чтобы составить альтернативу его традиционным стереотипам. Тем не менее первый шаг на пути формирования «национальной идентичности» через уравнивание потребительских стандартов был сделан.

К этой цели фашисты продвигались и иным путем — расширяя возможности приобщения к массовой культуре. Более или менее доступными ее формами стали кинематограф и народный театр. Поскольку кинозалов в Италии было еще мало, а поход в кино считался дорогим[402] и престижным развлечением, членская карточка ОНД, предоставлявшая скидку на билеты в размере от 10 до 50%,[403] оказывалась едва ли не обязательным условием для просмотра фильмов. Во второй половине 30-х годов наиболее крупные секции «Дополаворо» уже имели свои небольшие зрительные залы, в которых бесплатно демонстрировались документальные и пропагандистские фильмы. Тогда же появились первые передвижные киноустановки, рассчитанные на потребности сельской местности.

Большая часть драматических и музыкальных театров по-прежнему оставалась доступной лишь обеспеченным слоям,[404] но время от времени ОНД вторгалась и в эту сферу. В 1936 г. в связи с празднованием провозглашения империи правительство отдало распоряжение о резком снижении стоимости билетов на субботние спектакли. Эта акция была предпринята в рамках проведения «фашистских суббот», и каждому спектаклю предшествовало какое-то идеологическое действие (речь иерарха, здравицы в честь дуче и т. п.). По официальным данным, в период проведения акции около 400 тыс. итальянцев впервые побывали в театре.[405]

В 1929 г. под эгидой ОНД начали создаваться передвижные агитационные бригады артистов, которые весной и летом совершали «воспитательно-пропагандистские» поездки.[406] Каждая из бригад в течение сезона давала до 100–120 представлений, сопровождавшихся панегириками дуче и завершавшихся благодарственной телеграммой в его адрес. Для сельской глубинки подобные мероприятия зачастую становились «событием года», поглазеть на которое собирались жители со всей округи. При этом они испытывали эмоциональный подъем, нередко приобретавший фашистский пропагандистский оттенок.[407]

Агитбригады ОНД пользовались значительно меньшим успехом в небольших провинциальных городках, где были свои любительские театры (или, пользуясь привычной для нас лексикой, кружки самодеятельности). Они жили энтузиазмом добровольных участников, страдали от безденежья и пользовались искренней любовью жителей близлежащих кварталов. Прямое вторжение ОНД в деятельность этих коллективов, не переносивших постороннего вмешательства, было чревато реакцией отторжения. Но перед «Дополаворо» ставилась именно эта задача: «Каждая форма развлечений должна перейти под контроль специалистов из центральных

органов, — говорилось в одной из директив ПНФ, касавшихся регламентации деятельности ОНД. — Их социальная значимость должна оцениваться с точки зрения национальных интересов и соответствовать общему направлению развития нации».[408] Требовался очень гибкий и осторожный подход, чтобы не похоронить деятельность этих коллективов, но адаптировать ее к требованиям фашистского режима. Поэтому вмешательство ОНД сопровождалось пышной риторикой о «моральном образовании», «подъеме престижа», «формировании новой национальной культуры», преодолении «классовых и региональных различий» и т. п. Этими «высокими целями» объяснялась необходимость включения коллективов в ОНД, укрепление их внутренней дисциплины, введение цензуры и прочее. С 1933 г. была официально запрещена постановка любых спектаклей и проведение иных мероприятий, форма и содержание которых противоречили целям ОНД.[409]

Определить эту грань было довольно сложно, да и сами цензоры не всегда четко представляли, что именно означало требование внедрять принципы, «соответствующие задачам фашизма».[410] Поглощение самодеятельных групп ОНД означало не только ужесточение дисциплины, мелочную регламентацию и насаждение фашистского «микроклимата», но и решение многих материальных проблем, появление возможности участвовать в межрегиональных смотрах-конкурсах, выход за пределы квартальной сцены. В обмен на ограничение свободы и независимости кружки самодеятельности получали официальное признание, материальную и организационную поддержку властей. Иного выхода, кроме самороспуска, у них уже не было.

Еще более «деликатной материей» для обработки являлись народные праздники и гуляния. Издавна они сочетали в себе элементы народной культуры, «кампанилизма» (местечкового патриотизма) и классического патернализма. Их проведение (карнавал, «праздник оливы» и др.) не только разрывало монотонную рутину трудовых будней, но предоставляло возможность неформального общения и укрепления личных отношений, складывавшихся у рабочих и работодателей на производстве. Теперь же их пытались обрядить в политические «одежды фашизма», которые сохраняли основу праздника, но придавали ему черты полуофициального мероприятия, инициированного властями.[411] Например, профессиональный праздник текстильщиков, ведущий свою историю с 1880 г., стал отмечаться как фашистское торжество, посвященное «сотрудничеству между трудом и капиталом».[412]

Аналогичный подход был применен и в отношении одной из самых популярных народных игр «в шары». Активисты ОНД сумели вывести ее из закоулков и пустырей на центральные площади городов, где с шумом, фейерверком и оркестром устраивали соревнования. Затем начали проводить встречи команд из разных регионов, а в 1936 г. в честь провозглашения империи провели первый общеитальянский чемпионат.[413] Год спустя эта

игра была объявлена «подлинно национальным видом спорта», доступным всем социальным категориям.[414] Для нее устанавливались единые правила, нивелировавшие региональную специфику, создавался институт судей, систематически устраивались общенациональные турниры. Таким образом, обычное развлечение превращалось в одну из мер, направленных на формирование групповой солидарности и «национальной идентичности» по фашистскому образцу.

Этим целям были подчинены и прочие виды спорта, в том числе профессиональные. В соответствии со спортивным Уставом, написанном в 1929 г. Турати, все виды спорта разделялись на две категории: народные или массовые, относившиеся к компетенции ОНД (игра «в шары», перетягивание каната, легкая атлетика, велосипедные гонки, гимнастика, шахматы, футбол, волата[415] и др.), и профессиональные и олимпийские, находившиеся в ведении CONI (Национальный олимпийский комитет). Итальянские команды принимали активное участие в летних олимпийских играх в Лос-Анджелесе (1932) и Берлине (1936). Победы спортсменов вызывали всеобщий энтузиазм, искусно подогревавшийся фашистской пропагандой, преподносившей их как торжество «национального духа» и результат «заботы режима Муссолини».[416]

«Забота» проявилась и в стремлении фашистов сделать некоторые виды спорта действительно доступными для трудящихся. С 1927 по 1930 г. в Италии было построено более тысячи новых спортивных центров, а общее количество стадионов и крупных спортплощадок достигло 3289.[417] Почти повсеместно пользование ими было бесплатным, а средства для строительства и содержания выделялись правительством, местными властями и предпринимателями.

«Спортивный курс» режима был выражен в броском лозунге «Больше участников, меньше болельщиков!» При этом особый упор делался на такие виды спорта, которые вырабатывали чувство коллективизма, групповой ответственности, общего ритма. Стараче прямо заявлял о том, что целью занятий является улучшение моральных и физических качеств масс, которые должны быть готовы «преодолевать преграды в труде, и если случится, на войне».[418] Всячески поощрялось стремление победить в составе команды, «отстоять честь завода», «высоко держать знамя квартала» и т. д. [419]

Проведение региональных и общенациональных соревнований, каждое из которых изобиловало фашистской символикой и атрибутикой, способствовало непроизвольному включению участников в механизм единой организации, приводившей в движение спортивные инициативы. Так же и зрители, возбужденные игрой и переживаниями за свою команду, становились благодатным «материалом» для пропагандистских мероприятий: здравицы в честь победы чередовались со здравицами в честь дуче, но энтузиазма толпы это не снижало. Да и сами поездки на соревнования

(бесплатные или по льготным билетам ОНД) становились праздником, позволявшим выбраться за пределы своей округи.

Такую возможность предоставляли также субсидировавшиеся «Дополаворо» туристические и культмассовые походы. Денег на них не жалели, ибо они позволяли в простой, доступной форме воспитывать в людях сознание «национальной идентичности». Эта деятельность была центральной во многих секциях ОНД, которая в 1926 г. «поглотила» всю инфраструктуру распущенных туристических агентств.[420] Радость путешествий стала доступной миллионам: многие провинциалы смогли впервые увидеть большие города, а горожане — чарующие красотой горные и морские пейзажи.[421] Выезды осуществлялись также на новостройки и автострады, на новые верфи и гидростанции, к местам исторических сражений и монументам. Трудно было не испытывать гордость от пробуждавшегося сознания своей принадлежности к народу, имевшему столь богатые исторические и культурные традиции. Но именно в этом и заключался сокровенный смысл мероприятий фашистов, претендовавших на роль единственных наследников национальной традиции.

Подлинно массовый размах туризм обрел в начале 30-х годов, когда появились так называемые «народные поезда».[422] Их использовали для организации поездок в Рим и другие крупные центры для участия людей в массовых фашистских манифестациях. Торжественные проводы и встречи, оркестры, знамена, речи, выходная одежда, бесплатная раздача лимонада и бутербродов — все это создавало атмосферу праздника и формировало чувство «братской солидарности» между «дополавористами» различных регионов. В ходе таких мероприятий действительно подрывалась провинциальная разобщенность,[423] а радужные впечатления от поездки смешивались с навязываемым пропагандой имиджем режима.[424] И даже если политика не вторгалась напрямую в эту сферу, формы и методы проведения акций способствовали формированию конформистских настроений их участников.

Многогранная деятельность «Дополаворо» послужила одним из факторов упрочения в обществе элементов согласия, проявившихся с наибольшей очевидностью в середине 30-х годов.[425] Именно к этому времени были достигнуты определенные результаты, позволяющие оценивать роль ОНД в структуре общественного консенсуса: выработка новой потребительской модели, нацеленной на адаптацию к низкой покупательной способности и стандартизацию спроса населения; унификация форм досуга и приобщение масс к индустрии развлечений, созданной в считанные годы; расширение возможностей массовой коммуникации, ломающей региональные барьеры и способствующей осознанию «национальной идентичности»; почти полное поглощение существовавших прежде социокультурных ассоциаций трудящихся, их инкорпорация в систему, обладавшую колоссальной проникающей способностью. Тысячи секций ОНД появились там, где люди раньше

вообще не помышляли об организованном проведении досуга. В этом смысле «Дополаворо» выступала и как посредник доступа трудящихся к новым видам развлечений и отдыха, и как проводник государственной политики, нацеленной на вовлечение масс в орбиту влияния фашизма. Именно ОНД предоставила режиму «капиллярную» сеть, позволившую почти ненавязчиво снабжать широкие массы продуктами фашистской субкультуры, «ассимилировавшими» итальянцев в их свободном времяпрепровождении. Именно через ОНД тоталитарный режим осуществлял функцию координатора автономных проявлений в культурно-развлекательной жизни рабочего класса. Уровень государственного вмешательства и регулирования в этой сфере был чрезвычайно высок, что существенно отличало фашистскую Италию от развитых буржуазно-демократических стран.[426]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По мнению А. Акварone, существовавший в годы фашизма консенсус, именно в таком понимании, «был значительно шире и искренней, нежели то, во что нам сегодня хотелось бы верить» // *Aquarone A.* Violenza e consenso nel fascismo italiano. Op. cit. P. 148.

[2] Еще раз подчеркнем, что речь идет о Европе, и мы не затрагиваем ни восточные деспотии прошлого, ни современные религиозные диктатуры, основанные на фундаменталистских учениях.

[3] Этот протест, облекавшийся в различные идейные и организационные формы, хорошо известные историкам, не всегда приводил к усилению тоталитарных черт, в большей или меньшей степени присущих массовым движениям тех времен. Напротив, эти движения зачастую отторгали тоталитарную тенденцию, препятствуя укреплению и расширению феномена тоталитаризма как такового. Обычно это происходило в тех случаях, когда усилению корпоративного произвола активно противодействовала либерально-реформистская или социал-реформистская политика государства (США, Англия, Франция и др.). В этой связи мы не можем согласиться с мнением авторов уже упоминавшейся монографии о тоталитаризме, рассматривающих массовые народные движения на Западе в качестве «исходно тоталитаристских» // Тоталитаризм в Европе XX века. С. 10.

[4] *Germani G.* Autoritarismo, fascismo e classi sociali. Bologna, 1975. P. 255. См. также: *Neumann F.* Lo stato democratico e lo stato autoritario. Bologna, 1973. P. 332 и др.

[5] *Mussolini B.* Spirito della rivoluzione fascista. Milano, 1937. P. 70.

[6] *Холодковский К. Г.* Италия: массы и политика. Эволюция массового социально-политического сознания трудящихся в 1945–1985 гг. М., 1989. С. 7.

[7] Примером такой социальной мобилизации может служить политика режима Муссолини в области урбанизации или миграции населения.

[8] La classe operaia durante il fascismo. P. LXXI.

[9] *De Grazia V.* Consenso e cultura di massa nell'Italia fascista. L'organizzazione del dopolavoro. Roma;Bari, 1981. P. 26.
[10] Сборник вопросов и ответов члена молодежной фашистской организации.
[11] *Pivato S.* Il teatro di parrocchia. Mondo cattolico e organizzazione del consenso durante il fascismo // Quaderni della Fiap. Roma, 1979. № 33. P. 17; *Idem.* L'organizzazione cattolica della cultura di massa durante il fascismo // Italia contemporanea. 1978. № 132.
[12] Popolo d'Italia. 1920. 20. II.
[13] Popolo d'Italia. 1921. 23. V.
[14] Ibid.
[15] Popolo d'Italia. 1921. 2. VIII.
[16] Члены сквадр — боевых фашистских формирований.
[17] Цит. по: *Джулио Ю.* Фашистская Италия. Шесть лет диктатуры черных рубах. М., 1929. С. 98.
[18] La Stampa. 1925. 16. III.
[19] Popolo d'Italia. 1925. 8. III.
[20] Например, *De Grazia V.* Op. cit. P. 29.
[21] *Mussolini B.* Opera omnia. (A cura di E. e D. Susmel). Firenze, 1972, 1973. Vol. XXII. P. 139. Далее: O. O.
[22] O. O. Vol. XXII. P. 384.
[23] ACS, Segreteria Particolare del Duce. Carteggio Riservato. 1927, fasc. 3. P. 413. Далее: ACS, SPD, CR.
[24] Critica fascista. 1927. № 1. P. 57.
[25] В 1932 г. число государственных служащих составило около 640 тысяч, увеличившись по сравнению с 1923 г. на 94,4%, а в последующие восемь лет достигло 990 тысяч. Подробнее см.: *Castronovo V.* Fascismo e classi sociali // Fascismo e capitalismo. Milano, 1976.
[26] См.: Uomini e volti del fascismo. Roma, 1980. P. 213–242.
[27] Проект этого закона был представлен на подпись королю еще в июле 1923 г., но по ряду причин не подписан. Однако уже в то время префектуры имели реальную возможность блокировать выход антифашистских газет под разными надуманными предлогами // *Cesari M.* La censura nel periodo fascista. Napoli, 1978. P. 12.
[28] В историографии существует не лишенная веских оснований, но пока не доказанная документально версия о том, что попытка покушения была инспирирована самими фашистами.
[29] На следующий день Федерцони был уволен со своего поста, так как, по мнению дуче, более не подходил по своим качествам для выполнения новых задач // ACS, SPD, CR. 1926, busta 42, fasc. 15.
[30] Впоследствии эти законы так и не были отменены.
[31] *Лопухов Б. Р.* Указ. соч. С. 81–82.
[32] Смертная казнь в Италии в то время была запрещена.
[33] Gazzetta Ufficiale. 1926. 6. XI.
[34] Ibid.

[35] Цит. по: *Ercole F.* Storia del fascismo. V. II. Milano, 1939. P. 14.

[36] *Rossi C.* Il tribunale speciale. Storia documentata. Milano, 1952. P. 18.

[37] Il fascismo politica e vita sociale. Milano, 1980. P. 65.

[38] Подробнее см.: Il processone. Gramsci e i dirigenti comunisti dinanzi al Tribunale Speciale. Roma, 1961.

[39] *Fedele S.* L'apparato repressivo. — Il fascismo politica e vita sociale. Op. cit. P. 64. Эти цифры подтверждаются подсчетами и других авторов. См.: *Dal Pont A., Leonetti A., Maiello P., Zocchi L.* Op. cit.; *Dal Pont A., Carolini S.* Op. cit.

[40] Объединения профсоюзного типа, идейно и организационно связанные с социалистической партией.

[41] Gazzetta Ufficiale, 8. 11. 1926

[42] Ibid.

[43] См.: *Ghini C., Dal Pont A.* Antifascismo al confino. Roma, 1971.

[44] Gazzetta Ufficiale, 8. 11. 1926.

[45] *Amato G.* Individuo e autorita' nella disciplina della liberta' personale. Milano, 1967. P. 8.

[46] Так случилось, например, с заместителем министра внутренних дел Л. Арпинати, бывшим болонским «расом» (местным фашистским главарем), оказавшим Муссолини неоценимую помощь в самые тяжелые дни «кризиса Маттеотти». См.: *Monelli P.* Mussolini piccolo borghese. Milano, 1959. P. 161–168.

[47] Мы далеки от мысли умалить хоть сколько-нибудь роль репрессивной составляющей во внутренней политике либерального государства, которое ущемляло права и ограничивало возможности в деятельности социалистов, анархистов, «Палат труда», профсоюзов и прочих организаций. Либеральное государство не останавливалось перед использованием против масс «крутых мер» вплоть до военных трибуналов и регулярных войск, открывавших огонь. Однако эти меры, в отличие от тоталитарного государства, «носили экстраординарный характер, чуждый обычному порядку вещей // *Violante L.* La repressione del dissenso politico nell'Italia liberale e giustizia militare // Rivista di storia contemporanea, 1976. № 4. P. 522.

[48] ACS, SPD-CR, 1925, fasc. 5,9.

[49] *Casula P.* I prefetti nell'ordinamento italiano. Milano, 1972. P. 82.

[50] *Foderaro S.* La milizia volontaria e le sue specialita', ordinamento giuridico. Padova, 1935. P. 15.

[51] Uomini e volti del fascismo. Op. cit. P. 65–103.

[52] *D'Orsi A.* Il potere repressivo. La polizia. Milano, 1972. P. 28.

[53] Так, 8 июля 1937 г. дуче помиловал Ч. Москателли, будущего легендарного командира «гарибальдийских бригад» в Ломбардии, а 10 июля 1939 г. — В. Аудизио, будущего руководителя группы захвата и казни Муссолини 28 апреля 1945 г. // I miracoli del Duce. Roma, 1985. P. 5.

[54] Это утверждение не относится к периоду сквадристского разгула в начале 20-х годов и к началу 40-х, когда действовали законы военного времени. Кроме того, мы далеки от попытки хоть как-то смягчить жесткие методы работы итальянской секретной полиции, присущие любой организации подобного рода, но считаем необходимым подчеркнуть их отличие от методов НКВД и гестапо.

[55] *Senise C.* Quando ero capo della polizia. Roma, 1946. P. 46; *Leto G.* OVRA. Fascismo-Antifascismo. Bologna, 1952. P. 14.
[56] ACS, MI, DGPS, AGR, busta 41, fasc. 18, 298.
[57] Ibid., cat. G. 1, busta 221, fasc. 465.
[58] Ibid., busta 231, fasc. 158.
[59] Его усилиями была систематизирована и рубрифицирована центральная политическая картотека, которая приобрела форму, описанную в разделе об источниках.
[60] Этот факт подтверждают К. Сенизе (Op. cit. P. 78) и Г. Лето (Op. cit. P. 98).
[61] ACS, MI, DGPS, Segreteria del Capo della Polizia, busta 87, fasc. 315.
[62] Il fascismo politica e vita sociale. Op. cit. P. 71.
[63] *Conti C.* Servizio segreto. Cronache e documenti dei delitti di stato. Roma, 1946.
[64] Аббревиатура ОВРА (OVRA) впервые появляется в различных документах МВД в 1930 г. Ее автор неизвестен, расшифровки различны (Opera di vigilanza e repressione antifascista, Organizzazione di vigilanza e repressione dell'antifascismo, Opera volontaria di repressione antifascista), но суть их от этого не меняется: организация по наблюдению и борьбе с антифашизмом. Версия о том, что ОВРА является окончанием итальянского слова «спрут» (piovra), не находит документального подтверждения. В начале 1931 г. Муссолини решил присвоить эту аббревиатуру Особой инспекции, оставив неизменным ее произвольное толкование. По его мнению, это дополнительно окружало деятельность секретной полиции таинственной дымкой, что, в свою очередь, повышало престиж и создавало полумистическое ощущение ее всемогущества.
[65] ACS, MI, DGPS, Segreteria.., busta 218, fasc. 187. К началу 40-х годов штат сотрудников центрального аппарата ОВРА увеличился до 80 человек, агентов — до 300–350. После вступления Италии во Вторую мировую войну эти цифры значительно увеличились.
[66] ACS, MI, DGPS, AGR, Raccolta circolari, 1927, busta 81, 1928, busta 28,53 ed altri.
[67] ACS, MI, PP, cart. «Milizia», busta 136, fasc. 147.
[68] 2 июля 1946 г. в «Gazzetta Ufficiale» был опубликован список из 622 имен тайных осведомителей ОВРА. Позже был обнаружен еще один список, включавший 1200 имен осведомителей и секретных агентов, которые, вероятно, составляли основу агентурной сети службы общественной безопасности префектур. Кроме этих двух, существуют еще несколько фрагментарных списков, в которых перечислены имена внештатных сотрудников секретной полиции без указания времени и места их деятельности.
[69] Помимо перечисленных выше, отделы информации существовали при личном секретариате дуче, службе политического сыска ДМНБ, корпусе карабинеров, кабинете министров и ряде других ведомств, но их деятельность не носила закрытый характер.
[70] ACS, MI, DGPS, AGR, Raccolta circolari, 1928, busta 151, fasc. 43, busta 227, fasc. 85.
[71] Интенсивность, с которой средства массовой информации насаждали миф об изменении роли полиции, якобы превратившейся в друга и защитника граждан,

дает основание полагать, что в действительности было распространено прямо противоположное мнение.

[72] ACS, MI, DGPS, AGR, Atti diversi, busta 5, fasc. 31 — «Situazione del partito comunista, mezzi di lotta, sistemi di indagine delle questure e degli altri organi di polizia, benemerenze dell'organismo speciale».

[73] Ibid., а также: busta 1, fasc. 1 ed altri.

[74] Ibid., Atti diversi, busta 5, fasc. 30,31,32 ed altri.

[75] Ibid., busta 5, fasc. 31, doc. 31. 07. 1936. № 028870.

[76] Ibid., Atti Speciali, busta 7, fasc. 53.

[77] Gazzetta Ufficiale. 1926. 2. II.

[78] Один из них сумел выдать ОВРА около 50 активистов организации «Справедливость и свобода». Это был Питигрилли (настоящее имя Д. Сегрэ) — автор эротических романов, следивший за антифашистами в Париже и Турине. Его доносы полиции опубликованы в книге: *Zucaro D.* Lettere di una spia. Milano, 1977.

[79] Начиная с 1925 г. аналогичные цели (сбор материала и шпионаж) ставились также перед официальными дипломатическими представительствами и консульствами Италии за рубежом. Собиравшаяся ими информация передавалась в МВД и использовалась спецслужбами для решения оперативных задач // *Martinelli F.* L'OVRA. Milano, 1967. P. 131.

[80] См.: *Spinosa A.* Mussolini. Il fascino di un dittatore. Milano, 1989. P. 111–257.

[81] *Donosti M.* Mussolini e l'Europa. Roma, 1945. P. 43.

[82] *Gatta B.* Mussolini. Milano, 1988. P. 137.

[83] Хотя тиражи фашистских газет оставались невелики, их общее количество возросло. Рядом с традиционными еженедельниками для благополучных семей появилось немало дешевой, доступной широким массам периодики. Подробнее см.: Storia della stampa italiana. Vol. IV. Bari, 1980.

[84] Gazzetta Ufficiale. 1923. 15. VII.

[85] ACS, Presidenza del Consiglio dei Ministri, Gabinetto, busta 221, fasc. 431. Далее: ACS, PCM, Gabinetto.

[86] ACS, Ministero della Cultura Popolare, Ufficcio Stampa. 1930, busta 38, fasc. 51. Далее: ACS, MCP, US.

[87] Мафия была недовольна созданием мощного полицейского государства, способного ущемлять ее интересы, и фактической отменой выборов, лишавшей ее орудия контроля над политическими деятелями. Муссолини подавил крестьянские движения на Сицилии и уничтожил «бандитизм», поэтому потребность имущих слоев в мафии, как карающей организации, обеспечивающей их интересы, заметно ослабла. Это создавало благоприятные предпосылки для разгрома преступных кланов, что и было сделано во второй половине 20-х годов. Подробнее см.: *Raffaele G.* L'ambigua tessitura: mafia e fascismo nella Sicilia degli anni Venti. Milano, 1993; *Petacco A.* Il prefetto di ferro: l'uomo di Mussolini che mise in ginocchio la mafia. Milano, 1994.

[88] В квестуры семи крупнейших провинций были назначены цензоры из центрального аппарата Комитета по печати, а в префектуры стали доставляться сигнальные

экземпляры журналов и газет еще до их поступления в продажу // *Cesari M.* La censura nel periodo fascista. Napoli, 1978. P. 47–48.

[89] Впервые эта идея прозвучала в редакционной статье в «Critica fascista» 15. 02. 1927.

[90] ACS, MCP, US, busta 38, doc. «Rinnovare il tipo di giornale».

[91] Любопытный перечень таких распоряжений приводит Ц. И. Кин в кн.: Миф, реальность, литература. С. 114.

[92] ACS, MCP, US, busta 76, fasc. 15.

[93] Ibid., busta 76, fasc. 176.

[94] *Monelli P.* Op. cit. P. 183.

[95] Цит. по: *Braschi A.* Mussolini e De Gasperi. Vite divergenti. Bologna, 1983. P. 81.

[96] ACS, MCP, US, busta 113, fasc. 2.

[97] Popolo d'Italia. 1937. 27. V.

[98] *Arcangeli G.* La cattura della ragione. Aspetti della propaganda fascista. S. L., 1979. P. 56.

[99] См.: *Matteini C.* Ordini alla stampa. La politica interna ed estera del regime fascista nelle «disposizioni» emanate ai giornali dal ministero della cultura popolare. Roma, 1945.

[100] Такие попытки предпринимались после введения Лигой Наций экономических санкций против фашистской Италии. В результате в 1937 г. было продано на 10 млн билетов меньше обычного.

[101] ACS, PCM, Gabinetto, 1940, busta 8, fasc. 123 (12. 06. 1940).

[102] В 1942 г. Л. Висконти снял неореалистический фильм «Наваждение», весьма далекий от фашистской тематики. Подробнее см.: *Brunetta G. P.* Storia del cinema italiano, 1895–1945. Roma, 1979; *Argentieri M.* L'occhio del regime. Informazione e propaganda nel cinema del fascismo. Firenze, 1979.

[103] *Monticone A.* Il fascismo al microfono. Radio e politica in Italia (1924–1945). Roma, 1978. P. 15.

[104] Излюбленным приемом пропаганды была передача в эфир приветственного рева толпы.

[105] Применительно к ряду газет, например туринской «Stampa», это утверждение относится и к более раннему периоду.

[106] В этом отношении весьма показательны радиопередачи середины 20-х годов, когда круг потенциальных слушателей был еще ограничен, а журналисты принадлежали в основном к числу либералов: абсолютное большинство передач изобиловало вариациями на тему о рисорджиментально-патриотической традиции и национальной славе // *Papa A.* Storia politica della radio in Italia. 1924–1943. Napoli, 1978; *Monteleone F.* La radio italiana nel periodo fascista. Studio e documenti. 1922–1945. Venezia, 1976.

[107] Известный историк Ф. Шабо полагал, что вторжение в Эфиопию было обусловлено в большей степени пропагандистскими мотивами (укрепление престижа режима вне и внутри страны), нежели материальными и экспансионистскими интересами правящей элиты. (*Chabod F.* L'Italia contemporanea (1918–1948). Torino, 1961.

P. 151.) И хотя в дальнейшем было не раз доказано, что это не так, пропагандистский шквал, обрушившийся на Италию, свидетельствует в пользу идеи Шабо.

[108] В этой связи достаточно вспомнить возврат Муссолини к «революционным истокам» и социалистической идее в период «республики Сало».

[109] *Ludwig E.* Colloqui con Mussolini. Milano, 1965. P. 119–122.

[110] Более детальный анализ механизма фашистской пропаганды возможен по методике французского социолога Ж. Доменака. Ее суть сводится к применению пяти основных правил, на которых строилась техника внушения фашистов: 1. Упрощение; 2. Преувеличение и извращение; 3. Оркестровка (повторение темы всеми органами пропаганды в разнообразных формах, соответствующих ожиданиям различных групп общества); 4. Переливание (использование прежних стереотипов сознания и представлений масс); 5. Единодушие и заражение (поощрение стремления жить в согласии с себе подобными). Подробнее см.: *Гуревич П. С.* Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980. С. 112–116.

[111] Подробно этот механизм описан у Э. Фромма «Бегство от свободы». М., 1989. Идентификация означает у него стремление индивида к самоутверждению и возвышению через систему сложившихся ритуалов или образов. Этот акт содержит элемент иллюзии и становится возможным, когда индивид попадает в стрессовую ситуацию и соотносит себя с особого рода абстрактно-персонифицированными представлениями, созвучными его собственным личностным ориентациям. Формулируя концепцию конформизма, Фромм предложил типологию социальных характеров и описал психологический механизм, влекущий индивида от ставшей ему чуждой и непереносимой свободы.

[112] *Ludwig E.* Op. cit. P. 125.

[113] *Golino E.* Parola di Duce: il linguaggio totalitario del fascismo. Milano, 1994. P. 44.

[114] *Pareto V.* Trattato di sociologia generale. Milano, 1964. Vol. 1–2.

[115] *Гуревич П. С.* Указ. соч. С. 63.

[116] Дальнейшая детализация в этом направлении не представляет интереса для историка, поскольку уводит в глубины социальной психологии.

[117] Они познакомились в Лозанне в сентябре 1902 г., когда Муссолини посещал лекции в университете. Профессор В. Парето поручал ему делать переводы и просвещал на предмет роли в истории избранного меньшинства («теория элит»).

[118] *Ludwig E.* Op. cit. P. 87.

[119] *Bottai G.* Vent'anni e un giorno (24 luglio 1943). Roma, 1949. P. 29.

[120] *Mussolini B.* La mia vita. Roma, 1947.

[121] *Mussolini B.* My autobiography. N. Y., 1928.

[122] Подробнее см.: *Белоусов Л. С.* Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993. С. 32–35.

[123] 1 марта 1925 г. в фашистском журнале «Gerarchia» была опубликована его статья, озаглавленная «Сила и консенсус». В ней утверждалось, что «консенсус — это столь же изменяемая и подвижная форма, как построения из песка на берегу моря. Консенсус не может быть ни вечным, ни всеобщим... Любое мероприятие правительства рождает недовольных», и прежде чем этот слой станет представлять

опасность для государства, необходимо применить против него вооруженную силу. «Возможно, именно сила повлечет за собой согласие, и уж во всяком случае когда не хватает согласия, есть сила».

[124] «Поход на Рим» и приход фашистов к власти лишь убедили Муссолини в правильности его юношеских, отдающих революционным романтизмом представлений.

[125] Для всех остальных мораль, по мнению Муссолини, сводилась к «осознанию собственной ответственности, к преданности своему делу, готовности к жертве, даже высшей» // *Mussolini B.* Scritti e discorsi. Vol. 1. Milano, 1934. P. 331.

[126] Советский писатель Е. Петров, побывавший в Италии в 1930 г., был ошарашен *этой феноменальной способностью* дуче. *В очерке «Гослото», написанном под* непосредственным впечатлением от поездки, он оставил блестящую зарисовку увиденного: «Муссолини — король мелкой буржуазии, царь и бог лавочников, театральных импрессарио, футболистов, хозяев велосипедных мастерских, карьеристов-гинекологов, боксеров и бесчисленного количества людей без определенных занятий. Жизнь этих людей сера, как солдатское сукно... Вообразите себе пожилого, скучного, как кисель, рыхлого человека. Жизнь почти прошла. В висках седина. Под глазами мешки. Дети ходят в школу. Некрасивая, толстоногая жена не вылазит из церкви и аккуратно каждый год рожает по ребенку. Лавка приносит умеренный доход. Дни похожи один на другой, как свечи... И вдруг серая жизнь итальянского обывателя резко изменилась. Появился человек, который сказал: — Обыватель! Ты вовсе не сер и не туп. Это все выдумали твои исконные враги — англичане, французы, немцы, австрийцы, турки и сербы. Обыватель! Ты велик! Ты гениален!.. Человек, сказавший это, был Муссолини. И итальянский обыватель зашевелился. Жизнь обывателя стала интересной и полной. По улицам ходят оркестры, стены покрылись плакатами и трафаретными изображениями Муссолини. Стало много различных праздников, торжественных встреч, юбилеев, проводов, парадов, закладок и открытий. Почти каждая неделя приносит обывателю какую-нибудь новость» // *Ильф И., Петров Е.* Собр. соч. Том 5. М., 1961. С. 412–414.

[127] Авторство этого трафаретного лозунга приписывается журналисту Лонганези, однако импульс в нужном направлении исходил от самого Муссолини, приказавшего своему окружению говорить, что он «никогда не ошибался» // *De Begnac V.* Palazzo Venezia: storia di un regime. Roma, 1950. P. 652.

[128] *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. II. P. 10, 70.

[129] Секретарь фашистской партии Стараче, человек тупой, но исполнительный, отдал приказ все официальные документы завершать приветствием: «Да здравствует ДУЧЕ!» (обязательный набор крупным шрифтом слов ДУЧЕ и МУССОЛИНИ был строго предписан специальным распоряжением Стараче в феврале 1933 г. // ACS, PNF, Circolari, busta 5, fasc. 31). Когда Муссолини постфактум узнал об этом, он немедленно вызвал ретивого помощника и, в ярости расхаживая по кабинету, начал выговаривать: «Сообщаю вам, что ваш сын упал с лошади и сломал руку. Да здравствует Дуче!», «Сообщаю, что вы уволены. Да здравствует

Дуче!» и т. д. (*Gambino A.* Storia del PNF. Bari, 1962. P. 158).

[130] *De Felice R.* Autobiografia del fascismo. Roma, 1978. P. 428.

[131] *Braschi A.* Op. cit. P. 80.

[132] O. O. Vol. XXII. P. 247.

[133] См.: *Innocenti M.* I gerarchi del fascismo: storia del ventennio attraverso gli uomini del Duce. Milano, 1992. P. 98.

[134] *Bertoldi S.* Mussolini tale e quale. Milano, 1965. P. 121.

[135] ACS, MI, DGPS-AGR, 1934, busta 24, fasc. 8; busta34, fasc. 45; 1935, busta 3, fasc. 12,14; busta 23, fasc. 34 ed altri.

[136] Popolo d'Italia. 1921. 7. I.

[137] Текст программы см.: *Chiurco G.* Storia della rivoluzione fascista. Vol. III. Firenze, 1929. P. 640–647.

[138] Конституции буржуазных стран. Т. 1. М., 1939. С. 160–161.

[139] *Mussolini B.* My autobiography. Op. cit. P. 204.

[140] *Orano P.* Mussolini da vicino. Roma, 1932. P. 17.

[141] O. O. Vol. XIX. P. 22.

[142] *Costamagna C.* Storia e dottrina del fascismo. Torino, 1938.

[143] *Mussolini B.* Scritti e discorsi. Op. cit. Vol. IV. P. 190.

[144] O. O. Vol. XXV. P. 262.

[145] Попутно отметим, что в период борьбы за власть фашизм и лично дуче не были чужды проповеди индивидуализма, полностью исчезнувшей в последующие годы. «Мы поддерживаем все то, что возвеличивает и расширяет горизонты индивида, — вещал Муссолини, — что дает ему большую свободу, большее благосостояние, больший жизненный размах, и боремся против всего, что угнетает и подавляет его» // Popolo d'Italia. 1920. 10. I.

[146] *Ludwig E.* Op. cit. P. 127.

[147] La dottrina del fascismo. Milano, 1935.

[148] *Gentile G.* La religione. Firenze, 1957. P. 305–306.

[149] *Gentile G.* La vita e il pensiero. Firenze, 1948. P. 148.

[150] La dottrina del fascismo. Op. cit. P. 15.

[151] В «Карнарской конституции» корпорации представали в виде формы хозяйственной организации общества. Они объединяли трудоспособное население и регулировали все вопросы, связанные с производством // *D'Annunzio G.* La Statuto della Reggenza del Carnaro con i discorsi fondamentali del Comandante. Roma, 1940.

[152] *Тольятти П.* Указ. соч. С. 176.

[153] *Bottai G.* Fascismo e capitalismo. Roma, 1931; Idem. Esperienza corporativa. Firenze, 1934. P. 181; *Costamagna C.* Corporativismo. Dizionario di politica. Vol. I. Roma, 1940. P. 634.

[154] Il secolo fascista. 1934. № 10–11–12. P. 204.

[155] Il secolo fascista. 1934. № 3–4. P. 178.

[156] L'Ordine fascista. 1934. № 1. P. 19.

[157] Gazzetta Ufficiale. 1926. 1. VII.

[158] Подробнее см. главу III.
[159] *De Felice R.* Mussolini il fascista. Vol. II. P. 296.
[160] «Квота 90» — возврат итальянской лиры к золотому стандарту и ее привязка к английскому фунту стерлингов.
[161] Компромисс носил постатейный характер. Так, например, в ст. 12 было отвергнуто предлагавшееся «профсоюзниками» понятие «минимума заработной платы», но взамен в ст. 23 вопреки мнению патроната было включено обязательство предпринимателей осуществлять прием на работу через бюро по найму, формировавшееся на паритетных началах и действовавшее под контролем корпоративных органов.
[162] L'Ordine fascista. 1932. № 10. P. 456.
[163] Il secolo fascista. 1934. № 10–11–12. P. 179.
[164] Il secolo fascista. 1933. № 22–23 P. 402–403.
[165] L'Ordine fascista. 1933. № 12. P. 684–686.
[166] *Bottai G.* Esperienza corporativa. Op. cit. P. 254, 311. Эта позиция, впоследствии не раз подтверждавшаяся Боттаи, дала основание считать его выразителем «левой» тенденции в фашизме.
[167] L'Ordine fascista. 1934. № 3–4. P. 206.
[168] Il Lavoro d'Italia. 1925. 3. V.
[169] ACS, SPD, CR, busta 92, fasc. W/R «Turati», sottofasc. 13.
[170] Цит. по: *Palla M.* Fascismo e stato corporativo. Milano, 1991. P. 172.
[171] Цит. по: Il fascismo politica e vita sociale. P. 114.
[172] *Лопухов Б. Р.* Указ. соч. С. 159.
[173] La dottrina del fascismo. P. 24.
[174] La Lotta di Classe. 1912. 9. XI.
[175] Цит. по: *Spinosa A.* Op. cit. P. 41.
[176] La Lotta di Classe. 1912. 3. VIII.
[177] Подробнее см.: *Яхимович З. П.* Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма. Конец XIX — начало XX вв. М., 1986. С. 64–68.
[178] Цит. по: *Яхимович З. П.* Указ. соч. С. 66.
[179] Цит по: *Costamagna C.* Il diritto corporativo italiano. Torino, 1927. P. 492.
[180] La dottrina del fascismo. Op. cit. P. 38.
[181] Цит. по: *Rossi R.* Mazzini e il fascismo. Sintesi critica e polemica. Livorno, 1931. P. 51.
[182] Autobiografia del fascismo: i miti del totalitarismo fascista. Sesto San Giovanni, 1994. P. 215.
[183] O. O. Vol. XXIX. P. 192.
[184] *Bottai G.* Vent'anni e un giorno. Op. cit. P. 81.
[185] ACS, MI, DGPS, AGR, Atti diversi, busta 7, fasc. 31, busta 15, fasc. 42 ed altri.
[186] O. O. Vol. XXIV. P. 283.
[187] *Barnes J. S.* Gli aspetti universali del fascismo. Roma, 1931. P. 117–128.
[188] *Ludwig E.* Op. cit. P. 159.
[189] Antieuropa, IX, 1931.

[190] Reale Accademia d'Italia. Fondazione A. Volta. Atti dei convegni. Convegno di scienze morali e storiche. 14–20 novembre 1932, XI. Tema: L'Europa. Roma, 1933.
[191] *Gravelli A.* Difesa dell'Europa e funzione antieuropea del fascismo. Roma, 1932.
[192] Подробнее об этом речь пойдет ниже.
[193] *Gravelli A.* Panfascismo. Roma, 1935. P. 114, 177.
[194] *Лопухов Б.Р.* Указ. соч. С. 181.
[195] *Gravelli A.* Verso l'internazionale fascista. Roma, 1932. P. 52–87.
[196] *Monelli P.* La tua patria. Roma, 1929. P. 17–25.
[197] Подробнее см.: *Ledeen M. A.* L'internazionale fascista. Bari, 1973. P. 141–188.
[198] См., например, эссе Козельски «Молодежь за новый порядок», в котором содержатся лишь перепевы хорошо известных мотивов о революции и роли молодежи А. Гравелли // La gioventu' per l'ordine nuovo. Roma, s. d.
[199] *Nardelli M.* Fascismo idea universale. Trento, 1936. P. 97.
[200] Подробнее см. гл. Ш.
[201] ACS, MI, DGPS, AGR, 1934, busta 4, fasc. 12, busta 22, fasc. 34 ed altri.
[202] P. N. F. Atti del V Congresso Nazionale. Roma, 1925. P. 154–155.
[203] O. O. Vol. XXIX. P. 187.
[204] *Amendola G.* Una scelta di vita. Milano, 1976. P. 73.
[205] La Stampa. 1923. 25. X.
[206] *Tasca A.* Nascita e avvento del fascismo. Firenze, 1950. P. 79.
[207] *Ferrero G.* Da Fiume a Roma. Milano, 1923. P. 23; *E. Nicoletti.* Da Nitti a Mussolini. 1919–1922. Napoli, 1927. P. 152.
[208] O. O. Vol. XXII. P. 230.
[209] Подробнее см.: Cultura e fascismo: letteratura, arti e spettacolo di un ventennio. Firenze, 1996.
[210] Тоталитаризм в XX веке. С. 229.
[211] Подробнее о механизме такого восприятия см.: *Голомшток И.* Тоталитарное искусство. М., 1994.
[212] La Stampa. 1925. 23. XI.
[213] *Cederna A.* Mussolini urbanista. Lo sventramento di Roma negli anni del consenso. Roma;Bari, 1979. P. 15.
[214] *Bottai G.* Op. cit. P. 207.
[215] *Amendola G.* Op. cit. P. 240.
[216] Critica fascista. 1935. P. 685.
[217] В ряде северных районов Италии, где и зародилось движение, фаши почти целиком состояли из студентов и молодых офицеров-резервистов (*Lyttelton A.* La conquista del potere. Il fascismo dal 1919 al 1929. Bari, 1974. P. 89–90). В Реджо-Эмилии средний возраст фашистов колебался в пределах 25 лет, а каждый четвертый член возникшей осенью 1921 г. фашистской партии не достиг и 21 года // *Petersen J.* Elettorato e base sociale del fascismo italiano negli anni venti – Studi storici. 1975. № 3. P. 663–664.
[218] Подробнее см.: *Белоусов Л.С.* Италия: молодежь против фашизма. 1919–1945. М., 1987. С. 10–16.

[219] Цит. по: *Джулио Ю.* Фашистская Италия. Шесть лет диктатуры черных рубах. М., 1929. С. 98.

[220] *Филатов Г. С.* Крах итальянского фашизма. С. 72.

[221] *Togliatti P.* Discorsi ai giovani italiani. Roma, 1953. P. 29.

[222] Обязательность такого образования была законодательно закреплена еще при Джолитти, но в действительности не осуществлялась.

[223] *Turi G.* Giovanni Gentile. Una biografia. Firenze, 1995. P. 163.

[224] Муссолини неоднократно подтверждал эту цель. Так, выступая в 1923 г. перед университетской молодежью, он заявил: «Фашистское правительство нуждается в правящем классе. Опыт этих 14 месяцев власти показал мне, что фашистского правящего класса нет... Именно потому, что мы бедны и отстаем, следует хорошенько вооружить наш ум. Необходимо всерьез учиться, чтобы создать новую Италию. Такова истинная причина реформы Джентиле» // O. O. Vol. XX. P. 159.

[225] *De Felice R.* Mussolini il fascista. Vol. II. P. 145.

[226] Как обязательный предмет изучения в начальных классах закон божий был отменен в 1877 г.

[227] Documenti della storia. La scuola in Italia dalla legge Casati a oggi. Torino, 1976. P. 139.

[228] Преобразования в начальной школе осуществлялись под руководством известного ученого-педагога, не имевшего ничего общего с фашизмом Дж. Ломбардо-Радиче.

[229] *Tuzet E.* L'education du peuple italien selon les fascistes et selon lui-meme. Paris, 1923. P. 11.

[230] Documenti della storia. Op. cit. P. 138.

[231] С момента своего появления «дополнительная школа» вызывала недоверие и неприязнь у многих родителей, не желавших отдавать в нее своих детей. В 1929 г. она была упразднена.

[232] Цит. по: *Tomasi T.* Idealismo e fascismo nella scuola italiana. Firenze, 1969. P. 44.

[233] Ibid.

[234] *Minio-Paluello L.* Education in fascist Italy. London, 1946. P. 187.

[235] Цит. по: *Tomasi T.* Op. cit. P. 63–64.

[236] *Грамши А.* Формирование человека. М., 1983. С. 145.

[237] *Genovesi P.* La riforma Gentile tra educazione e politica: le discussioni parlamentari. Ferrara, 1996. P. 55.

[238] *Gentile G.* La difesa della filisofia. Firenze, 1969. P. 11.

[239] *Gentile G.* La religione. Firenze, 1957. P. 439.

[240] *Bobbio N.* Profilo ideologico del Novecento italiano. Torino, 1986. P. 130.

[241] *Mussolini B.* Scritti e discorsi. Op. cit. Vol. 5. P. 218–220.

[242] *Fanciulli G.* I nostri ragazzi. Milano, 1934. P. 73.

[243] См., например, книгу для чтения в 5 классе: *Davanzati R. F.* Il Balilla Vittorio. Roma, 1934.

[244] *Capitini A.* Antifascismo tra i giovani. Trapani, 1966. P. 311.

[245] *Джулио Ю.* Указ. соч. С. 26–27.

[246] ACS, MI, DGPS, AGR. 1932, busta 81, fasc. 13; 1933, busta 23, fasc. 54 ed altri.

[247] *Ostenc M.* La scuola italiana durante il fascismo. Bari, 1981. P. 131.
[248] *Botta G.* La Carta della Scuola. Milano, 1939.
[249] La Dichiarazione dei diritti del fanciullo nella legislazione e nella vita sociale italiana. Roma, 1980. P. 55.
[250] «Протест против манифеста фашистских интеллигентов», опубликованный в ответ на выступление Джентиле и его сторонников, призывавших к сотрудничеству с режимом.
[251] Enciclopedia dell'antifascismo e della Resistenza. Milano, 1968. Vol. 2. P. 581.
[252] ACS, MI, DGPS, AGR. 1933, busta 23, fasc. 45; busta 54, fasc. 21; busta 33, fasc. 78.
[253] La generazione degli anni difficili. Bari, 1962. P. 210–211.
[254] *Marchesi C.* Fascismo e Universita' // Rinascita. 1945. № 1. P. 18.
[255] *Petersen J.* Op. cit. P. 660.
[256] *Nello P.* Mussolini e Bottai: due modi diversi di concepire l'educazione fascista della gioventu' // Storia contemporanea. 1977. № 2.
[257] *Starace A.* Gioventu' italiana del Littorio. Milano, 1939. P. 73.
[258] *Gravelli A.* Giovinezza... giovinezza. S. d., s. l.. P. 6.
[259] Ibid. P. 14.
[260] Например, «разоблачать предателей... революции, не страшась их вероятной силы», или «не бояться дерзать» // *Mussolini B.* Citazioni. Il manuale delle guardie nere. Roma, 1969. P. 19, 35.
[261] Эта концепция близка идее «молодого духа» футуристов, к числу которых Боттаи ранее принадлежал. Одно время он даже редактировал их еженедельник «Рома футуриста».
[262] *Mussolini B.* Scritti e discorsi. Op. cit. Vol. 5. P. 25.
[263] *Santarelli E.* Op. cit. Vol. I. P. 183.
[264] Устав см.: *Сандомирский Г.* Фашизм и молодежь. М., 1925. С. 97–100.
[265] Балилла — полулегендарный мальчик, бросивший камень в австрийских солдат, оккупировавших Геную в 1746 г. Его имя стало нарицательным благодаря поэту Рисорджименто Г. Мамели.
[266] Цит. по: *Addis Saba M.* Gioventu' italiana del Littorio. La stampa dei giovani nella guerra fascista. Milano, 1975. P. 67.
[267] *Piccoli D. S.* Le organizzazioni giovanili in Italia. Roma, 1936.
[268] *Тольятти П.* Указ. соч. С. 91.
[269] *Franzinelli M.* Stellette, croce e fascio littorio: l'assistenza religiosa a miitari, balilla e camicie nere 1919–1939. Milano, 1995. P. 374.
[270] *Caporilli P.* The education of Youth in the Fascist State. Rome, 1930. P. 101.
[271] *Тольятти П.* Указ. соч.. С. 82.
[272] *Zapponi N.* Il partito della gioventu'. Le organizzazioni giovanili del fascismo. 1926–1943 // Storia contemporanea. 1982. № 4–5. P. 599.
[273] *Starace A.* Op. cit. P. 50.
[274] *Ludwig E.* Op. cit. P. 166.
[275] Женские организации: 6–8 лет — дочери Волчицы, 8–14 — маленькие итальянки, 14–17 — молодые итальянки, 17–21 — фашистские девушки. Мужские органи-

зации: 6–8 лет — сыновья Волчицы, 8–11 — Балилла, 11–13 — Балилла-мушкетеры, 13–15 — авангардисты, 15–17 — авангардисты-мушкетеры, 17–21 — молодые фашисты.

[276] *Koon T. H.* Believe, Obey, Fight. Political Socialization of Youth in Fascist Italy, 1922–1943. Chapel Hill-Londres, 1985. P. 121.

[277] *Marzolo R.* The youth movement in Italy. Rome, 1939. P. 48.

[278] Ibid. P. 90.

[279] *Mezzasoma F.* Essenza dei G. U. F. Genova, 1937.

[280] La vita nuova. 1927. 12. VII. (Bologna).

[281] *Santarelli E.* Op. cit. P. 299.

[282] Annuario statistico italiano. 1944–1948. Roma, 1949, ser. 5. Vol. 1. P. 96.

[283] Enciclopedia dell'antifascismo e della Resistenza. Vol. 2. P. 704.

[284] Тридцать лет жизни и борьбы итальянской коммунистической партии. М., 1953. С. 318.

[285] *Lajolo D.* Il Voltagabbana. Milano, 1963. P. 25.

[286] Annuario statistico italiano. Op. cit. 1935, Roma, ser. 4. Vol. 2. P. 15.

[287] Annuario statistico italiano. Op. cit. 1944–1948. P. 36.

[288] Credere obbedire combattere: i catechismi del fascismo. Viterbo, 1996.

[289] *Togliatti P.* Op. cit. P. 28–29.

[290] Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Указ. соч. С. 319.

[291] См., например, письмо одного из них в: *Zangrandi R.* Il lungo viaggio a'traverso il fascismo. Milano, 1962. P. 179.

[292] *Alfassio Grimaldi U.* Prefazione a: *Addis Saba M.* Op. cit. P. 12.

[293] *Пезенти А.* Университеты жизни. М., 1977. С. 72.

[294] *Тольятти П.* Указ. соч. С. 61–62.

[295] Там же. С. 65.

[296] *Cordova F.* Le origini dei sindacati fascisti. Roma;Bari, 1974. P. 52.

[297] *Bianchi M.* I discorsi, gli scritti. Roma, 1931. P. 64.

[298] *Chiurco G. A.* Op. cit. Vol. IV. P. 192–193.

[299] ACS, SPR, CR. 1922, busta 12, fasc. 431.

[300] Особенно важным шагом в этом направлении стала легализация фашистской милиции в январе 1923 г. Впоследствии она была переведена в прямое подчинение главе правительства. В начале 30-х годов в рядах ДМНБ, являвшейся составной частью фашистской партии, насчитывалось более 400 тыс. членов.

[301] Одним из элементов этого курса можно считать объединение ПНФ с националистами в 1923 г.

[302] *Лопухов Б. Р.* Указ. соч. С. 29.

[303] Фариначчи был постоянным членом БФС, что не давало реальных рычагов власти.

[304] Активное выступление Рокко против сквадризма спровоцировало попытку его исключения из партии, предотвращенную личным вмешательством дуче. Подробнее о «деле Рокко» и внутрипартийной борьбе в ПНФ см.: *Lazzero R.* Il partito nazionale fascista. Milano, 1985. P. 41–67.

[305] В 1923 г. в фашистском движении еще не наблюдалось явного преобладания «непримиримых», так как курс на нормализацию олицетворялся дуче, а недовольство сквадристов только накапливалось.

[306] Такого мнения придерживаются некоторые итальянские авторы, например, Fornari H. D. См.: Uomini e volti del fascismo. Op. cit. P. 215.

[307] *Farinacci R.* Un periodo aureo del Partito Nazionale Fascista. Foligno, 1927. P. 31.

[308] Ibid. P. 47.

[309] В этой связи любопытно отметить, что сам Фариначчи в письмах к Муссолини неоднократно просил удалить его с политической сцены, объясняя свое желание непониманием со стороны дуче и невозможностью осуществить свои идеи // ACS, SPD, CR, Raccolta «Farinacci», busta 5, fasc. 87 ed altri.

[310] В период разгула насилия в Брешии бывали случаи, когда Турати лично вмешивался, чтобы предотвратить карательные акции местных сквадристов // *Vecchia P. A.* Storia del fascismo bresciano. Brescia, 1929. P. 62–63.

[311] *Turati A.* Ragioni ideali di vita fascista. Roma, 1926. P. 146, 164, 185.

[312] O. O. Vol. XXII. P. 108–109.

[313] Полный текст устава см.: *Aquarone A.* Op. cit. P. 386–392.

[314] Официальное объяснение отмены выборов выглядело прямолинейно и убедительно: абсурдно сохранять элементы демократии в партии, если ее нет в государстве. (*Settimelli E.* L'autorita' dello Stato. Roma, 1928. P. 29–30). На это обращал внимание и П. Тольятти, утверждая, что характер фашистской партии соответствовал характеру диктатуры, ликвидировавшей любые формы демократии. (*Тольятти П.* Указ. соч. С. 79).

[315] Цит. по: *Aquarone A.* Op. cit. P. 485–486.

[316] Эта мысль почти в открытую была сформулирована в его работе «Una rivoluzione e un capo» (Roma-Milano, 1927), что ни в коей мере не мешало Турати нагнетать культ Муссолини.

[317] *Turati A.* Ragioni ideali di vita fascista. Op. cit. P. 20–21.

[318] *Turati A.* Una rivoluzione e un capo. Op. cit. P. 131.

[319] *Turati A.* Ragioni ideali di vita fascista. Op. cit. P. 31.

[320] Единственным исключением был Фариначчи, ни на йоту не изменивший своих убеждений, но сохранивший «феод» в Кремоне.

[321] Во времена Фариначчи с такой формулировкой исключали «нефашизировавшихся» государственных служащих, недавно вступивших «оппортунистов», фашистов «последнего часа», то есть тех, на кого теперь пытался опереться дуче.

[322] *Pombeni P.* Demagogia e tirannide. Uno studio sulla forma-partito del fascismo. Bologna, 1984. P. 113.

[323] ACS, MI, DGPS, SCP, busta 11, fasc. 52; busta 45, fasc. 76 ed altri.

[324] *Gentile E.* Il problema del partito nel fascismo italiano // Storia contemporanea. 1984. № 3. P. 354.

[325] В конце 1927 г. прием в партию был остановлен, и вплоть до 1932 г. она формально пополнялась только выходцами из юношеских организаций.

[326] Подробное исследование на эту тему осуществил осенью 1927 г. коммунист С. Транквилли (И. Силоне). Его результаты были опубликованы в «Lo Stato Operaio» (Antologia. 1927–1939. P. 875–890).

[327] В феврале 1930 г. Турати без ведома и согласия дуче явился к папе для обсуждения отношений между ПНФ и светской организацией католиков «Католическое действие» // *Tamaro A.* Op. cit. Vol. II. P. 426–427.

[328] *Nozzoli G.* I ras del regime. Gli uomini che disfecero l'Italia. Milano, 1972. P. 62–63.

[329] После отставки Турати короткое время руководил туринской газетой «La Stampa». В 1933 г. он был исключен из партии и сослан с семьей на острова.

[330] О. О. Vol. XXIV. P. 282.

[331] Так случилось с одним из творцов фашистского законодательства о государстве А. Рокко, снятого с поста министра юстиции в 1932 г.

[332] Официальный фашистский историк А. Тамаро указывает в этой связи и на более существенные последствия, полагая, что деятельность Стараче «стала одним из элементов, в наибольшей степени подрывавших мощь режима» // *Tamaro A.* Op. cit. P. 456.

[333] *Aquarone A.* Op. cit. P. 518.

[334] Ibid.

[335] *Тольятти П.* Указ. соч.. С. 71.

[336] *Лопухов Б. Р.* Указ. соч.. С. 132.

[337] ДЖИЛ — 7891547 членов, ГУФ — 105883, фаши мужские — 2633514, фаши женские — 774181, Сельские хозяева — 1481321, Дополаворо — 3832248, Национальный итальянский олимпийский комитет (CONI) — 809659, Национальная ассоциация участников войны — 802468 и ряд других, более мелких // *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. 1. P. 219.

[338] ACS, SPD, CR, busta 46, fasc. 242/R.

[339] В дополнение к описанному в параграфе 3 приведем лишь некоторые: дуэли на шпагах с обнаженным торсом допускаются исключительно между иерархами ПНФ; нельзя отдавать римский салют сидя; инструкция-лозунг для фаши приморских городов: «Жить не необходимо, но необходимо плавать» // Vademecum dello stile fascista — dai fogli di Disposizioni del Segretario del Partito. Roma, s. d.

[340] *Gentile E.* La natura e la storia del PNF nelle interpretazioni dei contemporanei e degli storici // Storia contemporanea, 1985. № 3. P. 601.

[341] См.: *Лопухов Б. Р.* Указ. соч.; *Он же.* Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968.

[342] Подавляющая часть итальянской литературы, посвященной профсоюзам и профсоюзному движению, относится к периоду формирования диктатуры и силовому вытеснению классовых организаций; значительно меньшая ее часть (преимущественно статьи) имеет в качестве объекта исследования собственно фашистские профсоюзы 30-х годов.

[343] Например, *Preti D.* «Per una storia del sindacato fascista negli anni trenta» // Economia ed istituzioni nello stato fascista. Roma, 1980. P. 261–386.

[344] Например, *Sapelli G.* Per la storia del sindicalismo fascista: tra controllo sociale e conflitto di classe // Studi storici, 1978. № 3.
[345] См., например: AS, CGIL, CCL, fasc. 15, 48, 57 ed altri.
[346] Цит. по: *Secbi S.* La pelle di Zigrino. Storia e politica del PCI. Bologna, 1980. P. 97.
[347] Подробно о появлении «автономных» или «экономических» профсоюзов, противостоявших классовым, о борьбе вокруг идеи «Государства производителей» и соотношении функций между государством и профсоюзами, о создании первых «Gruppi ferrovieri fascisti» и распространении фашистских профсоюзных оганизаций в Эмилии-Романье, наконец, об окончательном превращении фашистских профсоюзов в орудие борьбы за захват и консолидацию власти см.: *Cordova F.* Op. cit.
[348] *De Bernardi A.* Operai e nazione. Sindacati operai e stato nell'Italia fascista. Milano, 1993. P. 37.
[349] В течение нескольких последующих лет на производстве сохранялся институт «доверенных лиц», который формально был запрещен по требованию предпринимателей в 1928 г. Неформально «доверенные лица» существовали и в дальнейшем, вплоть до 1938 г., когда их статус был узаконен в рамках соглашения между Конфиндустрией и конфедерацией работников промышленности.
[350] Классовые профсоюзы, не будучи «признанными», не имели права вести переговоры и подписывать коллективные договоры. Спустя несколько месяцев после выхода закона они были распущены.
[351] Конституции буржуазных стран. Т. 1. С. 166. В итальянском тексте закона речь идет именно о национальной вере, а не патриотизме, как переведено в данном издании.
[352] Пакет документов, представляемых в министерство для регистрации, включал: описание происхождения и сферы деятельности профсоюза, список руководящих должностей, устав, определение территории, сведения об отношениях с другими организациями, финансах и т. д.
[353] В уставе фиксировались основные цели и задачи организации, содержались требования к вступающим. В приеме могло быть отказано тем, у кого обнаруживались «нефашистские или ненациональные идеи». Каждый член профсоюза обязан был предоставить о себе любую информацию, которую у него запросят, и мог быть исключен по дисциплинарным, моральным и политическим мотивам // *Haider C.* Capital and labor under fascism. N. Y., 1930. P. 98–101.
[354] Формально высшим органом профсоюзов на местах считалась ассамблея, решения которой принимались простым большинством голосов независимо от количества присутствующих членов. Ассамблея избирала секретаря и директорат (обычно из 4 человек). Секретари отраслевых профсоюзов и федераций назначались главой конфедерации, который в свою очередь утверждался министром и мог быть смещен в любое время. Полномочия главы конфедерации почти ничем не ограничивались: он имел право освободить от должности любого избранного нижестоящего секретаря и даже приостановить деятельность всего объединения на 6 месяцев. Эта структура управления опиралась на огромный бюрократический аппарат, подконтрольный фашистской партии и правительству.

[155] O. O. Vol. XXII. P. 384.

[156] F. B., Ser. /c., cassa n. 1, fasc. 17, 25, 28.

[157] F. B., Ser. /c., cassa n. 1, fasc. 30, 80, 89.

[158] ACS, MI, DGPS, SCP, 1929, busta 18, fasc. 131, 211; 1930, busta 27, fasc. 55, 72.

[159] O. O. Vol. XXVI. P. 357.

[160] Выборность ряда должностей вводилась в соответствии с новым Уставом фашистской конфедерации промышленных рабочих, принятом в 1934 г.

[161] Подробнее см.: глава II, параграфы 5, 6.

[162] La classe operaia durante il fascismo. Op. cit. P. XXXVI–XXXVII.

[163] Его официальным оппонентом выступал фашистский законотворец А. Рокко, призывавший к всеобщей, обязательной записи в профсоюзы и их превращению в «дисциплинированную армию под командованием государства».

[164] Россони оказался не у дел, получив лишь пост министра без портфеля и сохранив место в БФС.

[165] *Guigni G.* Esperienze corporative e postcorporative nei rapporti collettivi di lavoro in Italia // Il Mulino. 1956. № 1. P. 5–6.

[166] Corriere della sera. 1933. 15. IX.

[167] *De Felice R.* Mussolini il fascista. Vol. II. P. 91.

[168] L'Ordine fascista. 1930. № 3–4. P. 206.

[169] См., например, «проект Джордани», предусматривавший правительственную регламентацию деятельности профсоюзных касс взаимопомощи. (Atti parlamentari. Camera dei Deputati. Sessione 1930–1931. Documenti. Disegni di leggi e relazioni. Roma, 1934. Vol. 6. P. 331). Если бы он был принят, профсоюзы фактически лишились бы возможности контроля за распределением средств, поскольку регулирование заработной платы относилось к компетенции государства.

[170] *Capoferri P.* Venti anni col fascismo e con i sindacati. Milano, 1947. P. 49.

[171] *Capoferri P.* Op. cit. P. 50.

[172] Мысль о пагубности силового вмешательства в деятельность профсоюзов прослеживается в донесениях полицейских агентов, вращавшихся в рабочей среде // ACS, DGPS, PP, busta 31, fasc. 7; busta 45, fasc. 81; busta 101, fasc. 15.

[173] Дословно: «после работы», или сокращенно ОНД — Opera Nazionale Dopolavoro.

[174] Весьма показательно, что все международные конференции по «свободному времени» проводились в странах «оси»: 1936 г. — Гамбург, 1938 г. — Рим, 1940 г. — Токио.

[175] *De Grazia V.* La taylorizzazione del tempo libero operaio nel regime fascista // Studi storici. 1978. № 2. P. 332.

[176] *Cordova F.* Op. cit. P. 146, 237, 403.

[177] Quaderni del dopolavoro. Roma, 1925. P. 15–45.

[178] В мае 1925 г. Муссолини призвал капиталистов быть «умными и интеллигентными», а «умные» капиталисты «думают не только о зарплате, но и о домах, школах, больницах, спортивных и развлекательных центрах для своих рабочих» // Gerarchia. IV. 5.05.1925. P. 274.

[179] Подробнее см.: глава II, параграф 3.

[380] Organizzazione scientifica del lavoro, 1928. № 3. P. 545.

[381] В течение первых пяти лет фашистское правительство допускало существование различных спортивных, развлекательных, культурных и прочих кружков и ассоциаций трудящихся, деятельность которых не считалась политизированной. Но среди них были и явно антифашистские (в основном, социалистического и католического профиля). Их члены были вынуждены приспосабливаться к новым условиям, «маскироваться» аполитичностью, менять названия, чтобы так или иначе сохранить свои организации // *De Grazia V.* Consenso e cultura di massa nell'Italia fascista. P. 53.

[382] *Haider C.* Op. cit. P. 179.

[383] С этой цифрой, обозначающей приблизительно пятую часть занятых, несоизмеримо реальное влияние и значение ОНД, так как, во-первых, фашизм не завоевал явных симпатий рабочего класса и любая форма участия была для него исключительно важна; во-вторых, тех, кто мог пользоваться преимуществами ОНД, было значительно меньше, нежели занятых (исключить подростков, стариков, замужних женщин и др.); в-третьих, те, кто не входил в «Дополаворо», относились, как правило, к наиболее изолированным социальным группам, не имевшим существенного веса в общей структуре занятости.

[384] Annuario statistico italiano. 1938. Op. cit. P. 243.

[385] *Galli G.* Un'organizzazione ausiliaria del PNF: l'Opera Nazionale Dopolavoro in provincia di Arezzo // Studi storici. 1975. № 3. P. 797–815.

[386] ACS, PNF, raccolta «Starace». 1931, busta 16, fasc. 25, 87.

[387] Atti parlamentari. Op. cit. Sessione 1931–1932. Vol. 8. P. 187.

[388] Не следует забывать, что недоверчивое отношение рабочих к хозяевам активно подогревали фашистские синдикалисты. Мысль о том, что предприниматели используют ОНД для подрыва влияния профсоюзов на заводах и фабриках, открыто звучала на I межрегиональном конгрессе фашистских профсоюзов в Милане в июле 1929 г. Особое негодование делегатов вызывали продуктовые лавки на территории предприятий, которые, по их мнению, усиливали власть работодателей на рабочем месте. (L'Ordine fascista, 1929. № 19. P. 345–355) Сильный антихозяйский запал этого, а также последующих конгрессов, проходивших в том же духе и не вписывавшихся в концепцию гармонизации классовых отношений, побудил власти запретить их проведение.

[389] Публично фашисты настаивали на необходимости добровольной записи в ОНД. В конце 30-х годов они стали активнее прибегать к насилию, автоматически вычитая взносы из зарплаты рабочих. На ФИАТ эта практика появилась еще в 1933 г.

[390] ACS, MI, DGPS, PP, busta 31, fasc. 53.

[391] Устав 1932 г. и «линия Стараче».

[392] Созданная в 1928 г. под эгидой ПНФ, эта школа готовила специалистов по социальному вспомоществованию. По договору с Конфиндустрией ее выпускники подлежали обязательному приему на работу. Формально они должны были

помогать рабочим в получении различных социальных льгот, но на деле их функции сводились к организации массовых фашистских мероприятий.

393 По различным данным, их было около 100 тысяч.

394 В 1929 г. по инициативе ЭНИОС (Ente nazionale italiano per l'organizzazione scientifica del lavoro) в Италии начал издаваться журнал «Дом и работа». Его целью стало распространение среди домохозяек «научных принципов» организации быта. В журнале публиковались рекомендации по оптимальному формированию семейного бюджета, минимизации расходов, рациональной расстановке мебели, позволяющей экономить энергию при выполнении домашней работы, эффективному использованию свободного времени и т. д.

395 Gente nostra, 30. 10. 1930.

396 Первая общенациональная выставка ОНД была открыта в январе 1929 г. в Риме, а год спустя глава фирмы «Жиллет» в Италии Дж. д'Орио догадался организовать пункты розничной продажи прямо в помещениях «Доподаворо». Вслед за ним многие предприниматели попытались получить торговые точки внутри или в непосредственной близости от секций ОНД.

397 Bianco e rosso, 1931. № 5.

398 С особой силой это проявилось после введения Лигой Наций экономических санкций против Италии и начала кампании за «итальянизацию» торговли. Печать ОНД напрямую увязывала необходимость покупать итальянские вещи с экономическим положением страны в целом. Оказывается, безработица появлялась не по вине предпринимателей, которые бок о бок с рабочими сражались против иностранной конкуренции, а по вине тех потребителей, которые покупали заграничные товары. «Сборка одного радиоаппарата занимает в среднем 10 рабочих дней, — объясняла своим читателям центральная газета ОНД. — Поэтому покупка аппарата иностранного производства увеличивает безработицу 10 рабочих на один день, или одного рабочего на 10 дней» // Gente nostra. 1936. 19. XII.

399 Например, программу почтовых накоплений, при которой предназначенные для бытовых расходов средства аккумулировались в виде почтовых переводов.

400 Например, часы, которые можно было завести, лишь опустив однолировую монетку // Gente nostra. 1932. 25. VII.

401 Во второй половине 30-х годов термин «доподаворист» означал уже не только принадлежность к организации, но и новый тип массового потребителя, стремившегося к накопительству и приобретению товаров по низким ценам.

402 На рубеже 20–30-х годов билет в кино стоил в среднем 2 лиры // Bianco e rosso. 1931. № 8.

403 На театральные билеты давалась скидка 25–35% // Ibid.

404 Самые дешевые билеты (входные без мест или на галерку) стоили от 4 до 6 лир.

405 Gente nostra. 1936. 30. XI.

406 Gente nostra. 1930. 12. III.

407 По воспоминаниям итальянцев старшего поколения, с которыми нам доводилось неоднократно беседовать (Э. Петруччи, А. Пинти, Дж. Сантарелли и др.), приезд этих театриков, сопровождавшийся музыкой, танцами и песнями, вызывал у

них, тогда еще подростков, неподдельный восторг. Им было все равно, кого славить, лишь бы артисты приехали еще раз.

[408] ACS, SPD, CR. 1933, busta 17, fasc. 5.

[409] Gente nostra. 1933. 21. VI.

[410] ACS, SPD, CR. 1932, busta 65, fasc. 138.

[411] В течение многих лет в крохотном умбрийском городке Спелло, сохранившем первозданный средневековый облик и очарование, каждую весну проводится народный праздник цветов, в ходе которого почти все его улочки и площади покрываются живописными картинами из цветочных лепестков. В 30-е годы традиционные библейские сюжеты этих картин были потеснены обязательным изображением дуче и его «славных деяний» // Spello splendidissima. Gangemi ed., 1994.

[412] OND. Costumi, musica, danze e feste popolari italiane. Roma, 1933. P. 15.

[413] Bianco e rosso. 1936. № 7.

[414] Gente nostra. 1937. 5. IV.

[415] Волата — изобретение фашистов: нечто среднее между футболом, гандболом и игрой в мяч об стену. Она должна была вытеснить футбол, имевший английское происхождение. В конце 20-х годов началась ее массированная пропаганда, а в 1930 г. был проведен первый общенациональный чемпионат в Риме. Однако игра носила искусственный характер и не пользовалась популярностью. К середине 30-х годов она полностью исчезла, в том числе, со страниц фашистской печати // *Fabrizio F.* Sport e fascismo. La politica sportiva del regime. 1924—1936. Firenze-Rimini, 1976. P. 63—77; Idem. Storia dello sport in Italia. Dalle societa' ginnastiche all'associazionismo di massa. Firenze-Rimini, 1977. P. 15.

[416] Gente nostra. 1936. 7. VII.

[417] *De Grazia V.* Op. cit. P. 204.

[418] Gente nostra. 1934. 8. II.

[419] Женщинам рекомендовались такие виды спорта, которые не приводили к наращиванию мускулов, но способствовали «материнству и улучшению нации»: настольный теннис, плавание, гимнастика и т. д. // Gente nostra. 1931. 17. III.

[420] Нетронутой осталась только Итальянская федерация любителей экскурсий, которая была поставлена под контроль ПНФ.

[421] По официальным данным, только в 1937 г. в рамках ОНД было организовано около 50 тыс. пеших походов, однодневных экскурсий и поездок, в которых участвовало 3 млн. человек // Gente nostra. 1938. 21. II.

[422] Для членов ОНД скидки на билеты достигали 50% (Bianco e rosso. 1931. № 8.) А вот морские путешествия по-прежнему оставались уделом избранных, так как «Дополаворо» не имела собственного флота единого класса, как «Сила через радость» в гитлеровской Германии.

[423] Мы далеки от попыток преувеличивать реальные последствия этого процесса, поскольку региональная разобщенность сильна и в современной Италии.

[424] В развлекательно-пропагандистских поездках участвовали преимущественно люди молодые. Старшее поколение рабочих относилось с недоверием к новым формам

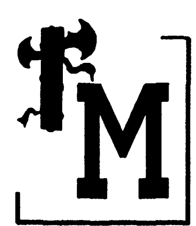
проведения досуга, предпочитая отдых традиционный. В этом смысле можно говорить о некотором разрыве поколений, приобретавшем политическую окраску.

425 Подробнее см. главу III, параграф 1.

426 Еще одним существенным отличием можно считать преобладание над индивидуальными коллективных форм отдыха и развлечений, связанных с идеологической функцией партии и зависимых от благотворительной деятельности государства и патроната.

ГЛАВА II

РАБОЧИЙ КЛАСС В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА



ощная идейно-пропагандистская и организационная машина вовлечения трудящихся в орбиту влияния фашизма, о которой шла речь в предыдущей главе, могла инкорпорировать в тоталитарную систему широкие слои рабочих, но она была не в состоянии сама по себе долго удерживать их в рамках этой системы, поскольку уровень эффективности ее деятельности, направленной на формирование общественного консенсуса, во многом определялся степенью удовлетворенности (или неудовлетворенности) масс своим социально-экономическим положением. В этой связи уяснение вопроса об экономической цене известной социальной стабилизации в конце 20-х — первой половине 30-х годов является одним из основополагающих факторов для определения характера идейно-политической и психологической эволюции рабочего класса, его отношения к господствовавшей политической системе, степени интеграции в нее, а также самой «природы» консенсуса тех лет.

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕЖИМА МУССОЛИНИ

Прежде чем перейти к анализу социального положения рабочего класса и произошедших в нем в годы фашизма перемен, представляется целесообразным обрисовать в общих чертах контуры экономической политики режима Муссолини. Не будучи предметом специального исследования, такой набросок необходим в качестве общего фона, на котором проводилась рабочая политика фашистского правительства. Наиболее существенными в этой связи представляются два вопроса: о динамике экономического развития Италии в межвоенный период и о взаимоотношениях режима с крупным финансово-промышленным капиталом и хозяйственной сферой в целом.

Если оставить в стороне проблему «стоимости» индустриального развития Италии в 20–30-е годы (за которой скрывается «человеческий фактор»), то сухие цифры, не вызывающие нареканий у специалистов-историков разных направлений, свидетельствуют об устойчивом росте промышленного производства: в 1923–1926 годах его среднегодовой прирост составил 9,5%; в 1927–1933 гг. — падение в среднем на 1,5% в год; 1934–1937 гг. — прирост

на 9,8% в год.[1] Даже несмотря на крайне неблагоприятные последствия мирового экономического кризиса, усредненный годовой показатель индустриального роста за 15 лет составил чуть более 4% или свыше 60% в целом. К концу 30-х годов общий объем валового продукта в промышленности (34,1%) превзошел сопоставимые показатели в сельском хозяйстве (29,4%),[2] что позволяет говорить о превращении Италии в индустриально-аграрную страну. Это означает, что фашистский режим решал некоторые объективно назревшие проблемы капиталистической модернизации.

Со вторым вопросом дело обстоит гораздо сложнее. Долгие годы в итальянской историографии господствовала хорошо аргументированная точка зрения историков-марксистов (П. Алатри, Э. Росси, Э. Сантарелли, Дж. Сапелли, В. Фоа и др.), которая в самом упрощенном виде сводилась к следующему: крупные финансово-промышленные группы в целом благоприятно отнеслись к фашизму, поддержали его (хотя не безоговорочно) на пути к власти, после чего перешли к прямому сотрудничеству с ним. Фашистское правительство выражало интересы монополистического капитала, и их сотрудничество углублялось по мере упрочения режима. Оно вступило в полосу кризиса только тогда, когда обозначилась реальная угроза вовлечения Италии во Вторую мировую войну. В рамках этой общей линии были некоторые отступления, не менявшие сути. К примеру, жесткая дефляционная политика кабинета («квота 90»), ударившая по карману предпринимателей, вызвала их обеспокоенность, но в конечном счете была ими осознана и принята как неизбежная. Они сумели перенести основную ее тяжесть на плечи трудящихся и достигли еще большего взаимопонимания с режимом, которое обрело поистине идиллическую форму после победы над Эфиопией.

Эта концепция опиралась на многочисленные факты и цифры, поэтому ни один серьезный историк не отвергал ее целиком, а Де Феличе приводил даже новые данные в подтверждение отдельных тезисов.[3] Однако, по его мнению,[4] не так уж важно было для науки «устанавливать степень зависимости фашизма от определенных сил и интересов, сколько понять степень и основы его автономности от них».[5] Такой подход имеет право на существование, но таит опасность затушевывания реакционного характера режима, поскольку ведет к абсолютизации независимости фашизма от финансово-промышленной олигархии.

На наш взгляд, анализ отношений власти с крупным капиталом должен строиться с учетом двух ключевых элементов. Во-первых, большей в тоталитарных государствах (по сравнению с демократическими) автономности политической части истэблишмента в принятии экономических решений и их подверженности идеологической конъюнктуре. Лидеры тоталитарных систем были более независимы от «королей бизнеса» и

располагали мощным арсеналом силовых средств воздействия на них. Во-вторых, на характер отношений между политической властью и финансово-промышленными кругами оказывало самое непосредственное влияние развитие капитализма, то есть рост производительных сил и расширение капиталистических отношений производства на новые секторы экономики. Это развитие нередко вступало в противоречие с клановыми устремлениями фашистской олигархии и политическими интересами господствовавшей системы в целом. Постоянным императивом существования режима являлось стремление к сохранению прочной общественной стабильности и желание избежать ощутимых социальных перемен, рождавшихся потребностями развития производства. Одним из примеров такого конфликта может служить борьба между Муссолини и Дж. Аньелли по поводу решения ФИАТ построить завод «Мирафиори». Перспектива образования нового крупного очага квалифицированной рабочей силы рождала опасения фашистских бюрократов и их противодействие замыслам кампании. Однако потребности капиталистического развития оказались сильнее сопротивления политической системы, и лобби Аньелли в конечном счете победило.[6]

В итальянской литературе приводится немало примеров, аналогичных «казусу Мирафиори», которые опровергают усиленно рекламировавшийся фашистами тезис о безусловном подчинении государству интересов рабочих и работодателей. И хотя в беседах с Э. Людвигом дуче с присущей ему безапелляционностью заявлял, что «фашистское государство все контролирует и всем управляет: от ловли рыбы до тяжелой индустрии в Валь д'Аоста»,[7] в действительности все обстояло значительно сложнее.

Муссолини слабо разбирался в вопросах экономики. Пожалуй, это была одна из немногих сфер, в которой он не претендовал на роль «гения латинской расы». Но дуче был в избытке наделен политическим чутьем, позволявшим ему нащупывать экономические решения, соответствовавшие задаче сохранения и упрочения режима в тактическом и стратегическом плане. Именно прагматизмом объясняется его осторожность в отношениях с крупным промышленным и финансовым капиталом. По свидетельству министра финансов А. Де Стефани,[8] «Муссолини никогда не координировал в интересах режима финансовую систему, считая ее такой сферой, где нужно передвигаться на цыпочках. Благодаря этому финансовые и промышленные бароны, не лишенные спекулятивного духа, сумели вписаться в режим без каких-либо потерь и с полной уверенностью в собственной независимости и неприкосновенности».[9] Сам Де Стефани приложил к этому немало усилий. С его именем связана экономическая политика фашистского правительства в первой половине — середине 20-х годов.

Ее основные направления определялись задачей перевода экономики на мирные рельсы. Тяжелая индустрия пошла на частичную реконверсию

производства и переориентировалась на выпуск некоторых изделий ширпотреба.[10] Однако многие предприятия испытывали серьезные трудности в связи с сокращением военных заказов, и правительство выделяло крупные суммы из бюджета для поддержания их «на плаву».[11]

Эти акции носили вынужденный характер, поскольку общий курс кабинета был нацелен на свертывание государственного субсидирования и регулирования экономики. Предпринятые меры (отмена именной регистрации ценных бумаг, реприватизация телефона, телеграфа и трамвайных линий, изменение системы налогообложения, появление новых видов страхования и т. д.) носили либеральный характер, и в этом смысле фашистская Италия не являлась исключением: весь капиталистический мир переживал период экономической стабилизации и роста на основе ренессанса либеральной модели.

Политика фашистского кабинета, и Де Стефани в частности, стимулировала рост деловой активности и расширение производства. Увеличился его валовой объем, возросло количество акционерных обществ, сократился дефицит государственного бюджета, расширился экспорт, особенно на европейский рынок, интенсивно развивалась внутренняя торговля, одним словом, экономика вступила в полосу подъема, и будущее сулило предпринимателям радужные перспективы. Однако эти перспективы вольно или невольно, но уже увязывались с приходом фашизма к власти, и по мере углубления линии Де Стефани формировавшийся режим все больше воспринимался финансово-промышленной олигархией как феномен «почти освободительный, способный ускорить механизм накопления».[12]

Одним из основных условий для ускорения накопления капитала являлась социально-политическая стабильность, поэтому завершение «кризиса Маттеотти» и введение «чрезвычайных законов» было с облегчением воспринято крупным бизнесом, «уставшим» от нескончаемого беспокойства, народных волнений и вылазок сквадристов. Опасения по поводу «антикапиталистической природы» и намерений фашистов остались в прошлом: публикация «Хартии труда» поставила точки над «i» в отношении частной инициативы, которая была определена в этом документе как «наиболее действенное и наиболее полезное для интересов нации орудие», обладающее «функцией национального значения».[13]

Симпатии и доверие предпринимателей к фашистскому правительству неуклонно росли, хотя этот процесс развивался неравномерно, испытывал паузы и отступления. Качественно новый элемент был внесен в него законом «О правовой организации коллективных трудовых отношений» от 3 апреля 1926 г. С этого времени начинается непростая история взаимоотношений между государственной бюрократией и заводской администрацией, их конкуренции в борьбе за усиление социального контроля над рабочей силой.

Этот процесс еще не выливался в корпоративное русло, но осуществлялся путем создания окологосударственных консультативных структур и профессиональных советов, издания законов и нормативных актов. Тем самым усиливалась связь государственного аппарата с промышленной олигархией, которая была подвергнута серьезной пробе на прочность осенью 1926 г.

Выступая в Пезаро 18 августа 1926 г., Муссолини провозгласил новый, дефляционный курс правительства, вызвавший поначалу негативную реакцию значительной части патроната. Эта реакция понятна: укрепление лиры приводило к ощутимой потере прибыли на внешнем рынке и сокращению темпов роста промышленного производства, ориентированного на экспорт. С другой стороны, продолжение прежней финансовой политики, поощрявшей инфляцию, грозило перегревом экономики, ее очередным коллапсом. Поэтому укрепление национальной валюты, обменный курс которой в 1926 г. стремительно падал, соответствовало не сиюминутным, а долгосрочным интересам всей экономической системы.

В основе этой меры лежали общие закономерности капиталистического развития в условиях стабилизации, когда даже такие «отсталые» страны, как Италия, были вынуждены в большей степени, чем прежде, ориентироваться на внутренний потребительский рынок. Кроме того, дефляционная политика отражала появление некоторых черт «организованного капитализма» (Р. Гильфердинг, 1927 г.) в сфере финансов: в 1926 г. за «Банком Италии» было закреплено монопольное право на эмиссию денег, а в 1928 г. — право контроля над деятельностью других банков и инвестициями иностранного капитала в экономику страны.

Дефляция имела и немаловажный социально-политический аспект: укрепление лиры повышало реальную покупательную способность широких слоев наемных работников и мелких рантье, что, в свою очередь, не могло не отразиться благоприятным образом на имидже режима. В обмен на потерю прибыли на внешних рынках крупный капитал получал новые возможности расширения сбыта внутри страны и упрочения социальной стабильности. Наконец, возврат лиры к золотому стандарту и ее привязка к курсу фунта стерлингов («квота 90») способствовали укреплению внутреннего и внешнего престижа фашистской Италии. Таким образом, поворот к дефляции соответствовал совокупным интересам финансово-промышленной олигархии и почти сложившейся тоталитарной системы. К концу 1927 г. стало ясно, что патронат не только принял новую монетарную политику, но и подтвердил доверие курсу Муссолини. В этом смысле 1925—1927 годы стали решающими для укрепления связи фашистского режима с экономическими силами страны.

Взаимоотношения между ними перешли на качественно новый уровень в ходе мирового экономического кризиса. В Италии он проявился в довольно острой форме, но его социальные последствия удалось смягчить во многом

благодаря активному вторжению государства, располагавшего к тому времени такими рычагами воздействия, которые позволяли принимать любые, даже крайне непопулярные меры. Само по себе государственное регулирование экономики было уже не ново. Но оно впервые применялось в таких масштабах, охватывая сферу обращения, распределения и производства. Вторжение государства в «святыни» частной собственности не нарушало сложившийся между ними баланс сил и интересов, поскольку преследовало цель спасения и «оздоровления» всего хозяйственного механизма в целом. В буржуазно-демократических странах правительства, не обеспечившие эффективных мер выхода из кризиса, уходили в небытие. И в фашистской Италии в случае бездеятельности кабинета кризис мог спровоцировать такое обострение социально-политической обстановки, которое было бы чревато непредсказуемыми последствиями для власти. Поэтому для фашистской олигархии проблема заключалась не столько в том, чтобы помочь выжить патронату, сколько в том, чтобы сохранить систему политическую путем преодоления кризиса системы экономической, опиравшейся в значительной мере на крупные финансовые и промышленные объединения.

Дуче не занимался благотворительностью. Его хозяйственные решения были продиктованы необходимостью самосохранения и носили сугубо прагматический характер. Они должны были соответствовать стратегической задаче упрочения власти и приниматься с максимально возможным учетом противоречивых интересов различных социальных слоев ради сохранения социальной стабильности. Для решения этой задачи иного пути, кроме массированной государственной поддержки системообразующих производств и усиления регулирования социальной сферы, в тот период в Италии не существовало. Значительная часть патроната это понимала[14] и вынуждена была мириться, в том числе с теми решениями, которые явно ущемляли ее интересы. Так, в мае 1934 г. правительство установило жесткий контроль над всеми зарубежными активами и ввело государственную монополию на валютные операции по обмену,[15] что лишало предпринимателей возможности укрывать часть прибыли за рубежом.

Основные меры, предпринятые фашистским правительством (поощрение монополизации путем льготного кредитования, принудительное картелирование (закон 1932 г.), санация крупнейших банков и последующая скупка акций «тонущих» предприятий, жесткая ценовая политика, регулирование заработной платы и т. д.), широко известны, поэтому отметим лишь две особенности государственного регулирования в Италии. Во-первых, в отличие от буржуазно-демократических государств, правительство Муссолини установило жесткий контроль над потребительскими ценами и заработной платой. Оно сокращало и то и другое по своему усмотрению. Это была централизованная политика, которая не только в какой-то мере компенсировала предпринимателям убытки от падения производства, но и

позволяла удерживать покупательную способность населения на более или менее приемлемом уровне.[16]

Во-вторых, фашизм создал мощную государственную структуру (ИРИ), аналогов которой не было в буржуазно-демократических странах. После санации трех ведущих банков и скупки в результате этой операции контрольных пакетов акций многих крупных компаний Институт промышленной реконструкции обрел функции государственного холдинга, координировавшего хозяйственную политику в ключевых отраслях экономики: металлургии, металлообработке, судо- и автомобилестроении, авиационной, железнодорожной, средств связи, производстве вооружений и др. В 1937 г. за ИРИ был закреплен статус постоянного государственного финансово-промышленного учреждения, призванного управлять принадлежащим фашистскому государству акционерным капиталом. И хотя часть акций наиболее прибыльных предприятий после преодоления кризиса вновь вернулась в руки частных владельцев, статус и роль ИРИ в национальной экономике как института косвенного государственного регулирования остались прежними. Менялся лишь «рисунок» взаимодействия с теми или иными социальными слоями, в первую очередь рабочими, по отношению к которым государство в лице ИРИ выступало в качестве работодателя, что еще больше повышало необходимость устойчивого социального равновесия.

Ничего собственно «фашистского» в Институте промышленной реконструкции не было. ИРИ — это экономический инструмент государственного влияния с быстро разбухшим бюрократическим аппаратом, сохранившийся и в послевоенной Италии. Однако во второй половине 30-х годов его деятельность имела не только экономическую, но также идейно-политическую подоплеку, связанную с провозглашением фашистской Италией курса на автаркию.

23 марта 1936 г., выступая на Национальной ассамблее корпораций, дуче заявил о том, что Италия может и должна «достичь наивысшего уровня экономической автономности как в мирное время, так и особенно в военное. Вся итальянская экономика должна быть ориентирована на эту высшую потребность: от нее зависит будущее итальянского народа».[17] Разговоры об экономической независимости велись и раньше: достаточно вспомнить развернувшуюся в середине 20-х годов «битву за зерно», целью которой было самостоятельное покрытие страной потребности в зерновых. Теперь же, после принятия Лигой Наций экономических санкций против агрессора, курс на автаркию становился стержнем всей хозяйственной политики фашизма. Его пропагандистское насыщение было довольно емким: дать достойный отпор «ожиревшим плутократиям», сделать Италию независимой от импорта сырья и продовольствия, воспитать «автаркический образ мышления» масс, научиться эффективно использовать собственные ресурсы и т.д.

Однако для финансово-промышленных кругов гораздо важнее оказалась менее заметная в пропаганде экономическая составляющая курса. Государство начало активно вытеснять из экономики зарубежный капитал, выкупая его активы и передавая их национальным компаниям. Принудительно сокращался импорт, но убытки от этого с лихвой покрывались значительным увеличением правительственного заказа, главным образом военного. Государство год от года становилось все более мощным потребителем готовой продукции, что непосредственно отражалось на укреплении его связи с финансово-промышленными кругами. Увеличение военных расходов, сопровождавшее начавшуюся милитаризацию страны, обогащало в первую очередь крупнейшие корпорации, работавшие на военную машину и тесно связанные с государством.[18] Они же были кровно заинтересованы в наращивании объема рынка за счет присоединения колоний, что давало возможность расширенного воспроизводства без увеличения покупательной способности населения. В то же время для самого режима Муссолини эфиопская кампания явилась апофеозом его деятельности и имела исключительное значение с точки зрения идеологической и психологической.

Таким образом, курс на автаркию сочетал в себе политические амбиции тоталитарного режима и экономические интересы патроната. В этом смысле уместно говорить не столько о влиянии финансово-промышленных групп на принятие фашистской олигархией политических решений (хотя вряд ли кто-либо осмелится отрицать такое влияние, осуществлявшееся через тысячи нитей), сколько о диалектической связи их устремлений, более или менее прочной на каждом из этапов истории режима за исключением последнего (10.06. 1940 г. — 25.07. 1943 г.).

Совпадение, а в ряде случаев даже слияние этих устремлений проявлялось в регулировании социальной, экономической и иных сфер общественной жизни, что нередко затрагивало частные интересы отдельных представителей или даже целых групп финансово-промышленной и аграрной олигархии. По свидетельству современников, имевших контакты с такими лицами, они проявляли недовольство тем, что рабочие и крестьяне «подняли голову, выдвигают свои претензии и требуют соблюдения коллективных договоров», тем, что государственная бюрократия усилила давление, заставляет «идти на благотворительные расходы и платить налоги в таких размерах, каких не бывало прежде».[19]

Однако недовольство такого рода не имело ничего общего с оппозицией режиму. Конфликт не носил антагонистического характера, отражал лишь стремление имущих слоев уйти от фискального нажима власти и обратить ее силу на усмирение неимущих. Это было внутрисистемное противодействие, не подрывавшее принципы отношений власти и собственности и не нарушавшее установившийся баланс сил и интересов, нацеленный на долгосрочное поддержание социальной стабильности. Новые правовые формы, созданные

фашизмом, вынуждали некоторые привилегированные слои приспосабливаться, ибо они оказались ущемленными в каких-то своих узко групповых интересах, но это вовсе не побуждало их подвергать сомнению право режима ограничивать свободу других субъектов общества. В данном случае речь шла, по-видимому, о типичном «бунтарстве сверху», о котором упоминал в «Тюремных тетрадях» А. Грамши.[20] Элементы такого «бунтарства» проявлялись в ходе реализации ряда социально-экономических начинаний фашистского режима, о которых пойдет речь в следующих разделах.

2. МИГРАЦИИ И РЫНОК НЕКВАЛИФИЦИРОВАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Если превращение Италии к концу 30-х годов в страну индустриально-аграрную — факт общеизвестный, то социальные последствия этой трансформации известны в гораздо меньшей степени. Они определялись двумя решающими факторами: развитием вширь и вглубь капиталистических форм производства и попытками политической власти силовыми методами максимально сдержать вызванные этим развитием социальные сдвиги.

Италия не застыла под тенью «ликторского пучка». Движимые надеждой на лучшую жизнь,[21] массы сельского населения, причем весьма значительные в сравнении с дофашистским и даже постфашистским периодом, перемещались в города, пополняя армию люмпенов, лиц низкооплачиваемых профессий и меняя социальную композицию рабочего класса; рушились старые традиционные связи и устоявшиеся системы социального равновесия; образовывались новые промышленные зоны и городские конгломераты. Рост городского населения за счет выходцев из деревни продолжался, несмотря на растущую безработицу, даже в условиях мирового экономического кризиса.

В Европе этот процесс был почти повсеместным, однако в Италии, в отличие от других стран, фашистский режим пытался всячески его затормозить, проводя жесткую антимиграционную политику. Она осуществлялась в рамках широкомасштабных кампаний: «битвы за высокую рождаемость» (в сельской местности в семьях было значительно больше детей, чем в городах), «битвы за хлеб» и «интегральную мелиорацию» (для этого следовало удержать крестьян на земле), кампании против урбанизации, приводившей к образованию городских конгломератов и новых очагов социальной напряженности. Приток неимущих селян создавал массу проблем, связанных с обеспечением их жильем, питанием, работой и т. д.

В мае 1927 г., выступая в итальянском парламенте, Муссолини провозгласил активную демографическую политику, полагая, что сила нации заключается в первую очередь в ее численности. Для того чтобы значить что-

либо в мировой политике, Италия должна была, по мнению дуче, насчитывать к середине века не менее 60 миллионов граждан.[22] 22 декабря 1928 г. со страниц издававшейся им газеты «Пополо д'Италия» Муссолини призвал исполнительные власти на местах к осуществлению ряда мер, которые облегчили бы «исход населения из городских центров» и затруднили бы «оставление деревень».[23] А через два дня был издан специальный закон против урбанизации, который предоставил префектам исключительное право издавать распоряжения, направленные на ограничение притока сельских жителей в города (№ 2961 от 24 декабря 1928 г.)[24]. В печати началась активная антиурбанистская кампания, а префекты воспользовались предоставленными им полномочиями, чтобы выставить из городов «неблагонадежные элементы». В специальном циркуляре министра внутренних дел А. Боккини от 6 декабря 1928 г. почти не завуалировано указывалось на то, что всякий мигрант, не имеющий работы, является социально опасным элементом, от которого следует по возможности избавляться.[25] Однако, судя по докладам квесторов начальнику полиции, новый закон действовал неэффективно и из городов высылались всего несколько десятков или сотен человек, что не имело существенного влияния на миграционные потоки. Один из наиболее крупных актов высылки был осуществлен в Турине в ноябре 1930 г., когда из города были выставлены одновременно около 6 тысяч человек, не имевших постоянной работы.[26]

Это произошло в условиях глубокого экономического спада начала 30-х годов. В исторической литературе приводятся различные индексы, отражающие падение промышленного и сельскохозяйственного производства, позволяющие тем не менее утверждать, что к 1932 г. (пик кризиса в промышленности) уровень падения производства в отдельных отраслях по сравнению с 1928 г. достигал 25–30%. [27] Эти цифры подтверждаются в исследовании Р. Ромео[28] и воспроизводятся в книге Б. Р. Лопухова для трех ведущих отраслей: текстильной, металлургической, химической.[29]

Несколько сложнее обстоит дело с данными по безработице. Почти все итальянские авторы, включая антифашистов, оперируют официальными цифрами, содержащимися в Итальянском статистическом ежегоднике. Подавляющее большинство исследователей считают их достоверными, так как не находят причин, по которым фашистские власти хотели бы их существенно занизить. Напротив, именно данные о массовой безработице были весомым аргументом для запугивания строптивых рабочих в кампаниях по снижению заработной платы. Как недостоверные эти цифры трактуются в сообщениях, направлявшихся итальянскими коммунистами в Коминтерн[30], а также в документах Всеобщей конфедерации труда, созданной социалистом Б. Буоцци в Париже после роспуска старой ВКТ в начале 1927 г.[31] И в том, и в другом случае официальная статистика считается заниженной вдвое, однако конкретных аргументов в пользу такого заключения не приводится.

7 Зак. 398

Что же касается самой официальной статистики, то и здесь имеются некоторые, хотя и весьма незначительные, расхождения. Это обусловлено тем, что подсчетом количества безработных занимались различные официальные организации: биржа труда, профсоюзы, органы социального обеспечения. Р. Де Феличе считает наиболее достоверными цифры, содержащиеся в документах профсоюзов и корпораций, во всяком случае он использует именно их.[32]

Судя по официальным данным, количество безработных в Италии составляло к моменту прихода фашизма к власти более 606 тысяч человек. В связи с улучшением экономической конъюнктуры и стабилизацией производства в ключевых отраслях промышленности эта цифра начала снижаться, достигнув в 1926 г. отметки в 181 тысячу (1923 г. — 392 тыс., 1924 г. — 280 тыс., 1925 г. — 156 тыс.). В течение последующих трех лет количество безработных колебалось в пределах 400—490 тыс., а с конца 1929 г. кривая резко поползла вверх, достигнув максимальной отметки в 1 млн 303 тыс. человек в феврале 1933 г. (1930 г. — 642 тыс., 1931 г. — 982 тыс., 1932 г. — 1 млн 140 тыс.).[33] В 1934 г. начался постепенный спад безработицы, а вот что происходило во второй половине 30-х годов, мы не знаем, так как с 1935 г. публикация статистических данных по безработице была запрещена. Можно лишь отметить, что завершение войны в Эфиопии не принесло обещанного режимом резкого сокращения количества безработных в связи с необходимостью освоения новых земель империи. Напротив, в ряде отраслей, например в строительной, обозначился некоторый спад, вызванный перераспределением материальных и денежных ресурсов. Строительство новых объектов гражданского назначения на территории метрополии было крайне затруднено, а по завершении строительства уже начатых рабочие увольнялись. Многие транспортные компании были вынуждены передавать автомобили в распоряжение армии, а своих водителей увольнять. Рост военной промышленности не поглощал полностью рабочую силу, высвобождавшуюся из других отраслей.[34]

Приведенные выше цифры включают в себя оказавшихся без постоянного заработка сельскохозяйственных рабочих, коих было немало даже в разгар уборки (1929 г. — 89 тыс., 1933 г. — 200 тыс.[35]), но не включают тех, кто трудился неполную рабочую неделю. В годы кризиса частично безработными были 20—31%, то есть почти каждый пятый — третий рабочий.[36]

Массовая безработица позволяла предпринимателям манипулировать рабочей силой, снижая расходы на ее содержание. К примеру, на таких промышленных гигантах, как «Изотта Фраскини» и ФИАТ, принимались новые или даже уволенные ранее рабочие на существенно сниженные тарифные ставки, либо без подтверждения присвоенной ранее квалификации и, соответственно, с меньшей зарплатой (на языке фашистской бюрократии это называлось «фиксированные категории»), либо на более тяжелые ус-

ловия труда и т. д.[17] Действительно, отчаявшиеся рабочие были вынуждены мириться с этим произволом, поскольку иных путей для выживания практически не существовало. По словам префекта Виченцы Р. Реале, содержащимся в его письме министру внутренних дел А. Боккини от 2.08.1931, «многие рабочие, особенно строители, долгое время остающиеся без работы в мирном ожидании лучших времен, использовали все нищенские ресурсы, которыми они располагали, и в настоящее время уже не имеют возможности обеспечить даже самые незначительные и элементарные потребности ни самих себя, ни своих семей».[18]

Помимо организации общественных работ[19] и выплаты пособий по безработице фашистское правительство активизировало свою деятельность по регулированию потока мигрантов. Оно пыталось направить бегущих из деревень крестьян в зоны интегральной мелиорации и в места развертывания общественных работ. С этой целью 9 апреля 1931 г. был учрежден специальный Комиссариат по миграции и внутренней колонизации. Отныне для того, чтобы перебраться самому или с семьей на работу в другую провинцию, требовалось специальное разрешение и направление этого ведомства. Квесторам на местах вменялось в обязанность периодически представлять доклады о состоянии рынка труда в провинциях, и в соответствии с этими данными комиссариат регулировал потоки мигрантов.

В декабре 1938 г. был издан закон (№ 1934) о внесении в списки безработных лишь постоянно проживающих в данном городе. Наконец, своего рода «венцом» законотворческой деятельности фашизма в этой области стал декрет № 1082 от 5 июля 1932 г. Этот законодательный акт создавал практически непреодолимые преграды для поселения мигрантов в городах, насчитывавших свыше 25 тыс. жителей, и в городских центрах, «имеющих заметное промышленное значение».[40] Для получения работы в таких центрах требовалось не только постоянное проживание, но и обладание какой-либо специальностью, чего выходцы из деревень обычно не имели. Новый закон не только запрещал переезд из провинции в провинцию в поисках работы, но и перемещение внутри самой провинции из коммуны в коммуну. Закон касался не только рабочих и крестьянских семей, но любого гражданина, который захотел бы найти работу вне постоянного места жительства.

Однако антиурбанистская политика правительства в конечном счете ощутимых успехов не имела. Оказалось невозможно силовыми методами остановить приток мигрантов в города, префекты быстро выдохлись, официальная печать писала об этом все меньше и меньше, и даже драконовские циркуляры римских и миланских городских властей, запретивших гражданам сдавать квартиры мигрантам, не могли остановить рост конгломератов. В периоды более или менее стабильного экономического роста промышленники выказывали недовольство ограничением притока

дешевой рабочей силы, создававшим некоторые трудности на рынке труда. Зачастую работодатели умышленно шли на нарушения законов, принимая мигрантов на временную и даже постоянную работу. Государственные чиновники были вынуждены закрывать на это глаза, так как понимали, что улучшение экономической ситуации и рост объемов промышленного производства не обходится без привлечения новых работников. Закон 1928 г. лишь тогда «снимали с полок» и стряхивали с него пыль, когда особенно ощутимой становилась безработица и правительство требовало очистить города от «социально опасных элементов». Так, в специальном циркуляре министра внутренних дел, посланном префектам в начале 1931 г., говорилось о том, что «группы безработных перемещаются из одной коммуны в другую в поисках работы, не имея какой-либо предварительной договоренности... Поскольку таковые передвижения могут создавать инциденты и иные нарушения общественного порядка, необходимо принять меры, чтобы рабочим, особенно группам рабочих, не было позволено отправляться в другие коммуны».[41]

Однако даже в самые тяжелые годы кризиса они отправлялись на поиски лучшей доли и в одиночку, и группами, и семьями. Подавляющее большинство мигрировало не по доброй воле, но вынужденно. Падение оптовых цен на сельскохозяйственную продукцию приводило к массовому разорению и бегству крестьян. Если выбрать как точку отсчета индекс оптовых цен на сельскохозяйственные продукты в 1923 г. (100%), то к началу кризиса он увеличился до 130,5%, а к 1934 г. упал до 73,4%, т. е. почти в два раза.[42] Тяжелые условия жизни сельской бедноты и желание их изменить выталкивали население из деревень. Этот процесс развивался особенно стремительно в годы кризиса, хотя больная экономика уже не могла, как прежде, впитывать рабочую силу, а фашистские власти чинили всяческие преграды для передвижений. Как полагает известный итальянский историк и социолог П. Силос Лабини, те, кто покидал деревню и отправлялся в города, были движимы «не столько перспективой получить работу в промышленности, сколько надеждой устроиться, получить пособия и разного рода помощь, которые, по очевидным причинам, были более доступны в городах, чем в деревне».[43]

Устойчивая психологическая установка крестьянства на миграцию как на вполне доступный способ решения больных жизненных проблем, сохранялась в течение всего фашистского 20-летия. Однако в отличие от предшествовавшего и последующего периодов в годы господства тоталитарного режима государственные структуры пытались не только ограничить внутренние миграции, но и блокировать утечку рабочих рук за рубеж. Официальная кампания против эмиграции началась в 1927 г.[44] Средства массовой информации раздували миф о скором наступлении «эры всеобщего благоденствия» в Италии, выделялись дополнительные средства для развития южных и островных провинций, субсидии для общественных работ. Был издан ряд

законодательных актов, фактически запрещавших эмиграцию на постоянной основе и затруднявших даже воссоединение семей эмигрантов. Генеральный комиссариат по эмиграции был переименован в Генеральную дирекцию по связям с итальянцами за границей. Фашистское правительство проявляло серьезную обеспокоенность опасностью ассимиляции итальянских граждан в других странах и пыталось воспрепятствовать этому. Меры по уменьшению потока эмигрантов объяснялись «заботой» о демографической мощи нации, а утечка рабочей силы считалась чистой потерей для экономики «возрождающейся Италии». Даже само слово «эмигрант» было выброшено из официального словаря.

Вся эта деятельность привела к существенному уменьшению потока эмигрантов за рубеж,[45] однако не меньшее, если не большее значение имело изменение иммиграционной политики США, принявших в 1921 г. знаменитый «Quota act», ограничивший количество прибывающих мигрантов тремя процентами от числа лиц этой же национальности, уже проживавших в США. В 1924 г. американский конгресс одобрил «Иммиграционный закон», ограничивший приток переселенцев 150 тысячами в год, в том числе 30 тысячами для выходцев из стран Центральной и Юго-Восточной Европы.[46] Таким образом, Соединенные Штаты, долгие годы служившие пристанищем для выходцев со всех концов света, почти захлопнули двери, оставив для новых эмигрантов лишь тоненькую щель. Мощный поток переселенцев, в том числе из Италии, резко сократился, а кризис 1929–1933 годов превратил его в едва заметный ручеек.

Масса итальянцев устремилась в соседнюю Францию. За 20 лет (с 1921 г. по 1940 г.) туда выехали в общей сложности более 1 миллиона 304 тысяч человек, что составляет приблизительно 67% от числа уехавших во все европейские страны.[47] Примечательно, что среди этих переселенцев преобладали выходцы из северных провинций (Ломбардия, Венето, Пьемонт), которые и прежде пересекали границу в поисках сезонного заработка, но теперь продавали свое имущество, если таковое имелось, в надежде купить или взять в аренду кусок земли на юге Франции. Поэтому антииммиграционная политика США ударила в первую очередь по мигрантам из южных провинций, которые усилили давление на итальянские промышленные зоны. Следует, однако, отметить, что пришельцы из деревень оседали не только в промышленно развитых городах типа Турина или Милана. Многие из них устремлялись в небольшие индустриальные центры и пригороды крупных городов, которые быстро развивались, становясь промышленными зонами. В годы фашизма, к примеру, выросли мощные индустриальные пригороды у старой Венеции (Местре и Маргера), в крупный промышленный центр превратился район Валле д'Аоста (на границе со Швейцарией) после перехода туда компании Ансальдо.

По данным переписи 1936 г., мужское трудоспособное население в сельских районах сократилось за 15 лет на 8,2% (примерно 710 тысяч человек).[48] Эта цифра особенно впечатляет, если учесть яростную антиурбанистскую кампанию, развернутую фашистским режимом, значительное сокращение оттока эмигрантов в США и существенные трудности в поиске работы в городах в годы кризиса. Официальная пропаганда выдавала желаемое за действительное, трубя об успехах демографической кампании и якобы заметном росте сельского населения.[49]

В действительности наблюдался весьма интенсивный рост городского населения, занятого во вторичном и третичном секторах экономики, доля которых в национальном доходе страны постоянно увеличивалась.[50] Соответственно увеличивалось и количество занятых в этих секторах рабочих и служащих. С 1927 по 1937 г. численность итальянского рабочего класса (промышленного) возросла на 860 тысяч человек[51], занятых преимущественно в строительной, пищевой, химической индустрии и машиностроении. Одновременно сократилось число рабочих на текстильных (4,3%), металлургических (1,2%), деревообрабатывающих, кожевенных и меховых предприятиях.[52] Эти отрасли особенно пострадали в годы кризиса, хотя фашистское правительство всячески поддерживало металлургию предоставлением военных заказов и долгосрочным кредитованием.[53]

Выходцы из деревень поглощались в основном строительной и пищевой отраслями в силу их специфики: низкий уровень технологии, зачастую близкий ремесленному, позволял широко использовать неквалифицированную рабочую силу. Новые, технологически более совершенные отрасли черпали квалифицированных рабочих из тех отраслей, в которых свертывалось производство. Таким образом, происходил перелив рабочей силы, а сами рабочие вместе с семьями перемещались туда, где возникали новые или расширялись старые предприятия. Эти перемещения подрывали стабильный социально-демографический статус трудящихся, облегчали разрыв профессиональных связей и переход в другие социальные категории, что, в свою очередь, приводило к сокращению количества рабочих династий и увеличению доли семей, «чья профессиональная идентичность имела весьма недавнюю историю».[54]

Менялось и соотношение по численности между рабочими мелких, средних и крупных предприятий. По данным переписи населения 1927 г., 37,7% рабочих было занято на мелком производстве с числом работающих до 10 человек, 24% — от 10 до 100 человек, 28,9% — от 100 до 1000 человек, 9,4% — свыше 1000 человек.[55] Мировой экономический кризис привел к разорению в первую очередь мелких и средних предприятий, а милитаризация экономики во второй половине 30-х годов и провозглашение политики автаркии способствовали развитию крупной индустрии. Поэтому внут-

реннее соотношение групп работающих по найму в промышленности постоянно менялось в пользу именно крупных предприятий.

В 30-е годы отчетливо проявилась еще одна тенденция в изменении структуры рабочего класса. Мировой экономический кризис и вызванное им уменьшение объемов производства привели к сокращению количества квалифицированных рабочих и увеличению доли женщин и подростков. По официальным данным, с 1931 по 1935 г. число подростков до 15 лет, занятых в промышленности, выросло с 95 тысяч до 195 тысяч человек.[56] Условия их найма были более выгодны предпринимателям. Минимальная зарплата за неквалифицированный труд, безусловно, являвшаяся формой жесткой эксплуатации, в условиях кризиса представляла предпринимателям дополнительные возможности для манипулирования рабочей силой в целях сохранения производства, а рабочим семьям — дополнительный шанс на выживание.

Владельцам предприятий удавалось достичь этой же цели при расширении найма на работу женщин. К 1937 г. доля женщин среди занятых на производстве составляла: в Лацио — 36%, в Пьемонте — 38, в Ломбардии — 56, в Венето — 43, в Тоскане — 61, в Кампании — 57%.[57] Расширенное применение женского труда, в отличие от детского, как правило, не было продиктовано потребностями выживания, поскольку принятыми на работу оказывались по большей части те, чьи мужья уже работали на данной фабрике или заводе.[58] В результате этой политики заметно увеличивался совокупный доход тех рабочих семей, которые традиционно тяготели к тому или иному предприятию, тогда как многие другие семьи, еще не имевшие подобных устоявшихся связей, оказывались выброшенными из процесса производства. Патерналистская политика занятости и методы экономического стимулирования, применявшиеся патронатом, способствовали формированию и укреплению именно таких, стремившихся к корпоративной замкнутости и в известной мере даже элитарных рабочих семей, члены которых пользовались определенными привилегиями, например при найме на работу. Вновь принятый оказывался как бы под двойным контролем: система фабричной дисциплины сочеталась с домашним надзором старшего поколения. Таким образом, кадровая политика предпринимателей, с одной стороны, вполне соответствовала линии фашизма на раздробление и отделение потомственных рабочих семей от недавних выходцев из деревни, людей «второго сорта», с другой стороны, противоречила официальным установкам в демографической политике, в соответствии с которыми женщинам следовало вести хозяйство, быть «ангелом домашнего очага» и воспитывать будущих солдат «великой империи».[59]

Приток мигрантов в города изменял структуру занятости не только во вторичном, но и в третичном секторе экономики. Ежегодно с 1921 г. по 1936 г. число занятых в сфере обслуживания и управления увеличивалось

на 1,8%.[60] За полтора десятка лет около полумиллиона человек пополнили армию мелких торговцев. Мигрантам из южных провинций зачастую без особых хлопот удавалось получить в муниципалитетах лицензию на торговлю с лотка продовольственными и иными товарами. Многие пришельцы становились официантами и посудомойками в бесчисленных барах и тратториях.

Особенно быстрыми темпами росла прослойка государственных служащих и учителей. По сравнению с 1923 г. к 1932 г. число государственных управленцев увеличилось на 94,4%, а в последующие 8 лет возросло еще больше, достигнув рекордной отметки в 990 тысяч человек.[61] В обмен на жесткую исполнительскую дисциплину эти люди, среди которых выходцы из рабочего класса составляли лишь 3–5%, получали стабильное, гарантированное место работы, приличное материальное содержание, четкий социальный статус и сознание собственной значимости. Раздувание государственного аппарата было продиктовано не только усилением регулирующей роли фашистского государства, но и насаждением разветвленной системы социального контроля, необходимого при любой форме тоталитарной власти. Количественный рост этого слоя расширял сферу приверженности фашизму и способствовал укреплению элементов консенсуса, носителями которого государственные служащие являлись почти поголовно. Таким образом, речь шла об искусственной деформации рынка рабочей силы в третичном секторе экономики, а не об адекватном ответе на естественную общественную потребность при экономическом и демографическом росте. Подтверждением этому служит также тот факт, что наиболее интенсивные темпы роста числа государственных чиновников приходятся на 20-е годы, то есть на период становления диктатуры, когда издавались специальные законы об увеличении штатных расписаний министерств, о перераспределении иерархических обязанностей и жесткой номенклатурной дисциплине, о порядке продвижения по служебной лестнице, особых экономических льготах для иерархов и т. д.

Итак, рынок рабочей силы в Италии в 30-е годы, его социальная фрагментарность и разнородность (высококвалифицированные рабочие, разношерстные выходцы из деревень, женщины, подростки) объективно создавали благоприятные условия для режима Муссолини, находившего в раздробленности общества дополнительные ресурсы для маневрирования. По мнению известного итальянского историка-марксиста Дж. Сапелли, «такая композиция рынка, являвшая собою не только инструмент для снижения стоимости воспроизводства рабочей силы, но и средство дифференциации в системе социальных отношений, создавала мощную объективную, структурную основу фашистского господства».[62] Различия в условиях и уровне жизни, характере трудовой деятельности, стереотипах поведения и массового сознания представленных на рынке труда категорий

итальянцев увеличивали возможности для политического маневра и расширения влияния фашистских организаций и структур.

Однако социальное размежевание, о котором идет речь, присуще любому обществу, находящемуся в стадии развития, в движении. Технологическое обновление, расширение и свертывание производства, социализация масс и иные процессы, в значительной мере не контролируемые фашистским режимом, но сопряженные с заметными социально-демографическими переменами, неизбежно расшатывали стабильность политической системы.

Попытки же воздействия режима Муссолини на эти процессы силовыми методами особых положительных результатов не дали. Крах попыток «мобилизации сверху» наиболее отчетливо обозначился в провале антимиграционной политики фашистских властей, явно противоречившей долгосрочным потребностям капиталистического развития. Хаотичное, спорадическое фашистское законодательство в этой сфере не замораживало горизонтальную мобильность населения, но лишь углубляло диспропорции в развитии рынка рабочей силы.

3. НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА, УСЛОВИЯ ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

Модернизация технологии и внедрение новых, более эффективных форм организации производственного процесса и трудовой деятельности — это объективная необходимость для любого хозяйственного субъекта, функционирующего в условиях рынка. Однако формы, которые принимает этот, на первый взгляд, сугубо технократический процесс, весьма разнообразны и противоречивы, так как они подвержены существенному влиянию политических факторов.

После Первой мировой войны перед крупной промышленностью Италии стояли задачи конверсии и широкого обновления парка устаревшего оборудования. Переориентацию производства на мирные рельсы удалось осуществить в сжатые сроки, но попытки его модернизации оказались хаотичны и малорезультативны.[63]

На некоторых крупных предприятиях появились элементы конвейерного производства и организации труда по «системе Тейлора», кое-где обновлялся парк оборудования, модифицировались старые предприятия, появлялись новые. Однако в целом в послевоенный период итальянских предпринимателей значительно больше волновали проблемы политические, нежели экономические, и по мере нарастания революционного кризиса среди владельцев заводов и фабрик, особенно крупных, все шире распространялось мнение, что избежать обструкционизма рабочих на производстве можно

лишь силовым путем, то есть ужесточая производственную дисциплину и привязывая человека к станку. По мнению Дж. Пардини, главного редактора журнала «Индустриальная жизнь», прежде чем вкладывать крупные средства в обновление оборудования, необходимо было добиться гарантий политической стабильности, обеспечить сотрудничество рабочих и предпринимателей, а также изгнать «бандитов с политической этикеткой социализма из наших профессиональных объединений», ибо в противном случае нельзя даже надеяться сделать что-либо для научной организации производства.[64]

Как полагает историк-марксист Дж. Сапелли, в послевоенные годы в среде патроната пробивала дорогу также иная установка — не на остракизм рабочего движения, а на согласие, в основе которого лежал бы принцип: «Больше прибыли — выше зарплата».[65] Согласие (или консенсус) понималось как необходимое условие для «активизации человеческого фактора», и на этой основе идеологами патроната полностью отвергалась критика профсоюзами новых форм организации труда. Выступления профсоюзов против внедрения иных методов использования рабочей силы расценивались как тормоз на пути развития экономики. Подбор рабочих кадров, по мнению предпринимателей, следовало осуществлять не по абстрактным принципам социальной справедливости, а по принципу «нужный человек в нужном месте», ибо только так можно было стимулировать мышление рабочих и вписать их в технологическое обновление на производстве.[66]

Новая линия патроната обусловливалась, как минимум, тремя факторами: во-первых, пониманием объективной необходимости модернизации производства в целях дальнейшего накопления основного капитала и расширения сферы его вложения; во-вторых, «великим страхом», испытанным буржуазией в период «красного двухлетия»; в-третьих, опытом сотрудничества с реформистскими профсоюзами, которые в предвоенные годы предоставляли предпринимателям полную свободу действий в обмен на повышение зарплаты. Иными словами, в годы «красного двухлетия» предприниматели осознали, что рабочие в состоянии защищать себя и свою зарплату, и это побуждало вкладывать средства не в расширение, а в углубление производства, в его модернизацию. Начавшийся процесс обновления не носил универсального характера, ограничиваясь преимущественно теми отраслями производства, которые в наименьшей степени зависели от платежеспособности населения, работали на экспорт и по государственному заказу, производили большими партиями и имели стабильные, гарантированные условия сбыта. Ясно, что речь шла лишь о крупных фирмах, принадлежавших, как правило, к группе «А» (особенно автомобилестроение).[67]

Однако после «кризиса Маттеотти» и завершения формирования в основных чертах тоталитарного режима ситуация внутри заводов и фабрик изменилась. Фашистские профсоюзы монополизировали право выражать интересы и волю рабочих, «Дополаворо» вовлекала их в орбиту влияния

режима в свободное от работы время, многочисленные детские и женские организации выполняли ту же задачу применительно к членам их семей. В массовое сознание активно внедрялась идея нации, интересам которой, разумеется, в фашистском толковании, должны были быть подчинены все прочие интересы общества и индивидов. В этих условиях модернизация и рационализация производства становились составной частью общей системы социального контроля, активно насаждавшейся режимом Муссолини. Этот процесс гармонично сочетался с новой философией патроната, усмотревшего возможность расширения производства и увеличения его эффективности за счет рабочих под прикрытием демагогических требований о благе нации. Для изучения путей достижения этой цели и внедрения новых методов организации труда по инициативе Конфиндустрии в 1926 г. был создан даже специальный институт — ЭНИОС.[68]

По замыслу Конфиндустрии, ЭНИОС должен был стать научно-организационным центром, «мотором» инновационных процессов на производстве. В нем были сосредоточены сильные интеллектуальные кадры, которые разрабатывали программы, нацеленные не на сиюминутную прибыль, а на долгосрочное, рентабельное функционирование производственной системы. Однако проектам, вышедшим из недр ЭНИОС, по большей части не суждено было осуществиться из-за слабости итальянской промышленности и неразвитости капиталистической системы производства в целом.[69] По этой же причине были обречены на неудачу попытки распространения в Италии «системы Тейлора», хотя с этой целью по инициативе ФИАТ в 1928 г. было создано даже специальное общество.[70] Предприниматели фактически отказывались от внедрения этой весьма дорогостоящей системы, получившей широкое развитие в США,[71] в пользу менее затратных, но и менее эффективных способов рационализации. Постоянный избыток дешевой рабочей силы, состоявшей из мигрантов из сельской местности, в сочетании с утвердившейся в обществе тоталитарной системой социального контроля делали возможным и почти неизбежным именно этот присущий слаборазвитым странам путь модернизации производства. Он был обусловлен также узостью внутреннего потребительского рынка, не позволявшего быстро и эффективно наращивать производственный потенциал. Таким образом, специфика социально-политического развития итальянского капитализма обрекала процесс обновления на незавершенность и половинчатость, что, в свою очередь, способствовало сохранению отсталости Италии в области технологии от ведущих капиталистических стран.

Подлинное обновление требовало больших материальных затрат. Фашистское государство средств на эти цели не отпускало, а мелкие, средние и большая часть крупных предприятий их просто не имели. Даже такой гигант, как ФИАТ, был вынужден привлекать иностранные инвестиции.[72] Поэтому обновление производства происходило не столько во внедрении

новой техники, сколько в поиске иных, более эффективных форм использования и эксплуатации рабочей силы. Владельцы предприятий отвергали начинания, требовавшие увеличения основного капитала и реорганизации производственного цикла с учетом долгосрочной перспективы. Они сосредоточивали свои усилия на практических мерах, позволявших увеличить выход готовой продукции и сиюминутную прибыль путем интенсификации труда. На заводах и фабриках широко внедрялись методы рационализации, основанные на ускорении ритма рабочих операций, на использовании механических средств передвижения внутри предприятия, на изменении последовательности операций и расстановки основного и вспомогательного оборудования, на обновлении инструментария рабочих, на установлении более жесткого контроля над потерями исходных материалов и выходом готовой продукции.

В 20–30-е годы одним из наиболее распространенных методов рационализации было ускорение ритма производства и устранение лишних движений рабочего. Таким образом, сокращалось количество времени, необходимого для изготовления детали или осуществления какой-либо операции. Для анализа темпа и методов работы на многих крупных предприятиях вводились специальные отделы («ufficio tempi»), специалисты которых («time study man») изучали поминутно рабочий день каждого.[73] За спинами рабочих появились «хронометристы» с секундомерами, засекавшими продолжительность чуть ли не каждого движения.[74] Результатом деятельности «хронометристов» была ликвидация даже небольших передышек между операциями, их заполнение новыми производственными функциями. Как справедливо отмечал изучавший новые методы организации труда коммунист М. Монтаньяна, работа «по цепочке» в условиях серийного производства среди прочих имела целью «ликвидировать часть ненужных движений и интервалы отдыха рабочего».[75] Таким образом, в результате распространения на крупных предприятиях метода работы «по цепочке» (примитивная форма конвейерного производства) существенно выросла интенсивность труда рабочих.[76]

Ритм производственных операций (и соответственно интенсивность труда) увеличивался также вследствие применения новых типов оборудования и машин. В 20–30-е годы на крупных и средних предприятиях внедрялись горизонтальные, карусельные, копировальные, многошпиндельные токарные и фрезерные станки, вибрирующие и ленточные транспортеры, автопогрузчики и механические тележки, а также другая техника. Ее применение влекло за собой упрощение типа и количества операций, совершаемых одним рабочим, примитивизацию его деятельности. Наладка и ремонт оборудования, как правило, были делом техников, количество которых увеличилось в десятки раз.[77] Заметно возросло значение, а также число лиц, формирующих промежуточный слой между менеджером пред-

приятия и рабочим: начальников участков, цехов, смен, бригадиров и т. д. Иерархическая лестница на производстве стала более длинной, а контроль за деятельностью рабочих более жестким. В зависимости от характера и размеров производства в осуществлении этого контроля превалировали или административные методы (заводская бюрократия на крупном конвейерном производстве), или методы личного контроля (бригадиры на более сложных участках крупных производств и мелких фабриках).

Обновление парка оборудования повлекло за собой ряд изменений в структуре рабочего класса. С одной стороны, расширялся, хотя и незначительно, слой рабочих высокой квалификации, выполнявших сложные производственные задания и почти равных по своему социальному статусу техническому персоналу. Однако ослабление роли профсоюзов на производстве и волнообразное предложение рабочей силы в результате миграций населения тормозили быстрое формирование слоя подлинной «рабочей аристократии». Группы привилегированных рабочих высокой квалификации появлялись на крупных предприятиях прежде всего благодаря патерналистской политике хозяев, а не в результате существенных технологических перемен в общегосударственном масштабе. Как правило, их доля в общем количестве промышленных рабочих не превышала 5—6%.

С другой стороны, неизмеримо возросло число лиц низкой квалификации, специализировавшихся на простейших механических операциях и, таким образом, утративших или не приобретших высоких профессиональных навыков. По словам А. Грамши, чутко уловившего новую тенденцию социального и профессионального размежевания в рабочем классе, новая система организации труда[78] призвана была «развить в трудящемся до максимальной степени машинные и автоматические навыки, разбить старый психофизический комплекс квалифицированного, профессионального труда, требовавшего известного активного участия ума, фантазии, инициативы трудящегося, и свести все производственные операции только к их физическому машинному аспекту...»[79] Фигура квалифицированного рабочего широкого профиля стала едва заметна.

Эти перемены отчетливо отразились в коллективных договорах, ставших в период фашизма обычным явлением в трудовой практике. Если в первой половине 20-х годов в них фигурировали три основные группы занятых (квалифицированные рабочие, чернорабочие, ученики в возрасте 16—20 лет), то в начале 30-х годов — шесть групп (рабочие высокой специализации, квалифицированные рабочие, чернорабочие-специалисты, чернорабочие, ученики в возрасте 16—18 лет, ученики в возрасте 18—20 лет).[80] Особый интерес представляют чернорабочие—специалисты, под которыми подразумевались обычные рабочие, выполнявшие простейшие операции «по цепочке». Судя по коллективным договорам металлистов, автомобилестроителей, типографов, текстильщиков, строителей и рабочих ряда других

специальностей, численность чернорабочих –специалистов увеличилась в течение 10 лет приблизительно в 2–2,5 раза (от 30–40% до 75–90%).[81]

Деквалификация части рабочих сопровождалась не только потерями в заработной плате, но также ломкой сознания, тяжелыми душевными переживаниями и психологическими травмами. Нарушался устоявшийся климат внутри производственных ячеек, основанный на неформальных отношениях между потомственными рабочими и их непосредственными начальниками. Эти отношения имели в своей основе традиционные нормы поведения. Они поддерживались как рабочими, ценившими элементарное человеческое внимание, так и начальниками подразделений, стремившимися к сохранению существующего равновесия.

Еще более близкие отношения складывались между высококвалифицированными рабочими, техническим персоналом и служащими фабрик. Заводская администрация и фашистские власти содействовали формированию корпоративных настроений и поощряли замкнутость этого слоя разного рода мелкими привилегиями, что со временем привело к формированию «подлинного союза между этими группами, имевшего в своей основе внутризаводскую жизнь».[82]

Корпоративные настроения были особенно сильны в семьях, члены которых, в том числе женщины, трудились на одном и том же предприятии. Женская занятость увеличивала бюджет пролетарской семьи, укрепляя тем самым традиционное рабочее ядро. Многие предприниматели всячески содействовали сохранению и укреплению кадровых рабочих семей, стремясь изолировать их от вчерашних крестьян–мигрантов, лишь недавно оказавшихся на производстве.

Женская занятость позволяла экономить на заработной плате, но это не решало проблемы накопления капитала, необходимого для обновления производства. Основным источником такого накопления стала насаждавшаяся повсеместно «система Бедо». Ее распространение было главной особенностью процесса рационализации производства в фашистской Италии.

Суть «системы Бедо» состояла в замаскированном ограблении рабочих, перешедших на сдельную оплату труда.[83] Каждому из занятых на производстве, в особенности на конвейере, устанавливался жесткий 8-часовой норматив по объему продукции. Все, что производилось сверх этой нормы в течение рабочего дня, подлежало сдельной оплате, превышавшей базовую ставку на 30–40%. Как правило, работа по сдельным тарифам не превышала 30–35% основного времени.

На первый взгляд, эта система стимулировала рабочих к поиску и применению более рациональных приемов трудовой деятельности, а также давала возможность большего заработка. Так оно и было на самом деле. Однако перед предпринимателями эта система открывала еще большие возможности для увеличения без дополнительных затрат объема выпус-

каемой продукции, для сокращения ее себестоимости и получения большей прибыли.

Существовало несколько способов достижения этих целей, среди которых наиболее распространенными были три:

— простое увеличение 8-часового норматива, не оставлявшее времени для работы по сдельным расценкам и существенно усиливавшее интенсификацию труда;

— «пересмотр» (читай: уменьшение) тарифных ставок по основной и сдельной оплате по итогам работы за месяц;[84]

— установление соотношения между объемом работы, выполненной на условиях сдельной оплаты, и конечным оплачиваемым результатом труда не 1:1, как следовало бы, а 1:0,8, то есть прямое присваивание предпринимателем 20% рабочего времени, отведенного на сдельщину.[85] Эта практика носила откровенно грабительский характер, и ее существование не оправдывалось ни разумными, ни даже демагогическими доводами. Она вполне устраивала предпринимателей, поэтому не удивительно, что в течение пяти лет (с 1927 г. по 1932 г.) количество предприятий, где была введена «система Бедо», увеличилось в 13 раз.[86]

Наконец, следует иметь в виду, что рационализация производства посредством «системы Бедо» и иных «фордистских» методов увеличивала производительность труда рабочих. С 1921 г. по 1938 г. среднегодовое увеличение выпуска продукции на одного работника за счет роста производительности труда составляло 1,4%.[87] Эта тенденция была устойчивой в течение всего фашистского периода за исключением временного падения в годы мирового экономического кризиса. Однако Италия уступала по темпам роста производительности труда таким странам, как Германия, Швеция или США, где основной упор был сделан не столько на «научную организацию труда», сколько на внедрение новейших технологий.

Производительность и интенсивность труда рабочих во многом определяли конечные результаты производственного процесса, однако объем валового продукта в не меньшей степени зависел и от длительности рабочего дня. Результаты исследований итальянских историков-марксистов показывают, что в период фашизма сложились три основные комбинации этих показателей, влиявших на стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость, а именно:

1) длительность рабочего дня и интенсивность постоянны, производительность вариабельна;

2) длительность рабочего дня и производительность постоянны, интенсивность вариабельна;

3) производительность и интенсивность постоянны, длительность рабочего дня вариабельна.[88]

Заводская бюрократия имела возможность более или менее свободно

комбинировать (в своих интересах) эти три составляющих, поскольку не была скована жесткими законодательными рамками. Эта относительная свобода была гарантирована политическим режимом, что является «особенностью фашистского господства над рабочей силой».[89] И только длительность рабочего дня была тем параметром, который пытались напрямую регламентировать фашисты.

В период «красного двухлетия» итальянские рабочие почти повсеместно завоевали (де факто) 8-часовой рабочий день. В октябре 1922 г. в соответствии с Вашингтонской конвенцией в Италии был разработан проект закона об обязательном 8-часовом рабочем дне для всех категорий занятых. Королевским декретом от 15 марта 1923 г. Муссолини ввел 48-часовую рабочую неделю (один выходной) для всех трудящихся, кроме моряков, сельскохозяйственных рабочих и лиц, занятых в сфере обслуживания. Закон вступал в силу с 10 августа, но уже в июле 1923 г. 48-часовую неделю имели более 88% промышленных рабочих.[90] В действительности они трудились более 8 часов, так как Вашингтонская конвенция не запрещала сверхурочные, но устанавливала для них минимальную 25% надбавку. В Италии это повсеместно нарушалось, ибо за сверхурочные нередко платили не более 10%.[91] 23 мая 1932 г. 10% надбавка была узаконена. По данным официальной статистики в 1926 г. около 30% занятых в промышленности работали более 8 часов в сутки,[92] а 6 декабря 1926 г. был издан декрет короля, в котором выделялись 33 группы специальностей, для которых было ограничено применение закона о 8-часовом рабочем дне.[93] Закон 1923 г. стал пустой бумажкой.

Впервые на государственном уровне вопрос о 40-часовой рабочей неделе был поставлен в январе 1933 г. на встрече между представителями конфедераций промышленников и рабочих промышленности. Предприниматели выдвинули требование сохранения объема производства, что означало его интенсификацию, а рабочие требовали сохранить прежний уровень зарплаты. Дебаты в печати, в коридорах министерств и корпораций длились довольно долго, и лишь 11 октября 1934 г. между конфедерациями было заключено соглашение об установлении 40-часовой рабочей недели. Предприниматели одержали победу: за ними сохранилось право на сверхурочные, а заработная плата сокращалась пропорционально рабочему времени, то есть в среднем на 17%.[94]

Таким образом, при сохранении прежнего уровня расходов на заработную плату появилась возможность на каждую сотню дать 16—17 новых рабочих мест. Поэтому в фашистской печати соглашение пропагандировалось как эффективное средство борьбы с безработицей. По данным министерства корпораций, тех, кто работал более 48 часов, насчитывалось не менее 9% от общего числа занятых в промышленности.[95] Выступая в марте 1935 г. в палате депутатов, заместитель министра корпораций заявил, что в результате этих мер удалось сократить число безработных на 200 тыс. человек.[96]

Однако во второй половине 30-х годов, в особенности после провозглашения «битвы за автаркию», длительность рабочего дня в основных отраслях производства почти повсеместно увеличилась. На заводах «Пирелли», «Фальк», «Бреда», «Изотта Фраскини» и других рабочие и служащие трудились по 10 и даже 12 часов в сутки.[97] Необходимость «укрепления национальной обороны» служила официальным оправданием нарушения фиксированных дневных норм, а также появившейся практике работы по воскресеньям. В коллективных договорах стали все чаще встречаться формулировки типа: «длительность рабочего дня может быть при необходимости увеличена до 48 и даже 72 часов в неделю», «рабочие не имеют права отказываться от установления 2-сменного режима» и т. д.[98] Таким образом, предприниматели получали возможность вопреки законодательству произвольно устанавливать продолжительность рабочего дня и оправдывать этот произвол политическими мотивами, продиктованными режимом Муссолини. «Объяснения» такого рода обезоруживали фашистские профсоюзы и лишали корпоративных чиновников возможности открыто вмешиваться в производственный процесс.

Государственная бюрократия предпринимала активные попытки такого вмешательства, особенно после кризиса начала 30-х годов, но эти попытки наталкивались на мощное противодействие со стороны предпринимателей, ревностно оберегавших свои почти безграничные права на производстве. В конечном счете между фашистским режимом в лице его бюрократии, с одной стороны, и владельцами предприятий, с другой, установилось определенное равновесие, основанное на разграничении функций: государство брало на себя роль регулятора трудовых отношений и «воспитателя» рабочих вне производственного процесса, а предприниматели получали свободу действий в его организации. Именно этим в значительной мере определялся характер рационализации в Италии, исключавший возможность делегирования патронатом хотя бы части своих функций государству. Разделение сфер влияния позволяло избежать опасного соперничества патроната с государством в использовании рабочей силы. Предприниматели оказывались, таким образом, в весьма выгодном положении, ибо тоталитарный режим в сочетании с демагогическими довесками в виде корпораций обеспечивал их «монократическую» власть на производстве. Режим Муссолини активно вмешивался в экономику, регулируя и направляя в известной мере ее развитие. Однако внедрение новых методов организации производства оставалось абсолютной прерогативой патроната. В целом политическое принуждение в общественной жизни и авторитаризм владельцев на производстве накладывали негативный отпечаток на процессы модернизации, направляя их развитие по менее эффективному, но и менее дорогостоящему пути («система Бедо»).

Этот путь усиливал социальный контроль государства и патроната над рабочим классом, создавал условия для его превращения в благодатную для социально-психологических манипуляций массу. Совместными усилиями хозяев и режима рабочему пытались привить «производственную идеологию», то есть убедить его в том, что новые технологии и методы организации производства есть неизбежный продукт развития науки и гарантия постепенного перехода к менее трудоемкой работе и более справедливому распределению.[99] Самые рьяные пропагандисты-психотехники договаривались даже до того, что усиление интенсивности производства в конечном счете выливалось якобы во благо для рабочих: упрощение операций и их частая повторяемость, оказывается, вырабатывали автоматизм, позволявший «думать о другом», сохранять интеллектуальные силы и выходить с завода «со свежей головой».[100] Иные, более трезвомыслившие теоретики, предлагали сделать упор на материальном стимулировании рабочих, поощрении их интереса к рационализации производства, воспитании духа конкуренции.

Одной из наиболее изощренных форм психотехники стали периодические испытания, позволявшие выявлять пригодность рабочих к осуществлению конкретных операций и избавляться от лиц неспособных и нежелательных (в том числе политически). Прошедшие экзамен испытывали облегчение и в еще большей степени оказывались привязанными к своему рабочему месту. Тем самым достигалась двоякая цель: безропотное интегрирование рабочих в производственный процесс, минимизация их сопротивления, а также увеличение реальных объемов выхода готовой продукции за счет увеличения психофизической нагрузки на работников.

Тестированию подвергались также молодые люди и подростки, впервые пришедшие на производство. В этой связи особое значение приобретало не специальное техническое, а базовое среднее и профессионально-техническое образование. В 20–30-е годы осуществлялся переход от индивидуальной подготовки подмастерьев квалифицированными рабочими к широкому школьному и профессионально-техническому образованию. Деятельность фашизма в этой области соответствовала долгосрочным интересам итальянского капитализма, а созданная система подготовки рабочей силы сохранилась в основных чертах и в послевоенный период.

Законодательная база профессионально-технической подготовки сформировалась в Италии еще до начала Первой мировой войны. В 1904 г. был принят закон о 2-летних «народных курсах» в качестве дополнения к начальной школе. Однако фактически он не был реализован, так как государство не имело средств для создания сети этих курсов, местные власти при поддержке предпринимателей сумели сделать лишь немного, да и сами рабочие семьи, особенно бедные, не хотели продлевать учебу детей на два года и предпочитали сразу отдавать их в подмастерья. Учеба на рабочем месте оставалась главной формой подготовки подрастающих рабочих, даже

несмотря на появление в 1900-х годах новых технических школ. По закону № 1014 от 22. 06. 1913 г. все они делились на три категории (для рабочих, бригадиров, техников), что являлось своего рода ответом на явно обозначившуюся необходимость стратификации рабочей силы. Милитаризация производства в годы Первой мировой войны еще больше обострила эту проблему, и в мае 1917 г. был принят закон о «дополнительных курсах» для обязательного посещения молодыми рабочими в возрасте до 18 лет. Предприниматели обязаны были высвобождать для учебы несколько часов в неделю за счет рабочего времени.

По мнению Дж. Сапелли, процесс формирования и расширения сети профессионально-технического образования ускорился после прихода фашизма к власти.[101] Это наблюдение справедливо, однако, на наш взгляд, между двумя упомянутыми фактами существует не прямая, а опосредованная связь. Ускорение подготовки квалифицированных кадров было объективной необходимостью для дальнейшего развития капиталистического производства вширь и вглубь, а начавшееся становление тоталитарной системы лишь придало этому процессу некое своеобразие, поскольку сильная власть не допускала ни активных требований рабочих о повышении зарплаты и социального статуса в результате получения образования, ни ускоренной мобилизации и роста боевитости рабочего класса.

Придя к власти, фашизм не сломал, а унаследовал основные принципы профессионально-технического образования, лишь немного упорядочив саму систему. В октябре 1923 г. и в июне 1924 г. были приняты законы, по которым вся система профессионально-технической подготовки была разделена на три ступени:

1. «Народная рабочая школа» или «Средняя школа профессионального обучения» в течение трех лет после начальной школы обучала азам производственного процесса и прививала первичные навыки труда.

2. «Производственная» или «Ремесленная школа» в течение трех лет после средней школы обучала подростков конкретным рабочим профессиям, определяла специализацию.

3. «Технические институты» в течение пяти лет осуществляли подготовку технического персонала, мастеров, начальников участков, смен и т. д.

В соответствии с законом 1923 г. для организации этих школ в качестве обязательного условия требовалось участие, точнее «вмешательство», местных предприятий, которые определялись как наиболее компетентные органы, способные выявить потребность локальной индустрии в тех или иных специалистах.[102] Инициатива предпринимателей, таким образом, становилась решающим фактором в расширении сети профессионально-технического образования. Мнения самих рабочих — главного объекта реформ — никто при этом не спрашивал.

Создавая профессионально-технические школы, патронат преследовал две цели: экономическую и социально-политическую. Экономическая состояла в том, чтобы добиться минимальной стоимости продукции (в том числе за счет внедрения новой техники и сокращения количества рабочих мест) и наивысшего качества, социально-политическая — в формировании элитных слоев рабочей аристократии и технического персонала. Фашистское государство всячески поощряло эту практику. «Хартия труда» обязывала фашистские профсоюзы «производить отбор среди работников с целью поднятия уровня технической подготовки и моральных качеств».[103] Очевидно, что под «моральными качествами» понималась приверженность фашизму, которая становилась пропуском к специальному образованию и более высокому социальному положению.

Это была косвенная поддержка государством инициативы предпринимателей, но дальше таковой дело не шло. Фашистское правительство фактически отстранилось от решения проблемы технического образования, отдав ее на откуп частному капиталу. Создание сети профессионально-технических учебных заведений происходило в основном на частной основе и за счет частных фирм. Фашистская чиновничья элита лишь наблюдала за этим процессом со стороны. В ходе подготовки рабочей силы в 20–30-е годы постоянно ощущалось «отсутствие государства, активное вмешательство местных фирм и частная инициатива».[104]

Сказанное выше не означает, однако, что фашистская верхушка игнорировала эту проблему. Если употребить термин «наблюдатель», то правительство Муссолини было скорей активным, нежели пассивным наблюдателем и вмешивалось в тех случаях, когда это требовалось патронату. Так, в июне 1931 г. был принят новый закон, в очередной раз реструктурировавший всю систему профессионально-технической подготовки в стране. Суть реформы заключалась в попытке упростить громоздкую систему специального образования, унифицировав профессиональные школы разных типов на основе единого критерия — немедленной практической пользы. Этой ветви образования пытались придать еще более прикладной характер, максимально приблизив к производству. Каждая школа получала статус юридического лица. Органом управления ею становился Административный совет, в состав которого входили представители государственной власти и патроната или даже сами владельцы предприятий. Направленность подготовки рабочей силы определялась потребностями локальной индустрии и финансировалась за счет местных источников. Однако административная регламентация и учебные программы подлежали утверждению в министерстве национального воспитания. В самом законе эти принципы были сформулированы следующим образом: «Обучение может быть организовано по инициативе предприятий, институтов, работодателей, экономических и культурных ассоциаций, которые обеспечивают за свой счет необходимое

финансирование и получают разрешение в Министерстве Национального Воспитания. Своим декретом оно устанавливает административный распорядок, утверждает учебные дисциплины, устав, а также... указывает то учреждение, от которого они должны зависеть».[105] Под «учреждениями» в данном случае понимались конкретные предприятия и фирмы, которые были заинтересованы в выпускниках данной школы. Таким образом, в законодательном порядке устанавливалась зависимость специальных технических школ от предпринимателей, и их развитие обусловливалось потребностями местной индустрии.

Эти потребности диктовали необходимость увеличения штата технического персонала на производстве. По мере его рационализации множились функции начальников смен и участков, которые помимо распределения заданий, составления смет и надзора за рабочими должны были осуществлять контроль над работой машин. Внедрение нового оборудования, его усложнение ставило перед средним персоналом более широкие задачи и поэтому требовало его четкого выделения в самостоятельную категорию, не смешиваемую ни с рабочими, ни с инженерным составом. Рождалась новая фигура — техника, который был занят только одним делом — обеспечением бесперебойного функционирования машин и оборудования. Техническое образование было нацелено на подготовку именно этой категории лиц, формировавших новый элитарный слой на производстве. С социальной точки зрения, технический персонал, более высоко оплачиваемый и привилегированный, становился опорой патроната и, в известном смысле, самого режима Муссолини, поскольку обучение в специальных технических школах было направлено не только на овладение учениками определенными трудовыми навыками, но и на их воспитание в духе преданности фашизму. Методика преподавания и ряд дисциплин способствовали формированию у рабочей молодежи «подчиненного характера и авторитарного менталитета».[106]

Еще более явно эти цели обнаруживались в школах рабочей молодежи (Scuola per Apprendisti, Scuola Dopolavoro и др.), обучение в которых носило чисто прикладной характер. Ученики должны были освоить конкретную фазу производственного цикла, но не подниматься до уровня осознания и понимания научно-технических принципов организации производства. Тем самым реализовывался принцип патроната: «знаний достаточных, но не чрезмерных». В социальном отношении это означало, что на производстве были обеспечены такие отношения «человек — машина», в которых человек оказывался необходимым приложением к машине, поскольку выполнял лишь ограниченную технологическую функцию, не осваивая всей цепочки и тем более не поднимаясь до уровня осознания социальных отношений, как то: индустрия — общество, рабочий — работодатель, производитель — потребитель и т. д. В этом смысле повышение квалификации молодых рабочих

увязывалось с формированием и авторитарных элементов менталитета, и подчиненных черт характера, что, разумеется, приветствовалось фашистской бюрократией и патронатом.

Предприниматели стремились к установлению жесткой дисциплины и четкой субординации на производстве. Поэтому они были заинтересованы в том, чтобы ученики привыкали к подчинению уже со школьной скамьи. В дневниках учащихся появилась графа «наказание и штрафы», они имели периодически выставляемый «коэффициент активности», получали «трудовые распоряжения», несли суровые наказания за невыполнение требований педагогов и, таким образом, приучались беспрекословно подчиняться приказам. Недовольные и нерадивые беспощадно отчислялись. Так, например, набор юношей в школу концерна ФИАТ осуществлялся на конкурсной основе, обучение велось по 8 часов в день, в том числе 6 часов непосредственно на производстве, каждые полгода устраивались экзамены, после которых проводились отчисления. Неудачники навсегда теряли возможность не только учиться в этой школе, но и когда-либо работать на заводах ФИАТ.

Количество фирменных, а также иных специальных технических школ в 30-е годы заметно возросло, однако для большинства подростков, пришедших на производство, форма обучения профессии оставалась прежней — обычное ученичество. Судя по общенациональным коллективным договорам, заключенным в середине 30-х годов,[107] институт учеников на производстве присутствовал практически во всех отраслях. Разница заключалась лишь в сроках обучения и размерах почасовой оплаты труда. Так, к примеру, 15-летний подросток, становившийся учеником в типографии, осваивал профессию полиграфиста в течение 5 лет, получая при этом всего 5 лир в день.[108] Этот срок был довольно длительным, а оплата низкой, поэтому неудивительно, что в информации с мест, собиравшейся коммунистами, нередко встречались сообщения о волнениях среди учеников и подмастерьев, требовавших сокращения сроков обучения и увеличения зарплаты.[109]

Выпускники высших технических учебных заведений сталкивались с трудностями иного рода — с проблемой трудоустройства. Предпринимателей не устраивали инженеры-политехники, освоившие в основном теоретические дисциплины. Им были необходимы специалисты-производственники достаточно узкого профиля, способные руководить цехом, участком, сменой и т. д. По реформе 1931 г. все политехнические институты были объединены в один Технический институт, состоявший из трех отделений: промышленность, торговля, сельское хозяйство. Промышленное отделение, в свою очередь, дробилось на множество мелких, специализированных по профессиям и отраслям. Их выпускники получали такой комплекс знаний и навыков, который превращал их в промышленных экспер-

тов (periti industriali), в гораздо большей степени приближенных по своему социальному положению и роду деятельности к высокопрофессиональным техникам, нежели административным работникам. Таким образом, новый слой техников пополнялся отчасти и ими. Расширение функций этого слоя и его количественный рост меняли социальную композицию занятых на производстве. Однако кардинальных перемен не произошло, во-первых, в силу все-таки ограниченных возможностей итальянской индустрии, не отличавшейся размахом и мощью, во-вторых, в результате политики фашистского правительства, отдавшего решение проблемы специальной технической подготовки на откуп частному капиталу. В результате техническое образование не приобрело широкомасштабного характера, а формировавшаяся прослойка техников выделялась элитарной группой на фоне рабочей массы. Объективно это способствовало ее превращению в неформальную опору патроната и фашистского режима на производстве.

4. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПОТРЕБЛЕНИЕ

Изменение материального положения рабочих семей в период фашизма является одним из ключевых факторов, определявших отношение промышленного пролетариата к режиму Муссолини. Это положение зависело от соотношения между совокупным, чистым доходом семьи и реальной стоимостью необходимой ей «потребительской корзины» продуктов питания, товаров ширпотреба и услуг.

Основная часть доходов рабочих состояла из заработной платы. Ее размер регулировался как уровнем квалификации и профессиональным стажем занятых, что находило отражение в коллективных договорах, так и прямым вмешательством режима Муссолини в сферу трудовых отношений. Расширение форм социального контроля и укрепление связи между частным характером производства и вмешательством государства позволили новому бюрократическому слою не только владеть эффективными методами манипулирования массовым сознанием, но также внедриться помимо рыночных механизмов регулирования в процесс мобилизации и управления трудовыми ресурсами. Почти полный контроль фашистского государства над заработной платой представлял собой одну из наиболее специфических черт итальянской экономики 20—30-х годов по сравнению с другими капиталистическими странами.

Поражение рабочего класса в годы «красного двухлетия» повлекло за собой перераспределение национального дохода и установление нового режима стоимости рабочей силы, не имевшего аналогов в прошлом. Фашистская Италия была единственной из индустриальных стран Запада, открыто провозгласившей курс на снижение заработной платы.[110] Как

правило, дефляционная политика правительств пытается избежать принятия непопулярных мер и стремится переложить это бремя на плечи предпринимателей. В Италии все было наоборот. Фашистское правительство в законодательном порядке урезывало зарплату и лишь во второй половине 30-х годов прибегло к ее повышению. Фактически это означало признание режимом Муссолини принципа социальной ответственности государства. Однако в условиях тоталитарного режима такая политика оказалась не столько орудием поддержания и повышения жизненного уровня трудящихся, сколько инструментом сокращения стоимости рабочей силы, позволявшим предпринимателям высвобождать дополнительные средства для аккумулирования основного капитала и рационализации производства.

В этой связи принципиальное значение приобретают два вопроса: 1) каким образом режиму Муссолини удавалось проводить в жизнь эту линию, не рискуя потерей влияния среди рабочих; 2) какое влияние оказала дефляционная политика правительства на уровень жизни рабочих? Ответ на эти вопросы может быть найден в сопоставлении индексов стоимости жизни и заработной платы.

Приводимая ниже таблица составлена на основе данных фашистской статистики. По мнению большинства итальянских исследователей, так или иначе касавшихся проблемы зарплаты и цен, полностью доверять этим данным нельзя,[111] поскольку фашизм имел возможность манипулировать ими в своих интересах. Кроме того, нам неизвестна сама система подсчета цифр официальной статистикой.

С другой стороны, эти данные можно подтвердить или опровергнуть на основе иных источников, что, на наш взгляд, позволяет приблизиться к истине. Так, цифры до 1927 г. включительно (пока не существовало систематического индекса зарплаты) определены по различным публикациям, в том числе материалам Конфиндустрии, министерства труда, парламентских комиссий, Национального института страхования, Национальной кассы страхования от несчастных случаев и т. д. Большая часть этих документов отражала ситуацию в регионах, и на этой основе выводились усредненные цифры.[112]

В 1928 г. Конфиндустрия провела специальное исследование уровня зарплаты рабочих в промышленности. Полученные данные практически совпадают с цифрами официальной статистики, что намного повышает их достоверность. Наконец, откровенные махинации со статистическими данными не всегда оказывались делом легким, так как бюрократический и научный аппарат в известной мере оставался верен профессиональной этике. В мае 1939 г. были официально запрещены публикации всяких «разочаровывающих» экономических сведений, поэтому цифры 1940–1945 гг. выводились на основе исследований Конфиндустрии.

Таблица 1[113]

Годы	*Номинальная зарплата*	*Индекс стоимости жизни*	*Индекс реальной зарплаты* *
1913	100%	100%	100%
1922	512,1	414,3	123,61
1923	478	411,9	116,05
1924	480,2	426,4	112,62
1925	535,6	470	111,81
1926	576,0	516,7	111,48
1927	570,6	472,4	118,79
1928	528,5	437,8	116,72
1929	515,8	444,8	115,96
1930	512,7	430,7	119,04
1931	472,9	389,1	121,54
1932	448,6	370,9	118,39
1933	430,8	356,5	120,84
1934	419,8	338,1	124,16
1935	404	342,9	117,82
1936	401	368,8	108,76
1937	418,9	403,7	103,76
1938	437	434,7	100,53
1939	479,7	453,9	105,68
1940	571,2	529,7	107,83
1941	614,4	612,9	100,24
1942	702	708,4	99,1
1943	817,8	1188,0	68,8
1944	1278,3	5249,4	24,2
1945	2314,4	10398,0	22,3

Второй показатель — индекс стоимости жизни — также определялся суммарно по разным источникам вплоть до 1927 г. Королевский декрет от 20 февраля 1927 г. закреплял за Центральным институтом статистики (ISTAT), находившемся под личным контролем дуче, монопольное право и обязанность выводить и публиковать этот индекс. Это было абсолютно

* *Индекс реальной зарплаты есть отношение номинальной заработной платы к индексу стоимости жизни.*

необходимо, поскольку в фашистской Италии был признан и официально провозглашен принцип соответствия заработной платы уровню стоимости жизни (его росту или понижению). С тех пор все последующие сокращения зарплаты оправдывались снижением индекса стоимости жизни. Газеты с завидной настойчивостью публиковали выступления фашистских иерархов и предпринимателей, утверждавших, что цены на основные потребительские продукты и, соответственно, стоимость жизни падали быстрее, нежели уменьшалась зарплата. Однако никто не раскрывал полностью механизм подсчета индекса, а материалы, которыми располагают исследователи, свидетельствуют о том, что исходные данные нередко занижались. Так, при расчете стоимости «потребительской корзины» использовались цены на продукты питания в больших магазинах «La Provvida» и «Spacci Liverani», которые обходились без посреднических услуг, продавали в больших количествах, получали материальную поддержку государства и в силу этих причин удерживали довольно низкие цены. Товары широкого потребления учитывались по ценам сезонных распродаж, а рост прямых и косвенных налогов при определении индекса стоимости жизни не принимался в расчет вовсе.[114] Тем не менее с учетом всех этих факторов представляется возможным воспроизвести динамику заработной платы и потребления в 20—30-е годы.

В момент прихода фашистов к власти экономическая ситуация не благоприятствовала осуществлению «антикапиталистических» лозунгов дуче. Упорной борьбой в годы «красного двухлетия» рабочие сумели добиться существенного повышения заработной платы: в 1920 г. в реальном исчислении они получали приблизительно на 25% больше, чем до Первой мировой войны.[115] Темп увеличения зарплаты заметно опережал рост стоимости жизни.

Однако страна находилась в глубоком экономическом кризисе, который не позволял сохранить эту тенденцию в последующие годы. У Муссолини не оставалось иного выхода, кроме наступления на завоевания рабочих и понижения зарплаты. Фашистское правительство опубликовало два декрета (№ 661 от 21. 12. 1922 г. и № 32 от 4. 01. 1923 г.), которые впервые вводили налогообложение зарплат и жалований в среднем приблизительно на 10%.[116] Эти крайние меры оправдывались фашистами как некий «итальянский путь накопления». Таким образом, новые налоги и инфляция 1923–1924 годов «съели» завоеванную рабочими прибавку, что послужило одной из причин их активного участия в антифашистских выступлениях в ходе «кризиса Маттеотти».

Начавшийся вскоре экономический бум и расширение возможностей найма породили очередную волну надежд и ожиданий. Однако подъем носил скоротечный характер и в 1927 г. сменился новым экономическим кризисом. Оптовые цены на готовую продукцию резко упали: по разным источникам, в среднем до 30% с августа 1926 г. по декабрь 1927 г.,[117] в том числе на зерно от 20% до 40% в зависимости от региона. Кризис сопровождался

обвалом фондового рынка: курс акций крупнейших компаний покатился вниз. В течение года акции ФИАТ подешевели с 515 до 315 пунктов, Пирелли — с 1. 044 до 558; Сниа-Вискоза — с 322 до 163, Терни — с 485 до 345.[118] Особенно тяжелыми последствия кризиса оказались в отраслях, ориентированных на экспорт. После введения «квоты 90» их продукция оказалась практически неконкурентоспособной.

В 1927 г. никто еще не мог предполагать, что это было лишь началом длительного кризисного периода, продолжавшегося почти до середины 30-х годов, но уже с появлением первых симптомов надвигающейся «болезни» промышленный истэблишмент хором потребовал серьезных сокращений зарплаты. В противном случае промышленники угрожали массовыми увольнениями и свертыванием производства. Невзирая на робкое сопротивление фашистских профсоюзов, патронату удалось навязать правительству Муссолини именно эту линию в экономической политике. Термин «навязать» в данном случае вполне уместен, так как фашистское правительство хотело, но не могло избежать принятия непопулярных мер. Разумеется, это желание диктовалось не столько заботой о благе рабочих, сколько опасениями за свое собственное будущее. С другой стороны, дуче и его окружение понимали, что без сокращения зарплаты нельзя было ощутимо снизить себестоимость продукции, что являлось решающим условием ее выхода на внешние рынки сбыта. Поскольку, однако, принцип взаимозависимости заработной платы и прожиточного минимума уже был провозглашен и претворялся в жизнь, правительство предприняло ряд мер по принудительному снижению квартирной платы и розничных цен на основные продукты питания и ширпотреба.

В этой связи любопытно отметить и такой факт. Первому существенному снижению заработной платы в общегосударственном масштабе, то есть декретом фашистского правительства, предшествовало пышное провозглашение 21 апреля 1927 г. «Хартии труда», закрепившей в законодательном порядке принципы взаимоотношений рабочих и предпринимателей, их права и обязанности. В XII статье этого документа были сформулированы три условия для определения заработной платы: жизненные потребности трудящихся, возможности производства и производительность труда. «Установление заработной платы не подчиняется никаким общим правилам, — говорится в «Хартии», — и зависит от соглашения сторон, заключающих коллективный договор».[119] Конечно, вряд ли кого-либо можно удивить демагогией фашистов, но столь беззастенчивое манипулирование словами и понятиями все же поражает! Во-первых, такие общие правила уже были сформулированы и провозглашены: три условия для определения зарплаты и ее зависимость от прожиточного минимума, определяемого фашистами.[120] Во-вторых, эти три условия были фактически несовместимы.

В самом деле, жизненные потребности рабочих, которые не могут определяться какими-то привходящими обстоятельствами, ибо это потребности естественные, зависели от понятия «производительность труда», так как заведомо не могли ее превышать. В противном случае это был бы нонсенс: вклад в производство оказался бы меньшим, нежели отдача от него. Таким образом, эти два понятия фиксировали нижнюю и верхнюю границу возможного, между которыми и шел торг во время заключения коллективных договоров. Любопытно, однако, отметить, что минимальный прожиточный уровень фашистские власти не определяли. Как признал один из высокопоставленных функционеров министерства корпораций, «итальянская система решает проблему минимума заработной платы очень просто: отрицает его существование».[121] В общенациональных коллективных договорах мог быть указан минимум зарплаты для той или иной категории рабочих, возраста, профессии, но это не было обязательным требованием, поэтому определение минимума зачастую становилось прерогативой работодателя. Отсюда — большой разброс по регионам и отдельным предприятиям, что, в свою очередь, мешало выработке общих требований рабочих одной отрасли. Наконец, соблюдение второго условия (возможности производства) также отдавалось на места, этот критерий был слишком растяжим и, как правило, становился знаменем наступления на рабочих и одновременно оправданием курса на снижение зарплаты.

Первое официальное снижение заработной платы на 10% произошло в мае 1927 г. Оно коснулось всех промышленных и сельскохозяйственных рабочих, служащих государственных и частных предприятий и учреждений. Фашистские профсоюзы одобрили эту меру правительства как «вынужденную и необходимую», а с мест в адрес дуче полетели сотни телеграмм о якобы всеобщем одобрении. Как типичный пример показного согласия можно оценивать выступление секретаря фашистской партии А. Турати перед профсоюзными функционерами Брешии, в ходе которого обосновывалась неизбежность урезания зарплаты. Резолюция, дававшая Турати право самому устанавливать норму сокращения (т. е. она могла превышать 10%), была принята единогласно.[122] Аналогичные резолюции через несколько дней были приняты в Реджо-Эмилии, Тоскане, Лигурии и других областях.

Однако патронат считал осуществленные меры недостаточными. Президент Конфиндустрии А. Бенни заявил об этом со страниц официальной газеты «Пополо д'Италиа»: «В том, что касается зарплаты рабочих, конечно, она не была сокращена в размерах, эквивалентных ревалоризации лиры».[123] Это заявление соответствовало действительности, но вовсе не означало, что компенсация потерь должна была осуществляться преимущественно за счет трудящихся. Тем не менее в октябре 1927 г. по предложению фашистской партии было проведено еще одно официальное сокращение зарплаты на 10%.[124] В течение последующих месяцев правительство Мус-

солини воздерживалось от этой меры, но и не возражало против дальнейшего урезания на местах. Лишь 1 августа 1928 г. дуче заявил, что никаких сокращений платы за труд больше не будет. Как показали последующие события, это заявление не имело под собой реальной почвы.

С осени 1929 г. экономика капиталистических стран начала втягиваться в глубокий экономический кризис. По сравнению с ведущими западными странами Италия пострадала меньше, так как экономически она была менее развита. Своего апогея кризис достиг в 1932 г., когда промышленное производство сократилось по разным источникам в среднем на 27–28%.[125] Пострадали в первую очередь мелкие и средние предприятия, составлявшие основу итальянской индустрии. По данным переписи 1927 г., из 5 млн занятых в промышленности 37,7% трудились на предприятиях с числом работающих до 10 человек, 24% — от 10 до 100 человек, 28,9% — от 100 до 1000 человек, 9,4% — свыше 1000 человек.[126] Массовое разорение мелких предприятий неизбежно влекло за собой увеличение количества полностью безработных, число которых в 1932–1933 годах превысило 1 миллион человек. Лишь каждый четвертый из них в течение 3-х месяцев получал скудное пособие из расчета 3,75 лир в день.

На крупных предприятиях в условиях спада производства избежать массовых увольнений при сохранении прежнего уровня заработной платы было невозможно. Сами предприятия средств для поддержания этого уровня не имели, а правительство выделять их не собиралось. Рабочие оказались, таким образом, перед дилеммой: сокращение зарплаты всем или увольнение почти каждого третьего. Эта дилемма была выражена в лозунге Конфиндустрии: «Или еще большее понижение зарплат, или еще более тяжелая безработица».[127] Сами предприниматели трактовали сокращение зарплаты как меньшее зло.

Аналогичной точки зрения придерживались и лидеры фашистских профсоюзов и корпораций. По словам заместителя министра корпораций Б. Бьяджи, система механического снижения зарплаты вынуждала ставить на одну планку «здоровые и больные» предприятия, уравнивая зарплату рабочих по показателям не лучших, а худших заводов и фабрик «с целью дать им возможность перевести дух и избежать еще большего ухудшения положения».[128]

Для фашистского правительства этот вопрос приобретал особую остроту ввиду его идейно-пропагандистской значимости: с политической точки зрения, следовало сохранять на плаву максимальное количество предприятий даже с минимальной зарплатой по коллективным договорам, нежели допускать рост безработицы. С экономической точки зрения, напротив, желательно было сокращение малорентабельных фирм, которые первыми начинали свертывать производство, что автоматически влекло за собой цепную реакцию для других предприятий и целых отраслей. Правительство Муссолини сделало политический выбор, заявив о необходимости помочь

итальянской экономике и оправдывая свое решение падением цен и стоимости жизни. В соответствии с этим решением с 1 декабря 1930 г. заработная плата в промышленности была сокращена в среднем на 8%. [129]

По материалам сводки, переданной дуче, эти меры затронули приблизительно 3 миллиона 100 тысяч занятых в промышленности, 2 миллиона 900 тысяч — в сельском хозяйстве, 528 тысяч государственных служащих, что привело к экономии в течение года соответственно 1 миллиарда, 1,218 миллиарда, 0,725 миллиарда лир. [130] Значительная часть этих средств в виде банкнот была изъята из оборота, что оздоровило финансовую систему и укрепило лиру.

30 октября 1931 г. на заседании Национального Совета Корпораций Муссолини заявил, что дальнейшее сокращение зарплаты невозможно, бесполезно и ненужно.[131] С тех пор в течение трех лет в Италии не было централизованных, объявляемых правительством через средства массовой информации понижений, что вовсе не означало их прекращения. Фашистское правительство предпочло лишь дистанцироваться от этого непопулярного процесса, предоставив, как прежде, свободу действий предпринимателям. В ответ на их настойчивые требования о новом снижении дуче, по своему обыкновению, не принял четкого решения: не согласившись на централизованное сокращение зарплаты, Муссолини не сделал ровным счетом ничего, чтобы помешать предпринимателям медленно, но систематически ее урезывать на местах. Более того, этому процессу фактически был дан зеленый свет, так как правительство потребовало привести в соответствие стоимость минуты рабочего времени с новыми, более низкими оптовыми ценами на продукты питания, что позволило и дальше урезывать зарплату в ходе переговоров о заключении коллективных договоров. По сообщениям газет, к концу 1933 г. коллективные договора были заключены без изменений в 33-х провинциях, новые выработаны и подписаны в 12-ти, в 23-х еще продолжались переговоры, а в 4-х они зашли в тупик, так как предприниматели требовали еще одного сокращения зарплаты на 10–20%.

Каждое такое сокращение не означало пропорционального уменьшения покупательной способности зарплаты, так как, с одной стороны, падали оптовые и розничные цены, что увеличивало покупательную способность, с другой, большая часть налогов вычиталась из зарплаты в абсолютных, а не относительных цифрах, что уменьшало реально остающуюся на руках рабочих сумму. Так, летом 1933 г. зарплата занятых в промышленности колебалась в пределах от 300 до 700 лир в месяц. Из этой суммы независимо от сокращений вычитались:

— 2 лиры на систему мер по профилактике и лечению туберкулеза;

— 1,5 лиры в фонд страхования от безработицы;

— 33 лиры из каждой заработанной тысячи на содержание аппарата профсоюзов и прочие расходы;

— 6% в счет пенсионного обеспечения;
— 4% (и более) подоходный налог;
— от 2 до 10 лир в качестве неизбежных штрафов;
— 2–3 лиры на непредвиденные расходы, образующиеся каждый месяц.[132]

Очевидно, что при такой системе вычетов в наибольшей степени страдали низкооплачиваемые категории рабочих. Но даже с учетом этих фактов можно утверждать, что в целом по стране ситуация с зарплатой в разгар кризиса (1931–1933) оставалась довольно стабильной, а в ряде случаев даже немного улучшалась.[133]

В 1934 г. кризисные явления были еще довольно сильны, хотя низшая точка в падении промышленного производства уже была пройдена, увеличивался его объем, немного сократилась безработица, экономическая конъюнктура в целом стала более благоприятной. Поэтому новое общегосударственное снижение зарплаты на 7%, введенное фашистским правительством с 15 мая 1934 г., не было продиктовано экономической необходимостью. Это было сугубо политическое решение, которое Муссолини, как и прежде, оправдывал снижением розничных цен на хлеб, медикаменты, некоторые виды продуктов первой необходимости и платы за коммунальные услуги. По данным Международного бюро по труду, заработная плата итальянских рабочих в период с июля 1928 г. по март 1933 г. понизилась на 12,2%, а стоимость жизни за тот же период уменьшилась на 17,3%.[134] Эти цифры вызывают сомнение, но их возможное отличие от реальной ситуации вряд ли велико: никто из исследователей не берется оспаривать тот факт, что в годы мирового экономического кризиса в фашистской Италии зарплата и стоимость жизни уменьшались одновременно. Мнения расходятся лишь в том, какой из этих процессов протекал быстрее.

Так, один из первых исследователей этой проблемы А. Фоссати полагает, что покупательная способность итальянских рабочих с 1927 г. по 1933 г. оставалась стабильной.[135] Того же мнения придерживаются Л. Даль Пане[136] и Р. Де Феличе. Несмотря на сокращения 1930–1934 гг., пишет Р. Де Феличе, реальные выплаты промышленным рабочим и государственным служащим «в этот период не уменьшились»,[137] так как потери в зарплате компенсировались за счет введения надбавок на семью (assegni famigliari).[138] В. Фоа считает, что темпы сокращения заработной платы опережали падение розничных цен,[139] а П. Силос Лабини формулирует осторожное сомнение в том, что уменьшение стоимости жизни сохраняло неизменной покупательную способность зарплаты.[140] Мнения разные,[141] однако острой полемики по этому поводу нет, поскольку материальное положение промышленных рабочих в годы мирового экономического кризиса действительно оставалось относительно стабильным, и главная опасность для них заключалась в возможности потерять работу и пополнить армию безработных.

Но если оценивать это положение в ретроспективе, сравнив его с периодом «красного двухлетия», то результат получится совершенно иной. Никто из историков не подвергает сомнению тот факт, что покупательная способность рабочего класса существенно снизилась. По подсчетам М. Маттеотти, пользовавшегося данными официальной статистики, по сравнению с 1920–1921 гг. заработная плата рабочих в различных отраслях промышленности уменьшилась на 15–40%. [142] Г. Сальвемини, также опиравшийся на эти данные, считает, что «в 1934 г. в Италии промышленные рабочие могли купить на свою зарплату менее двух третей тех продуктов, которые они были в состоянии приобрести до «похода на Рим».[143] Современные авторы приводят примерно те же цифры, отмечая падение покупательной способности на 25[144]–35%.[145] «Нет никаких сомнений, — *пишет Р. Де Феличе*, — что в годы режима положение трудящихся не улучшилось, но, напротив, ухудшилось по сравнению с тем, что они получили в «красное двухлетие».[146]

Завершение экономического кризиса совпало в Италии с периодом подготовки и осуществления агрессии против Эфиопии — события, оказавшего непосредственное влияние на изменение конъюнктуры внутреннего рынка, динамики цен и зарплаты. Развертывание военных операций в Африке и попытки колонизации захваченных территорий увеличили спрос на продукцию многих отраслей тяжелой и легкой промышленности, так или иначе связанных с выполнением этих задач. Цены на их изделия выросли, вновь обозначилась инфляция, увеличился дефицит государственного бюджета, начал катастрофически уменьшаться золотой запас. Все это резко ухудшило позиции лиры на международном рынке и привело к ее девальвации на 41% по отношению к золотому стандарту (5 мая 1936 г.). Эта мера затормозила падение экспорта, вызванное применением экономических санкций против Италии со стороны Лиги Наций, и стимулировала спекулятивный подъем в промышленности, начавшийся в результате серии мероприятий правительства Муссолини по обеспечению экономической независимости страны и сокращению импорта (политика автаркии). В военной промышленности увеличилась длительность рабочего дня, уменьшилась безработица.

Рост стоимости жизни вынудил правительство вновь вернуться к вопросу о заработной плате и окладах, приведя их в соответствие с новым уровнем потребительских цен. В июле 1936 г. было официально объявлено об увеличении зарплат и жалований на 8–10%. Кроме того, на два года была блокирована плата за пользование газом, электричеством, водой, общественным транспортом, а также стоимость аренды помещений. Полное юридическое признание получил Комитет по надзору за ценами, обладавший контрольными функциями. Осенью 1936 г. был введен чрезвычайный прогрессивный налог на доходы торговых корпораций, а в январе 1937 г. он был распространен на недвижимость.

Тем не менее реальная покупательная способность масс не увеличилась, и спустя полгода после повышения зарплаты Муссолини был вынужден признать, что 10% надбавка была полностью «съедена» двумя факторами — «сокращением рабочего времени в результате применения закона о 40-часовой рабочей неделе и ростом стоимости жизни».[147] 30 апреля 1937 г., выступая на заседании Национального Совета Корпораций, дуче заявил о необходимости вновь «установить равновесие между зарплатами и ценами»,[148] и Совет, разумеется, одобрил эту инициативу без обсуждения. 1 мая 1937 г. в Риме было подписано соглашение между общенациональными конфедерациями работодателей и работников по найму об увеличении почасовых расценок на 10–12%.

Фашистская печать захлебывалась от восторга по поводу преимуществ корпоративной системы и превосходства режима Муссолини над демократическими государствами, в которых подобные решения достигаются упорной борьбой рабочего класса. У нас же, как писал, например, экономист Ф. Вирджили, «такая тяжелая проблема... решена всего за несколько дней при полном согласии обеих сторон и абсолютной гармонии интересов».[149]

Не комментируя фашистскую риторику о «гармонии интересов», отметим, что даже такой последовательный и непримиримый антифашист, как М. Маттеотти, был вынужден признать, что во второй половине 30-х годов рост стоимости жизни и заработной платы происходил одновременно, «оставляя без изменений уровень жизни трудящихся масс».[150] Официальная статистика так отражает этот процесс.[151]

Стоимость жизни увеличивалась в основном за счет роста розничных цен на продукты питания, так как оплата коммунальных услуг и жилья оставалась прежней: решением правительства от 1 июля 1938 г. цены на эти услуги были заблокированы еще на два года.

И последний демарш в условиях мирного времени был осуществлен фашистами весной 1939 г., когда зарплаты и пенсии были повышены в среднем на 5–10%. Эта мера позволила сохранить прежний баланс между доходами и потреблением для основной массы трудящихся, за исключением самых низкооплачиваемых категорий.

Таблица 2

Годы	*Средние почасовые расценки в промышленности (лиры)*	*Индекс стоимости жизни (1928 г. = 100)*
1935	1,77	77,48
1936	1,88	83,52
1937	2,11	91,74
1938	2,26	99,12
1939	2,47	103,56

8 Зак. 398

Следует, однако, иметь в виду, что этот баланс сохранялся и поддерживался не только за счет централизованных увеличений зарплаты, но также в результате дополнительных выплат за сверхурочные, ночные часы, работу по сдельным расценкам, а также в выходные и праздничные дни. Эти выплаты служили дополнительным источником существования рабочих семей и учитывались официальной статистикой при определении реальной заработной платы. Их доля в общем объеме суммарных доходов была невелика, а в периоды экономических кризисов полностью исчезала.

Тем не менее в коллективных договорах эти трудовые нормы были отражены, что позволяет выявить динамику их оплаты. Общая тенденция просматривается совершенно ясно: в 20–30-е годы стоимость сверхурочных, ночных, выходных и праздничных часов неуклонно падала. Так, в годы «красного двухлетия» рабочим удалось добиться оплаты сверхурочных от 8 до 10 часов в пределах до 25%, от 10 до 12 часов — до 50%. Выходные и праздничные дни оплачивались в зависимости от количества рабочих часов с надбавкой от 20 до 100%, работа в ночное время — от 30 до 100%. Постепенное снижение этих показателей привело к тому, что к концу 30-х годов оплата сверхурочных от 8 до 10 часов превышала обычные нормы на 10%, от 10 до 12 часов — на 15%, ночных, выходных и праздничных часов — на 10–20%. Предпринимателям не составляло большого труда жестко проводить эту линию, так как фашистское правительство в периоды экономических спадов поощряло сокращение рабочего времени с целью использования безработных. Их труд оплачивался по обычным расценкам, поэтому предприниматели оказывались в явном выигрыше.

С другой стороны, многие рабочие после основного трудового дня сами искали дополнительные заработки и соглашались на «черную работу», то есть не имеющую никакого правового статуса и скрываемую от официальных органов. Как правило, такая работа находилась у кустарей-одиночек, ремесленников, мелких предпринимателей и фермеров. Каких-либо статистических данных о ней не существует, но сам факт распространения «черной занятости» среди промышленных рабочих никем не оспаривается.[152] Их заработок, пусть небольшой, но не облагаемый налогами, служил хорошим подспорьем семейному бюджету, увеличивая его покупательную способность.

Что же реально могли позволить себе итальянские промышленные рабочие, зарабатывавшие в 30-е годы приблизительно 340–380 лир в месяц?[153] Структура потребления рабочих семей оставалась в период фашизма почти неизменной, претерпевая лишь незначительные перемены. Основу питания, как и в прежние и в нынешние времена, составляла паста (различные виды макаронных изделий) и оливковое масло. В расчете на душу населения их потребление не уменьшилось и не увеличилось.[154] Значительную долю рациона составляли хлеб, фасоль, молоко, яйца, сахар, разнообразные овощи,

фрукты, зелень, цитрусовые, кофе, вино.[155] В благополучных семьях на столе чаще появлялось мясо, сыр, кондитерские изделия, люди победнее по праздникам обходились крольчатиной и курами. Как уже отмечалось, розничные цены на основные продукты питания соотносились с заработной платой. Если верить информации, нелегально собранной в Италии коммунистами, коих невозможно заподозрить в желании приукрасить действительность, то усредненные по районам цены на эти продукты выглядели следующим образом (в лирах за 1 кг): см. табл. 3.

Таблица 3

	1935 г.	1937 г.	1940 г.
паста	2,8	2,3–3,2	3
оливковое масло	5,5	9,5	до 30
хлеб	1,8	1,75–2	2,75
молоко	—	1,35	1,4
фасоль	2,25	—	6
масло	—	11,5	20
мясо	4,5–8,5	7,5–10,5	до 24[156]

Эти цены были приемлемы для рабочих семей со средним достатком, но оказывались явно не по карману тем, кто зарабатывал менее 250–300 лир в месяц (неквалифицированные и сельскохозяйственные рабочие, подростки, мигранты из деревень).

Доход среднего и выше среднего уровня позволял рабочим (разумеется, в прямой зависимости от количества членов семьи и расходов на ее содержание) время от времени покупать новую одежду и обувь, копить деньги на часы, патефон, мебель, радиоприемник, предметом семейной гордости становился новый велосипед или даже, что бывало весьма редко, мотоцикл.[157] Вопреки кейнсианским рецептам, фашистское правительство не ставило своей целью расширение потребительского рынка, поскольку увеличение объемов производства поглощалось государственными расходами на автаркию и освоение новых колониальных земель, хотя внутри страны задолго до принятия экономических санкций против Италии всячески поощрялось потребление именно итальянских товаров и услуг.[158] Их доля в бюджете семей трудящихся заметно возросла. Если в 1921 г. суммарные расходы среднестатистической итальянской семьи на услуги, предметы повседневного спроса, товары длительного пользования, а также развлечения и отдых составляли 32,7% семейного бюджета, то в 1929 г. — 41,4%, а в 1939 г. — 46%. Эти цифры рассчитаны на основе статистических данных, введенных в научный оборот Б. Барбери и не подвергаемых сомнению никем из известных нам итальянских авторов различных историографических школ.

Материалы таблицы 4 позволяют сделать, как минимум, еще два вывода: во-первых, о заметном сокращении доли расходов итальянцев на пищевые продукты (с 67,3% в 1921 г. до 54% в 1939 г.), связанном, как полагают многие авторы, с уменьшением потребления напитков, жиров, мяса и фруктов;[159] во-вторых, о сохранении достаточно устойчивой покупательной способности населения в течение всего фашистского периода вплоть до начала Второй мировой войны.

Подготовка и вступление Италии в войну радикально изменило ситуацию на потребительском рынке. С 1940 г. систематизированные статистические данные о потреблении не публиковались. Цены на продукты питания росли, вводились новые и увеличивались старые налоги. Весной 1940 г. правительство одобрило закон о чрезвычайном налоге на конъюнктурную прибыль, полученную в результате «состояния войны», увеличило налог на наследство, на добавочную стоимость недвижимости, ввело новый 2% налог на зарплату рабочих и служащих в пользу семей солдат, призванных на действительную службу. В марте 1940 г. заработная плата была повышена на 10–15%, но эта прибавка уже не окупала возросших затрат. 11 июня 1940 г., на следующий день после официального объявления о вступлении фашистской Италии в войну, Совет министров одобрил ряд мероприятий, которые должны были блокировать цены на товары, услуги, аренду квартир, а также зарплаты и жалования «на весь период войны, до тех пор, пока национальной экономике не будет обеспечена надлежащая стабильность».[160]

Таблица 4

(в сопоставимых лирах 1938 г.)[161]

Годы	*Суммарные расходы на личные нужды*	*Питание*	*Предметы повседневного спроса*	*Предметы длительного пользования*	*Услуги, включая аренду*	*Прочие расходы*
1913	2.134	1.353	241	20	328	192
1919	2.193	1.473	230	22	320	148
1920	2.337	1.515	298	25	325	174
1921	2.285	1.538	217	30	320	180
1922	2.376	1.577	246	33	330	190
1923	2.443	1.595	288	38	331	191
1924	2.405	1.536	308	41	331	189
1925	2.474	1.550	357	48	328	191
1926	2.505	1.576	350	53	328	198

Годы	Суммарные расходы на личные нужды	Питание	Предметы повседневного спроса	Предметы длительного пользования	Услуги, включая аренду	Прочие расходы
1927	2.522	1.582	329	53	340	218
1928	2.569	1.547	390	54	352	226
1929	2.604	1.516	423	54	365	236
1930	2.531	1.494	386	52	365	234
1931	2.440	1.449	327	48	383	233
1932	2.491	1.453	369	47	386	236
1933	2.526	1.425	418	52	392	239
1934	2.455	1.337	402	54	398	264
1935	2.484	1.344	420	58	399	263
1936	2.391	1.320	359	55	392	265
1937	2.519	1.367	447	57	392	256
1938	2.571	1.399	451	62	393	266
1939	2.582	1.394	448	57	399	284

Эта задача была абсолютно невыполнима из-за отсутствия как эффективных средств контроля за исполнением решения, так и стратегических резервов, которые могли бы позволить поддерживать розничные цены на прежнем уровне. Уже осенью 1940 г. были введены ограничения на потребление некоторых видов продуктов, а спустя год многие из них стали выдаваться только по карточкам. Экономика Италии вступила в период тяжелейшего, вызванного войной кризиса, приведшего к неимоверному напряжению всех материальных ресурсов страны и катастрофическому ухудшению положения широких трудящихся масс.[162]

В этой связи вывод М. Маттеотти о том, что в годы Второй мировой войны «реальная зарплата, уменьшенная до экстремальных размеров, низвела уровень жизни миллионов трудящихся на самую низкую со времен Первой мировой войны отметку», представляется верным.[163] Однако не находит фактического подтверждения его вывод о том, что уровень зарплаты рабочих всех категорий в течение всего фашистского периода не позволял расширить естественные потребности за пределы минимально необходимых для существования, более того, во многих случаях этот уровень «сократился вдвое».[164]

Судя по структуре и объему потребления в 20—30-е годы, биосоциальные условия жизни промышленного пролетариата, точнее его ядра, состоявшего

из рабочих средней квалификации, оставались весьма стабильными. Лучше жить при фашизме не стало, но и заметного ухудшения не произошло. Даже в годы мирового экономического кризиса, то есть в экстремальных условиях, уровень потребления этого слоя фактически не снижался. Курс фашистского правительства на систематическое урезание зарплаты был продиктован не только и не столько желанием режима пойти навстречу требованиям предпринимателей, сколько экономической необходимостью, отсутствием иных путей выхода из кризиса. Поскольку, однако, эти меры не приводили к обнищанию рабочего класса, в его сознании и чувствах не зарождался протест, направленный против антинародного, тоталитарного режима как такового. В этом состояла экономическая подоплека отсутствия забастовочного движения.

5. СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ

К моменту прихода к власти у фашизма не было сколько-нибудь ясно выраженной позиции по проблеме социального страхования, и вся его последующая деятельность в этой сфере носила скорее характер импровизации, нежели тщательно продуманной линии. В документах фашистской партии, а затем и правительства подчеркивалось лишь стремление добиться «всеобщего» страхования.[165] Лишь во второй половине 30-х годов политика фашизма приобрела ряд черт, позволявших говорить о ее превращении в один из рычагов «мобилизации сверху».

Впервые проблема социального страхования широко обсуждалась на конгрессе Конфиндустрии в Риме в марте 1923 г. Его решения носили рекомендательный характер и намечали основные направления развития системы социальной защиты, а именно: от несчастных случаев на производстве, по старости и инвалидности (сделать этот вид страхования обязательным для всех категорий занятых), по безработице (в случаях вынужденного увольнения), по болезни (вводить лишь после упрочения иных форм страхования в условиях стабилизации экономики).[166]

Страхование производственного травматизма в результате несчастных случаев и профессиональных заболеваний было одним из наиболее развитых еще до прихода фашизма к власти. Эта форма была обязательной для подавляющего большинства промышленных рабочих и в 20-е годы расширялась на новые категории занятых. Страховые взносы выплачивали поровну рабочие и работодатели, большая их часть поступала в Национальную кассу страхования от несчастных случаев. При этом предприниматели сохраняли за собой право заключать договоры и с частными страховыми компаниями.

В марте 1933 г. был создан единый центр — Национальный фашистский институт страхования против несчастных случаев на промышленном производстве, — объединивший все прежние уполномоченные организации.

Вне поля его деятельности остались лишь моряки, имевшие свои морские кассы, почтово-телеграфные рабочие и служащие, а также некоторые другие немногочисленные категории занятых.[167] В распоряжение института было передано дополнительно более 50 тысяч действовавших страховых полисов, и таким образом установлена государственная монополия на этот вид страхования. Его законодательная основа оставалась неизменной на протяжении более 30 лет, и лишь в августе 1935 г. вошел в силу королевский декрет, упорядочивший всю деятельность в этой сфере.

В новом законе давалось определение ключевых терминов: «несчастный случай», «профессиональный риск», «профессиональная болезнь» и т. д. Страхование, как и прежде, было обязательным, вступало в действие незамедлительно по факту установления производственной травмы даже в том случае, если страховой полис не был полностью оплачен работодателями на момент происшествия. Существенно расширились категории работников по найму, подлежащих обязательному страхованию (исключение составляли домработницы, прислуга, некоторые другие мелкие группы), раздвинулись их возрастные границы, увеличился перечень болезней, попадавших под определение «профессиональных».[168] В случае заболевания было предусмотрено два типа помощи: бесплатная медицинская или материальная компенсация. Однако пострадавшие в результате несчастного случая или заболевшие профессиональной болезнью не имели ни права выбора между формами помощи, так как этот вопрос относился к компетенции профсоюзной бюрократии, ни права отказа от лечения, включая даже хирургическое вмешательство, ибо в противном случае теряли страховку. Такие условия открывали широкие возможности для злоупотреблений со стороны чиновников, определявших размер и характер компенсаций в зависимости от степени тяжести травм и заболеваний. В спорных случаях дела передавались в суд, который выносил свое решение, опираясь на заключение независимой медицинской комиссии.[169] Весьма примечательно также, что статья 4 нового закона освобождала работодателей от гражданской ответственности за производственный травматизм, а нормы утраты трудоспособности были изменены не в пользу рабочих.[170]

Компенсационные выплаты пострадавшим или их семьям представляли собой довольно значительные суммы. Так, по нормам 1938 г. в случае смертельного исхода родственники получали от 3000 до 7500 лир за погибшего мужчину, 2250 — 3750 лир — за женщину; ставшие калеками на всю жизнь получали единовременное пособие 5500 — 9750 лир (мужчины), 3000 — 6000 лир (женщины); временно ставшие инвалидами соответственно 1,5 — 4 лиры и 1,5 — 3 лиры в день на весь период нетрудоспособности.[171] Новый закон, принятый 1 июня 1939 г., лишь подтвердил прежние принципиальные положения и уточнил минимальную и максимальную степень тяжести производственных травм.

Одним из наиболее распространенных и опасных инфекционных заболеваний оставался туберкулез. Образование и развитие очагов этой болезни носило явно выраженный социальный характер, так как заражению подвергались по большей части бедные и малоимущие слои населения, жизнь и трудовая деятельность которых нередко протекала в антисанитарных условиях. Ежегодно в Италии умирали от этой напасти 60–80 тысяч человек.

Эффективная борьба с туберкулезом могла вестись только на общенациональном уровне путем создания всеохватывающей профилактической системы. Однако в первой половине 20-х годов в правящих кругах не было должного понимания этой проблемы, как, впрочем, не было и необходимых для ее решения средств. В соответствии с принятым в 1923 г. законом борьба с туберкулезом вменялась в обязанность местным органам власти, которым было предписано создавать и финансировать из своего бюджета провинциальные противотуберкулезные консорциумы. «Хартия труда» провозглашала введение страхования от туберкулеза «в качестве переходной ступени к общей системе страхования от всех болезней»,[172] и в развитие этой декларации в октябре 1927 г. был принят королевский декрет об обязательном противотуберкулезном страховании. Под действие этого закона подпадали приблизительно 8,5 миллионов рабочих, которым было гарантировано обеспечение надлежащего лечения в специальных лечебных заведениях по типу санаториев, больниц-санаториев и домов отдыха. Действие страховки распространялось также и на членов их семей. В случае нехватки мест в больницах была предусмотрена возможность амбулаторного лечения или на дому.[173] Правом пользования страховкой по туберкулезу могли воспользоваться лишь те, кто не менее двенадцати раз подряд уплатил в срок страховой взнос. Рабочие, заболевшие до истечения этого срока, не получали бесплатной медицинской помощи. Взносы уплачивались еженедельно в сумме от 0,5 до 1 лиры. Столько же платили работодатели.

В 1936 г. система мер защиты от туберкулеза была распространена на некоторые категории сельских тружеников, в 1938 г. — на учителей начальных классов и членов их семей. Учителя получали зарплату из государственного бюджета, поэтому половину их страхового полиса (18 лир в год) оплачивало правительство. Прочие служащие государственных органов, а также чиновники местных органов власти такой привилегии не имели и могли страховаться лишь в добровольном порядке и за свой счет.

В законе 1927 г., а также во всех последующих декретах, уточнявших его положения (1928 г., 1935 г., 1939 г.), речь шла лишь об установленных фактах заболевания туберкулезом. В них не содержалось даже намека на создание какой-либо системы профилактики и предупреждения заболевания. У фашистского правительства не было концепции борьбы с этим злом, а предпринимавшиеся им меры носили спорадический характер. Дело доходило даже до парадоксальных случаев головотяпства, когда противотубер-

кулезные санатории строили в местах, климатические условия которых явно не способствовали выздоровлению. Тем не менее противотуберкулезные мероприятия фашистского режима были весьма и весьма существенны, хотя страхование так и не стало всеобщим.

Еще более хаотично реализовывались на практике решения режима в области обеспечения социального страхования по болезни. В начале 20-х годов уже были сделаны первые шаги в этом направлении. В стране действовало более 5700 «касс взаимопомощи» по болезни, более 2000 из которых были официально признаны местными властями. В парламенте Италии готовился законопроект о введении этой формы страхования, однако после прихода фашизма к власти работа над проектом была заморожена. В ноябре 1925 г. была распущена, как и прочие нефашистские организации, Итальянская федерация обществ взаимопомощи. Вслед за этим последовал декрет короля (29. 11. 1925 г.), подтвердивший весьма странное положение, при котором обязательное страхование рабочих по болезни осуществлялось лишь на «новых территориях» (бывшие земли Австро-Венгрии, отошедшие к Италии после Первой мировой войны), тогда как на основной части страны оно носило добровольный характер и финансировалось преимущественно за счет благотворительности.

Утвердившись у власти, фашизм избрал иной путь решения проблемы: пункт о лечении рабочих в случае обычного заболевания должен был в обязательном порядке включаться в коллективные договоры, в противном случае они не могли быть утверждены. Эта установка стала правовой нормой по закону от 3 апреля 1926 г. «Хартия труда» возлагала на профсоюзы обязанность охранять интересы «своих членов с точки зрения применения административных и судебных норм, относящихся к страхованию от несчастных случаев и к другим видам социального страхования. В пределах технических возможностей в коллективный трудовой договор должен будет включаться пункт об учреждении больничных касс взаимопомощи со взносами работодателей и работников, причем управляться эти кассы будут администрацией из представителей тех и других под наблюдением корпоративных органов».[174] Таким образом, в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и в торговой сети создавались кассы взаимопомощи по территориально-профессиональному принципу, предусматривавшему три типа касс: 1) одного предприятия (для рабочих с числом занятых не менее 100 человек); 2) смешанные (для нескольких смежных предприятий) 3) профессиональные (для занятых в одной конкретной отрасли).[175]

Нетрудно вообразить, какой хаос породила слабая регламентация в организации этих касс, поскольку помимо вышеупомянутых спонтанно создавались «объединения различных типов: заводские, межзаводские, национальные, провинциальные, коммунальные, региональные, профессиональные, межпрофессиональные, унитарные, паритетные и т. д.»[176] Все

они различались по системе сбора взносов, внутренней организации, выплате пособий и проч. Общим был только характер деятельности и жесткое правило, по которому пособие выплачивалось лишь в том случае, если заболевший не получал помощи по другим социальным статьям, например по туберкулезу. Любопытно отметить, что многие кассы взаимопомощи имели право и осуществляли систематический контроль за своими подопечными, посылая к ним домой инспекторов для проверки. Если обнаруживалось, что больной отсутствует без уважительной причины, его немедленно лишали пособия.

Бюрократический аппарат касс взаимопомощи увеличивался, а иных средств, кроме взносов, для его содержания не было. Поэтому функционеры разных уровней изыскивали массу лазеек, позволявших уклониться от выплаты пособий или выплатить меньше положенного, оспорить диагноз, сэкономить на госпитализации, оплате медикаментов и т. д. Обильные сведения о таких злоупотреблениях содержатся в докладах агентов КПИ в загранцентр.[177]

В 30-е годы фашистские власти предприняли ряд мер с целью упорядочить и унифицировать систему социального страхования по болезни. Так, в марте 1930 г. было подписано соглашение между Конфедерациями рабочих и работодателей о выработке единого Устава касс взаимопомощи, включавшего 58 статей. Устав был одобрен, но порядка в организации страхования от этого не прибавилось. Кассы сохранили большую автономность и независимость как в определении размера и сроков взимания взносов, так и в выборе форм помощи: госпитализация, амбулаторное лечение, специальные курсы оздоровления, оплата лекарств, сиделок, похорон, специальные ежедневные компенсационные выплаты и т. д. В 1931 г. право пользования этими кассами имели приблизительно 750 тысяч рабочих (сумма расходов — 41 млн лир), спустя десятилетие — в десять раз больше (сумма расходов — 500 млн лир).[178] Прогресс был совершенно очевиден, однако недостатки системы оставались прежние: фрагментарность, отсутствие жестких государственных гарантий в получении помощи, слабая координация деятельности различных структур, полное бездействие «координирующего органа»,[179] засилье бюрократии, неупорядоченность отношений между профсоюзной и государственной системами оказания медицинской помощи и т. д.

Фашисты осознавали важность именно этого типа страхования не только с социальной, но и с экономической точки зрения. По словам одного из высших чинов Совета корпораций, «страхование по болезни в конечном счете представляет собой основу всего социального обеспечения, поскольку рабочий, которому не угрожает болезнь, в меньшей степени подвержен несчастным случаям, инвалидности и остается более здоровым в старости».[180]

3 января 1939 г. состоялось подписание нового общенационального коллективного договора, наконец-таки унифицировавшего систему социального страхования по болезни. В каждой провинции создавалась единая межотраслевая касса взаимопомощи для рабочих промышленных предприятий, ремесленных мастерских и кооперативов. Членство в этой кассе было обязательным на весь период найма. Максимальный срок получения пособия по болезни установлен в 150 дней, для хронических заболеваний — 90 дней. Медицинская помощь оказывалась в течение до 180 дней и должна была предоставляться с первого же дня членства в кассе. По коллективному договору, подписанному в декабре 1939 г., бесплатная медицинская помощь предоставлялась также членам семей рабочих. По этой причине были увеличены на 1,5% взносы в кассы взаимопомощи, которые, как и прежде, устанавливались в различном процентном соотношении от заработка и уплачивались рабочими и работодателями на паритетной основе. Все собранные средства передавались в специальный национальный фонд помощи семьям рабочих и служащих. 14 октября 1939 г. на заседании Высшего Совета Корпораций была помпезно принята резолюция, гласившая, что цель, поставленная в «Хартии труда», выполнена и тем самым сделан серьезный шаг в осуществлении «высшей социальной справедливости» в стране.[181]

Еще один шаг был сделан на закате господства фашизма в январе 1943 г. Королевским декретом (№ 138) был создан Национальный институт помощи трудящимся при заболеваниях, в недрах которого слились воедино все существовавшие в Италии кассы взаимопомощи и прочие организации социального страхования по болезни. Обязательному страхованию подлежали все категории занятых, в том числе в сельском хозяйстве, торговле, транспорте, сфере управления и услуг, лица свободных профессий, а также члены их семей. Институт получил в полное распоряжение разветвленную сеть специализированных медицинских учреждений и, таким образом, мог оказывать непосредственную медицинскую помощь. Его бюджет формировался за счет взносов работодателей и лиц наемных профессий, которые вычитались из зарплаты автоматически. Однако все эти меры, действительно отвечавшие интересам широких слоев населения, пришли слишком поздно: Италия была втянута фашизмом во Вторую мировую войну, ее социально-экономическое положение катастрофически ухудшалось, поэтому провозглашение новых достижений и принципов в области социального страхования по болезни было явной демагогией.

Еще больший пропагандистский заряд несла в себе кампания за увеличение рождаемости, что на лексиконе фашистов именовалось «битвой за высокую рождаемость». Широко рекламировавшаяся логика этого мероприятия была предельно проста: чем больше будет рождаться детей, тем больше солдат получит армия дуче. Поэтому неудивительно, что в годы

фашизма происходит переход от действительно необходимых мер по охране материнства и детства к откровенно идеологизированной политике стимулирования рождаемости.

До прихода фашизма к власти в Италии не существовало законодательной базы охраны материнства. Пособия, связанные с рождением ребенка, женщины получали не везде и не всегда, а средства на эти нужды черпались, как правило, из благотворительных фондов. В 1923 г. был принят закон (к разработке которого фашисты никакого отношения не имели), установивший обязательное страхование материнства для всех работниц на производстве в возрасте от 15 до 50 лет. Страховой взнос был небольшим: 7 лир в год, из которых работницы платили 3, а работодатели — 4 лиры. В отличие от других форм страхования государство активно участвовало в финансировании, доплачивая на каждое пособие при рождении ребенка 18 лир. Общая координация этой деятельности осуществлялась через Кассу материнства, которая во второй половине 20-х годов развернула широкую сеть консультационных пунктов для беременных женщин. Через эту кассу выплачивались пособия: 150 лир за роды, 100 лир — в случае вынужденного аборта. Всем роженицам оплачивался месяц до и после родов.[182]

Новые нормы страхования материнства были введены в 1934 г. Заметно расширился круг лиц, имевших право на пособие; его размеры увеличились до 300 лир за роды и вынужденный аборт, подтверждалось право женщин на сохранение рабочего места на весь период младенчества детей. Этот тип страхования по-прежнему не распространялся на высокооплачиваемые категории занятых (зарплата выше 800 лир в месяц), домохозяек, прислугу, а также женщин, занятых на непостоянной и сезонной работе в сельском хозяйстве. Таковых было большинство, а смертность при родах среди них вдвое превышала городские показатели. Лишь в 1936 г. жены испольщиков и арендаторов получили право на пособия в размере 100 лир за роды и 75 — за аборт, причем 40 лир из этих сумм выплачивало государство. Страховые взносы по-прежнему были невелики: 2 лиры в год платила работница, 5 лир — работодатель.

Новый серьезный шаг в рамках «битвы за высокую рождаемость» был сделан фашистским правительством в 1939 г. Насаждавшийся ритуал «фашистских свадеб» был дополнен весомым материальным элементом: премией в размере 1000 лир тем молодым рабочим парам, которые вступали в брак в возрасте до 26 лет, а также специальным пособием в 400 лир за рождение четвертого и каждого следующего ребенка. Эта мера дополняла уже существовавшую систему материальной поддержки в виде «семейных надбавок» («assegni famigliari»).

Впервые небольшие пособия для членов семей появились в военной промышленности в годы Первой мировой войны. Затем они стихийно распространились на некоторые другие отрасли, но в начале 20-х годов их

количество резко сократилось в связи с общим увеличением зарплаты, которого рабочие добились в ходе «красного двухлетья». В 1927 г. «семейные надбавки» исчезли полностью в результате мер фашистского правительства по стабилизации лиры и появились вновь лишь на исходе мирового экономического кризиса. В декабре 1933 г. рабочие шерстяной фабрики в городе Бьелла добились включения пункта о «семейных надбавках» в коллективный договор, и в течение месяца этот успех распространился на всю отрасль.

11 декабря 1934 г. было подписано общенациональное соглашение между Конфедерациями рабочих и работодателей о создании «национальной кассы для выплаты семейных надбавок рабочим промышленности... с целью дополнить зарплату труженика, имеющего многочисленную семью (дети на содержании в возрасте до 14 лет) и работающего неполную рабочую неделю, то есть до 40 часов».[183] Пособие в размере 4 лир в неделю устанавливалось на каждого ребенка в случае, если их было не меньше двух. В 1935 г. право на пособие получили также семьи, имевшие одного ребенка.

Условие неполной рабочей недели автоматически лишало надбавок семьи металлистов, железнодорожников, водителей трамваев и ряда других профессий. Лишь в августе 1936 г. «семейные надбавки» стали обязательными независимо от продолжительности рабочей недели для всех кормильцев, занятых на предприятиях, представленных в фашистской Конфедерации лиц наемного труда. Отчисления в национальную кассу составили 1% от заработка рабочего, 2,5–3,5% от такой же суммы — за счет предпринимателей. В финансировании надбавок принимало участие и государство, доплачивая по 0,6 лиры на каждое недельное пособие.

В 1939 г. «семейные надбавки» были распространены на жен и престарелых родителей, находящихся на иждивении глав семей. Их размеры были весьма ощутимы: 1,2 лиры в день на жену и родителей, 1 лира в день на каждого ребенка. Доля государства в выплате пособий возросла, а размеры самих надбавок увеличились. В марте 1941 г. они составляли 1,55 лиры на жену, 1,4 лиры на детей.[184] В дальнейшем в связи с инфляцией эти суммы были неоднократно увеличены.

Таким образом, во второй половине 30-х годов была создана мощная система материальной поддержки семей, в особенности многодетных. Ее целью было не только оказание помощи, но и стимулирование демографического роста в рамках «битвы за высокую рождаемость». Эта политика касалась всех социальных слоев, включая безработных. Начиная с 1937 г., государство доплачивало на каждого ребенка в возрасте до 15 лет по 0,6 лиры к пособию по безработице, получаемому главой семьи. В 1939 г. размер этой добавки был существенно увеличен.

Первые элементы страхования по вынужденной безработице появились в Италии после Первой мировой войны. В годы «красного двухлетья» оно

становится обязательным, а в 1923 г. королевским декретом учреждается специальный фонд помощи безработным, который формируется из паритетных взносов рабочих и работодателей. По усредненным данным официальной статистики, в период с 1922 г. по 1935 г. около 50–90% безработных (в том числе те, кто не имел формального права, не проработав установленного срока и не внеся необходимых сумм) в той или иной форме получали пособие.[185]

Этот вид страхования был обязательным для подавляющего большинства лиц, работающих по найму в возрасте от 15 до 65 лет, за исключением сельскохозяйственных и сезонных рабочих, прислуги, лиц творческих профессий, а также высокооплачиваемых категорий занятых, то есть получавших более 800 лир в месяц. Размер регулярных (раз в две недели) взносов в национальную кассу зависел от среднемесячного заработка и был зафиксирован на трех уровнях: 0,7 : 1,4 : 2,1 лиры. В соответствии с уровнем оплаты безработные получали 1,25 : 2,5 : 3,75 лиры в день в качестве пособия. Оно выплачивалось в течение 90 дней, если было сделано не менее 24 регулярных взносов, и в течение 120 дней, если их было сделано не менее 36. Эти нормы были установлены в 1923 г. и по сути не менялись в течение всего фашистского периода. Лишь в 1935 г. их немного обновили, расширив круг лиц, имеющих право на пособие.

Безработные обязаны были ежедневно являться в местные агентства по трудоустройству и в случае неявки без уважительной причины могли потерять пособие. Они не имели права отказываться от любой предложенной работы, если она не являлась опасной для здоровья и оплачивалась не ниже средней нормы для данной местности. В случае отказа безработные теряли право на пособие. Размеры и условия получения пособий по вынужденной безработице позволяли в течение 3–4 месяцев поддерживать физическое существование рабочих, но не более того. Ни о каком социальном обеспечении семей по этому виду страхования говорить не приходится. Подавляющее число безработных, особенно в годы мирового экономического кризиса, были вынуждены перебиваться случайными заработками, искать «черную работу», отправлять на поиски работы детей и подростков.

Вынужденная безработица имела и еще одно тяжелое последствие: рабочие лишались возможности платить пенсионные взносы и, следовательно, претендовать на получение пенсий по старости или инвалидности. Они существовали в Италии еще до прихода фашизма к власти, но этот вид страхования не был обязательным. В 1928 г. размер пенсий был увеличен в связи с ростом цен, но взносы остались прежними на уровне 1919 года. Разницу покрывало государство, которое участвовало в финансировании пенсий фиксированной суммой — 100 лир в год. В 1935 г. Италия ратифицировала две международные конвенции по инвалидности и старости,

однако пенсионный возраст для итальянцев был установлен иной: 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин.[186] Для получения пенсии по старости рабочий должен был не менее 10 лет состоять членом пенсионной кассы или в течение 480 недель подряд регулярно уплачивать взносы. Для пенсии по инвалидности соответственно 5 лет или 240 недель. Защита прав страхуемых осуществлялась в административных и судебных органах профессиональными ассоциациями адвокатов, уполномоченными вести такие дела. Практика обращения в суд стала серьезным нововведением, упрочившим положение лиц, работавших по найму.

В апреле 1939 г. система пенсионного обеспечения претерпела некоторые изменения (декрет короля № 635 от 14.04.1939 г.). Пенсионный возраст у мужчин был снижен до 60 лет, у женщин — до 55. Реформа предусматривала также существенное расширение категорий лиц, подлежащих обязательному страхованию, увеличение размера пенсий и перечня медицинских показателей для получения инвалидности. В марте 1943 г. последовало новое увеличение на 25%, однако одновременно на 50% возросли взносы в пенсионную кассу, одну треть которых уплачивали рабочие, две трети — работодатели. Заметного улучшения положения пенсионеров эта мера не дала, так как в условиях военного времени деньги уже утратили большую часть своей стоимости. Тем не менее и в этой сфере страхования произошли ощутимые перемены, позволявшие фашистской пропаганде муссировать тезис об утверждении принципа «высшей социальной справедливости» в стране.

Главным достижением своей политики в этой области фашизм считал упорядочивание в целом системы социального страхования и ее распространение почти на все категории трудящихся.[187] По сравнению с дофашистским периодом структура и функции режима социального страхования претерпели некоторые изменения, были расширены и упорядочены. Еще в первой половине 30-х годов в этой сфере царил хаос, одновременно существовали многие организации, ассоциации, фонды, кассы и т. д. Все они были «независимы друг от друга, созданы в разное время под давлением разнородных социальных и политических обстоятельств, без какой-либо связи и рациональной координации деятельности между собой».[188]

В марте 1933 г. дуче отдал распоряжение правительству навести полный порядок, унифицировать систему социального страхования, сделать ее адекватной новым требованиям и законам фашистского режима. С этой целью на базе всех существовавших прежде организаций был создан Национальный фашистский институт социального обеспечения. Его устав был одобрен в марте 1934 г., а деятельность полностью легализована в октябре 1935 г. Термин «социальное обеспечение» взамен «страхования» должен был подчеркнуть именно принципиальную новизну подхода фашизма к этой проблеме, начало «новой эры» в жизни всех трудящихся.[189]

Как государственный орган в условиях «автаркическо-корпоративного» строя, этот институт декларировал право на социальное обеспечение и выступал его гарантом. В сферу его деятельности было включено страхование по старости и инвалидности, туберкулезу, вынужденной безработице, болезни, материнству. Чиновники института, имевшие статус государственных служащих, контролировали и руководили деятельностью многочисленных социальных служб, больниц и поликлиник. Через банковские счета института потекли многомиллионные суммы. Так, во второй половине 30-х годов, то есть за 5 лет своей деятельности, институт инвестировал: 4470 млн лир в общественные работы и строительство муниципального жилья, 3475 млн — в мероприятия по «интегральной мелиорации», 1341 млн — в развитие транспорта, 209 млн — в строительство электростанций, 490 млн — в создание новых предприятий, 390 млн — выдал в качестве кредитов.[190] Таким образом, по мнению Л. Конти, «цели социального обеспечения оказывались на втором или третьем месте, будучи отодвинуты упрочением особых отношений между итальянским капитализмом и итальянским государством».[191]

Действительно, развитие и расширение системы социального страхования в годы фашизма позволило правительству аккумулировать огромные финансовые ресурсы, сосредоточенные в государственных учреждениях и кассах. Их использование было жестко регламентировано законом. Эти средства могли быть потрачены на общественные работы и мелиорацию; вложены в уставной капитал организаций, имевших общественные цели деятельности, и в реализацию общественных проектов локального значения; в строительство муниципального жилья и медицинских учреждений, а также в некоторые другие государственные мероприятия. По сути дела происходило перераспределение национального дохода в пользу фашистского государства, которое присвоило себе право пользоваться этими средствами по своему усмотрению, в том числе для решения политических задач. В 1933 г. всем социально-страховым учреждениям было в директивной форме предложено профинансировать деятельность Института промышленной реконструкции (ИРИ), прямыми и окольными путями средства перекачивались в Агентство по колонизации Ливии, отчасти за счет страховых фондов финансировалась агрессия в Эфиопии.[192] Возможность использования этих средств обусловливалась тем, что сумма взносов по всем видам страхования, кроме туберкулеза, превышала размеры выплачиваемых пособий. Например, только на пособиях по вынужденной безработице положительная разница составляла в 1925 г. — 100 млн лир, в 1933 г. — 800 млн, в 1939 г. — 941 млн.[193] Большая часть этих средств была использована фашистским правительством «для покрытия дефицита государственного бюджета».[194]

Отвлечение денег на иные, далекие от нужд социального обеспечения цели, приводило к тому, что система социального страхования не могла развиваться в автономном режиме и была постоянно «обескровлена». Это порождало немало проблем, связанных со своевременной выплатой пособий и их размером. Если учесть, что в среднестатистической семье рабочего, имевшего на содержании жену и двоих детей, выплаты одних только «семейных надбавок» составляли во второй половине 30-х годов 10–15%, а в начале 40-х годов — 25–40%, станет очевидным, что использование государством страховых денег для своих нужд в конечном счете болезненно отражалось на бюджете отдельно взятых рабочих и их семей.

Со стороны самих рабочих задержек в выплате страховых взносов, как правило, не происходило, поскольку подавляющая их часть изымалась из зарплаты автоматически. Во второй половине 30-х годов утвердился принцип интегральности взносов. В среднем по стране отчисления на все виды страхования составляли:

	Взносы рабочих	*Взносы работодателей*
до 1929 г.	3,75%	5,75%
до 1934 г.	4,5%	10%
до 1939 г.	8,3%	19,5%
до 1942 г.	7,84%	37,84%[195]

Таким образом, суммарная доля отчислений на социальное страхование работодателей значительно превышала взносы рабочих и увеличивалась гораздо быстрее. Это встречало глухое, но нередко и явное сопротивление патроната, которое разбивалось о бюрократическую машину. «Роль противостоящей предпринимательским кругам стороны (имеется в виду в вопросах социального обеспечения. — *Л. Б.*)... принял на себя государственный и полугосударственный чиновничий аппарат, оказавшийся способным навязать предпринимателям обременительные меры».[196]

В системе социально-политических отношений в обществе эти меры носили функциональный характер, а не были лишь результатом волюнтаристских решений фашистского руководства. Цель активного государственного вмешательства в сферу социального обеспечения, нарушавшего принцип его регулирования на основе коллективных договоров, заключалась не только и не столько в демагогическом провозглашении системы социальной защиты, сколько в попытке ограничить негативные последствия капиталистического развития и использовать с выгодой для себя естественное недовольство рабочего класса, порождавшееся этим развитием. Кроме того, активная политика социального вспомоществования, проводившаяся режимом Муссолини, способствовала формированию нового типа взаимоотношений между индивидом и государством, которое в Италии традиционно воспринималось враждебно, как недруг и исполнитель чужой воли. Теперь же государство обретало ореол гаранта и защитника социальных интересов масс.

Преследуя политические цели, итальянский фашизм действительно расширил и укрепил систему социального страхования в интересах подавляющего большинства лиц наемных профессий. В годы мирового экономического кризиса осуществленные им меры, включая благотворительные, позволили физически выжить многим итальянцам из числа беднейших. Однако режим Муссолини не принял и не осуществил кейнсианскую идею о стабилизации социально-экономических отношений путем внедрения мер автоматической компенсации трудящимся потерь в условиях кризиса.

Формируя и внедряя на общенациональном уровне принципы социальной защиты, фашистское правительство тем не менее поощряло фиксацию уже существовавших и создавало новые различия в подходах к обеспечению мер социальной защиты для различных категорий занятых. В результате этой политики углублялось разделение лиц наемного труда с точки зрения экономических льгот и интересов (рабочие промышленности от рабочих сельского хозяйства, рабочие Севера от рабочих Юга, государственные служащие от служащих частных предприятий и т. д.), что значительно облегчало режиму возможность воздействовать на каждую из социальных категорий и групп с целью их фашизации.

Однако подавляющая масса рабочих воспринимала расширение поля социальной защиты сугубо прагматически, как должное и необходимое. Нет сколько-нибудь серьезных оснований утверждать, что этот канал воздействия на массы действительно приводил к их фашизации. Ни в одном из изученных нами оперативных донесений агентов полиции, как и докладов подпольных агентов КПИ, не содержится сведений о том, что рабочие каким-то образом увязывали получение ими новых прав с «преимуществами» политической системы режима (за исключением «семейных надбавок»). Многие, напротив, полагали, что полученного явно недостаточно и что следовало добиваться гораздо большего. В рамках общей стратегии «мобилизации сверху» курс на расширение социального страхования не давал ожидаемых политических результатов. Рабочие не становились убежденными фашистами, хотя явно ощущали укрепление своего социального статуса. Поэтому уместно говорить о расширении зоны конформистского согласия в их среде, нежели о росте профашистских или антифашистских настроений.

6. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Несмотря на «социалистическое прошлое» Бенито Муссолини, проблемы трудовых отношений не сразу оказались в центре законотворческой деятельности фашистов после прихода к власти. Это ни в коей мере не означает их недооценки фашистскими идеологами. В первой половине

20-х годов режим еще не располагал такими правовыми рычагами, которые позволили бы ему трансформировать сложившуюся систему трудовых отношений на основе корпоративной идеи. Тем не менее, первые шаги на этом пути были сделаны: в 1923 г. решением кабинета министров было упразднено министерство труда, созданное в разгар революционного кризиса в 1920 г., а также Высший совет по труду, существовавший с 1903 г. Тогда же были закрыты третейские суды в сельском хозяйстве и началось наступление на эту систему в других сферах.[197]

В декабре 1923 г. Муссолини громогласно заявил о глубокой заинтересованности фашизма в решении проблем труда. Аналогичные заявления он неоднократно делал и в дальнейшем, несмотря на серьезные социальные и политические трудности периода формирования тоталитарной диктатуры, особенно в ходе «кризиса Маттеотти». Эти заявления не были пустым звуком, поскольку режим действительно стремился к установлению нового типа отношений между трудом, государством и частным капиталом, которые могли бы обеспечить социальную устойчивость общества.

18 ноября 1925 г. министр юстиции А. Рокко представил в палату депутатов проект закона о правовой дисциплине трудовых отношений. Его суть сводилась к четырем ключевым положениям: юридическое признание фашистских профсоюзов «под самым строгим контролем государства»; обеспечение действенности коллективных договоров; создание Магистратуры труда, «осуществляющей юрисдикцию в коллективных трудовых конфликтах»; запрет забастовок и локаутов с применением мер уголовной ответственности в случае его нарушения.[198] Дебаты, разгоревшиеся в парламенте вокруг представленного проекта, касались преимущественно функций и роли Магистратуры труда, поскольку остальные положения закона особых возражений не вызывали.

А. Рокко рассматривал новый орган как недостающее связующее звено того нового экономического порядка, который не допускал применения забастовок. Руководитель фашистских профсоюзов Э. Россони предлагал иную трактовку. По его мнению, Магистратура труда должна была стать гарантом соблюдения коллективных договоров и уважения прав подписывающих их сторон. Муссолини, как обычно, лавировал между спорившими, разглагольствуя о необходимости отказа от эгоистических классовых интересов во имя интересов национальных и призывая к консолидации всех сил.[199] Однако как бы между прочим он высказался в пользу обязательного рассмотрения всех коллективных споров в Магистратуре, что фактически означало признание запрета на забастовку и поддержку юридического проекта Рокко, который в конечном счете был принят почти без изменений.

Внешне все выглядело весьма благопристойно. Изданная во второй половине 20-х годов серия законов, устанавливавших правовые нормы во всех сферах общественного производства,[200] имела целью не только создать

надклассовый тип отношений в обществе, но и попытаться убедить итальянцев в ином, принципиально отличном от всех известных ранее характере политической власти — национальном. Претензия фашизма на монопольное выражение высших национальных интересов прочитывается почти в каждом параграфе новых законов, хотя нигде об этом не сказано прямо.

Наиболее показателен в этом отношении закон о правовой организации коллективных трудовых отношений от 3 апреля 1926 г. Он стал главным нормативным актом фашистского государства, на основе которого регулировались отношения между наемными работниками и работодателями, и применялся во всех спорах и конфликтных ситуациях, не подпадавших под действие уголовного кодекса.

Второй раздел этого закона посвящен порядку рассмотрения возникающих в процессе производства коллективных и индивидуальных конфликтов в так называемом «трудовом суде» (Магистратуре). В компетенцию этого судебного органа входили «все споры, касающиеся соблюдения коллективных трудовых отношений, возникающих в области применения уже существующих договоров или при требованиях новых условий труда».[201] В случае отсутствия четко регламентирующих юридических актов магистратура должна была выносить свои решения, «основываясь на справедливости, согласуя интересы работодателей с интересами рабочих и во всяком случае охраняя высшие интересы производства».[202] Поскольку интерпретатором этих «высших интересов» выступало фашистское государство в лице своих министерств[203] и комитетов, деятельность Магистратуры в законном порядке оказывалась привязанной к идеологическим постулатам режима. Это открывало возможность творить судебный произвол в отношении истцов и оправдывать его «интересами нации».

Формально Магистратура стала составной частью апелляционных судов, коих в то время насчитывалось в Италии 16.[204] Она состояла из трех судей и двух гражданских экспертов, выбираемых председателем суда из специального списка, составляемого и обновляемого самим апелляционным судом раз в два года. Единственным требованием, которое предъявлялось законом к этим лицам, была их компетентность в вопросах труда и производства. Поначалу их присутствие было обязательным для всех дел, поступающих в Магистратуру. Позже, в 1934 г., им было дано право факультативного присутствия на слушаниях дел по индивидуальным конфликтам. Процедура рассмотрения этих дел была такой же, как и в обычных судах первой инстанции. Право предъявления исков по поводу разногласий, касающихся коллективных договоров и прочих форм коллективных трудовых отношений, было дано исключительно «законно признанным» союзам работодателей и работников. Это означало, что любая попытка рабочих защитить свои права в судебном порядке могла осуществиться только через фашистские профсоюзы, которые по закону были обязаны сначала

предпринять усилия для полюбовного соглашения с работодателями (статья 17). «Фашистский синдикализм не отрицает концепцию борьбы, — пояснял новый порядок урегулирования споров официальный теоретик С. Панунцио, — но заменяет борьбу классов борьбой между категориями, преобразуя эту последнюю с помощью юридических инструментов в борьбу подлинно правовую».[205] Однако масса промышленных и сельскохозяйственных рабочих, которые в то время еще не входили в фашистские профсоюзы, была таким образом лишена возможности использовать этот путь для защиты своих интересов.

А других путей уже не существовало. Третий раздел закона от 3 апреля 1926 г. запрещал локауты и забастовки. Тем не менее во второй половине 20-х — 30-е годы забастовки имели место и даже получали отражение в официальной статистике.[206] Следует, однако, иметь в виду, что в официальные отчеты не включались случаи оставления рабочими своих мест, которые не были квалифицированы судами как забастовки. В декабре 1927 г. было опубликовано специальное разъяснение королевского кассационного суда, включившего в понятие «забастовка» также «оставление рабочих мест с целью вынудить работодателя соблюдать действующие договоры».[207]

Подавляющая часть забастовок в указанные годы носила локальный характер. Они возникали спонтанно, были малочисленны и краткосрочны. Загнанные в подполье коммунисты не имели возможности руководить ими, а фашистские профсоюзы выступали против их проведения. Среди наиболее заметных выступлений можно отметить забастовки работниц на рисовых полях в 1927 и 1931 г.,[208] выступления текстильщиков в Ломбардии и Венето в 1927 г., в Леньяно в 1931 г., стачки металлистов в Милане в 1930 г. и некоторые другие. Как правило, поводом для них служили резкие сокращения зарплаты и безработица.

Нарушение запрета на проведение забастовок и локауты каралось суровыми мерами: локаут без уважительных причин — штрафом от 10 000 до 100 000 лир; прекращение работы тремя и более рабочими — штрафом от 100 до 1000 лир, а для организаторов акции помимо штрафа — тюремным заключением на срок от 1 года до 2 лет; организация забастовки или локаут с целью оказания давления на государственные органы или местные власти — тюремным заключением на срок от 3 до 7 лет.[209] Действия забастовщиков, наносившие ущерб «общественным интересам» (коммунальное хозяйство, транспорт, врачи, адвокаты и др.), карались не менее строго: тюремное заключение на срок от 1 до 6 месяцев и запрет занимать прежние должности в течение 3-х лет. Лишение свободы грозило также тем, кто «с симпатией» относился к бастующим и не предпринимал должных усилий для удержания их от противоправных действий. С 1926 по 1933 г. Магистратура вынесла 153 приговора за участие в забастовках и 2 — за локауты.[210]

Государство, таким образом, канализировало все формы массового и индивидуального протеста в русло судебно-правовой рутины. Акции протеста вне этих рамок оказывались противозаконными. Представляя в парламенте меморандум по защите своего законопроекта, Рокко пытался обосновать эту новую функцию государства. «Ничем не ограниченная самозащита класса, осуществляемая с помощью забастовок, локаутов, бойкотов и других мер, неизбежно приводит к анархии»,[211] — утверждал он. Право на самозащиту, реализуемое традиционными методами борьбы рабочего класса, рассматривалось им как источник беспорядков и нарушения социальной стабильности в обществе. Новое государство, заботящееся, по мнению Рокко, об установлении социальной справедливости, не будет таковым, если оно не способно «обеспечить справедливость в конфликтах между классами и социальными группами, запрещая им самосуд, как это сделано в конфликтах индивидуальных и семейных».[212] Тем самым министр Рокко невольно подчеркивал двойственную роль Магистратуры в фашистском режиме, стремившемся полностью подавить автономность рабочих организаций путем их превращения в бюрократические органы. С одной стороны, Магистратура стала необходимым элементом для оправдания запрета забастовок и создания видимости уважения условий коллективных договоров. С другой, сам факт ее существования подтверждал наличие противоположных интересов, которые фашизм пытался ликвидировать, апеллируя к идее национального единства.

В этой связи уместно вспомнить, что Муссолини неоднократно отмечал временный, переходный характер Магистратуры, якобы используемой лишь в крайних случаях. «Сегодня, — говорил дуче, — все элементы производства — капитал, техника, труд — входят в государство и находят в нем корпоративные органы, обеспечивающие им согласие и сотрудничество, за редким проклятым исключением, когда нужно прибегать к высшему арбитражу Магистратуры».[213] Как показала практика, «редкое проклятое исключение» оказалось явлением настолько массовым, что суды захлебывались количеством поступавших к ним дел. В условиях социальной конфликтности фашистская Магистратура стала тем барьером, о который разбивались потоки социального протеста рабочих и направлялись в русло разрядки через институциональные акты и ведомства, где прочно господствовал политико-бюрократический аппарат министерства корпораций.

Это министерство было создано в соответствии с королевским декретом от 1.07.1926 г. Поскольку самих корпораций еще не существовало, на министерство возлагалась задача контроля над деятельностью профсоюзов и профессиональных объединений. Кроме того, ему было поручено создание, где это было необходимо, бюро по найму рабочей силы, регулирование проблем, связанных с ученичеством, поддержка деятельности предпринимателей, направленной на улучшение организационной структуры и

технического обеспечения производства, а также функции высшего арбитра в решении трудовых конфликтов. Надзор за профсоюзами и разбор трудовых конфликтов стали на данном этапе главными формами деятельности министерства корпораций, которое само по себе еще не играло сколько-нибудь заметной роли в экономической политике фашизма.

Действительно серьезным шагом в ее осуществлении стало провозглашение социальных принципов так называемой «фашистской революции» в «Хартии труда», опубликованной 21 апреля 1927 г. Большим Фашистским Советом. Этот орган не был наделен законодательными полномочиями, но принципы, зафиксированные в «Хартии», должны были в последующем воплотиться в законе.[214] Юридически «Хартия» не являлась и не могла являться даже источником правовых норм. Однако с момента опубликования этот документ пытались использовать в качестве юридической нормы. Министр юстиции Де Франчиши в упомянутом выше докладе прямо заявлял, что «Хартия труда» «имеет исключительное значение, как этическое и политическое, так и юридическое».[215] Более того, министр обязывал судей пользоваться «Хартией» «как необходимым элементом в интерпретации и дополнении существующего права в тех случаях, когда появляются сомнения или отсутствуют иные специфические нормы». Если конфликтные ситуации возникали вне рамок коллективного договора или в отсутствие оного, судьи должны были «считать применимыми положения, содержащиеся в «Хартии труда».[216] Неудивительно, что использование «Хартии» — документа сугубо политического — в качестве нормативного акта в юриспруденции стало в Италии явлением массовым и повсеместным, что само по себе являлось грубым нарушением закона. Лишь в январе 1941 г. был издан специальный декрет, придавший декларациям «Хартии труда» функцию правового источника.[217]

С политической же точки зрения, значение хартии было действительно немаловажным. По словам Р. Де Феличе, хартия придала «налет социальности новому режиму, позволив ему предстать в глазах масс вступившим на новую, справедливую дорогу».[218] На наш взгляд, решающим фактором, определившим дальнейшее развитие системы правового регулирования трудовых конфликтов, были не новые «социальные одежды» режима Муссолини, а отсутствие иных возможностей для защиты рабочим классом своих интересов. В условиях поражения рабочего движения и разгрома его основных классовых организаций обращение в суд становилось практически единственным инструментом, позволявшим решать хоть какие-то проблемы. В этих случаях речь шла как о проблемах, связанных с коллективом завода, фабрики или отрасли в целом, так и о проблемах индивидуальных, личных, рожденных желанием отвоевать «десяток или сотню лир, которые позволили бы, наряду с прочими способами, двигаться вперед».[219]

Фашистское законодательство проводило жесткое различие между коллективными трудовыми конфликтами, для разбора которых и создава-

лась Магистратура, и индивидуальными, которые рассматривались обычными судами первой инстанции. «Субъектами коллективного трудового спора, — давал пояснения министр юстиции Де Франчиши, — могут быть только профессиональные ассоциации, а объектом оного не может быть ничего иного, кроме применения коллективных трудовых соглашений или других существующих норм, а также требование новых условий труда».[220]

Коллективные договоры не были изобретением фашистов, они существовали в Италии и раньше. Но именно в период фашизма, точнее в конце 20-х — начале 30-х годов, они получили широкое распространение и прочно вошли в повседневную практику трудовых отношений. По данным министерства корпораций, к концу 1929 г. было заключено 178 общенациональных и межпровинциальных коллективных договоров, 2821 — локальных; к концу 1931 г. соответственно 400 и 8659; к концу 1932 г. — 566 и 10 026.[221] Все общенациональные договоры подлежали обязательной публикации, после чего они обретали законную силу, а прежние автоматически ее утрачивали. Срок действия договоров определялся в каждом конкретном случае. Обычно они заключались на пять лет. Локальные договоры утверждались в вышестоящих инстанциях и публиковались в местной печати.

По логике фашистской доктрины, в корпоративном государстве не должно было быть коллективных споров, разбираемых на уровне Магистратуры. Во-первых, потому что эти договоры следовало составлять с учетом интересов обеих сторон и высших интересов производства; во-вторых, потому что до поступления в суд любые спорные вопросы должны были рассматриваться и, по возможности, улаживаться в рамках профсоюзов и корпораций. В действительности все оказалось иначе. Количество дел по трудовым конфликтам росло день ото дня, и Магистратура была буквально завалена ими. По данным министерства юстиции, с февраля 1928 г. по ноябрь 1933 г. в суды поступило 145289 дел по коллективным и индивидуальным спорам.[222] В этой связи министр корпораций Дж. Боттаи вынужден был признать: «Весьма сомнительно, что по мере распространения корпоративного сознания количество споров будет быстро уменьшаться».[223]

Любопытно отметить, что довольно часто инициаторами передачи дел в Магистратуру выступали работодатели, а не рабочие. Они предъявляли иски профсоюзам, оспаривавшим понижение зарплаты. Тактика патроната была основана на принципе: лучшая оборона — наступление. При этом выставлялись заведомо завышенные требования в расчете на то, что суд примет компромиссное решение. В таком случае работодатели получали желаемое, но создавалась видимость победы рабочих, о чем начинали громко трубить профсоюзные лидеры. Фашистская печать захлебывалась от восторга по поводу «справедливости» решений Магистратуры, обязавшей предпринимателей повысить зарплату, к примеру, на 7–8%, но при этом не

сообщалось, что предыдущее понижение, спровоцировавшее конфликт, составило 15–16%. Результат иска регистрировался официальной статистикой как решение в пользу рабочих, поэтому не удивительно, что подавляющая часть приговоров была сформулирована именно так. На этом основании А. Аквароне утверждает, будто «решения трудового суда были исключительно благоприятны для трудящихся».[224]

Поскольку, однако, общая установка фашизма сводилась к тому, чтобы не доводить дело до суда, предприниматели изыскивали иные пути достижения своих целей в обход условий коллективных договоров.[225] Одним из таких путей было умышленное затягивание переговоров по заключению новых договоров после истечения срока действия предыдущих. В этот период снижались тарифные ставки, что позволяло работодателям оперировать ими на переговорах.[226] Еще один путь — обращение предпринимателей в Магистратуру с просьбой установить временный status quo с пониженной зарплатой, а затем превращение временного состояния в постоянное. В мае 1934 г. был принят специальный закон, закрывший эти лазейки и жестко установивший, что до подписания нового коллективного договора действуют условия прежнего.

Предприниматели имели и легальную возможность для пересмотра условий коллективных договоров. В соответствии со статьей 71 специальной инструкции правительства по исполнению закона от 3.04.1926 г. новые условия найма могли быть сформулированы в случае, если обнаруживалось «заметное изменение существующего положения дел».[227] Нестабильная экономическая конъюнктура давала возможность патронату в любой момент заявить об изменившейся ситуации, требующей пересмотра заработной платы. Нередко такие заявления соответствовали действительности. Однако если намерения работодателей шли дальше лимитов понижения, установленных правительством, в дело вступали профсоюзы, требовавшие меньших сокращений. Вслед за этим, как правило, следовала череда компромиссов на уровне профсоюзов, корпораций или Магистратуры. Выход из конфликтной ситуации обретал корпоративно-бюрократический характер, соответствовавший идеологии фашистского корпоративизма, подчинявшего интересы трудящихся «высшим интересам производства».

С другой стороны, эта же идеология вынуждала фашистские власти вмешиваться в конфликтные ситуации на стороне рабочих в тех случаях, когда притязания патроната ставили под угрозу сам факт достижения компромисса. Такое вмешательство чаще всего имело место по поводу понижения зарплаты в обход условий коллективных договоров. И хотя Муссолини громогласно заявлял, что до тех пор, пока он находится у власти, «предпринимателям нечего опасаться Магистратуры»,[228] в августе 1928 г. он был вынужден направить префектам циркуляр, в котором категорически запрещалось «любое дальнейшее снижение зарплаты, поскольку экономическая

ситуация позволяет решить проблемы производства без новых жертв со стороны трудящихся».[229] Муссолини лично не часто рассылал подобные распоряжения, предоставив это поле деятельности министру корпораций и секретарю фашистской партии. Те, в свою очередь, требовали исполнения директив от местных корпоративных инспекторов и партийных секретарей, оказывавших прямое давление на упрямых работодателей. Так, например, в мае 1933 г. секретарь фашистской партии в Генуе разослал на места циркуляр, в котором указывалось, что «некоторые фирмы под предлогом непредвиденных обстоятельств берут на себя ответственность, нарушая коллективные договоры и снижая зарплату. Это следует строго пресечь».[230] Можно было бы привести и немало других аналогичных примеров, поскольку фашистская печать не скупилась на публикацию таких сообщений.

Еще более подробно освещалась подготовка и подписание общенациональных коллективных договоров, имевших особую значимость для экономики. При этом особенно явно прослеживалась роль политической власти на всех этапах данной процедуры. В этом смысле весьма показательна история первого общенационального контракта металлистов, подписанного 15 февраля 1928 г.[231] На его основе в течение двух месяцев должны были быть подготовлены локальные договоры с учетом местных условий. Однако этот срок оказался совершенно нереальным, поскольку предприниматели оказывали сильное сопротивление. В итоге в крупных центрах договоры были подписаны с большим опозданием под непосредственным нажимом фашистских властей. В Турине — в марте 1929 г. в результате личного вмешательства Муссолини, установившего срок окончания переговоров и запретившего передавать дело в суд; в Милане — в июле 1929 г. при непосредственном присутствии дуче; в Генуе — также в июле 1929 г. после завершения в Магистратуре процесса, в котором принял активное участие федеральный секретарь ПНФ. [232] Таким образом, политическое влияние, личное присутствие или устное распоряжение фашистских иерархов оказывалось решающим фактором для так называемого «корпоративного урегулирования». Политическая власть брала на себя функцию посредника в улаживании споров, отодвигая на второй план ею же созданную систему правового регулирования.

Роль и возможности этого посредника были настолько велики, что в Магистратуру дела попадали лишь в тех случаях, когда власти считали нецелесообразным использовать рычаги давления. Такие дела рассматривались келейно, не обнажая реального социального антагонизма сторон. Решения по коллективным спорам имели «казусный» характер, выносились от случая к случаю, поскольку не было и не могло быть массовой практики для выработки общих нормативов. Об этих решениях широко оповещалась общественность, так как в любом случае они способствовали внедрению корпоративной идеологии в массовое сознание. Поскольку, однако, сам

факт разбора споров свидетельствовал о противоположности интересов сторон, власти стремились к тому, чтобы количество рассматривавшихся дел неуклонно сокращалось. Если в 1931 г. в Магистратуру поступило 24 дела о коллективных спорах (из них по 10 было вынесено решение), то в 1934 г. — 1 дело, в 1935 г. — ни одного.[233] Во второй половине 30-х годов дела вновь появились, но их ежегодное количество не превышало 50. Как и прежде, менее половины из них завершалось приговором, а по остальным стороны шли на мировую.

Этот факт весьма показателен, так как отражает идейно-политическую ангажированность судей, которую, впрочем, и не пытались замаскировать. Многие суды не стеснялись открыто высказывать свое политическое мнение, идентифицируя служебные обязанности с приверженностью идеологии фашизма. В преамбулах к приговорам нередко содержались утверждения, что фашизм искоренил недостатки и слабости либерального государства, что корпоративный строй является завоеванием цивилизации, преодолевшим «варварский анархический синдикализм» и большевизм, и тому подобное.[234] Фашизм имел возможность воздействовать на умонастроения и карьеру судей, располагая для этого довольно широким инструментарием: доносчики собирали информацию о поведении судей, при кадровых перемещениях фашисты составляли им характеристики, учитывали их возраст и партийный стаж, который был обязателен для новых судей, а с 1940 г. — для всех без исключения, юристы должны были посещать специальные курсы фашистской культуры и т. д. Рокко имел веские основания заявить, что дух фашизма «проник в Магистратуру быстрее, чем в любую другую бюрократическую структуру».[235] Важно, однако, отметить, что эта приверженность фашизму сама по себе еще не означала враждебности судей требованиям рабочих. Став одной из составных частей в системе корпоративной идеологии и практики, Магистратура развивалась уже своим путем в соответствии с целями социального умиротворения и отпора наиболее одиозным проявлениям враждебности с обеих сторон. На фоне этой «триумфально-консенсусной» реальности позиции менее ангажированных судей не были видны вовсе или находили иные, мало заметные формы проявления.[236]

А таковые возможности были, поскольку подавляющую часть поступавших в Магистратуру дел составляли не коллективные споры, решение которых давало основание для хвалебных гимнов корпоративизму, а индивидуальные, частные, о которых предпочитали не трезвонить, поскольку они касались повседневной жизни и проблем рабочих. Индивидуальные конфликты проявились сразу и в таком количестве, что этот факт оказался полной неожиданностью для фашистских властей.

Индивидуальные конфликты рождались в основном в результате нарушения общих положений, содержавшихся в коллективных договорах. Штатные юристы в спешном порядке бросились писать о разнице коллективных

и частных интересов, утверждая, что индивидуальные интересы носят второстепенный характер. Они приходили к выводу, что коллективные конфликты возможны лишь при формулировке новых договоров, но никак не в случае их невыполнения, поскольку иначе речь шла об уголовно наказуемом деянии. Теоретическое обоснование различия между коллективным характером заключенного договора и его единичным нарушением открывало возможность для произвольного толкования судьями актов индивидуального протеста. Их массовое появление послужило одним из побудительных мотивов в принятии специального закона № 471 от 28.02.1928 г., установившего «нормы для решения индивидуальных трудовых споров».[237]

Этот закон окончательно ликвидировал институт независимого третейского суда. Подведомственные ему дела были переданы в обычные суды первой инстанции, опиравшиеся в своих решениях на старый гражданский кодекс. Мировые судьи (преторы), рассматривавшие конфликты с суммой иска до 5000 лир, а также вышестоящие трибуналы (сумма иска свыше 5000 лир) становились составной частью Магистратуры, утратив статус независимых органов. Подоплека этой операции была очевидна: установить государственную бюрократическую монополию на рассмотрение всех форм социального протеста, проходящих через систему правовых учреждений. Кроме того, реформа преследовала цель отодвинуть на второй и далее план индивидуальные трудовые конфликты, поскольку в работе судей доминировали иные, традиционные аспекты. Эта сфера действительно стала вторичной по отношению к «принципиальной и обычной части их функций».[238] В результате суды были завалены огромным количеством дел по индивидуальным трудовым конфликтам. Судьи старались всячески их избегать, поскольку не имели необходимых навыков и знаний для ведения, а также чтобы не испытывать давления с целью их ускоренного разбирательства. В итоге они нередко были вынуждены «не искать умиротворения, но навязывать его».[239] Сроки прохождения дел в Магистратуре в зависимости от искомой суммы и квалификации работника составляли в среднем 23–24 дня, 15% более сложных дел тянулись от 9 до 25 недель.[240] По мнению Р. Де Феличе, оперативность судебного разбирательства в значительной мере способствовала тому, что рабочие «поверили в трудовой суд и обращались туда все чаще».[241] Это утверждение не подкрепляется какими-либо документами, поэтому тезис о «вере» рабочих в трудовые суды представляется бездоказательным.

Главной причиной участившихся обращений была безысходность, отсутствие иных способов отстаивать свою правоту. Что же касается оперативности в рассмотрении дел, то она в значительной мере была результатом силового прессинга судей со стороны политической власти. В 1933–1939 гг. Муссолини неоднократно требовал сделать эту область юриспруденции «быстрой и удобной»[242], поскольку власти действительно хотели «быстро

и удобно» избавляться от конфликтов, которые не вписывались в сотрудничество классов и тем самым подрывали корпоративную идеологию. Наибольшую активность в этом направлении проявляло министерство корпораций, которое буквально «засыпало» суды, профсоюзы, префектуры и прочие органы разного рода директивными циркулярами, распоряжениями, мнениями, записками и т. д. Помимо постоянного требования ускорить прохождение дел в этой бумажной лавине содержались также «советы» по трактовке вполне конкретных проблем: сдельщины, отпусков, оплаты сверхурочных и прочее.

Нажим сверху, несомненно, ускорял прохождение дел в Магистратуре, однако подавляющая часть трудовых конфликтов до суда так и не доходила. По официальным данным, каждый второй спор в промышленности (49,5%) разрешался миром на уровне профсоюза, и лишь 6,5% дел попадало в Магистратуру.[243] Трудовые конфликты как бы «оседали» на разных этапах рассмотрения дела (в профсоюзах, корпорациях, судах), и эта тенденция явно нарастала. Разрыв между количеством поданных и решенных дел увеличивался год от года. Если в 1932 г. в промышленности завершались каким-то решением две трети споров (64%), то в 1939 г. — только одна треть (36%). [244] Этот факт объясняется как политической установкой на «заматывание» дел на предварительном этапе с целью избежать подачи в суд, так и сложной, запутанной процедурой их прохождения.

В соответствии с принятой процедурой при возникновении конфликтной ситуации рабочий обязан был сначала обратиться напрямую к представителям администрации.[245] Большинство дел улаживалось на этом уровне, и конфликты не получали развития. В противном случае они передавались в профсоюз, точнее в «комиссии по умиротворению», которые в определенный срок должны были разобраться в споре и вынести решение. В том случае, если на предприятии не существовало «законно признанного» профсоюза, акты индивидуального протеста рассматривались «межрегиональными профсоюзными делегациями», созданными в 1930 г.[246] Не следует путать их с «межпрофсоюзными провинциальными комитетами», сформированными по инициативе секретаря ПНФ А. Турати в 1926 г. Состоявшие из представителей профсоюзов и работодателей под председательством регионального секретаря ПНФ, эти комитеты имели целью осуществлять «контроль за проявлениями активности профсоюзов в политической сфере... вмешиваться в разбор тех индивидуальных конфликтов, которые приобретают особое значение или политическую окраску».[247]

Несмотря на четко очерченные политические функции комитетов, их деятельность пересекалась с посреднической активностью «экономических советов провинций», созданных также в 1926 г. взамен торговых палат. Советы подчинялись министерству корпораций, их заседания проводились префектами, а функции ограничивались совещательно-рекомендательной

ролью в разборе трудовых споров. Разграничение полномочий между этими двумя структурами выглядело весьма расплывчатым, и между ними часто возникали трения по поводу компетентности. Для полноты картины следует учесть, что на местах существовали также «корпоративные инспекторы», в чьи обязанности входил контроль за соблюдением коллективных договоров и социального законодательства. Они также имели право вмешиваться в индивидуальные трудовые споры. Таким образом, в начале 30-х годов сформировалась довольно сложная, запутанная бюрократическая система, существенно затруднявшая доступ к судебным инстанциям. На уровень Магистратуры эта система пропускала лишь наиболее сложные дела, а также те, которые могли представлять интерес для большинства рабочих того или иного предприятия.

В мае 1934 г. был издан новый закон (№ 1073), существенно расширивший поле деятельности профсоюзов как примирительной инстанции. Теперь под общепринятую процедуру урегулирования конфликтов подпадали также те рабочие, которые не имели коллективных договоров.[248] До появления этого закона они могли сразу напрямую обращаться в суд, что увеличивало количество дел и, соответственно, официальные показатели конфликтности на производстве. С 1934 г. все обходные пути и лазейки были закрыты, и миновать бюрократическую рутину стало практически невозможно.

С другой стороны, сами предприниматели год от года все реже прибегали к использованию судебной процедуры, «демонстрируя меньшую непримиримость и желание найти согласованные решения на уровне провинциальных профсоюзов».[249] Эта «воспитанная покладистость» патроната вовсе не означала одобрения им корпоративной практики. Хозяева использовали любые возможности для нарушения достигнутых договоренностей и увиливания от ответственности. А таковых возможностей было немало.

Начать хотя бы с того, что при формулировке условий коллективных договоров адвокаты работодателей, изощренные в юридической казуистике, обводили вокруг пальца менее квалифицированных юристов рабочих, что приводило к появлению в тексте жестких, однозначных формулировок обязанностей наемных лиц и более расплывчатых, допускающих различные толкования формулировок обязанностей предпринимателей. Да и сами государственные законы сопровождались многочисленными оговорками, отступлениями и исключениями, дававшими надежную гарантию против их универсального применения. Это создало такую правовую систему, при которой толкование закона становилось более важным, чем сам закон.

Помимо туманных формулировок адвокаты Конфиндустрии ухитрялись включать в договоры такие параграфы, которые противоречили принятым юридическим нормам, и в случае конфликта судьи могли аннулировать весь контракт. Особенно показательны в этом отношении общенациональные

договоры текстильщиков, строителей, полиграфистов и некоторых других категорий, включавшие пункт о так называемом «условном упадке», по которому рабочие имели право предъявлять претензии по зарплате лишь в течение двух дней с момента ее выдачи.[250] Это противоречило гражданскому кодексу в части «зарплаты и жалованья», и судьи на местах нередко оказывались в затруднительном положении. Если же дело доходило до кассационного суда, то над правом и здравым смыслом, как правило, торжествовала политическая воля.[251] Высшая судебная инстанция, уступая давлению политических интересов, стремилась не создавать таких прецедентов, которые могли быть использованы судьями на местах в защите прав рабочих. Это открывало простор для судебного произвола, махинаций, подтасовок и т. д.

Проверенным оружием в руках предпринимателей был и абсентеизм. Работодатели просто не являлись на заседания «согласительных комиссий» в профсоюзах, подрывая тем самым их авторитет. Если же удавалось все-таки сесть за стол переговоров и подписать «согласительный протокол», хозяева могли буквально в тот же миг «забыть» о его содержании, поскольку реальных рычагов воздействия на них профсоюзы не имели.

Еще печальнее для рабочих обстояло дело, если предприниматель не являлся в суд. Всякая отсрочка была сопряжена с увеличением материальных расходов. Даже если рабочий выигрывал процесс и не должен был нести судебные издержки, его собственные потери оказывались немалыми: почтовые услуги, машинистка, заключение технической экспертизы, приглашение свидетелей, составление прошения и т. д. Эти неизбежные расходы делали невыгодным обращение в суд по поводу малых сумм, а таковых было большинство. Если же предметом спора становилось увольнение, то расходы на слушания могли стать для истца просто неприемлемыми. Зная об этом, работодатели использовали старый метод «увольнение — прием», то есть незаконно уволенный рабочий спустя короткий срок вновь принимался на работу и таким образом исчезал повод для иска. Однако трудовой стаж в этом случае прерывался, что негативно отражалось на разного рода социальных выплатах и льготах.

Наконец, самым эффективным оружием патроната в борьбе со строптивыми защитниками своих прав, как и прежде, оставалась угроза увольнения. Это оружие не имело силы, когда речь шла о коллективных конфликтах, но оно обретало ни с чем не сравнимую мощь в конфликтах индивидуальных. Рабочие оказывались перед угрозой увольнения даже в том случае, если они прибегали к исключительно законным каналам защиты своих прав. Перспектива потерять работу и оказаться лицом к лицу с лавиной трудностей, сопровождавших судебные иски, делала многих потенциальных истцов более «сговорчивыми», вынуждала идти на уступки владельцам и соглашаться на невыгодные или менее выгодные условия. Действовавший корпоративный принцип «умиротворение любой ценой» оборачивался

вполне конкретной ценой для отдельно взятого труженика, вынужденного идти на жертвы во имя абстрактных «высших интересов производства».

Тем не менее количество индивидуальных конфликтов росло, и если в начале 1930-х годов это еще можно было расценить как «показатель духовного доверия трудящихся масс корпоративному устройству государства»,[252] то спустя несколько лет такая демагогия уже не устраивала даже самих фашистов. Невероятно увеличившееся число трудовых споров «не является позитивным показателем сотрудничества, дисциплины и ответственности, на которых строятся трудовые отношения в нашем режиме», — признавал официальный журнал «Фашистский порядок».[253] Основания для беспокойства у власти были серьезные, поскольку в 30-е годы количество участников трудовых конфликтов возросло более чем в три раза, а именно: 1932 г. — 406 тыс. человек, 1935 г. — 554 тыс., 1937 г. — 650 тыс., 1938 г. — 1141 тыс., 1939 г. — 1371 тыс.[254] За 10 лет в конфликты оказались втянуты более 6,5 млн промышленных рабочих, около 2 млн сельскохозяйственных, более 0,5 млн занятых в сфере обслуживания и торговле. Наибольшую активность проявляли строители (22,7% от общего числа участников), металлисты (18,8%), текстильщики (17,6%), рабочие легкой (5,7%) и химической (4,3%) промышленности. Подавляющее количество споров во всех секторах экономики касалось заработной платы: в сельском хозяйстве — 60–70%, в торговле и сфере обслуживания — 58%, в промышленности — 41%. Далее шли конфликты, связанные с законностью увольнения — 15%, несвоевременным уведомлением об увольнении — 10%, сверхурочной работой и прочими формами перегрузок — 10–13%, присвоением разрядов и квалификаций — 2–3%, сдельщиной — 2–3%, работой в выходные и праздничные дни — 1,7%, оплачиваемыми отпусками — 1,5% и т.д.

Подавляющая масса индивидуальных дел носила множественный характер, то есть касалась интересов многих рабочих, непосредственно в конфликтах не участвовавших. По существу эти столкновения можно считать коллективными формами протеста, раздробленными на большое количество мелких, индивидуальных. Фашистские власти хорошо это понимали и стремились, таким образом, регламентировать трудовые конфликты, чтобы сгладить негативный эффект и «атомизировать», изолировать каждое конкретное правовое действие рабочих.

Таких возможностей в фашистской Магистратуре было немало. Этот новый для Италии орган был соткан из противоречий: с одной стороны, трудовой суд стал составной частью репрессивного аппарата диктатуры Муссолини, с другой, он принимал решения по большей части в пользу рабочих. С одной стороны, он мог превратить в ничто силу контракта, с другой, представлял собой во многих случаях единственный способ защиты рабочих. Трудовой суд стал последней инстанцией, где социальные конфликты проявлялись как таковые, и их следовало решать публично, без

явно выраженного «содействия» посторонних сил и с соблюдением по крайней мере элементарных правовых норм. Все это наводит на мысль об известной автономности Магистратуры в условиях тоталитарного режима, если бы само ее появление не было связано с запретом забастовок, если бы судьи не были столь привержены политической системе, наконец если бы ей не было отведено четкое место в структуре регламентации трудовых отношений. С учетом этих оговорок можно лишь констатировать, что в конечном счете Магистратура стала важнейшим звеном в механизме насаждения общественного консенсуса в 30-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Fascismo politica e vita sociale. Op. cit. P. 90. Последующие годы обычно не принимаются в расчет, так как подъем в промышленности носил спекулятивный характер, обусловленный ускорившейся подготовкой экономики к войне и провозглашением «битвы за автаркию».

[2] *Romeo R.* Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1972. P. 191.

[3] Например, о финансировании фашистов крупными финансовыми институтами в различных регионах Италии // *De Felice R.* Mussolini il fascista. Vol. II. P. 766–767.

[4] Здесь мы вынуждены повторить основной методический принцип исследования Де Феличе, о котором уже шла речь в историографическом разделе.

[5] *De Felice R.* Intervista sul fascismo. Op. cit. P. 49–50.

[6] Подробнее о стратегии ФИАТ см.: *Castronovo V.* Giovanni Agnelli. La Fiat dal 1899 al 1945. Torino, 1977. P. 339–405; *Bairati P.* Vittorio Valletta. Torino, 1983. P. 69–78.

[7] *Ludwig E.* Op. cit. P. 151.

[8] А. Де Стефани — известный экономист, крупный чиновник-технократ, тесно связанный с Конфиндустрией. Его воспоминания пользуются доверием у историков, в том числе левой ориентации. —*Alatri P.* Le occasioni della storia. Op. cit. P. 384.

[9] *De Stefani A.* Baraonda bancaria. Milano, 1960. P. 520.

[10] Концерн «Терни», например, начал производить бидоны, кочерги, решетки, изделия из легких сплавов, тонколистовую сталь и другие предметы, но сохранил основные мощности по производству вооружений в ожидании благоприятных обстоятельств для их широкомасштабного использования // La grande industria a Terni. Terni, 1986. P. 13–28.

[11] Благодаря государственным дотациям был спасен от краха концерн «Ансальдо», санирован «Римский банк», сохранены военные верфи.

[12] *Melograni P.* Gli industriali e Mussolini. Rapporti tra Confindustria e fascismo. 1922–1929. Milano, 1972. P. 183.

[13] Конституции зарубежных стран. Т. 1. С. 161.

[14] Несмотря на некоторое проявление недовольства со стороны отдельных предпринимателей, как правило, обойденных государственной поддержкой.

9 Зак. 398

[15] Их стал осуществлять специально созданный «Национальный институт валютного обмена».

[16] Подробнее см.: глава II, параграф 4.

[17] O. O. Vol. XXVII. P. 244.

[18] Сравнительную таблицу доходов крупных компаний за 1934–1939 годы, составленную на основе официальных данных, см.: *Серени Э.* Аграрный вопрос в Италии. М., 1949. С. 283. Хотя, конечно, как справедливо отмечает Б. Р. Лопухов, «не следует впадать в крайность и говорить чуть ли не о полной милитаризации итальянской экономики в это время» //*Лопухов Б. Р.* Указ. соч. С. 202.

[19] L'opposizione popolare al fascismo. Roma, 1996. P. 14.

[20] *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Vol. I. Torino, 1975. P. 326–327. Еще раньше, в 1926 г. Грамши обращал внимание на необходимость изучать внутреннюю «стратификацию» буржуазии и фашизма, ибо «поскольку фашизм стремится к установлению тоталитарной системы, то в его собственных недрах начнут возникать конфликты, которые не смогут найти иных форм проявления» // Цит. по: *Григорьева И. В.* Указ. соч. С. 160.

[21] По мнению социолога М. Грибауди, изучавшего социальную мобильность населения на примере трех поколений 100 семей, выход из деревень обусловливался многими социально-экономическими факторами, среди которых главными были: размер земли в собственности или ее отсутствие; количество детей в семье; форма занятости (арендатор, наемный работник, сезонный рабочий и т. д.) // *Gribaudi M.* Mondo operaio e mito operaio. Spazi e percorsi sociali a Torino nel primo Novecento. Torino, 1987. P. 151.

[22] В 1927 г. ее население составляло около 39 миллионов человек.

[23] Popolo d' Italia. 1928, 22. XII.

[24] Gazzetta Ufficiale. 1928. 28. XII.

[25] Bollettino del ministero dell' interno, 1928. N 12. P. 29.

[26] ACS, MI, PS, Affari generali e riservati (1930–1931), busta 60, fasc. 81.

[27] По официальным данным фашистского министерства корпораций, 27% // *Chabod F.* L'Italia contemporanea. Torino, 1961. P. 89. По данным итальянской Конфедерации промышленников, 27,8% от уровня 1929 г. // История Италии. Т. 3. С. 89. По данным R. Del Carria, 28% // Proletari senza rivoluzione. Storia delle classi subalterne in Italia. Vol. 4 (1922–1948). Roma, 1979. P. 78.

[28] *Romeo R.* Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1972. P. 159–160.

[29] *Лопухов Б.Р.* Указ. соч. С. 141.

[30] FG, PCI, fasc. 1583. P. 12.

[31] Ibid., fasc. 1096. P. 21.

[32] *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. II. P. 63.

[33] Источник: Annuario di statistiche del lavoro, Roma, 49. P. 93, tab. 74. Цифры, приводимые в этом ежегоднике, несколько ниже указанных нами, так как они не включают в себя тех безработных, которые не были зарегистрированы на бирже труда (Istituto nazionale fascista della previdenza sociale. Notizie statistiche, Roma, 1940. P. 160). Достоверность используемых нами сведений подтверждается

результатами исследований специальной парламентской комиссии, изучавшей безработицу в годы фашизма // *Parcsassi M.*, *Ruffolo G.* La disoccupazione in Italia. Relazione sintetica delle indagini e degli studi promossi dalla Commissione parlamentare d'inchiesta sulla disoccupazione. Bologna, 1954. P. 10 e seg.

34 FG, PCI, fasc. 1378.

35 *Castronovo V.* Le trasformazioni economico-sociali nel periodo fascista // Politica e societa' in Italia dal fascismo alla Resistenza. Problemi di storia nazionale e storia umbra. Bologna, 1978. P. 60.

36 *De Felice R.* Op. cit. P. 63.

37 FG, PCI, fasc. 1378; *Sapelli G.* Fascismo grande industria e sindacato. Il caso di Torino. 1929–1935. P. 223.

38 ACS, DAGR, PS, Sez. II, 1930/31, b. 62, fasc. 15.

39 Наймом на общественные работы ведали локальные агентства, созданные по решению БФС в ноябре 1927 г. В их состав входили представители предпринимателей и рабочих, заседавшие под председательством местных фашистских главарей. По королевскому декрету № 1003 от 29. 03. 1928 г. рабочие обязаны были наниматься на постоянную и временную работу только через эти агентства // Gazzetta Ufficiale, 29. 03. 1928.

40 Gazzetta Ufficiale, 6. 07. 1932.

41 ACS, MI, PS, Affari generali e riservati, 1931, busta 39, fasc. 56.

42 *Caizzi B.* Storia dell' industria italiana. Torino, 1965. P. 469.

43 *Sylos Labini P.* L' emigrazione dal Mezzogiorno.1977. P. 161.

44 До этого времени фашистское правительство не проявляло беспокойства по поводу трудовой эмиграции в другие страны, скорее, наоборот.

45 1901–1913 — 626,5 тысячи в год;
1921–1925 — 303,4 тысячи в год;
1926–1930 — 212,2 тысячи в год;
1931–1935 — 91,6 тысячи в год;
1936–1940 — 48,9 тысячи в год. ISTAT. Sommario di statistiche storiche. P. 65.

46 *Bernard W.* American immigration policy. N. Y. 1950. P. 22.

47 *Treves A.* Le migrazioni interne nell'Italia fascista. Politica e realta' demografica. Torino, 1976. P. 112.

48 SVIMEZ. Un secolo di statistiche italiane. Nord-Sud (1861 — 1961). Roma, 1961, tab. 56.

49 *Melograni P.* Op. cit. P. 205.

50

	Национальный доход в %:		
	с/х	*промышленность*	*третичный сектор*
1901–1910	46,6	23,4	30,0
1911–1920	45,9	28,7	25,4
1921–1930	38,2	31,4	30,4
1931–1940	29,8	32,8	37,4

ISTAT, Sommario di statistiche storiche, tab. 112.

[51] *Castronovo V.* Fascismo e classi sociali // Fascismo e capitalismo. Milano, Feltrinelli, 1976. P. 98.

[52] *Romeo R.* Op. cit. P. 184.

[53] *Лопухов Б. Р.* Указ. соч. С. 141.

[54] *Gribaudi M.* Op. cit. P. 29.

[55] Gallo. La struttura sociale dell' Italia, condizioni della classe operaia. FG, PCI., fasc. 1583.

[56] ISTAT, Compendio statistico italiano, 1937 — XVI. P. 160.

[57] ISTAT, Censimento industriale e commerciale del 1937–1940. Vol. I. Industria. Roma, 1942.

[58] *Martini A.* Biografia di una classe operaia. I cartai della Valle del Liri. Roma,1984. P. 180.

[59] О восприятии женщинами этих мифов см.: *De Luna G.* Donne in oggetto. L'antifascismo italiano 1927–1943. Torino, 1995.

[60] *Castronovo V.* Op. cit. P. 120.

[61] Ibid. P. 121.

[62] *Sapelli G.* La classe operaia durante il fascismo: problemi e indicazioni di ricerca // La classe operaia durante il fascismo. Op. cit. P. LXXXVII.

[63] *Rozzi R.* Psicologi e operai. Soggettivita' e lavoro nell'industria italiana. Milano, 1975. P. 30.

[64] *Pardini G.* Organizzazione pratica del lavoro. Milano, 1921. P. 262.

[65] *Sapelli G.* Organizzazione scientifica del lavoro e innovazione tecnologica durante il fascismo // Italia contemporanea, 1976. № 125. P. 5.

[66] *Musso S.* La gestione della forza lavoro sotto il fascismo. Razionalizzazione e contrattazione collettiva nell'industria metallurgica torinese (1910–1940). Milano, 1987. P. 213.

[67] В 1939 г. производство группы «А» составляло в Италии 76,8% от валового продукта в промышленности (для сравнения: в США — 61,6%) — См.: *Ilardi M.* Ristrutturazione aziendale e classe operaia sotto il fascismo: la societa' Terni // Movimento di liberazione in Italia, 1973. N 112.

[68] Ente nazionale italiano per l' organizzazione scientifica del lavoro — Национальный итальянский институт научной организации труда.

[69] К 1932 г. ЭНИОС превратился в жалкий бюрократический придаток Конфиндустрии.

[70] Societa' per la diffusione del sistema Taylor.

[71] Американская модель научной организации труда была основана на компенсации возросшей монотонности и интенсивности ритма рабочих операций высоким уровнем заработной платы.

[72] *Tasca A.* La rivalutazione della lira e i prestiti americani // Lo Stato Operaio, 1927. N 3.

[73] *Benzi L.* Organizzazione del Reparto Utensileria. Torino, 1931. P. 12.

[74] FG, PCI, fasc. 1381. P. 28.

[75] Цит. по: Politica e societa'in Italia dal fascismo alla Resistenza. Problemi di storia nazionale e storia umbra. Bologna, 1978. P. 133.

[76] Например, на фабрике «Вискоза» в Риме в 1930 г. 2383 рабочих производили 3000 кг шелка. Но уже в 1932 г. 1339 рабочих производили 7000 кг. Какой-либо технической модернизации произведено не было. (См.: *Fossati A.* Lavoro e produzione in Italia dalla meta'del secolo XVIII alla seconda guerra mondiale. Torino, 1973. P. 432.)

[77] *Bigazzi D.* Il Portello: operai, tecnici e imprenditori all'Alfa Romeo. 1906–1926. Milano, 1988. P. 381.

[78] В данном конкретном случае А. Грамши писал о тейлоризме.

[79] *Грамши А.* Избранные произведения в трех томах. Т. 3. С. 439. Подробнее см.: *Холодковский К. Г.* Заметки Грамши «Американизм и фордизм» // Проблемы итальянской истории. М., 1972.

[80] Archivio storico della CGIL — LAZIO. CCL nel periodo fascista, fasc. 3–88. А также см.: *G. Sapelli.* Appunti per una storia dell'organizzazione scientifica del lavoro in Italia // Quaderni di sociologia, 1976. N 2–3. P. 154–171.

[81] Копии контрактов имеются в распоряжении автора.

[82] *Martini A.* Op. cit. P. 181.

[83] Имеется в виду индивидуальная сдельщина, так как работа коллектива (бригада, цех, участок) по сдельным расценкам не допускалась.

[84] Именно эта форма процветала на заводах «Lancia» и «Fiat» // FG, PCI, fasc. 1139(1), 1381(1).

[85] FG, PCI, fasc. 1138,1251.

[86] *Montagnana M.* Il sistema Bedaux e la classe operaia // Lo Stato Operaio, 1933. № 7. В последующие годы темпы распространения «системы Бедо» снизились из-за противодействия фашистских профсоюзов. В апреле 1933 г. на съезде производственных профсоюзов было заявлено, что они отвергают «систему Бедо», которая «не приспособлена к особой психологии итальянского рабочего» (Цит. по: *Luzzatto P.* Organizzazione del lavoro nel regime fascista // Modelli culturali e stato sociale negli anni trenta. Firenze, 1988. P. 66.) В 1934 г. профсоюзы объявили о «запрете» «системы Бедо», но это не остановило ее применения и дальнейшего распространения.

[87] *Castronovo V.* Op. cit. P. 97.

[88] La classe operaia durante il fascismo. Op. cit.

[89] Ibid. P. LVIII.

[90] *Guarnieri F.* Battaglie economiche tra le 2 guerre, Roma, 1978. Vol. 2. P. 321.

[91] *Merlin G.* Com'erano pagati i lavoratori durante il fascismo. Roma, 1970. P. 93.

[92] ISTAT. Annuario statistico italiano, 1927–V. P. 241–243.

[93] Gazzetta Ufficiale. 1926. 7. XII.

[94] Это происходило вследствие того, что сокращалась официально установленная, а не реальная длительность рабочего дня. Так, в 1922–1929 гг. официальная продолжительность рабочего дня в промышленности составляла в среднем 7,9 часов, в 1930–1939 гг. — 6,35 часа, в 1940–1943 гг. — 8 часов.

[95] *Ugge A.* Prezzi, salari, costo della vita e occupazione operaia // Rivista internazionale di scienze sociali, 1937, VII. P. 542.

[96] *Merlin G.* Op. cit. P. 99. По данным Р. Де Феличе — на 222 тыс. человек //*De Felice R.* Op. cit. P. 71.

[97] *Matteotti M*. Op. cit. P. 445.
[98] AS, CGIL — LAZIO. CCL nel periodo fascista, fasc. 14, 37, 74 ed altri.
[99] L'Organizzazione scientifica del lavoro, 1929. N 5. P. 321.
[100] Ibid., 1934. N 2. P. 198.
[101] *Sapelli G*. Formazione della forza-lavoro e psicotecnica nell'Italia fra le due guerre mondiali // Quaderni di sociologia, 1977. N 1. P. 9.
[102] Il Consorzio Provinciale per l'Istruzione Tecnica e Professionale. Torino, 1931. P. 35.
[103] Конституции буржуазных стран. Т. 1. С. 164.
[104] *Cereja F*. La scuola e il mondo del lavoro. Problemi dell'istruzione tecnica // La classe operaia durante il fascismo. P. 52.
[105] *La Mendola V., Prisinzano E*. Legislazione dell'istruzione secondaria. Firenze, 1968. P. 173.
[106] *Sapelli G*. Organizzazione scientifica del lavoro e controllo sociale nell'Italia tra le due guerre mondiali // Politica e societa' in Italia dal fascismo alla Resistenza. Problemi di storia nazionale e storia umbra. Bologna, 1978. P. 142.
[107] AS, CGIL–LAZIO. CCL nel periodo fascista, fasc. 81,83,91 ed altri.
[108] Коллективный договор в распоряжении автора.
[109] FG, PCI, fasc. 1499, 1503, 1608 ed altri.
[110] Хотя формально в «Хартии труда» была предусмотрена автоматическая компенсация зарплаты в случае роста цен.
[111] *Salvemini G*. Under the Axe of fascism. N. Y., 1936; *Vannutelli C*. Salari e costo del lavoro nell'industria in confronto all'anteguerra // Rivista di politica economica, 1946, XII, fasc. 1; *Vannutelli C*. Le condizioni di vita dei lavoratori italiani nel decennio 1929–39 // Rassegna di statistiche del lavoro, 1958. N 3; *Sylos Labini P*. La politica economica del fascismo e la crisi del 1929 // Nord e Sud, 1965. N 70; *Lyttelton A*. La conquista del potere. Il fascismo dal 1919 al 1929. Bari, 1974, cap. XII, nota 55; *Merlin G*. Com'erano pagati i lavoratori durante il fascismo. Roma, 1970; *Zamagni V*. La dinamica dei salari nel settore industriale // L'economia italiana nel periodo fascista. Bologna, 1976 и другие.
[112] И в этом случае к цифрам следует подходить с большой осторожностью. Например, в докладе одного из крупных функционеров Конфедерации аграриев сказано, что с 1926 г. по 1931 г. заработная плата сельскохозяйственных рабочих сократилась в среднем на 27%, при этом, однако, в Эмилии-Романье — на 38%, в Ломбардии — на 34%, некоторых других областях на Севере Италии — на 45–50% (Lavoro fascista, 18. 11. 1931). Это означает, что сокращение на Юге должно было быть приблизительно 10–12%, чтобы получилось в среднем 27%. На самом деле на Юге сельскохозяйственные рабочие потеряли гораздо больше.
[113] Источник: Rassegna di statistica del lavoro, 1961, luglio–dicembre. P. 102.
[114] *Cento Bull A*. Appunti per un'analisi della famiglia operaia e contadina bergamasca sotto il fascismo // Storia contemporanea, 1981. № 15. P. 15.
[115] *Vanutelli C*. Occupazione e salari dal 1861 al 1961 // L'economia italiana dal 1861 al 1961. Milano, 1961. P. 574
[116] *Matteotti G*. Un anno di dominazione fascista. Roma, 1924. P. 12

[117] *Ugge' A.* Op. cit. P. 514.
[118] *Matteotti M.* Op. cit. P. 427.
[119] Конституции буржуазных стран. Т. 1. С. 163.
[120] Статья XIII «Хартии труда» гласила: «Статистические данные об условиях производства и труда, о состоянии денежного рынка и об изменениях жизненного уровня работников, собранные административными органами, центральным статистическим институтом и законно признанными синдикатами, согласованные и систематизированные министерством корпораций, должны служить основой для примирения интересов различных категорий и различных классов между собой и их интересов с высшими интересами производства». — Там же. С. 163.
[121] Цит. по: *Merlin G.* Op. cit. P. 129. По мнению Дж. Боттаи, подобные меры защиты были необходимы лишь в тех странах, где профсоюзы недостаточно защищали права рабочего класса, что к Италии якобы отношения не имело.
[122] Corriere della sera. 1927. 8. V.
[123] Il Popolo d' Italia. 1927. 9. VII.
[124] Соответственно на 20% тем, кому зарплата еще не была снижена с весны.
[125] См., например: *Chabod F.* L'Italia contemporanea. Torino, 1961. P. 89.
[126] FG, PCI, fasc. 1583
[127] Lavoro fascista. 1932. 31. VII.
[128] Corriere della sera. 1927. 26. III.
[129] В сельском хозяйстве сокращения колебались в пределах 10–15%. По свидетельству Б. Бьяджи, в редких случаях и в промышленности сокращения зарплаты достигали 25% // Corriere della sera. 1932. 26. III.
[130] *De Felice R.* Op. cit. P. 68
[131] Lavoro fascista. 1. XI. 1931.
[132] FG, PCI, fasc. 1139 (1).
[133] *Zamagni V.* Op. cit. P. 338.
[134] См.: *Roggero S.* Fascismo e lavoro. Genova, 1935. P. 131.
[135] *Fossati A.* Lavoro e produzione in Italia. Torino, 1951. P. 568.
[136] *Dal Pane L.* Aspetti storici dell'atteggiamento dei lavoratori di fronte al progresso tecnico e alle trasformazioni avvenute nell'organizzazione della produzione // Lavoratori e sindacati di fronte alle trasformazioni del processo produttivo. Milano, 1962. Vol. 1. P. 143.
[137] *De Felice R.* Op. cit. P. 74. При этом Р. Де Феличе отмечает, что сельскохозяйственные рабочие, напротив, с 1930 г. по 1937 г. реально потеряли около 13,5% зарплаты.
[138] *De Felice R.* Op. cit. P. 72. «Семейные надбавки» были установлены 8 ноября 1934 г. Они полагались тем рабочим, у которых были на содержании близкие родственники: жена, дети, родители. Эта мера трактовалась как развитие первого условия «Хартии труда», определяющего зарплату: «жизненные потребности».
[139] *Foa V.* Le strutture economiche e la politica economica del regime fascista // Fascismo e antifascismo (1918–1936). Lezioni e testimonianze. Milano, 1971. P. 277.
[140] *Sylos Labini P.* Problemi dello sviluppo economico. Bari, 1970. P. 153.

[141] Авторы фундаментального исследования «Итальянская экономика с 1861 г. по 1961 г.» (Milano, 1961), которых трудно заподозрить в симпатиях к фашизму, приводят следующие данные: индекс реальной заработной платы промышленных рабочих в годы кризиса возрос с 115,4 в 1929 г. до 123,6 в 1934 г. (Р. 594). Р. Де Феличе, который пользовался этими показателями, утверждает, что нет оснований заявлять, будто условия жизни промышленных рабочих в годы кризиса «заметно ухудшились» // Op. cit. P. 75.

[142] *Matteotti M.* Op. cit. P. 428.

[143] *Salvemini G.* Scritti sul fascismo. Milano, 1974. Vol. 3. P. 214.

[144] *Zamagni V.* Op. cit. P. 338.

[145] *Merlin A.* Op. cit. P. 140.

[146] *De Felice R.* Op. cit. P. 73.

[147] O. O. Vol. XXVIII. P. 164–165. Напомним, что действие закона о 40-часовой рабочей неделе было приостановлено в 1936 г., 29 мая 1937 г. возобновлено, а в ноябре 1939 г. запрещено окончательно.

[148] Ibid. P. 167.

[149] *Virgili F.* Il salario corporativo. // L'economia italiana. 1937. N 5. P. 413.

[150] *Matteotti M.* Op. cit. P. 432.

[151] ISTAT. Annuario statistico italiano 1941–XIX. Vol. VIII, 1941. P. 197, 201.

[152] При этом, конечно, следует иметь в виду, что подавляющая часть «черной работы» приходилась на долю безработных и мигрантов.

[153] По официальным данным, среднемесячная зарплата рабочего в промышленности составляла без учета вычетов в 1928 г. — 378 лир, в 1929 г. — 380 лир, в 1937 г. — 344 лиры, в 1938 г. — 359 лир // Annuario di statistiche del lavoro. 1949. P. 125.

[154] Подробнее об особенностях потребления рабочих семей см.: *Vene G. F.* Mille lire al mese: la vita quotidiana della famiglia nell'Italia fascista. Milano, 1988.

[155] *Bonfanti L.* Realta' operaia e vita famigliare fra le due guerre: testimonianze di lavoratori delle Legler di Ponte San Pietro // Storia contemporanea, 1984. N 22. P. 49–62.

[156] FG, PCI, fasc. 1374, 1450, 1532.

[157] В 30-е годы в Италии увеличился и парк частных автомобилей, принадлежавших весьма состоятельным людям, не имевшим ничего общего с рабочей средой. В 1938 г. на каждые 100 жителей приходилось 0,9 автомобиля. Для сравнения: в Англии — 5,3, во Франции — 5,6.

[158] Эта кампания, как и прочие, имела сугубо идеологическую окраску и ставила целью сформировать у итальянцев чувство гордости за фашистскую родину. «Гордость продуктами своей земли, продуктами своей промышленности, продуктами своего интеллекта, — пишет известный фашистский публицист Дж. Фанелли, — становится сильнейшим мотивом национального единства, способного превратиться в самую беззаветную и динамичную любовь к родине». — *Fanelli G. A.* La questione del consumo // Il secolo fascista, 1933. N 4–5. P. 81.

[159] Например, *Castronovo V.* Le trasformazioni economico-sociali nel periodo fascista. Op. cit. P. 80.

[160] O. O. Vol. XXX. P. 1.

[161] Источник: *Barberi B.* I consumi nel primo secolo dell'unita' d'Italia 1861–1960. Milano,1961. P. 62.

[162] Вырванные рабочими у правительства увеличения зарплаты в апреле и ноябре 1943 г. на 14–30% уже не могли изменить ситуацию обнищания в целом.

[163] *Matteotti M.* Op. cit. P. 442.

[164] Ibid.

[165] Основы системы социального страхования были заложены в Италии еще до Первой мировой войны. В стране действовало 12 страховых обществ, в том числе 3 итальянских (Istituto nazionale delle assicurazioni, Riunione di sicurta', Assicurazioni generali) и 9 иностранных. Страхование в разных формах носило, как правило, добровольный характер.

[166] См.: *Cherubini A.* Storia della previdenza sociale in Italia (1860–1960). Roma, 1977. P. 266.

[167] L' assicurazione obbligatoria contro gli infortuni sul lavoro. Roma, 1933. P. 93.

[168] В основном это были болезни, вызванные работой с вредными веществами: свинцом, фосфором, ртутью и др. Силикоз был внесен в этот перечень лишь в апреле 1943 г.

[169] *Benettini G.* La nuova legge sugli infortuni sul lavoro e sulle malattie professionali. Breve commento sistematico e qualche considerazione critica. Milano, 1937. P. 110.

[170] Степень утраты трудоспособности:

	По закону 1904 г.	*По закону 1935 г.*
Полная потеря слуха на одно ухо	20%	11%
Потеря большого пальца на правой руке	30%	28%
То же на левой	25%	23%
Потеря всех пальцев на правой руке	70%	65%
То же на левой	65%	55%
Полная потеря левого предплечья	70%	65%

Источник: *Matteotti M.* Op. cit. P. 468.

[171] *Cherubini A.* Op. cit. P. 285.

[172] Конституции буржуазных стран. Т. 1. С. 165.

[173] В 1930 г. в Италии насчитывалось более 50 специальных туберкулезных лечебниц, в которых единовременно могли проходить курс лечения до 16 тысяч человек. См.: *Bonferroni C. E.* Le assicurazioni sociali in Italia // Annali di Economia, 1937. P. 89.

[174] Конституции буржуазных стран. Т. 1. С. 165.

[175] *Geremia G.* La Previdenza sociale in Italia nell' ultimo secolo // L'economia italiana dal 1861 al 1961. Milano, 1961. P. 641.

[176] *Chiappelli U.* L'assicurazione sociale di malattia. Milano, 1969. P. 58.

[177] FG, PCI, fasc. 1301, 1382, 1411, 1503 ed altri.

[178] *Cherubini A.* Op. cit. P. 329.

[179] В 1934 г. с целью координации деятельности касс взаимопомощи была создана Национальная федерация, не имевшая властных полномочий и влачившая жалкое существование.

[180] Цит. по: *Conti L.* L' assistenza e la previdenza sociale: storia e problemi. Milano, 1958. P. 61.

[181] Per una storia della previdenza sociale in Italia. Studi e documenti. Roma, 1962. P. 131.

[182] В 1929 г. право на получение пособий было распространено на женщин — служащих предприятий.

[183] Цит. по: *Cherubini A.* Op. cit. P. 314.

[184] *Vanutelli-Masini C.* Gli assegni famigliari. Previdenza o salario? // Previdenza sociale, 1946. N 5. P. 27.

[185] Istituto nazionale fascista della previdenza sociale. Notizie statistiche. Roma, 1940. P. 160.

[186] *Camanni V.* Come si e' giunti al perfezionamento e coordinamento legislativo della previdenza sociale // Le Assicurazioni sociali, 1935. N 6. P. 959.

[187] В 1938 г. была введена единая система социального страхования в сельском хозяйстве.

[188] *Camanni V.* Op. cit. P. 959.

[189] За исключением моряков и некоторых других специальностей узкого профиля.

[190] *Conti L.* Op. cit. P. 79.

[191] Ibid. P. 79.

[192] La previdenza sociale in Italia. Roma, 1957. P. 19.

[193] *Cherubini A.* Op. cit. P. 279.

[194] *Rossi E.* I padroni del vapore. Bari, 1957. P. 240.

[195] *Zamagni V.* Op. cit. P. 342.

[196] *Bronzini G.* Legislazione sociale ed istituzioni corporative // La classe operaia durante il fascismo. Op. cit. P. 321.

[197] Третейские суды, имевшие право разрешения трудовых конфликтов, существовали в Италии с 1893 г. Это были базовые структуры для оформления и защиты прав трудящихся. Третейские суды были вполне доступны рабочим в силу своей относительной дешевизны, простоты в рассмотрении дел, быстрого и компетентного разбора конфликтов. В 1928 г. система третейских судов была окончательно ликвидирована, а подлежавшие их компетенции дела переданы в магистратуру.

[198] Atti Parlamentari. Camera dei Deputati. Legislatura XXVIII. Sessione 1924–1925. Documenti. Disegni di leggi e relazioni. Roma, 1934. V. 5. P. 129.

[199] См.: *De Felice R.* Mussolini il fascista. Vol. II. P. 268–269.

[200] N 563 от 3.04.1926; N 1130 от 1. 07. 1926; N 471 от 26.02.1928; а также «Хартия труда», формально не являвшаяся нормативным актом.

[201] Конституции буржуазных стран. Т. 1. С. 169.

[202] Там же. С. 170.

[203] Высшим арбитром в конфликтных ситуациях выступало министерство корпораций, которое за первые шесть лет своей деятельности вмешивалось в этом качестве в решения Магистратуры 498 раз // *Merlin G.* Op. cit. P. 75.

[204] Место Магистратуры в судебной системе Италии определилось не сразу. Автономность, определяемая спецификой дел и механизмом принятия решений, с одной стороны, и формальное включение в состав апелляционных судов, с другой,

обусловили некоторую двойственность статуса Магистратуры, что нашло отражение в специальном докладе министра юстиции С. Де Франчиши, посвященном анализу ее деятельности за 5 лет — «S. e C.», 1934. № 1. P. 50.

[205] *Panunzio S.* Sindacato di categoria, non di classe // Il fascismo. Antologia di scritti critici. Bologna, 1982. P. 127.

[206] По данным ASI, в 1927 г. было зафиксировано 154 забастовки, в 1928 г. — 69, 1929 г. — 74, 1930 г. — 75, 1931 г. — 49, 1932 г. — 5, 1933 г. — 101, 1934 г. — 71, 1935 г. — 70, 1936 г. — 23, 1937 г. — 67, 1938 г. — 45, 1939 г. — 22.

[207] Il Diritto del lavoro, 1928. N 2. P. 209.

[208] *Santarelli E.* Op. cit. Vol. I. P. 527. Vol. II. P. 23.

[209] Конституции буржуазных стран. Т. 1. С. 172.

[210] Цифры взяты из статистических приложений к докладу министра юстиции Де Франчиши.

[211] Atti parlamentari.., op. cit.. P. 131.

[212] Ibid.

[213] Цит. по: *Pergolesi F.* La magistratura del lavoro. Roma, 1928. P. 33.

[214] 13 декабря 1928 г. был издан королевский декрет, уполномочивший правительство издавать имеющие силу закона распоряжения для реального осуществления положений, содержащихся в «Хартии труда».

[215] «S. e C.», 1934. N 1. P. 46.

[216] Ibid.

[217] *Aquarone A.* L'organizzazione dello stato totalitario. P. 142.

[218] *De Felice R.* Op. cit. P. 269.

[219] *Sapelli G.* Fascismo, grande industria e sindacati. P. 154.

[220] «S. e C.», 1934. № 1. P. 50.

[221] Corriere della sera. 1933. 14. II.

[222] I 10 anni della Carta del lavoro. S. L., 1937. P. 18.

[223] Lavoro fascista. 1932. 6. I.

[224] *Aquarone A.* Op. cit. P. 135.

[225] Прямое нарушение условий коллективных договоров приравнивалось к уголовному преступлению (статья 509 уголовного кодекса) и каралось штрафом до 5000 лир.

[226] Эта практика нарушала инструкцию министерства корпораций от 19 июля 1929 г., в соответствии с которой старые коллективные договоры не утрачивали силы вплоть до подписания новых.

[227] Цит. по: *Jocteau G. C.* La magistratura del lavoro nello stato fascista. Le controversie collettive (1926–1935). // Politica del diritto, 1973. N 3. P. 104.

[228] Il Diritto del lavoro, 1927. N 1. P. 1088.

[229] Цит. по: *Rondi E.* Mussolini creatore d'economia. Roma, 1936. P. 201.

[230] Lavoro fascista. 1933. 25. VI.

[231] В договоре были предусмотрены очень серьезные уступки рабочим: обязательное создание кассы взаимопомощи с участием работодателей в формировании ее фонда; 6-дневный оплачиваемый отпуск; пособие по увольнению и др. // AS, CGIL — LAZIO, CCL nel periodo fascista, 1928, fasc. 2.

232 Эта история подробно описана во многих монографиях, например: *Jocteau G. C.* La magistratura e i conflitti di lavoro durante il fascismo. Milano, 1978. P. 70–75.

233 I 10 anni della Carta del lavoro. P. 24.

234 См.: *Neppi Modona G.* La magistratura e il fascismo // AA. VV. Fascismo e societa italiana. Torino, 1973. P. 125–181.

235 *Rocco A.* Scritti e discorsi politici. V. III. La formazione dello stato fascista. Milano, 1938. P. 1015.

236 *Jocteau C. G.* Op. cit. P. 168.

237 Norme per la decisione delle controversie individuali del lavoro. Annotate e illustrate con i lavori preparatori. Roma, 1934.

238 Il lavoro fascista. 1930. 2. III.

239 *Del Giudice R.* Aspetti del lavoro commerciale. Roma, 1940. P. 133.

240 *Rossi-Ragazze B.* Le controversie individuali del lavoro. Roma, 1942. P. 184.

241 *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. II. P. 91.

242 ACS, Presidenza del Consiglio, Gabinetto, 1933, fasc. 3–2–5, 411; 1934, fasc. 7–3, 121 ed altri.

243 *Rossi-Ragazze B.* Op. cit. P. 163.

244 Annuario statistico italiano, 1933, 1940.

245 Norme per la decisione delle controversie individuali del lavoro. Annotate e illustrate con i lavori preparatori. Roma, 1934. P. 15.

246 Ibid. P. 42.

247 *Aquarone A.* Op. cit. P. 141. Каких-либо статистических данных о количестве индивидуальных дел, имевших политическую окраску, не существует.

248 Коллективные договоры не заключали занятые на малых производствах, в сфере услуг, домработницы, няни и др. Они имели право на подписание с нанимателем индивидуального договора о найме, но обычно этого не делали, чтобы избежать налогообложения.

249 *De Felice R.* Op. cit. P. 92. Констатацией этого факта Р. Де Феличе как бы еще раз подчеркивает положительное значение профсоюзов с точки зрения установления общественного консенсуса. Однако при этом не принимается во внимание их функциональная особенность как составной части бюрократического аппарата тоталитарного государства.

250 AS, CGIL — LAZIO, CCL nel periodo fascista. 1933, fasc. 86,90; 1934, fasc. 101,108.

251 Министр корпораций Дж. Боттаи пытался устранить эту двусмысленность, но фашистское правительство в конечном счете пошло по эмпирическому пути поиска соглашений от случая к случаю.

252 Lavoro fascista. 1930. 2. III.

253 L'ordine fascista, 1933. N 12. P. 687. Далее в статье отмечалось, что участившиеся обращения рабочих в суд являются свидетельством несправедливости по отношению к ним, а не роста их аппетита.

254 Приводимые здесь и далее статистические данные почерпнуты из официального источника Annuario statistico italiano. В систематизированном виде они приводятся в: *Preti D.* La regolamentazione delle controversie «individuali» di lavoro in regime fascista // Studi storici, 1977. N 2. P. 163–167.

ГЛАВА III
ТЕНДЕНЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

и один из итальянских авторов, пишущих об общественно-политическом развитии в период фашизма, не подвергает сомнению хронологические рамки консенсуса, предложенные Де Феличе, — конец 20-х — середина 30-х годов вплоть до триумфального провозглашения империи, когда согласие общества с фашистским режимом достигло наивысшей точки. Этот факт весьма примечателен и является косвенным подтверждением существования особого периода стабильности. Ее сугубо формальным проявлением стали результаты парламентских выборов, прошедших весной 1929 г. на основе нового избирательного закона.[1] По официальным данным, против списка БФС было подано около 136 тыс. голосов, что само по себе немало с учетом особенностей проведения выборов и неограниченных возможностей для фальсификации их результатов.

Спустя пять лет в Италии был вновь избран фашистский парламент, против которого проголосовало лишь немногим более 15 тыс. человек. Однако в данном случае для нас важны не абсолютные цифры, но нечто иное: даже если фальсификации подверглось в несколько раз большее количество бюллетеней, чем официальное количество голосов, поданных против, основная 10-миллионная масса итальянцев, имевших право голоса, все-таки сказала «да». И если в 1929 г. многие из них психологически еще не вполне оправились от насилия и репрессий, захлестнувших страну после «кризиса Маттеотти», то в 1934 г. ситуация была уже достаточно устойчивой, чтобы говорить о воздействии на умонастроения и поведение граждан иных факторов — стабилизирующих. Механизм формирования консенсуса был запущен на полные обороты, и на его функционирование в указанный период оказали серьезное влияние три события: урегулирование отношений государства с Ватиканом, мировой экономический кризис и война с Эфиопией.

1. ПЕРИОД «СОГЛАСИЯ»

В 40-миллионной стране, подавляющая часть населения которой относилась к числу верующих католиков и постоянно внимала проповедям 60-тысячной армии священнослужителей, трудно было рассчитывать на успех сколько-нибудь серьезного мероприятия, связанного с поддержкой масс,

без благожелательного или хотя бы нейтрального отношения клира. Новое, тоталитарное государство, в отличие от либерального, по природе своей не могло мириться с независимым существованием необъятной сферы духовного воздействия, хоть в какой-то степени ему оппозиционной. Вместе с тем оно осознавало мощь и огромное влияние религии, которая веками проникала в такие уголки сознания людей, куда и не мечтали добраться фашистские идеологи. В условиях католической Италии бороться с этим влиянием было опасно и бесперспективно. С политической точки зрения, обеим сторонам было гораздо выгоднее договориться. Альтернативы союзу практически не оставалось.

Муссолини не только глубоко усвоил этот политический императив, но и испытывал жгучее личное желание решить «Римский вопрос», перед которым пасовали все его предшественники. Собственное прошлое его ничуть при этом не смущало. В своей «революционной молодости» он слыл воинствующим атеистом и даже некоторые из своих статей подписывал как «Подлинный еретик». Будущий дуче с порога отвергал мнение тех социалистов, которые считали религию частным делом каждого. Его злобные нападки на церковь и служителей культа продолжались вплоть до появления первых фашистских сквадр.

Но уже с весны 1920 г. тональность выступлений Муссолини изменилась: политический опыт научил его не бросаться в крайности по отношению к католикам в такой стране, как Италия. На съезде фашистских союзов в мае 1920 г. он заявил, что Ватикан представляет 400 млн верующих, разбросанных по всему миру, и потому следует не бороться с этой «колоссальной силой», а научиться использовать ее в обоюдных интересах. В своей первой речи в парламенте он имел смелость упомянуть десятилетиями не поднимавшийся «Римский вопрос», а, став премьером, нанес сильный удар по антиклерикальной традиции либералов: выделил средства на восстановление разрушенных церквей, в школы и больницы вернул распятие, признал католический университет в Милане и т. д. Его действия не сопровождались какой-либо ломкой мировоззрения. Они были продиктованы потребностями политической стратегии и тактики, разделялись фашистской верхушкой и находили понимание курии.

Неопределенность статуса Ватикана и его разрыв с государством выглядели явной аномалией, которую не удавалось преодолеть либеральному государству, не без оснований опасавшемуся усиления влияния церкви на светскую жизнь. Появление новой, сильной власти, способной преодолеть антиклерикальную традицию, вселяло в Пия XI надежду на установление диалога с государством.[2] В августе 1923 г., беседуя с послом Бельгии при Ватикане Б. Бейленом, он высоко оценил деяния дуче и его персону. «Муссолини, разумеется, не Наполеон и, возможно, даже не Кавур, — утверждал папа, — но только он один понял, что нужно его стране, чтобы

выйти из анархии, в которую ее ввергли бессильный парламентаризм и три года войны».[3]

Подготовительная работа, которая велась несколько лет и была основана на принципе взаимного признания и уступок, завершилась подписанием Латеранских соглашений, определивших появление на политической карте мира нового суверенного папского государства, международно-правовой статус которого сохранился неизменным до сих пор. Это была победа здравого смысла или, как удачно выразился Р. Де Феличе, «брак по расчету».[4] Выгоды этого «брака» были обоюдными: католическая церковь существенно расширяла свое присутствие и влияние в обществе, а фашистское государство получало взамен признание и поддержку Ватикана. За это пришлось заплатить высокую цену, ибо Конкордат «глубоко задевал светский характер государства и в целом ряде областей значительно ограничивал его юрисдикцию».[5] Но «игра стоила свеч», поскольку в тот конкретный исторический момент, когда уже завершилось в основном правовое оформление тоталитарной системы, когда был пройден этап открытых, насильственных действий, но еще не ощущались результаты работы по насаждению консенсуса, режиму Муссолини не хватало именно моральной опоры в обществе.

В этих условиях поддержка первосвященника оказывалась поистине бесценной. «Папа удостоил фашистский режим того морального признания (что, несомненно, оказало весьма сильное воздействие на католические массы), в котором его предшественники всегда отказывали либеральным правительствам», — считает историк-марксист Дж. Канделоро.[6] Еще более определенно высказались по этому поводу авторы уже упоминавшейся монографии по тоталитаризму, полагающие, что Латеранские соглашения «действительно способствовали стабилизации фашистского режима, обеспечив ему если не поддержку, то во всяком случае благожелательное отношение католиков».[7]

Эту осторожную и взвешенную оценку следует дополнить, на наш взгляд, тезисом о том, что договор фашистов с Ватиканом послужил основой для начавшейся переориентации католических масс, уже не испытывавших прежнего влияния партии пополяри, в сторону диктаторского режима. По всей Италии с амвона полились призывы не только к смирению, непротивлению и послушанию, но и к прямой поддержке новой, как оказалось, «богоугодной» власти. Почти повсеместно агенты полиции фиксировали разговоры прихожан о «наконец-то обретенном ими покое», о человеке, «ниспосланном Италии провидением», о «благоразумии фашистского правительства» и даже о «торжестве добродетели».[8] Искренне верующие католики воспринимали слово пастыря, не подвергая его сомнению. Оно проникало в глубины религиозного сознания, становилось частью мироощущения индивида, затрагивало базовые стереотипы его поведения. Речь шла уже не только о непротивлении, но адаптации к новым условиям и

согласии с ними, то есть о конформизме, от которого оставался лишь один шаг до поддержки. Именно этого требовал Ватикан от верующих: на выборах 1929 г. Пий XI призвал их отдать голоса за фашистский список кандидатов, и, судя по результатам голосования, его призыв был услышан.

Многим современникам в то время казалось, что гармония между режимом Муссолини и церковью установилась всерьез и надолго. В самом деле, Пия XI не отпугивал тоталитарный характер государства, ибо он сам не был чужд тенденции к тоталитарности и отмечал «преимущества» новой системы: «мирное сотрудничество классов, подавление социалистического движения и организаций, сдерживающее действие специального суда».[9] Некоторые теоретики католицизма (например, отец Бруккулери) вслед за первосвященником усматривали в корпоративном устройстве государства, к которому стремились фашисты, элементы идеального социального порядка. Их заблуждение было основано не на сиюминутных политических интересах, а на глубокой приверженности социальной и корпоративной доктринам католицизма, нашедшим, как им казалось, некое воплощение в деятельности правительства Муссолини. Сами фашисты, создавая в 30-е годы корпоративное государство, не апеллировали к католической традиции, но и не противопоставляли себя ей, как это было на заре фашистского движения.[10] Однако эта «гармония» имела свои пределы: там, где намечалось «вторжение» одной из сторон в сферу интересов другой, возникало напряжение, выливавшееся в более или менее открытый конфликт. Одной из таких сфер стало воспитание молодежи.

Формальные предпосылки конфликта, разразившегося в отношениях между церковью и государством весной–летом 1931 г.,[11] были заложены в Конкордате, статья 43 которого допускала существование «Католического действия» (КД) — светской организации, имевшей целью распространение христианских принципов вне связи с политикой и под непосредственным руководством церковной иерархии. В рамках КД сохранились молодежные организации, а также Католический институт социальной деятельности и профессиональные секции, созданные в 1926 г. взамен распущенных «белых» профсоюзов. Все эти организации занимались не только воспитанием молодежи в духе христианских заповедей, что само по себе явно не укладывалось в официальную концепцию формирования «гражданина и солдата», но также социальной деятельностью, особенно усилившейся в годы мирового экономического кризиса. Это никак не устраивало фашистов. Стержнем конфликта стала борьба между светской и духовной властью за контроль над умонастроениями подрастающего поколения и возможностью оказывать на них влияние. По существу это было первое в условиях уже сложившегося тоталитарного режима открытое столкновение двух субкультур: католической, пытавшейся сохранить организационную составляющую своей структуры, и фашистской, агрессивно утверждавшей свою монополию.

В конце мая 1931 г. фашисты перешли от полемики к открытому насилию, разгромив ряд католических организаций, а 2 июня дуче издал распоряжение о роспуске всех молодежных объединений, не входивших в ОНБ.

Однако завершить разгром полной ликвидацией католических кружков режиму все же не удалось. Более того, по соглашению с церковью, подписанному 2 сентября 1931 г., было сохранено само «Католическое действие», от руководства которым отстранялись лица из числа бывших пополяри, а также профсоюзные секции и молодежные группы. Все они имели право действовать «исключительно для духовных и религиозных целей», воздерживаясь от любых форм активности, типичных для политической партии. Режим вынужден был пойти на этот компромисс из прагматических соображений: «худой мир лучше доброй ссоры».

В этой связи некоторые итальянские авторы полагают, что достижение компромисса свидетельствовало о силе фашистского режима, уже якобы не опасавшегося источников альтернативного влияния на массы.[12] Мы придерживаемся диаметрально противоположной оценки: соглашение было результатом относительной слабости тоталитарной власти, заинтересованной не в конфронтации, а в поддержке церкви и потому не решившейся пойти на полное уничтожение идейной альтернативы. А в том, что таковая сохранялась, сомневаться не приходится: масса агентов, внедренных в светские католические организации, доносила о царившем в них «моральном осуждении режима и его методов», «неприязни к фашистским лидерам» и стремлении людей «оградить себя от их влияния».[13] Сохранение структуры светских организаций Ватикана и заложенные в них элементы оппозиционности позволяют говорить о выживании в условиях тоталитаризма католической субкультуры, сумевшей в какой-то мере оградить своих адептов от воздействия наиболее «ядовитых» форм фашистской пропаганды. Расширение сферы согласия оказывалось, таким образом, отнюдь не всеобщим, но режим Муссолини был вынужден с этим мириться.

Еще более веским аргументом в пользу неравномерности распространения консенсуса вглубь и вширь в первой половине 30-х годов можно считать волну социального протеста, рожденную последствиями мирового экономического кризиса. Хронологически она ограничена приблизительно тремя годами, начиная с 1930 г. В этот период интенсивность выступлений трудящихся (рабочих, в том числе железнодорожников, безработных, батраков, арендаторов, крестьян, мелких торговцев и служащих, особенно учителей, и др.) была значительно выше, чем во второй половине 20-х и в середине 30-х годов. Но их общее количество, как и число участников, оставалось крайне невелико в сравнении с периодом «красного двухлетия» или забастовками в 1943 г. Впрочем, в условиях окрепшего тоталитаризма иначе и быть не могло.

Подробные сведения об этих выступлениях содержатся в отчетах коммунистов-подпольщиков, передававшихся в загранцентр КПИ и ложившихся в основу публикаций в журнале «Стато Операйо». Нам удалось просмотреть сплошь корреспонденцию КПИ за указанный период.[14] В ней нашли отражение разнообразные акции протеста, имевшие место во многих уголках Италии, но общую картину воспроизвести довольно сложно, так как коммунисты работали не везде, а описываемые ими события представлены как проявления недовольства, несущие потенциал классовой (экономической и политической) борьбы. Но даже с учетом «революционного романтизма» авторов в документах КПИ отчетливо прослеживается спонтанность подавляющего большинства выступлений и ограниченное число их участников (обычно от нескольких десятков до нескольких сотен), что находит подтверждение в рапортах провинциальных квесторов главе тайной полиции.[15]

Эти материалы отражают более полную и более пеструю картину происходившего, которую попытался упорядочить Р. Де Феличе. Подсчитав по годам общее количество акций протеста, он разделил их на две категории: «волнения» (забастовка, сходка, «белая» забастовка, любой вид оставления работы: 1929 г. — 109, 1930 г. — 176, 1931 г. — 172, 1932 г. — 129, 1933 г. — 82) и «коллективные выступления» (движение безработных, марши протеста и прочие действия, нарушавшие общественный порядок, включая потасовки болельщиков на футбольных матчах: 1929 г. — 68, 1930 г. — 149, 1931 г. — 287, 1932 г. — 520, 1933 г. — 251).[16] Цифры, используемые Де Феличе, сомнений не вызывают,[17] а вот попытка свести всю гамму акций протеста к двум широкоформатным группам представляется не вполне обоснованной, значительно упрощающей действительность. Де Феличе идет вслед за теми префектами и квесторами, которые умышленно загоняли в рубрику «беспорядки» явления и факты, имевшие антирежимную, политическую окраску, смешивали их с чисто хулиганскими действиями, подпадавшими под уголовный кодекс, хотя таковые также имели место и нередко переплетались с формами социального протеста. Де Феличе и его последователи как бы не заметили этой подтасовки, с помощью которой деформировалась подлинная картина.

В действительности она была более многоплановой и многослойной. Если в качестве основного критерия выбрать способы выражения и содержание акций протеста, то подавляющая их часть может быть сведена к пяти основным группам.

1. Коллективные действия, стихийно возникавшие на экономической основе и осуществлявшиеся без подготовки и активного участия антифашистов. Таковых оказалось абсолютное большинство. Выступления рабочих были направлены против увольнений и угрозы их применения, против сокращения заработной платы, возросшей физической и психической

нагрузки в результате внедрения «системы Бедо», манипуляций со сдельщиной, найма на работу иностранцев, против увеличения налогового бремени (к этому призыву подключались мелкие торговцы и служащие), а также за увеличение компенсаций и социальных выплат. Несмотря на официальный запрет, акции протеста обретали форму забастовок, сходок, коллективных петиций, митингов, но, как правило, не сливались с массовыми выступлениями безработных, осаждавших местные органы власти с требованиями «Работы и хлеба!», «Работы и помощи!» Эти лозунги были самыми популярными и нередко их скандирование заканчивалось захватом продуктовых магазинов. Требование работы означало, что в массовом сознании протестующих прочно укрепилось представление об одном из императивов капиталистической системы: невозможность выживания без постоянной заработной платы. С другой стороны, требование хлеба и помощи являлось выражением интуитивного осознания ими своего естественного права на выживание, подкрепляемого разгромом продмагов. Такие действия сопровождались стычками с полицией и карабинерами, но на общем фоне их количество было невелико: большая часть акций завершалась в Магистратуре, выносившей «успокоительные» приговоры.[18] И хотя манифестации безработных проходили мирно, зачастую с ведома и разрешения местных властней, они имели ярко выраженный характер социального протеста и оставляли малоприятное впечатление у благополучной публики.

2. Организованные, коллективные акции, квалифицировавшиеся полицией как антифашистские и в этом качестве жестко ею подавлявшиеся. Формы их проявлений были схожи с описанными выше, но количество значительно меньше. Этот факт признавали социалисты и коммунисты, выступавшие их основными инициаторами.[19] Однако большая их часть не видела или не хотела видеть другой факт — отсутствие в тот период в Италии условий для возникновения массовых, коллективных действий протестного характера. Такие действия возникают лишь при наличии двух обязательных предпосылок: высокого уровня социальной напряженности в стране в целом, чего в 30-е годы в Италии не наблюдалось, и глубоко переживаемой личностной идентификации многих людей с конкретной социальной общностью (или сознанием своей солидарности с ней), движимой единым интересом. Пестрота требований и состава участников акций протеста свидетельствует о том, что и эта предпосылка еще не созрела в полной мере. Поэтому коллективные, организованные выступления носили преимущественно фрагментарный характер, что неустанно подчеркивали в своих донесениях префекты провинций. В разгар экономического кризиса они писали о «случайности», «единичности» элементов антифашистского протеста в подконтрольных им зонах,[20] а многие, как, например, префект Виченцы, систематически рапортовали об отсутствии «всяких попыток

реорганизации подрывных партий или каких-либо форм пропаганды против Режима».[21] По самым приблизительным подсчетам их доля в общем количестве коллективных акций протеста колебалась в пределах 10–12%. Определить цифры точнее практически невозможно. Тем более что, по мнению некоторых авторов, тщательно изучавших документы полиции в отдельных регионах, упорное стремление префектов к «минимизации» сведений об организованном антифашизме отражало не только их желание выслужиться, но и попытку добиться от правительства конкретных материальных льгот, премий и финансовых инвестиций.[22]

3. Выступления лиц одного круга (друзей, соседей, женщин-домохозяек) в рамках небольшого территориального образования (маленький город, поселок, деревня) по какому-либо конкретному поводу, привязанному к местным условиям (требование выпустить незаконно арестованного соседа, наказать зарвавшегося лавочника, проверить расходование средств из касс взаимопомощи и т. д.). Эти выступления не исключали возникновения массовых акций протеста, относящихся к первой группе, но действия репрессивного аппарата по их подавлению в любом случае оказывались слабее, нежели в крупных городах. В многочисленных «местечках» на периферии семейно-патриархальные традиции и обычаи «соседства» играли несравненно большую роль, нежели в промышленных центрах, а государственные чиновники, в том числе полицейские и карабинеры, как правило, состояли в родственных отношениях со многими жителями и почти всех знали поименно. Предпринимая контрмеры, они пользовались преимущественно методами убеждения, профилактики выступлений, а к крайним средствам (высылке на поселение или заключению в тюрьму) прибегали лишь в тех случаях, когда уже не оставалось иного выбора. Зная об этом, центральные власти старались назначать в провинцию чужаков, не обремененных «лишними связями». Однако в масштабах всей страны такие назначения не могли быть осуществлены, так как требовали больших расходов. В итоге на местах нередко складывалась парадоксальная ситуация, когда власть не могла опереться на твердую исполнительскую дисциплину.[23] Еще одной характерной чертой локальных выступлений (но не только их) являлся своеобразный «наивный монархизм», то есть вера в «справедливого и доброго» дуче, который способен решить все проблемы и наказать плохих чиновников на местах. Лозунг «Да здравствует Муссолини, но мы хотим есть!» раздавался во многих уголках Апеннин, неся двойную нагрузку: апелляция к справедливости вождя сочеталась с возможностью официального прикрытия самой акции. Довольно часто его появление сопровождалось атакой на какого-нибудь местного фашистского функционера, обвинявшегося во всех несчастиях.[24] Выдвижение подобного лозунга подчеркивало именно социальную направленность манифестаций, а его широкое распространение отражало новую черту в сознании масс, действовавших в

рамках обыденных ориентаций на основе сложившегося стереотипа — веры в харизматического лидера.

4. Единичные, индивидуальные или мелкогрупповые проявления недовольства своим социально-экономическим положением, которое проецировалось на учреждения и лиц, ассоциировавшихся в массовом сознании с господствовавшей формой власти.[25] Оскорбление словом и делом этих лиц и институтов квалифицировалось полицией как «хулиганские действия», однако часть задержанных с такой формулировкой вносилась в Центральную политическую картотеку.[26] За 1933 г. нам удалось насчитать 476 подобных дел, из которых было раскрыто 89.[27] Чуткое ухо агента улавливало не каждое эхо недовольства, поэтому речь шла лишь о видимой части айсберга, нашедшей отражение в документах полиции. Единичные случаи индивидуального и мелкогруппового протеста сами по себе не могли обрести коллективную форму выражения, но свидетельствовали о постоянном присутствии в обществе феномена конфликтности, питавшегося неудовлетворенностью материальными условиями жизни. В этом — их значение для понимания общей картины умонастроений масс.

5. Распространение эмоционального состояния протестного характера, выражавшегося в несогласии с конкретными социально-экономическими и иными мерами фашистского правительства или местных властей, в нарастании психической напряженности и морального негативизма. Этот общий конфликтный настрой охватывал более широкие социальные слои, нежели количество участников акций коллективного и индивидуального протеста. Формами его проявления стали зафиксированные филерами слухи, сплетни, злобные высказывания «сквозь зубы» по адресу властей, рост популярности анекдотов про дуче и иерархов, надписи на стенах домов и заборах, безразличие к официальным фашистским мероприятиям и т. д. Негативные элементы повседневной жизни накладывались друг на друга и оседали на верхних этажах сознания масс, воздействуя на обыденные ориентации людей и увеличивая их общую психическую нагрузку. Поскольку, однако, этот настрой не был всеобщим и доминирующим в среде промышленного пролетариата, он не выливался в массовые формы противостояния власти. Следует также учитывать, что безработные в городах — это по большей части мигранты, то есть вчерашние крестьяне, в сознании которых еще не изгладилась традиционная «модель самозащиты», имевшая глубокие корни в системе ценностных ориентаций, культивировавшаяся патриархальным укладом жизни (особенно на Юге) и примирительным влиянием церкви. Эта модель рождала противоречивые формы протеста, но имела скорее оборонительный, нежели наступательный характер (требование «Работы и хлеба» нацелено не на восстание, а на выживание).

Таким образом, картина форм социального протеста в годы кризиса была очень пестрой. Неудивительно, что авторы различной идейной ориентации могли увидеть в ней те цвета, которые им больше нравились. Так, историки левого фланга называли этот смешанный по характеру протест «народным антифашизмом», который спустя 10 лет вылился в движение Сопротивления.[28] Противоположной точки зрения придерживался Р. Де Феличе, полагавший, что хотя немалая часть рабочих сохранила в душе «старый политический менталитет», в годы кризиса она вела себя дисциплинированно и трудолюбиво[29]; выступления масс «диктовались исключительно экономическими мотивами», были вызваны материальными неурядицами, преследовали «экономические цели и цели неопределенного протеста, но никогда не принимали конкретного политического характера, то есть антифашистского».[30]

Выводы Де Феличе основаны лишь на документах полиции,[31] поэтому выглядят односторонне, но побуждают задуматься о степени политизации массовых выступлений. В подавляющем большинстве случаев очень трудно, если вообще возможно, обнаружить и выделить политическую составляющую в различных формах протеста, которые рождались потребностью выживания и в этом смысле продолжали традицию «подрывных действий» дофашистского периода. Кроме того, немалая часть «носителей протеста» унаследовала типичное для Италии, особенно на Юге, настороженно-неприязненное отношение к официальной власти в целом и к олицетворяющим ее людям (от фашистских иерархов до рядовых карабинеров). В ней издавна видели враждебную силу, противостоявшую конкретному человеку и его интересам, что, впрочем, не подрывало надежд на харизматического лидера. Открытый протест против правительства Муссолини и лично дуче почти не был слышен, и этот факт признавали все, включая коммунистов.

Среди руководителей и публицистов компартии не было единодушия в оценке степени политизации рабочего класса. Например, Дж. Прокаччи утверждал, что в годы реакции и открытой диктатуры любое проявление оппозиционности, в том числе выдвижение лозунга «Да здравствует дуче, но мы хотим есть», являлось «актом неподчинения, актом политическим».[32] П. Тольятти был менее категоричен в оценках, признавая, что в годы кризиса коммунисты, которых насчитывалось в стране почти 10 тыс., не сумели придать спонтанным выступлениям трудящихся антифашистской направленности.[33] Еще более критической позиции придерживался Дж. Амендола. По его мнению, присутствие коммунистов было значительно более зримым в крестьянских районах Эмилии-Романьи и Апулии, нежели в индустриальных зонах. Вплоть до начала войны в Испании рабочий класс почти не откликался на призывы компартии к подпольной борьбе, оставался глух к агитации и замкнут в себе, ожидал перемен к лучшему, но не был завоеван фашизмом.[34]

Мнение Дж. Амендолы находит подтверждение в донесениях тех коммунистов-подпольщиков, кто реалистично оценивал ситуацию в Италии и не пытался подстроиться под общую тональность требований Коминтерна. В фонде А. Грамши сохранились сотни писем, в которых утверждалось, что «моральный дух пролетариата очень низок, и он не верит больше в свои силы. Пролетариат настолько дезориентирован, рабочие так изолированы, что уже не помышляют о возможности освобождения. Они говорят: этот режим никогда не рухнет. А все потому, что оппозиция разбита вдребезги, не подает признаков жизни. Никакой борьбы, лишь перешептывания среди друзей».[15] По мнению коммуниста Флавио, в Милане 80–85% рабочих были «охвачены и контролируемы фашизмом».[16] Слабость антифашистской оппозиции оказалась одной из причин, не позволившей рабочим облечь протестные настроения в политическую форму. Они не видели реальной альтернативы, и недовольство атомизировалось на индивидуальном и групповом уровнях, оставаясь по сути дела бессильным.

Говоря об относительной слабости оппозиции, мы имеем в виду прежде всего коммунистов, поскольку присутствие внутри страны остальных представителей антифашистского спектра почти не ощущалось. Неудачи КПИ в те годы объяснимы, на наш взгляд, не только и не столько ее ошибочным представлением о перспективах революционного процесса в крайне неблагоприятных условиях фашистской Италии, сколько эффективной деятельностью репрессивных органов тоталитарного государства. ОВРА тщательно контролировала активность антифашистов и своевременно наносила упреждающие удары, сумев нейтрализовать последствия так называемого «поворота» в тактике КПИ, решившей перенести центр тяжести своей работы внутрь страны. Большая часть коммунистов была арестована, а результаты их героической борьбы оказались весьма далекими от ожидавшихся.

Не менее эффективной была деятельность карательных органов по подавлению коллективных акций социального протеста, практически исключавшая возможность появления политических лозунгов. Тоталитарная власть пользовалась абсолютной свободой в выборе средств тушения очагов социальной напряженности, используя репрессивный аппарат (без оглядки на электорат) для подавления любых форм недовольства. Это существенно отличало тоталитарную систему от режимов демократического типа, не имевших возможности «ни игнорировать беспорядки, происходившие от социальной неустроенности, ни применять широко карательные меры».[17]

Режим Муссолини располагал также гораздо большими мобилизационными возможностями для усиления социальной поддержки масс (общественные работы, строительство автострад, интегральная мелиорация, увеличение пособий и пр.). Этим активно пользовалась официальная пропаганда для насаждения тезиса о «справедливом облике» фашистского государства,

его превосходстве над прочими, о движении навстречу требованиям трудящихся и т. д. Активная социальная деятельность режима подрывала протестный потенциал, не позволяя ему обрести политическую направленность.

Наконец, мировой характер самого кризиса сглаживал представление о реальных противниках, формируя отношение к происходящему как к фатально неизбежному злу, с которым столкнулись повсеместно. Такое представление охлаждало «протестный пыл» и побуждало мириться с невзгодами, уповая на наступление лучших времен. Конечно, потенциал политической активности масс мог формироваться не только под влиянием экономической ситуации, но и в результате сдвигов в общественном сознании. Однако в те годы подобные сдвиги в Италии еще не произошли.

Таким образом, изучение спонтанных в большинстве своем форм протеста в период мирового экономического кризиса показывает, что политическая составляющая (в тех случаях, когда она проявлялась в результате деятельности антифашистов) сколько-нибудь заметного влияния на общую ситуацию в стране не оказывала. В выступлениях масс проявился феномен известной автономности «социального» аспекта от «политического». Под «политическим» в данном случае следует понимать не только антифашистский фактор, но и его антипод — широкую деятельность режима по унификации поведенческих моделей и ценностей, навязывавшихся обществу посредством массовых организаций, которые в годы кризиса полностью остались в стороне от акций социального протеста.

Эти акции в какой-то мере замедлили распространение консенсуса вширь, но общая тенденция его углубления сохранилась и спустя несколько лет достигла своего апогея. Более того, именно экстремальные условия кризиса способствовали завершению консолидации режима и упрочению симпатий к нему тех общественных групп, которые увидели в социально-политической деятельности государства стабилизирующие аспекты. Имущие слои убедились в способности тоталитарной власти гарантировать методом «кнута и пряника» предотвращение социальной нестабильности и мобилизацию ресурсов для преодоления последствий экономических потрясений («санация» банков и предприятий, «битвы», создание ИРИ и т. д.), а для неимущих групп государственные органы и осуществлявшаяся через них политика социальной поддержки оказались единственным надежным источником вспомоществования и выживания.

Наконец, завершение кризиса совпало по времени с острым конфликтом в итало-германских отношениях из-за Австрии, в котором общественные симпатии оказались явно на стороне режима Муссолини. Это произошло не случайно. Консенсус обеспечивался не только репрессивным аппаратом, мощной идейно-пропагандистской машиной и массовыми организациями режима, его активной социальной политикой, мнимыми и реальными успехами во внутренних делах, но и формированием нового облика фа-

шистского государства на международной арене, его претензиями на роль «динамичной силы» в европейской политике и теми конкретными делами, которые подкрепляли этот имидж и объединяли в едином порыве устремления как сторонников, так и противников режима.

У Муссолини не было твердых принципов во внешней политике. Обычно он руководствовался сугубо прагматическими соображениями, пытаясь из каждой конкретной ситуации извлечь максимум возможного для укрепления престижа фашистской Италии и своего собственного реноме. Именно в таком контексте следует рассматривать выдвинутое им в 1933 г. предложение о заключении «пакта четырех» держав (Англии, Франции, Германии, Италии) о сотрудничестве и взаимодействии,[38] а также подписание 2 сентября 1933 г. «Пакта о дружбе, ненападении и нейтралитете» с Советским Союзом. Дуче не раз повторял, что вечных договоров не существует и что все они рано или поздно пересматриваются. Однако сам факт подписания фашистской Италией соглашений, формально ориентированных на поддержание мира в Европе, не могло не вызвать одобрения в широких общественных слоях. При этом важно иметь в виду, что в те годы еще ни о каком серьезном сближении с Германией не было и речи, а личные отношения между Гитлером и Муссолини были далеко не «братскими». Применительно к дуче это можно утверждать наверняка. Что же касается фюрера, то его отношение к Муссолини претерпевало эволюцию в соответствии с изменением положения малозаметного баварского шовиниста и его превращением в канцлера могущественной европейской державы.

Оказавшись полной неожиданностью для дуче и его окружения, триумф нацистов на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г. потребовал радикального пересмотра уничижительного прежде отношения к Гитлеру. Его успех делал реальной перспективу победы национал-социализма в Германии. Именно в этой связи Муссолини стал все чаще поговаривать об «универсальности фашизма», предрекать будущее Европы, создающей новые институты «в соответствии с доктриной и практикой фашизма».[39] Однако чрезмерная агрессивность и авантюризм Гитлера настораживали многих лиц из фашистской верхушки. И хотя контакты с нацистами увеличились (в 1931–1932 гг. Геринг дважды посетил Италию[40]), а Гитлер упорно настаивал на необходимости личной встречи, дуче все еще не решался пойти на столь рискованный и обязывающий шаг. Их рандеву многократно откладывалось даже после захвата Гитлером власти, что неизбежно вело к нарастанию взаимного недоверия. Такое двусмысленное положение долго продолжаться не могло, и, в конце концов, Муссолини предпочел решиться на встречу, нежели рисковать действительным ухудшением отношений с Германией и потерей в глазах Англии и Франции имиджа «менеджера фюрера».

В июне 1934 г. фюрер впервые посетил Италию с официальным визитом, итогами которого Муссолини остался крайне раздражен. Он сразу ощутил

нескрываемый пангерманизм Гитлера, хотя вопрос о влиянии в Австрии тщательно обходился стороной, ибо был главным камнем преткновения.

Итальянский истеблишмент (и новый, и старый) рассматривал Австрию как зону интересов и приоритетного влияния Италии. Дуче активно поддерживал развитие там фашистского движения, поставлял боевикам хеймвера оружие и деньги. В 1932 г. в Австрии установилась опиравшаяся на хеймвер клерикально-фашистская диктатура Дольфуса, снискавшего личное расположение Муссолини. Когда же в Вене в июле 1934 г. (через месяц после встречи с Гитлером) произошел поддержанный Берлином нацистский путч, дуче не колеблясь распорядился немедленно отправить 4 дивизии на перевал Бреннер, продемонстрировав тем самым свою решимость не допустить присоединения Австрии к нацистской Германии. Гитлер не счел нужным идти на обострение конфликта и публично отмежевался от организаторов путча. Его отступление выглядело почти как победа итальянского оружия. Престиж Муссолини на международной арене вырос, а восторгам итальянской печати не было конца. «Кто такие нацисты? — вопрошала официальная "Пополо д'Италиа". — Убийцы и педерасты».[41] Отношения Германии и Италии заметно охладели, но политическая интуиция подсказывала Муссолини, что он поступил правильно.

Твердая позиция дуче нашла поддержку в стране. Во всяком случае об этом писали и полицейские агенты,[42] и подпольные корреспонденты компартии.[43] У нас нет оснований полагать, что рабочие, высказывавшие одобрение жесткой линии дуче, были насквозь пропитаны фашистской идеологией. И хотя эта идеология замешана на национализме, правильнее, пожалуй, говорить не об осознанном идейном постулате, а о национализме «эмоциональном», то есть чувстве, направленном в данной конкретной ситуации против фашистской Германии. Это чувство сближало массы с тоталитарным режимом, сумевшим адекватно выразить его своими действиями.

Еще большая «гармония чувств» проявилась в ходе колониальной войны в Эфиопии, завершившейся триумфальным провозглашением империи. Сам факт лишения Эфиопии государственной независимости и форма провозглашения империи в значительно большей степени соответствовали укреплению личного престижа Муссолини и, соответственно, общественного консенсуса, нежели долгосрочным международным интересам Италии. Очевидно, что сохранение формальной независимости и установление полуколониального господства при посредничестве местной аристократии способствовали бы поддержанию фашистской Италией в глазах западных демократий облика «цивилизованной страны», дали бы больший эффект при освоении и эксплуатации новых земель, а также ослабили бы действие или помогли вовсе избежать экономических санкций со стороны Лиги Наций. И хотя эти санкции носили половинчатый и непоследователь-

ный характер, внутри страны они вызвали небывалый по масштабам взрыв националистических и псевдопатриотических эмоций.

Огромная машина идейно-организационной мобилизации масс была приведена в движение. Решения Лиги Наций интерпретировались официальной пропагандой как «кара богатых плутократий бедной стране», воюющей за «место под солнцем». По всей Италии прокатилась волна стихийных и инспирированных властями шовинистических выступлений и манифестаций, тысячи молодых итальянцев, еще вчера не помышлявших об окопах, изъявили добровольное желание отправиться на фронт.[44] В школах, университетах и секциях «Дополаворо» появились отделения Ассоциации антисанкционных мер — была создана и такая. Согласно ее школьному уставу, детям запрещалось петь иностранные песни и использовать в разговорах слова иностранного происхождения, книги можно было читать только на итальянском языке, покупать и носить только итальянские вещи.[45] Некоторые видные представители пассивного сопротивления режиму пошли на временное примирение с противником, полагая, что фашизм наконец открыл перед Италией путь к национальному величию. В. Э. Орландо телеграфировал дуче о своей готовности к сотрудничеству, бывший депутат-республиканец Г. Бергамо написал книгу против санкций Лиги Наций, Л. Альбертини и Б. Кроче отдали свои сенаторские знаки в ходе кампании «Золото — родине». По всей стране люди жертвовали обручальные кольца для пополнения изрядно оскудевшего золотого запаса государства, получая взамен оловянные — новый символ патриотизма.[46] Рабочие собирали средства на золотые слитки, спортсмены отдавали драгоценные награды, «дополавористы» расставались со сбережениями, дети собирали металлолом, а на селе «ударно» разводили кроликов, кур и индюков, чтобы защитить страну от экономических санкций. Даже непримиримые антифашисты, пораженные размахом народного энтузиазма, были вынуждены признать, что массовый порыв не был тщательно организованной акцией, но по большей части носил спонтанный характер. Этот факт зафиксировали в своих сообщениях многие агенты КПИ,[47] а социалисты даже специально обсуждали на заседании загранцентра в Париже. В докладе Р. Моранди отмечалось, что рожденный победой энтузиазм масс «имел значительный тонизирующий эффект для режима».[48]

И вновь подчеркнем, что почти всеобщее одобрение африканской авантюры режима не означало торжества в умах фашистской идеологии. Массы были движимы идеей национального величия, переродившейся в националистический миф. Трезвого, рационального, осмысленного согласия с агрессией, нацеленной на узурпацию независимости и права на жизнь целого народа, как результатом и сущностью фашистской идеологии и политики не было. Верх взяли эмоции, рожденные видимостью успеха. Поэтому эмоционально-психологическая поддержка, оказанная обществом,

в том числе рабочим классом, режиму Муссолини еще не означала его полного политического признания или консенсуса, основанного на сознательном выборе. Тем более что волна всеобщего ликования не могла смыть проблемы повседневной жизни, озабоченность условиями труда и найма, опасения и страхи за будущее, которое все более зависело от зигзагов фашистской внешней политики. Однако эти мотивы оставались на втором плане и не являлись определяющими для поведенческих реакций подавляющего большинства индивидов, что дает основание предполагать достижение пика в «согласии» общества с режимом Муссолини.

Этот феномен не может быть объяснен лишь эффективностью фашистской пропаганды. Его корни — в существенном изменении характера отношений власти с гражданским обществом (по сравнению с периодом либерального государства), произошедшем к середине 30-х годов.[49] Суть этих изменений — в установлении их более тесной связи, в проникновении режима в ткань гражданского общества, ставшем возможным в результате целого комплекса описанных в предыдущих главах мер, которые не только насильственно осуществлялись тоталитарной властью, но и в немалой степени отвечали социальным потребностям и ассоциативным устремлениям масс и потому не отторгались, а воспринимались и усваивались в сознании различных социальных слоев, даже в самых захолустных уголках Апеннин. Следует, однако, иметь в виду, что, несмотря на обилие массовых общественных организаций, гражданское общество в фашистской Италии было значительно менее развитым, поскольку оно оставляло лишь строго лимитированные, жестко ограниченные возможности для самовыражения индивида, допускавшиеся лишь в тех пределах, которые устанавливались тоталитарным государством.

Кульминация общественного консенсуса в 1935–1936 гг. нашла свое выражение еще в одном примечательном факте — почти единодушной поддержке внутри- и внешнеполитического курса Муссолини всеми элементами господствовавшего блока. В результате «победоносной» войны в Эфиопии компромисс фашизма с консервативной частью истэблишмента, традиционно тяготевшего к институту монархии, значительно окреп: король получил титул императора и территориальное увеличение государства; военная верхушка — чины, награды, звания и усиление роли во властной иерархии; финансово-промышленные и аграрные магнаты — новые зоны вложения капитала, допуск к освоению чужих ресурсов и немалые прибыли от военных поставок; государственная бюрократия — расширение сферы своего влияния и условий для мздоимства; церковь — новые возможности для миссионерской деятельности.

Однако укрепление союза режима с консервативной частью правящего блока было основано на успешной колониальной войне, то есть факторе преходящем. Ее иной исход мог повлечь за собой прямо противоположные

последствия, поскольку полной внутренней консолидации в этом блоке не было. Политический компромисс, найденный в институциональных рамках формального дуализма власти, по-прежнему сохранял за короной ряд важных прерогатив, способных при изменении политической ситуации превратить Квиринал[50] в мощный силовой центр.[51] Король оставался символом единства нации (хотя фашизм также претендовал на эту роль, и Италия имела два государственных гимна), верховной законодательной инстанцией, а также главнокомандующим, которому присягали войска и были верны многие монархически настроенные офицеры высшего и среднего звена. Однако его реальные возможности влиять на принятие важных политических решений были сведены до минимума, поэтому внешне никаких разногласий с дуче, особенно в середине 30-х годов, не возникало. Мезальянс правителей был основан на взаимных, но не равнозначных уступках: король был вынужден терпеть всевластие своего «верного слуги», а дуче соблюдал формальный пиетет, даже когда это задевало его честолюбие.[52]

Их личные отношения всегда были основаны на взаимной неприязни, и Муссолини дипломатично признавал это в период «республики Сало». «Между ними было нечто, — пишет дуче о себе в третьем лице, — что мешало установлению подлинного доверия».[53] Это «нечто» — устойчивый страх короля и его глубокое презрение к плебейскому происхождению и революционному прошлому выскочки, который никогда не был принят на равных в среде аристократии, потомственного генералитета, финансовых и промышленных воротил. Ему угождали, льстили, его боялись, но всегда видели в нем прислугу, а не хозяина. И Муссолини чувствовал это и платил старой элите той же монетой. По свидетельству его жены Ракеле, дуче не раз говорил ей, что, если король «попробует помешать мне делать то, что я хочу, я вновь стану республиканцем».[54]

В этой фразе больше позерства, нежели реального смысла. Муссолини прекрасно понимал, что любая попытка лишения легитимности Савойской династии может оказаться несостоятельной и чрезвычайно опасной, имея в виду привязанность к институту монархии широких слоев населения. В этом и не было необходимости до тех пор, пока король терпел и активно не противодействовал ущемлению своих прав и достоинства. Он безропотно проглотил даже такое оскорбление, как решение парламента об учреждении высшего воинского звания «первого маршала империи», которое одновременно присваивалось дуче и королю, что ставило их на один уровень. Тем не менее, отсутствие видимых противоречий и, что гораздо важнее, принципиальных разногласий по ключевым направлениям социально-экономической и политической деятельности фашистского кабинета объективно превращало монархию в одну из ключевых опор тоталитарной системы власти и обеспечивало ей поддержку монархически настроенной части населения. Успехи Муссолини в колониальных захватах

лишь упрочивали эту поддержку, также достигшую наивысшей точки в 1935–1936 гг.

К этому времени завершается формирование в итальянском обществе новой композиции идеологизированных субкультур: либеральная полностью исчезает, давно утратив свои организационные формы и сохранив лишь осколки свободомыслия в умах отдельных блестящих представителей вне и внутри страны (Г. Сальвемини, Б. Кроче и др.); социалистическая теряет большую часть своих «носителей», но ведет отчаянную борьбу за выживание в крайне неблагоприятных условиях диктатуры; католическая испытывает заметное сокращение сферы своего влияния, но сохраняет основной идейный потенциал и организационные структуры его распространения (церковный амвон, периодические издания, светские организации католиков), оставаясь единственной официально разрешенной альтернативой в формировании умонастроений масс.

Все эти субкультуры вытесняются новой, агрессивно насаждаемой режимом Муссолини фашистской субкультурой. К середине 30-х годов она обладает исключительно мощной организационно-пропагандистской системой воздействия на широкие массы и явно доминирует в обществе. Ее идейный потенциал, сконцентрированный в совокупности фашистских мифов, становится не только господствующей, но и общедоступной формой идеологического и духовного самовыражения значительных социальных слоев. Видимая на первый взгляд и отчасти реальная материализация мифов (патриотического, корпоративного, харизматического) служит постоянным источником, подпитывающим фашистскую субкультуру, распространение которой ускоряется целенаправленными действиями режима Муссолини. В своем бурном развитии она встречает противодействие в тех социо-культурно-политических анклавах общества, которые остаются в рамках католической и социалистической субкультур.

Но это противодействие оказывается заметно ослабленным, так как фашистская субкультура опирается не только на совокупность «новых ценностей», но и паразитирует на тех духовных началах и традициях, которые более или менее глубоко укоренились в сознании масс, а именно:

— на католической традиции, у которой заимствуется и адаптируется к новым потребностям идея корпоративизма;

— на социалистической традиции («революционная», антибуржуазная идеология и демагогия раннего периода);

— на историко-патриотической традиции (воспевание «величия нации», боевого духа, использование атрибутики Древнего Рима и пр.);

— на имманентно присущем людям стремлении к лучшей жизни и обновлению (претензия на роль молодой, оздоровляющей общество силы);

— наконец, на прямо противоположном свойстве — традиционализме, имевшем глубокие корни в сознании сельских слоев населения, особенно

на Юге (культ семьи, роль женщины как «ангела домашнего очага», жесткий принцип иерархического подчинения, поклонение власти и силе и т. д.). И хотя фашизм «не смог сломить пассивное сопротивление традиционалистского общества Южной Италии», которое «привело в действие внутренние защитные механизмы, обороняя свои ценности»,[55] ему удалось внедриться в этот жизненный уклад в качестве главного центра силы, заметно потеснив, а кое-где вытеснив сицилийскую мафию и каморру.

Таким образом, фашистская субкультура впитала в себя вышеназванные элементы, став своего рода агрессивным гибридом, внутренне скрепленным воинствующим национализмом. В таком виде она обладала большой проникающей способностью, а ее идейная составляющая была доступна для восприятия представителями различных социальных категорий. Этим в значительной мере объясняется успех в пропаганде колониальных завоеваний режима, которые многими оценивались с позиций воинствующего национализма, то есть сквозь призму навязанного фашистами мироощущения, основанного на новом типе массового сознания: фашистском или профашистском.

К числу носителей первого принадлежали как ярые фанатики, безрассудно верившие в фашизм и готовые к использованию любых мер, направленных на реализацию провозглашенных им лозунгов, так и сохранившие способность к критическому мышлению лица, усматривавшие в режиме Муссолини и его курсе единственно правильный путь решения общегосударственных задач и потому воспринимавшие его деятельность и ее издержки как естественный и необходимый фактор национальной жизни.

Профашистский тип сознания был присущ тем итальянцам, которые не просто поверили в демагогические установки фашизма, но движимые различными побудительными мотивами, как правило, патриотическими, вкладывали в его постулаты собственное содержание и полагали, что фашизм действительно открыл перед Италией путь к национальному величию. В наибольшей степени это было присуще ликторской молодежи, которую фашизм намеревался превратить в новый правящий класс. Многие выросшие в юношеских организациях режима и не имевшие иного социального опыта молодые люди поверили в фашизм, но «не в тот, каким он был на самом деле, а в тот, за какой он себя выдавал».[56]

Эти две разновидности массового сознания могут быть отнесены к тоталитарному типу, поскольку его носители в той или иной форме, в большей или меньшей степени ассоциировали себя с тоталитарным режимом и его начинаниями. Они активно усваивали фашистскую мифологию, сознательно действовали в рамках жестко установленных правил и норм поведения, не испытывали дискомфорта в связи с ограничением личной свободы и не помышляли о возможности политических перемен. Их мировоззрение включало в себя в качестве одного из ключевых компонентов

авторитарный элемент сознания,[57] основным содержанием которого было иррациональное видение вождя, признание его монопольного права на истину, вера в его непогрешимость, всемогущество и способность решать любые проблемы.

На противоположном полюсе спектра общественных умонастроений находились весьма немногочисленные в середине 30-х годов приверженцы активного антифашизма, как правило, связанные родственными узами со старшим поколением борцов или имевшие контакты с организованным подпольем. При всей разнородности политических ориентаций они объединялись в понимании антинародной сущности тоталитарного режима и необходимости его свержения.

Между этими крайними полюсами простиралось море конформизма, даже приблизительные размеры которого не поддаются измерению. Характерной чертой конформистской модели поведения являлось приспособление индивидов к существующей общественно-политической среде обитания. Применительно к фашистской Италии это означало показную поддержку принципов и политической линии режима Муссолини, соблюдение установленных им «правил игры», извлечение максимальной пользы из этого компромисса и внутренний негативизм по отношению к идеологии и практике (хотя далеко не во всем) фашизма. Конформизм являлся одним из несущих элементов в системе общественного консенсуса. Он приобретал различные формы (лозунг «Да здравствует Муссолини, но мы хотим есть» или обращение в Магистратуру являлись выражением конформистских моделей поведения), но сущность его от этого не менялась.[58] Границы конформистских настроений были очень подвижны и зависимы от множества факторов. О них пойдет речь ниже. Пока же лишь отметим, что во второй половине 30-х годов в рамках конформистского поля обозначились серьезные сдвиги, приведшие к формированию переходного типа массового сознания (так его можно условно обозначить), субъектами которого стали представители различных социальных категорий, в том числе рабочего класса, идейно, морально и психологически отвергавшие фашизм, всячески избегавшие сотрудничества с режимом, но пока еще не готовые к борьбе с ним.

2. ДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ УМОНАСТРОЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х ГОДОВ

С точки зрения изучения массового сознания, вторая половина 30-х годов представляет особый интерес. Пожалуй, впервые в истории XX века мы сталкиваемся с необычным, весьма болезненным и противоречивым процессом: вызреванием в недрах тоталитарного общества нонкон-

формистских, диссидентских, антифашистских настроений, разложением привитых на уровне обыденных ориентаций стереотипов восприятия и поведения, сужением сферы влияния доминирующей субкультуры. И все это — в условиях господства тоталитарного режима, активизации деятельности репрессивного аппарата, усиления пропагандистского нажима и отсутствия реально выраженной политической альтернативы. Нарастание противоречий в тоталитарной организации общества обусловливало расширение применявшихся им жестких методов подавления и «мобилизации сверху», ускорение так называемой «негативной интеграции».[59] Без осмысления всех этих процессов не представляется возможным выявить ни глубинные причины стремительного краха режима Муссолини, еще вчера казавшегося незыблемым, ни побудительные мотивы массового участия итальянцев в движении Сопротивления. Наконец, явно обозначившаяся еще в мирное время внутренняя коррозия тоталитарной системы в Италии позволяет определить ее существенные отличия от прочих тоталитарных систем 30-х годов, в том числе значительно меньшую (по сравнению с гитлеровским и сталинским режимами) консолидацию общества перед угрозой мировой войны.

Как мы видели в предыдущем разделе, высшей точкой в сплочении общества вокруг режима Муссолини было завершение эфиопской кампании и провозглашение империи. Косвенным подтверждением тому служит количественный подсчет актов индивидуального и коллективного протеста, число которых приближается почти к нулю в период с середины 1935 г. до лета 1936 г.[60]

Однако именно в это время за блеском внешней мишуры «триумфальных побед» и мнимого величия начали проступать едва заметные трещины в, казалось бы, монолитном фундаменте диктатуры. Военная машина, запущенная в Эфиопии, стала буксовать, а легенда о «справедливой социальной войне» улетучиваться. Многие простые итальянцы поначалу увязывали с походом в Африку надежды на улучшение своего материального положения,[61] а профсоюзы нередко выполняли функции полуофициальных мобилизационных пунктов, направлявших безработных на освоение захваченных территорий.[62] Но уже вскоре стало ясно, что реальных изменений к лучшему не произошло, а цены на основные продукты питания, несмотря на многочисленные обещания, остались прежними.

В обществе появились слухи о том, что управленческий аппарат армии был сплошь коррумпирован, войска плохо экипированы и плохо снабжались, что процветал «черный рынок» алкогольных и табачных изделий, спекуляция продовольствием и мародерство. На этом фоне особенно бросалась в глаза роскошь, которой окружило себя высшее командование, проявившее к тому же полную бездарность в планировании и осуществлении операций. Обычным явлением в войсках стали грубость офицеров в об-

10 Зак. 398

ращении с солдатами, трения армии с фашистской милицией, находившейся в более благоприятных условиях. Наконец, не остались незамеченными огромные прибыли корпораций («Пирелли», «Пуричелли», «Аньелли») вместо обещанного повышения зарплаты.[63]

Тяжкие испытания, выпавшие на долю завоевателей (а главное — их безрезультатность в материальном отношении), способствовали формированию критического настроя мыслей, а привозившаяся ими в страну информация о действительном положении дел, так не вязавшаяся с нарисованной фашистской пропагандой картиной всепобеждающей армии, заставляла задумываться тех, кто оставался на Апеннинах. Судя по доносам агентов ОВРА, в разговорах горожан стали чаще мелькать имена П. Гобетти и братьев Н. и К. Росселли, наиболее отважные комментировали неудачи Муссолини в Эфиопии, разыскивали работы Б. Кроче и Антонио Лабриолы, освистывали фашистов, которые пытались восхвалять «героизм» «черных рубах», проявленный с использованием танков, авиации, артиллерии и даже отравляющих веществ против почти безоружных эфиопов.[64] «Но это еще не было "соком" внутренней жизни, — вспоминает один из современников. — Речь шла лишь об экскурсии в запретное царство». Хотя уже тогда, продолжает он, были молодые люди, «часто из пролетарских семей, говорившие о необходимости вести политическую борьбу с режимом, о спрятанном оружии, оппозиции и т. п.»[65]

Новый, более мощный толчок критическим настроениям в обществе дали испанские события и участие в них режима Муссолини, направившего крупные военные силы для поддержки мятежников генерала Франко. Этой акцией дуче рассчитывал усилить военно-стратегические позиции Италии в Средиземноморье, однако ожидавшегося им всплеска энтузиазма внутри страны по поводу нового похода не последовало. «Итальянское вторжение в Испанию — факт, совершенно неприемлемый как в среде мелкой буржуазии, так и среди рабочих и крестьян».[66] Это утверждение, содержащееся в письме одного из коммунистов Эмполи, верно по существу и подтверждается многими другими свидетельствами. Откровенную чуждость интересам народа экспедиции в Испанию трудно было прикрыть пропагандистской шумихой о «войне против красных бандитов», якобы являвшейся «продолжением фашистской революции».

Представление о происходивших на Пиренеях событиях можно было составить не только по официальным сообщениям, но и из радиопередач испанских республиканцев для Италии, выходивших в эфир в Мадриде, Барселоне и Валенсии. Впервые за долгие годы столь крупным планом обозначилась борьба двух антагонистических сил — фашизма и антифашизма, и это открытое противостояние сеяло сомнения в душах, стимулируя процесс поиска идейного выбора. Итальянские «добровольцы» сражались по обе стороны баррикад,[67] однако большая часть фашистского воинства

оказалась в Испании отнюдь не по доброй воле. Как свидетельствует один из солдат, перед отправкой на фронт его подразделение построили и спросили: «Кто не хочет ехать?» Сам он, как и прочие, не решился сделать шаг вперед, и все оказались «добровольцами».[68] Специальный корреспондент газеты «Правда» при республиканском правительстве М. Кольцов имел возможность наблюдать сотни итальянских военнопленных, особенно после поражения итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой. Эти вояки подтверждали «обязательность и принудительность своей отправки в Испанию, полное отсутствие какого бы то ни было элемента добровольности».[69]

Ни о каком «патриотическом порыве» внутри страны, хотя бы отдаленно напоминавшем восторги по поводу Эфиопии, не было и речи. Те же, кому посчастливилось вернуться на родину, привозили разочарование и опустошенность, нередко усугублявшиеся встречей с проблемами итальянской действительности. Солдат Дж. Дзанотелло с крестьянской прямотой выразил чувства своих товарищей: «Мы воевали, вернулись, не нашли работу и сейчас страдаем от голода. Ну ничего, это правительство скоро кончит держать нас за рабов, час расплаты придет».[70] Другой солдат, бывший рабочий П. Серафини получил два года тюрьмы за неосторожную фразу: «Чем оказаться в таких условиях, уж лучше сделать революцию, как в Испании».[71]

Несмотря на пышные встречи, незавидная участь тех, кто возвращался из траншей, заставляла задуматься над бессмысленностью самой фашистской авантюры, хотя инстинкт самосохранения пока удерживал многих от радикальных выводов. Однако их вера в фашизм (если таковая имелась) оказывалась подорванной, на смену ей нередко приходил иронический скептицизм под маской конформизма. «Внутренне стыдясь своего участия в этом гигантском фарсе, — вспоминает один из современников, имея в виду фашизм, — я смеялся над ним».[72] «Победа» в Испании, подававшаяся как триумф на международной арене, оборачивалась поражением режима внутри страны, в душах тысяч итальянцев. В одном из писем миланских коммунистов в загранцентр КПИ содержится довольно точная, на наш взгляд, оценка характера этого процесса: «Он развивается медленно, но неуклонно на основе враждебного отношения к авантюре в Испании, то есть основе политической, и достигает высших точек до и после событий у Гвадалахары».[73]

Эти события были восприняты именно как поражение режима, а не регулярных итальянских войск. Гвадалахара породила «большие надежды на свержение фашизма, — сообщали миланские коммунисты, — старые рабочие гордо поднимали головы, предчувствуя возможность нанести удар по фашизму».[74] Такая оценка была явно завышенной, так как реальных возможностей для нанесения удара по режиму еще не существовало. Фашисты полностью контролировали ситуацию и обладали достаточной

силой для подавления любого недовольства. Поэтому у большинства рабочих в тот период не было «сколько-нибудь ясной идеи о том, чем и как это может кончиться, никаких мыслей о возможности действий сегодня... Почти все думали, что исчезновение дуче могло бы автоматически привести к падению фашизма и возлагали надежды на язву желудка... или на какое-нибудь покушение. Некоторые надеялись на короля (который, как говорят, антифашист), на военное командование; кто-то на папу, кто-то на самого дуче, который мог бы вновь сменить знамена... Очень распространена была идея, что падение режима могла бы вызвать война, как, впрочем, имела широкое хождение и мысль о том, что только коммунизм мог бы решить все проблемы», — так была обрисована ситуация в рабочей среде в одной из корреспонденций в загранцентр КПИ в 1936 г.[75]

События в Испании ощутимо повлияли на рост недовольства масс политикой фашистского режима. Поскольку, однако, испанская авантюра Муссолини, в отличие от эфиопской, была обеспечена иным идеологическим сопровождением (навязчивой агитацией в пользу защиты «ценностей фашизма» от посягательств «красных бандитов», а не игрой на «национальных интересах» и мифе о «величии нации»[76]), недовольство масс обращалось именно против этих действий и против фашистского правительства, повинного в происходившем. Недовольство обретало политическую направленность, затрагивая тем самым уровень базовых ориентаций (переходный тип сознания). По большей части оно было скрытым по форме и не трансформировалось в открытые оппозиционные действия. Тем не менее определенный сдвиг в сторону антифашизма произошел.

Следующим внешнеполитическим событием, пошатнувшим престиж режима и лично Муссолини, стал аншлюс гитлеровской Германией Австрии, который, в отличие от 1934 г., был не только допущен фашистской Италией, но устами дуче признан «исторической необходимостью», поскольку большинство австрийцев якобы стремилось к воссоединению с Германией.[77] В тот момент дуче уже не мог поступить иначе, так как стратегический выбор в пользу нацистской Германии был сделан окончательно. К началу первого официального визита Муссолини в «Третий рейх» (сентябрь 1937 г.) державы «оси» уже достигли полного взаимопонимания в вопросе о разграничении сфер влияния в Европе (Германия — Центральная Европа, Италия — Средиземноморье), а их идеологическое сотрудничество стало лишь дополнительным обрамлением общности политических интересов. В ноябре 1937 г. Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, а спустя месяц вышла из Лиги Наций. Политическая логика великодержавности все больше и больше увлекала ее в сторону нацистской Германии, что делало неизбежным отступничество от Австрии.

В средствах массовой информации сообщение об аншлюсе прошло без всяких комментариев. Муссолини просто не знал, как выкрутиться из уни-

зительного положения и время от времени заявлял о том, что никогда не брал на себя обязательств по защите суверенитета Австрии.[78] Эти заявления звучали весьма нелепо, и в ряде университетских городов состоялись даже демонстрации протеста воинственно настроенной молодежи. А затем официальная пресса начала дружно хвалить фюрера, наконец-то объединившего две страны, которые, дескать, давно этого хотели. Выступая в парламенте 16 марта 1938 г., дуче был вынужден расписаться в собственном бессилии. Если событие «становится фатально неизбежным, — заявил он, — будет лучше, если оно произойдет с вашим участием, чем без вас, или еще хуже, против вас».[79]

Однако попытка сделать «хорошую мину при плохой игре» не могла ввести в заблуждение. Престиж фашистского режима вне и внутри страны заметно упал, а устойчивое влияние Италии в центре Европы, опиравшееся на дипломатический треугольник Вена-Будапешт-Белград, оказалось основательно подорвано. На северной границе Италия непосредственно соприкоснулась с грозным соседом, что подавляющим большинством населения было воспринято с опаской и недоброжелательностью. «Присоединение Гитлером Австрии расценивается как серьезное поражение внешней политики Муссолини», — докладывал в загранцентр КПИ подпольный корреспондент из Ломбардии.[80] По сообщениям одного из агентов городской охранки, в Милане повсеместно шли разговоры, что «не только антифашисты, но и некоторые фашисты, воины и активисты Партии не питают особой симпатии к Германии, проявляют непонимание ситуации, неуважение к установкам и партийной дисциплине».[81] Аналогичные сообщения поступали почти отовсюду. Культ дуче пошатнулся, ибо становилось ясно, что не он является вершителем судеб Европы, и чем глубже становилось сотрудничество с нацистской Германией, тем отчетливее вырисовывалась подчиненная роль Италии в этом альянсе. Положение младшего партнера рейха не только сокрушало культивировавшуюся мифологему о «Великой Италии», но уязвляло национальное самолюбие итальянцев, никогда не питавших к немцам особых симпатий.

Однако процесс разочарования во «всемогуществе» режима и его лидера развивался крайне неравномерно, испытывал паузы и отступления. Так, осенью 1938 г. политические акции дуче вновь на короткий срок поднялись в цене в связи с той ролью, которая была ему отведена в урегулировании «судетского кризиса». По существу дела он оказался лишь посредником, востребованным с обеих сторон. Но видимость лидерства (формальная инициатива созыва конференции в Мюнхене, председательское кресло за столом переговоров, бурная деятельность по германской указке в ходе самой встречи) создавала Муссолини имидж сильного политика, с которым считаются главы ведущих государств. Складывалось впечатление, что он способен управлять международными делами, «печется» о

«справедливом» решении проблемы и о сохранении мира в Европе. И если уж такие опытные дипломаты, как французский посол в Италии А. Франсуа-Понсе,[82] были введены в заблуждение этим спектаклем, что же остается говорить о массе простых итальянцев, оглушенных обрушившимся на них информационным шквалом, превозносившим «гениальное всемогущество» вождя. «В эти дни мне ни разу не доводилось слышать недобрых слов в адрес нашего Вождя, — доносил один из агентов ОВРА в Парме. — Люди очень надеются, что теперь удастся избежать большой войны в Европе».[83] «Энтузиазм масс по отношению к Муссолини в дни проведения мюнхенской конференции — факт знаменательный», — утверждает Р. Де Феличе.[84]

Всплеск энтузиазма, рожденный надеждой на мирное урегулирование конфликта, носил краткосрочный характер. Курс режима на сближение с гитлеровской Германией встречал глухое, но пока еще довольно робкое сопротивление, которое усиливалось по мере насаждения в обществе «порядка и дисциплины» по прусскому образцу. Все гражданские чиновники были облачены в специальную униформу со знаками отличия, соответствовавшими их званиям наподобие военных, в школьные программы в качестве обязательного предмета включался физический труд, а в армии был введен парадный «прусский шаг» под названием «римского шага».[85] Солдаты поначалу лишь посмеивались, но когда началась бессмысленная муштра, стали проклинать нововведение и поругивать самого дуче.[86]

Курс на сближение с Германией повлек и гораздо более тяжелые последствия — законодательное оформление и насаждение антисемитизма. В прежние годы Муссолини не страдал этой «болезнью» и, не кривя душой, заявлял Э. Людвигу, что «никаких чистых рас, в том числе еврейской, не существует. Напротив, именно удачные смешения придают силу и красоту нации... В Италии антисемитизма не существует».[87]

Так оно и было на самом деле вплоть до июля 1938 г., когда был опубликован «Расовый манифест». С немалым удивлением итальянцы вдруг узнали, что в большинстве своем принадлежат к «арийской расе» и что существует «чистая итальянская раса», которую следует оберегать от смешения с другими. 17 ноября 1938 г. парламент одобрил целую серию антисемитских законов, обязывавших евреев регистрироваться в качестве таковых и запрещавших им занимать должности в государственных и научных учреждениях, преподавать в школах и университетах, служить в армии, вступать в браки с итальянцами, опекать малолетних и нанимать в услужение арийцев. Существенно ограничивалось их право владеть недвижимостью (предприятиями свыше 100 занятых землей, стоимостью свыше 5000 лир), детям следовало обучаться в отдельных классах или школах.[88] В Италии проживало в те годы около 50 тысяч еврейских семей, и эти меры ущемляли права каждой.

Антисемитизм никогда не имел корней в массовом сознании итальянцев, он был абсолютно чужд их национальной традиции. Поэтому расовые законы не только не пользовались поддержкой масс, но рождали чувство неприязни к режиму, усиливавшееся одновременным разгулом антисемитской кампании в Германии. В июле—декабре 1938 г. сотни полицейских агентов систематически доносили о том, что массы осуждали «действия против евреев из соображений так называемого гуманизма»,[89] что «нездоровый пиетизм, сочувствие и симпатии к евреям стали намного заметнее, нежели были прежде, до принятия законов».[90]

Эти чувства усиливались резко негативной позицией католической церкви, которая сумела вопреки прежней конформистской линии жестко противопоставить себя официально провозглашенному расизму. Иначе и быть не могло, поскольку в противном случае церкви пришлось бы пойти на попрание основных заповедей христианства. В те годы (начиная приблизительно с испанских событий) «напряжение между фашистским режимом и Ватиканом усиливалось все более. Оно нарастало как потому, что церковь и не думала отказываться от своих прав в области воспитания, от своих позиций в обществе, так и потому, что мирного сотрудничества классов, свободного развития общественных и религиозных институтов не получилось».[91] После принятия «расовых законов» отношения Ватикана с фашистским режимом резко обострились. Это означало явное размывание одной из ключевых опор общественного консенсуса, чья шаткость усугублялась также новыми явлениями в среде ликторской молодежи.

Нарастание брожения среди тех, кто вырос в условиях тоталитаризма, кто прошел через «машину воспитания» в фашистской школе и юношеских организациях, явилось важнейшим индикатором изменения общего политического и психологического климата в стране. Оно проявилось в быстром распространении так называемого «университетского фашистского ревизионизма» — своеобразной фронды молодежи, поверившей в «революционные» лозунги Муссолини.

Во второй половине 30-х годов, когда стали улетучиваться надежды на построение новой «общности труда» через систему корпораций, среди критически мыслящих молодых людей утвердилось мнение, что фашизм уже не способен обновляться, что он утратил свое поступательное движение вперед. Вдохновляемые идеями Дж. Боттаи о революционной роли нового поколения, они требовали ревизии прошлого и настоящего фашизма, его экономической и социально-политической деятельности, призывали к отказу от догматизма, грозившего «старением и упадком». Даже видя несоответствие слов и дел фашизма, эта молодежь по-прежнему верила в провозглашенные им лозунги, ибо боялась потерять веру, с которой она выросла и жила, а пороки и слабости режима приписывала отдельным лицам и группам.

Университетская фронда поначалу была лишь попыткой преобразовать фашизм изнутри. Она представляла собой критику режима Муссолини с позиций неких изначальных принципов фашизма, именно режиму был брошен упрек в том, что он «перестал быть фашистским». Уже в этом факте обнаружилась несостоятельность концепции «непримиримых».

Волна молодежной фронды прокатилась по Италии во второй половине 30-х годов, но начало ей было положено еще в мае 1932 г. на упоминавшемся выше корпоративном конгрессе в Ферраре, где было заявлено, что сотрудничество классов не может быть полным, пока сохраняются различия между работодателем и рабочим.[92] В дальнейшем главными объектами атак молодежи со страниц университетской печати[93] стали «буржуазный дух», «удобная жизнь», «буржуазная действительность», «капиталистическая эксплуатация» и т. д.

Подвергая резкой критике эти понятия, а также отдельные установки режима, авторы, как правило, приходили к выводу о том, что преодолеть трудности может только сам фашизм как «сила конструктивная» и динамичная. Одна из профсоюзных газет «Иль Мальо» («Молот»), руководство которой находилось в руках членов ГУФ, в апреле 1938 г. провела опрос среди туринских рабочих о том, как они оценивают успехи «фашистской культуры»? Совокупный ответ рабочих сводился к тому, что культура носит элитарный характер и им навязываются вкусы хозяев. «Почему у нас нет хороших фильмов, прославляющих счастливый, свободный, героический труд во имя автаркии, — патетически вопрошал журналист, — почему нам не рассказывают истории о простых рабочих?» Оказывается, потому, что виноваты режиссеры, не сохранившие веру в высшие идеалы фашизма, предприниматели, навязывающие свои вкусы, наконец, партийные боссы, плохо проводящие политику режима в области культуры. Вывод напрашивался сам собой: еще можно все исправить, если провести хорошую ревизию и вернуться к «изначальным принципам фашизма».[94]

Однако, призывая к ревизии фашизма, молодые фрондеры по существу стремились к его коренному изменению. Зачастую это происходило неосознанно, но чтобы ответить на их запросы, нужно было так или иначе трансформировать режим. Муссолини и «непримиримые» не могли пойти на это и были по-своему правы, поскольку трансформировать значило бы демократизировать всю политическую систему. В этом случае молодые люди могли создать нечто новое, не имеющее ничего общего с фашизмом 20-х годов, или попросту отказаться от фашистского наследия. В том и другом случае режим Муссолини проигрывал: без либерализации не удавалось сформировать новый правящий класс, а демократическая трансформация привела бы к политическому крушению. Это был замкнутый круг, выйти из которого фашизм не мог, ибо по сути своей был режимом антинародным.

Анализ молодежной нонконформистской печати тех лет показывает, сколь труден оказался интеллектуальный поиск молодежи, как путаны и противоречивы были ее помыслы. В статьях и выступлениях университетских фрондеров почти невозможно провести четкую грань между фашистским ревизионизмом и зарождающимся антифашизмом. Такое переходное состояние могло продолжаться довольно долго, поскольку курс режима сеял в душах молодых людей семена сомнения, которые, по свидетельству современника, «не давали, за редким исключением, политических всходов, но обретали форму ожидания некой открытой, универсальной идеи, способной освободить нас от терзаний и неуверенности».[95]

Однако режим по-прежнему навязывал студенческой молодежи идею формирования нового правящего класса и всячески подталкивал ее к выполнению этого замысла. В мае 1936 г. Стараче приказал ГУФ активно включиться в культмассовые мероприятия рабочих, чтобы создать некую «культуру для всех».[96] «Гуфини» действительно участвовали вместе с рабочими в спортивных соревнованиях, распространяли среди них членские билеты ОНД, маршировали плечом к плечу на манифестациях, выступали по профсоюзной проблематике.

Но отношение студентов (по большей части выходцев из средних слоев населения) к рабочему классу определялось не общностью интересов, а логикой патернализма. Считая себя духовной элитой, они видели свою задачу в том, чтобы «повести этот величественный, но темный класс на революцию», главной движущей силой которой остались бы они сами.[97] Поэтому не удивительно, что тесных связей с промышленным пролетариатом установить не удавалось, рабочие по-прежнему испытывали недоверие к «фашистским выскочкам», а студенческие газеты все чаще жаловались на «непонимание рабочего менталитета».[98] В конечном счете попытки проникновения в рабочую среду закончились полным провалом, что были вынуждены признать многие студенческие лидеры.[99]

Диссидентски настроенная молодежь по-прежнему «варилась в собственном соку», переживая мучительный процесс прозрения. В его основе лежал разрыв между стереотипно усвоенным имиджем фашизма, его обещаниями, рожденными на их основе иллюзиями и реальной действительностью. Механизм этого процесса был типичен для любого тоталитарного общества, вступавшего в стадию разложения. В детстве итальянцы воспринимали сформировавшийся режим в его мифической упаковке, то есть таким, каким его показывали. Официальный обман, как и всякий прочий, предполагает наличие определенных иллюзий у тех, кого обманывают. Но с возрастом в поле зрения молодежи начинали попадать явления и факты, противоречившие сложившемуся образу или по крайней мере не соответствовавшие заложенным в школе и юношеских организациях представлениям. Поначалу это могло вызывать лишь недоумение и отбрасываться

как случайное, но повторение и нарастание конфликтной ситуации заставляло задумываться над тем, что раньше казалось естественным и воспринималось автоматически. Если результатом критического осмысления становился вывод, что под прикрытием ханжества и лицемерия желаемое выдавалось за действительное, молодые люди вступали в полосу сомнений и разочарований, а каждое новое мероприятие режима рассматривалось ими уже с совершенно иных позиций. В этот момент начинал действовать принцип обратного пропагандистского эффекта, когда лживая пропаганда лишь усиливала недоверие и зарождавшуюся ненависть к режиму Муссолини, подрывая, таким образом, его же устои. После подобного прозрения вернуть человека в лоно прежней «веры» было уже невозможно. Этот механизм действовал во всех социально-демографических группах, ибо расхождение слов и дел фашистского режима было видно каждому, кто хотел его видеть.

Критический настрой фрондировавшей молодежи нарастал, но если он выходил за дозволенные рамки, если затрагивались «недискуссионные» вопросы или предлагалось от слов перейти к делу, если ставились под сомнение стратегические интересы фашистской олигархии, следовало немедленное вмешательство властей, закрытие газеты, изменение темы, а молодые фрондеры подвергались дисциплинарным наказаниям или кратко-срочной высылке. Режим Муссолини весьма осторожно использовал репрессивный механизм, демонстративно объявлял себя сторонником «ревизии фашизма», стремился направлять в рамки контролируемой и даже провоцируемой фронды оппозиционные тенденции, которые в ином случае могли найти более опасные формы проявления. Отсюда та иллюзия свободы, которой пользовались молодежные издания. В допущении этой «свободы» была немалая доля риска: критика, творческий поиск могли привести (и приводили-таки) к антифашистским выводам. Даже сам лозунг «Дискутировать, веря!» по сути своей был противоречив: дискуссия, предполагающая элемент критики, не может соседствовать с фанатичной верой.

Поощряя фронду в стремлении обезопасить себя, режим не смог нейтрализовать ее подрывной характер, и в конечном счете она породила процессы, которые вышли из-под контроля власти. Молодые фрондеры постепенно переходили на антиконформистские и даже антифашистские позиции, но по-прежнему использовали предоставленные им легальные возможности для критики фашизма уже как такового. «В действительности многие из нас сражались сначала внутри, а затем против фашизма», — свидетельствует один из них.[100]

Нарастание оппозиционных настроений проявилось и в ходе так называемых «ликторских чтений», которые предоставляли возможность выразить свое мнение «в атмосфере относительной свободы, или вынужденной терпимости».[101] Первые конференции (Флоренция — 1934 г.,

Рим — 1935 г.) проходили в русле официальной идеологии, что убедило фашистских иерархов в их целесообразности. Но уже на следующий год (Венеция) появились признаки антиконформистских настроений, а в 1937 г. в Неаполе Р. Гуттузо, А. Тромбадори, Б. Дзеви, Р. Де Града, Ф. Фортини и др. в ходе чтений открыто выступили против «романизации» современного искусства и против «убогого национализма» фашистской культуры. Поиск путей самовыражения подвел их к пониманию фальши парадного стиля, причем не столько формы, сколько его содержания. Они, как и многие сверстники, уже не воспринимали Д'Аннунцио с его помпезностью, маскировавшей пороки режима, предпочитали тех, кто писал в более умеренных тонах (Моретти, Палаццески, Гоццано).[102] В попытке молодежи уйти в мир нонконформистской, антиданнунцианской литературы угадывается начало поворота против действительности, внутренне отвергавшейся, но которой пока нечего было противопоставить взамен. О горячих спорах на «ликторских чтениях» в газетах публиковались лишь скупые отчеты, что, в свою очередь, становилось поводом для недовольства.

Студентам без определенной политической ориентации, но эволюционировавшим в антифашистском направлении, представилась в те годы возможность укрепить свои позиции в тех университетах, где вокруг враждебных режиму профессоров сложились своеобразные «сократовские школы». Это движение, получившее впоследствии название либерал-социализма, возникло на базе групп, образовавшихся в университетах Пизы и Рима (Г. Калоджеро), Флоренции (П. Каламандреи, Т. Кодиньола, П. Фосси, А. Карочии и др.), Болоньи, Перуджи и других городов. Взгляды их членов выглядели весьма расплывчатыми, иногда противоречившими друг другу, но почти все они сходились в том, что нужно было не противопоставлять, а гармонично синтезировать лучшие элементы реформистского социализма и политического либерализма, создав, таким образом, некую «третью силу».[103]

В вопросе о путях достижения поставленной цели среди либерал-социалистов не было единства. Большая их часть во главе с Г. Калоджеро и П. Каламандреи склонялась к необходимости активной антифашистской борьбы, что привело их впоследствии под знамена «Справедливости и Свободы». Сторонники А. Капитини основывались на принципе «без насилия», восходившем к идеям М. Ганди об «активном бойкоте зла». Они полагали, что если убедить человека в его способности воплотить подлинные, гуманные ценности в жизнь путем осознания и преодоления собственного несовершенства, то зло можно будет побороть. Применительно к Италии это означало: если итальянцы прекратят сотрудничество с режимом, то он рухнет сам по себе. Впоследствии Капитини признал эту идею «незрелой».[104]

Заметные сдвиги обозначились также в недрах ФУЧИ (Университетская федерация католиков) и Католического Действия. Их члены исполь-

зовали имевшиеся у них легальные возможности для критики идейных постулатов фашизма, а наиболее отважные во время войны в Испании разбрасывали антивоенные листовки в Риме, Генуе, Милане, Флоренции,[105] то есть действовали, будучи убежденными в своей правоте. И хотя такие акции были немногочисленны, само их осуществление, сопряженное с немалым риском, отражало антифашистский настрой в среде левой католической молодежи.

По мере нарастания недовольства, провоцировавшегося внешней и внутренней политикой режима, этот настрой охватывал все более широкие слои молодых рабочих и студентов. Одной из явных форм его проявления стало возникновение во второй половине 30-х годов подпольных групп и организаций молодежи, большая часть которых была ориентирована в сторону коммунистических идей. Даже простое перечисление мест их появления — Рим, Милан, Неаполь, Турин, Триест, Флоренция, Ливорно, Сиена, Модена, Специя, Генуя, Болонья, Кальяри и др. — свидетельствует о повсеместности этого явления и подтверждается материалами Центральной политической картотеки. Если изучить возраст задержанных полицией и тех, на кого были заведены дела с грифом «подрывная деятельность», то явно вырисовываются две возрастные группы: старые антифашисты с немалым опытом борьбы (коммунисты, социалисты, анархисты) и молодые люди, родившиеся в 1912–1915 гг.[106]

Общей политической характеристикой подпольных организаций молодежи была приверженность активному антифашизму. Этот факт трудно переоценить, если принять во внимание, что антифашистские взгляды большинства их участников стали результатом индивидуального, автономного развития личности в крайне неблагоприятных условиях режима. Сохранилось множество устных свидетельств антифашистов старшего поколения о том, что после разгрома оппозиции и принятия «чрезвычайных законов» в рабочих семьях, в кругу знакомых и близких людей утвердилось «молчаливое согласие не говорить о политике и особенно не воскрешать в памяти столь быстро разбившиеся мечты первых послевоенных лет».[107] Глухая замкнутость стала линией поведения и формой индивидуальной защиты, а массовый политический эскапизм — нормой общественной жизни.[108] Молодежи, оставленной в руках церкви и юношеских организаций режима, не передавалось, за редким исключением, идейное антифашистское наследие прошлого. Многие имели весьма далекое от действительности представление о том, как фашизм пришел к власти, да и само насилие над обществом уже не воспринималось как таковое. Тем более значимой оказывалась самостоятельная, или почти самостоятельная эволюция молодых людей, сумевших почувствовать фальшь окружающего мира и найти адекватные формы выражения своего протеста. Они не вдохновлялись антифашистами старшего поколения, не имели связей с организованным подпольем. Их действия — результат радикальных перемен в умонастроениях.

Сказанное выше не означает, что политический антифашизм не имел никакого влияния в молодежной среде и не пытался его завоевать. Выступая на VII конгрессе Коминтерна, П. Тольятти прямо указывал на «пропасть, которая подчас либо уже существует, либо образуется между старыми поколениями революционных рабочих и коммунистов и молодыми поколениями трудящихся» в фашистских странах. Для ее преодоления, продолжал П. Тольятти, «имеется только одна возможность: проникновение в фашистские организации, работа в этих организациях».[109] В те годы КПИ оказалась единственной антифашистской партией, глубоко осознавшей эту необходимость и попытавшейся найти подход к ликторскому поколению.[110]

Однако ее новая тактика сразу ощутимых результатов не принесла и принести не могла, так как режим Муссолини был еще на гребне своего «величия и силы», ОВРА тщательно отслеживала коммунистов и жестко противодействовала их проникновению в массовые организации, а события в Испании отвлекли на себя лучшие кадры итальянской компартии. Но эта тактика имела долгосрочную перспективу, становясь более эффективной по мере обострения внутренних противоречий режима. Кроме того, в самой КПИ постепенно изживались сектантские представления о методах борьбы с фашизмом, и увеличивалось число коммунистов, действительно осознавших необходимость работы в массовых фашистских организациях.[111]

С точки зрения воздействия на умонастроения рабочих, особую важность имели две из них: «Дополаворо» и профсоюзы. Еще в мае 1933 г. (задолго до VII конгресса Коминтерна) в заявлении ЦК КПИ «Дополаворо» была названа «наиболее добровольной, наименее фашистской» среди всех организаций режима.[112] Признавалось, что участие в ее деятельности создавало благоприятные предпосылки для выработки чувства коллективизма. И хотя рабочие испытывали в ОНД влияние фашизма, само участие давало возможность не только получить выгоды, но и почувствовать элементы «авторитаризма и коррупции режима». В этом смысле «организованные» в ОНД массы являлись, по мысли коммунистов, более благодатным полем для антифашистской пропаганды, нежели те, кто вообще не соприкасался ни с какими организациями.

Во второй половине 30-х годов «Дополаворо» разрослась в огромную, неуклюжую, полностью бюрократизированную ассоциацию, которая, судя по докладам полиции дуче, не разворачивала «никакой политической пропаганды в массах»[113] и потому оказывалась неспособной отвлечь их внимание от осмысления несовместимости милитаристского курса и обещаний социального благоденствия. «В неприкасаемых секциях Дополаворо танцуют и развращают молодежь самым непристойным образом, — с горечью доносил один из агентов. — Эти центры превратились в места попоек и танцулек.., где играют в карты и хлещут вино. Никакой фашистской пропаганды, никакой культуры, лишь немного спорта».[114]

Муссолини был подробно информирован о «тяжелейшем моральном кризисе» в ОНД по докладу одного из своих ближайших помощников (О. Динале), который проанализировал деятельность «Дополаворо» за последние десять лет. Оказалось, что ее руководство на разных уровнях погрязло в коррупции, допускало грубые финансовые злоупотребления и нецелевое использование средств, зачастую просто разворовывая их, что внутри организации набирал силу абсентеизм, увлечение спортом, театром и прочими развлечениями «в ущерб социальным и экономическим инициативам».[115]

Рецепты оздоровления организации были выдержаны в сугубо бюрократическом духе: передать руководство ею от ПНФ кабинету министров и восстановить прежний устав 1925 г. Поскольку дуче не видел иных путей решения проблемы, в мае 1937 г. ОНД перешла под его личный контроль, хотя в ее деятельности это ничего не меняло. Формально изменился лишь юридический статус: «Дополаворо» объявлялась «общественной организацией», возможностями и преимуществами которой могли пользоваться все граждане, а не только «дополавористы». Попытка большей идеологизации жизни ОНД, о чем мечтал Стараче и иже с ним, полностью провалилась. Основная тенденция развития «Дополаворо» — выхолащивание политического содержания и превращение в чисто развлекательную корпорацию — осталась прежней.

Передача под контроль правительства подчеркнула статус ОНД как окологосударственного учреждения, и рабочие все более охотно записывались в ее секции, отдыхали и развлекались и уже совсем не воспринимали ее как организацию фашистскую. Этот факт весьма симптоматичен. В нем нашло косвенное отражение некоторое изменение в отношении рабочих к государству как к некой враждебной силе, противостоящей индивиду и обществу. Такое восприятие по-прежнему оставалось составной частью менталитета, но было в известной мере модифицировано конкретными действиями правительства: оно немало дало рабочим в социальной сфере, являлось гарантом полученного, прижимало (пусть на словах) капиталистов и т. д. Однако корректировка в поведении рабочих по отношению к государству не меняла главного, к чему стремились фашисты: в массовом сознании не возникало прямых ассоциативных связей между понятиями «нация — государство — фашизм». Как это ни парадоксально, но эффект был прямо противоположен ожидавшемуся: росло разочарование в фашизме, который явно выпадал из этой связки, а содеянное им в позитивном плане не воспринималось как собственно фашистское.

«Дополаворо» — яркий тому пример. По оценке ОВРА, к началу 40-х годов она оказалась «пустой, чересчур механизированной» ассоциацией, функционеры которой «почти потеряли из виду главные цели, ставившие-

ся перед нею».[116] Таким образом, разваливался один из основных инструментов консенсуса, все более превращаясь из утонченного орудия подчинения масс в автономную структуру, удовлетворявшую потребности масс.

Не менее сложную эволюцию претерпевали фашистские профсоюзы, ставшие основным каналом выражения недовольства промышленных рабочих. В этом состоял один из парадоксов политической системы: пришедшие на смену разгромленным классовым организациям и призванные обеспечить поддержку новой власти, фашистские профсоюзы превратились в накопители негативных эмоций, грозившие выходом из-под контроля бюрократии. Инструмент насаждения консенсуса обретал прямо противоположную функцию, становясь рупором социально-экономических, а позже и политических требований рабочего класса.

Именно эта тенденция в их развитии создавала благоприятные возможности для легальной работы коммунистов. Многие исследователи сходятся во мнении, что из всех известных примеров такой деятельности наиболее значительных результатов удалось достичь падуанской группе во главе с блестящим теоретиком и публицистом Эудженио Куриэлем.[117] Выходец из интеллигентской среды, Куриэль, как и многие его сверстники, пережил сложную философскую эволюцию, в конечном счете, приведшую его на позиции революционного марксизма.[118] В 1937 г., будучи убежденным антифашистом, он вошел в редакцию падуанского журнала ГУФ «Иль Бо», став фактически его главным редактором. К тому времени у него уже оформилась идея легальной работы,[119] в основе которой лежало утверждение, что в Италии осталась лишь одна массовая организация, «четко сохраняющая классовые различия в обществе», — фашистский профсоюз.[120] По мнению Куриэля, профсоюзы представляли собой не только капиллярную сеть распространения установок режима, но и единственное орудие борьбы пролетариата за свои интересы. Поэтому именно здесь следовало сосредоточить усилия в борьбе за единство рабочего класса, обосновав в легальных журналах принцип его автономности в условиях корпоративной системы. Эту деятельность группа Куриэля сочетала с нелегальной подготовкой и распространением антифашистских материалов, постепенно преодолевая настороженность и недоверие со стороны рабочих. По свидетельству члена руководства КПИ А. Донини, Куриэль представлялся коммунистам «конкретным подтверждением правильности нашей работы по проникновению в легальные массовые организации».[121]

Одной из наиболее эффективных форм этой деятельности стало завоевание должностей «доверенных лиц», которые являлись связующим звеном между рабочими, с одной стороны, и заводской администрацией, профсоюзной бюрократией, партийными и местными функционерами — с другой. Единого порядка избрания или назначения на эти должности не существовало, а возможности воздействовать на умонастроения

рабочих, а также интерпретировать их требования оказывались у этих лиц немалыми. Поэтому места «доверенных», как правило, становились объектом ожесточенной борьбы, в которой побеждали и фашисты, и ставленники администрации, и подпольные антифашисты, бравшие на вооружение социальную демагогию дуче.[122] По воспоминаниям бывших «доверенных лиц» из числа коммунистов, их работа была сопряжена не только с опасностью оказаться раскрытыми полицией, но и с огромным психологическим напряжением, создававшимся отрешенностью и даже враждебностью рабочих, видевших в фашистских профсоюзах орудие защиты интересов хозяев.[123] Это отношение проявлялось во множестве фактов: от простого нежелания обращаться в профсоюз до открытого игнорирования призывов фашистских профбоссов.[124] Поскольку, однако, профсоюзы имели реальные возможности защищать экономические требования трудящихся (особенно в ходе переговоров о заключении коллективных договоров), обращение к ним становилось вынужденной нормой поведения рабочих на производстве и за его пределами (например, при урегулировании индивидуальных трудовых конфликтов).

Во второй половине 30-х годов в условиях политической стабильности и спекулятивного экономического роста, стимулированного курсом на автаркию, экономические требования не выходили за рамки обычных отношений между работодателем и наемным контингентом рабочей силы и были нацелены на улучшение условий труда и найма. Через профсоюзы рабочие требовали от предпринимателей соблюдения условий коллективных договоров, повышения почасовой оплаты и расценок за работу в праздничные и выходные дни, пересмотра условий сдельщины, запрета несправедливых штрафов и т. п.; от корпораций (читай: государства) — снижения пенсионного возраста, расширения перечня профессиональных заболеваний, усиления борьбы против туберкулеза, введения повсеместно выборности «доверенных лиц» и т. п.[125] Выдвижение этих требований еще не означало вызревания элементов недовольства на уровне базовых ориентаций, поскольку не увязывалось с пониманием необходимости смены политического курса. Однако фермент недовольства, его постоянное присутствие в рабочей и профсоюзной среде создавало напряженную «негативную ауру» в отношениях между всеми субъектами производства.

По мере нарастания элементов неустойчивости режима это недовольство становилось более явным, и его пытались использовать в своих интересах не только антифашисты, но и другие социально-политические силы. Некоторые предприниматели вопреки установившейся практике стали направлять средства на социальные нужды через прежние патерналистские каналы (оживляя их),[126] минуя систему государственного социального обеспечения, хотя это противоречило закону.[127] Организации Католического Действия возобновили попытки создания таких квартальных кружков,

которые могли бы конкурировать с фашистскими. Они особенно активизировались летом 1939 г. после двухмесячных волнений рабочих в городах Северной Италии. Муссолини удалось тогда погасить напряженность, назначив главой фашистской конфедерации рабочих промышленности бывшего маляра из Бергамо, профсоюзного лидера Милана П. Капоферри. Он сумел убедить дуче в необходимости расширения полномочий профсоюзов в социальной сфере («доверенные лица» получили возможность самостоятельно принимать решение об увеличении «семейных надбавок») и передачи им контроля над ОНД (Капоферри сменил Стараче на посту специального комиссара «Дополаворо»), что привело к обострению старого противоречия между ПНФ и фашистскими профсоюзами: партбоссы вновь заговорили о том, что синдикалистская демагогия провоцирует рабочие волнения, а руководители профсоюзов «вспомнили» обвинения ПНФ в попытках «нацификации» всей Италии и стремлении установить контроль над их деятельностью. Все эти противоречия вписывались в общую, заметно менявшуюся социально-психологическую картину фашистской Италии, придавая своеобразие и остроту постепенно назревавшему кризису режима.

Одной из основных форм его выражения стали явления массового порядка: жидкие аплодисменты одиночек вместо бурных рукоплесканий толпы во время официальных церемоний, отказ от участия в уличных шествиях, игнорирование фашистских сборищ (в особенности «фашистских суббот»), почти полное исчезновение ритуала «фашистских свадеб» — все это сочеталось с повседневными проявлениями антинацистских чувств (карикатуры на фюрера, срывание флажков с немецких автомобилей, анекдоты о тупости немцев и т. д.). Убогими и нелепыми становились некогда многолюдные и пышные официальные торжества, посвященные празднованию годовщин «революции». Былую привлекательность потеряли даже бесплатные обеды, которые устраивались по этому поводу для сквадристов. В ноябре 1938 г. в Турине на такой обед из 300 приглашенных пришли 50 человек, а на вечернюю манифестацию молодых фашистов, которая должна была символизировать преемственность поколений, всего трое.[128]

К очевидным проявлениям оппозиционных настроений относятся надписи на стенах, ругательства, выразительные жесты, песенки,[129] злые анекдоты, насмешки и масса других симптомов, которые усердно фиксировали полицейские агенты и систематизировали в отчетах их начальники. Изучая эти документы, мы обнаружили примечательную деталь: картина общественных умонастроений, рисуемая в документах тайной полиции, существенно отличается от той, которая предстает перед нами в донесениях квесторов и префектов. В материалах ОВРА мы видим общество, едва переносящее режим, зараженное массовым антифашизмом, молчащее оппозиционное большинство, готовящееся к открытой схватке с фашизмом. Рапорты местных властей рисуют иную картину: общество пассивно, апо-

литично, поглощено повседневными заботами и нуждами, почти не подвержено влиянию антифашистов. Иными словами, если префекты писали о том, что в траттории кто-то, захмелев от лишнего стаканчика, распевал песню коммунистов «Бандиера росса», то они акцентировали внимание именно на «лишнем стаканчике». Если же схожий эпизод проходил в материалах ОВРА, то упор делался на «Бандиера росса».[130] Нам представляется, что в отношении общества в целом истина лежит где-то посередине, особенно если учесть, что на каждый единичный случай протеста приходилось несколько «добропорядочных граждан», которые выступали свидетелями перед властями и призывали «смутьянов» к порядку.[131]

Судя по материалам Особого трибунала и региональных комиссий по высылке, резкий подъем актов индивидуального протеста обозначился в 1937–1938 гг. [132] Сказывались последствия внешне- и внутриполитических авантюр, дали о себе знать и первые результаты курса на автаркию и милитаризацию, приведшего к перенапряжению сил и истощению ресурсов страны. И хотя положение основной массы трудящихся оставалось стабильным, разрыв между мифологизированными ожиданиями и реальными результатами деятельности режима с каждым годом углублялся. Этот разрыв вступал в острое противоречие с укоренившимися психологическими стереотипами мышления и поведения, порождая в людях растерянность и разочарование.

Вплоть до 1939 г. никаких перебоев с продовольствием не было, однако цены на некоторые продукты питания выросли. Несмотря на увеличение поставок кофе из Эфиопии, его стоимость на внутреннем рынке за 4 года утроилась. Литр оливкового масла — основы итальянской кухни, без которого не может обойтись ни одна хозяйка, — в городах Северной Италии в 1937 г. продавался за 11 лир, в 1940 г. — за 30–35 лир.[133] На потребительском рынке негативно отразились плачевные результаты нашумевшей «битвы за зерно», которая, в конечном счете, привела к изменению агрикультурной структуры страны. Расширение посевов зерновых спровоцировало отток сил и средств из животноводства и вытеснение прочих растительных культур. «Битва за интегральную мелиорацию» провалилась, так как из 2600000 га земли, подлежавших культивации, удалось осушить и облагородить лишь 10%. Несмотря на попытки регламентации трудовых отношений в сельском хозяйстве на основе принципов корпоративизма («Хартия испольщины», 1933), бегство крестьян и батраков в города продолжалось, что приводило к сокращению объема производства по ряду сельскохозяйственных культур.

В городах рост стоимости жизни сопровождался усилением нажима предпринимателей на рабочих, особенно занятых в военной промышленности. На многих предприятиях этой отрасли был установлен 10–11-часовой рабочий день, запрещены переходы и отлучки, введены специальные

меры полицейского надзора. Связь между усилением эксплуатации и подготовкой режима к войне становилась все более очевидной. Ее уже не скрывали и средства массовой информации, стремившиеся пробудить «трудовой и патриотический героизм» масс, необходимый во имя «величия Родины». Однако и в этом случае срабатывал механизм обратного пропагандистского эффекта: верность фашизму предполагала активность в политической жизни, однако интерес к политике все чаще приобретал полемическую, антинацистскую и даже антифашистскую направленность.

Так, в ноябре 1938 г. в официальной прессе была начата шумная антифранцузская кампания, имевшая целью обосновать претензии Италии на Ниццу и Корсику, оказав тем самым воздействие на общественное мнение в русле его подготовки к войне. Судя по многочисленным донесениям агентов, написанным по горячим следам этой кампании, ее результаты оказались не только ничтожны, но зачастую вовсе противоположны ожидавшимся. «Общее впечатление таково, что народ устал, боится войны и экономических неурядиц, — сообщал один из осведомителей из Виченцы. — Странно, однако, как скоро были забыты наши прежние отношения с так называемой латинской сестрой. Нынешняя кампания прогремела как гром среди ясного неба, без всякой подготовки общественного мнения».[134] «Волна пессимизма обрушилась на Милан, — суммирует свои «рождественские» впечатления один из агентов, донесение которого Стараче переслал главарю миланских фашистов Э. Паренти, — и, как мне рассказывали те, кто много ездит, на всю Италию... Налицо новый, типично внутренний кризис: скептицизм по поводу фашистской политики и сомнение, ставшее уверенностью, что девятнадцать лет сплошных жертв, борьбы и лишений неизбежно приведут к войне как к эпилогу». Рабочий класс, сталкивающийся с социально-экономическими проблемами, продолжает он, наиболее радикален, «в каждом рабочем потенциально существует Ленин». В среде мелкой и средней буржуазии, «где дуче имеет самых верных и преданных сторонников... прокладывает дорогу скептицизм. Интеллигенты по большей части или безразличны, или не являются фашистами». Итальянцы в целом «начинают понимать, что фашизм, как система конструктивная, не представил веских доказательств и что постепенное обнищание страны в сущности не является результатом борьбы, ведущейся за ее пределами, но неизбежным следствием политической системы, которая, дабы избежать крушения, вынуждена прибегнуть к крайним мерам и которая, к сожалению, будет пытаться сопротивляться даже ценой поддержки войны, грозящей отбросить цивилизацию в мрачное средневековье».[135] Паренти назвал этого осведомителя «подлинным антифашистом».

В пессимистической картине, нарисованной этим не лишенным воображения агентом ОВРА, слишком сгущены краски. Многие итальянцы, в том числе промышленные рабочие, еще не улавливали причинно-следственной

связи между нарастанием бытовых неурядиц и политическим курсом фашистского правительства. Недовольство, возраставшее на уровне обыденных ориентаций, пока не трансформировалось в осознание необходимости радикальных политических перемен. Зачастую к этому примешивалось и глубоко укоренившееся неверие в собственные силы, и боязнь еще большего ухудшения обстановки, и стремление замкнуться в кругу семейных проблем, «отгородившись» ими от политики. В обстановке неуверенности и утраты перспектив люди пытались искать свою утерянную идентичность и сферу самовыражения за пределами официальных общественных структур. Эскапистский тип сознания получал все большее распространение как в средних слоях населения, так и в рабочем классе.

Итальянцы отворачивались от режима Муссолини не только по политическим, социальным, нравственным, но и морально-правовым мотивам. Ликвидация демократических свобод и правопорядка, преследование инакомыслящих, тирания и несправедливость — все это порождало эмоциональный протест и влекло за собой изменения на уровне сознания: первым шагом становилось освобождение от идеологического конформизма, подавлявшего критическое отношение к действительности и примирявшего с нею. Толчком к началу этого процесса мог быть простой случай: истошные вопли на митинге какого-нибудь фашистского божка, вызывающе-отталкивающее поведение лиц из фашистской иерархии, очевидная несправедливость или грубость. Один из добровольных шпионов ПНФ с нескрываемой горечью доносил начальству о том, что «особенную озлобленность вызывает у людей непотизм и система покровительства. Этим заражены высшие чины Режима. Над ними потешаются все, кому не лень, а юмористов в Италии хватает».[136]

Главным объектом массовых насмешек стал секретарь ПНФ А. Стараче. Его бурная деятельность по насаждению «нового стиля жизни» и «воспитанию характера итальянцев» отторгалась обществом. Об этом сохранилось немало сведений в мемуарах и документах полиции. Сотни филеров описывали ситуации, в которых Стараче выглядел настоящим болваном, всерьез произносившим глупые вещи и не понимавшим комизма своего положения.[137] Особую неприязнь вызывали ужимки Стараче, его обезьянья манера копировать дуче, вплоть до оттопыривания губы и надувания щек. «Эти жесты, — пишет анонимный осведомитель, — приобретали характер карикатуры и вместо того, чтобы стимулировать энтузиазм, вызывали раздражение».[138] В архиве канцелярии дуче до сих пор сохранилось множество писем рядовых фашистов, призывавших Муссолини избавиться от Стараче, который дискредитировал режим.[139] Зять дуче Г. Чиано, занимавший в то время пост министра иностранных дел, в своем дневнике называл Стараче иерархом, «самым ненавистным и презираемым итальянцами».[140] Однако тот же Чиано признавал, что вся

деятельность Стараче вдохновлялась и поддерживалась Муссолини, который высоко ценил этот «инструмент» по формированию «нового человека» и его усилия по принуждению граждан жить по нормам, чуждым их национальной традиции. Иными словами, Стараче («сторожевой пес революции», как его величал дуче) являлся лишь одиозным воплощением идейно-политического курса, проводившегося всей «фабрикой согласия» (по меткому определению В. Каннистраро)[141] тоталитарного режима. Крах идеи создания «нового человека и общества» был вызван не «старачизмом», как полагал А. Тамаро,[142] а порочностью и антигуманной сущностью самой идеи. Такова была скрытая, обратная сторона медали, которая лишь постепенно становилась доступной пониманию.

Внешне ничто пока не предвещало крушения режима, и зарождавшийся в душах протест еще не обретал действенного характера. Он рождал упования на возникновение каких-то экстраординарных обстоятельств (смерть Муссолини, разлад в фашистской верхушке и т. п.), сопровождался ростом апатии, подавленности, душевного дискомфорта.

Этот настрой усиливался постоянным, навязчивым стремлением режима не выпускать массы из орбиты своего влияния, манипулировать ими, то есть сохранять в рамках воздействия фашистской субкультуры. Письма и отчеты коммунистов о поездках по различным регионам Италии в 1937–1939 гг. полны сообщений о том, как проходили фашистские собрания на предприятиях: рабочих силой загоняли в помещение, где должен был выступать иерарх, закрывали двери и окна и выставляли наружные кордоны фашистов, чтобы аудитория не разбежалась.

Показательным примером негативизма рабочих по отношению к таким мероприятиям стал приезд дуче на торжественное открытие фабрики Мирафиори в Турине в 1939 г. Рано утром, под дождем рабочие вышли на манифестацию (ибо присутствие Муссолини требовало их участия), но как всегда экзальтированную речь дуче встретили гробовым молчанием.[143] Их присутствие означало вынужденное согласие с нормами и требованиями политической среды, но молчание выражало демонстративный отказ, отрицание этих норм, в нем слышался приговор самому диктатору. Такое необычное сочетание «согласие-отрицание» являлось концентрированным выражением сложного клубка социально-политических и психологических отношений масс с фашистским режимом в конце 30-х годов. Вынужденное и вымученное участие в официальных мероприятиях, по-прежнему проводившихся властями в рамках «мобилизации сверху», оставалось типичной формой поведения масс, но уже не являлось составной частью консенсуса, опиравшегося на осознанное согласие и конформизм.

Такая адаптация рабочих к социально-политической среде не означала добровольного приспособления к ее нормам. Более того, во второй половине 30-х годов она претерпевала изменения, эволюционируя от различных форм

несогласия, не выходивших за рамки установленной системы «ценностей», до множественных видов протеста, направленных против самой системы. Грань перехода из одного состояния в другое уловить очень сложно, но следует все же отказаться от весьма распространенного в левой историографии мнения, будто любое проявление конфликтности было увязано или с пробуждением чувства классовой сознательности, или с элементами кризиса господствовавшей политической системы. Рабочий класс имел пусть ограниченную, но все же реальную возможность конфликтовать, выдвигать свои требования и даже бороться за их выполнение внутри тоталитарного режима, пользуясь им же созданными инструментами (профсоюзами, корпорациями, Магистратурой). В этом случае его отношения с системой, особенно если удавалось достичь успеха, становились функциональными. Поэтому проявление конфликтности само по себе еще не может рассматриваться как феномен противостояния режиму, оставаясь лишь одной из наиболее распространенных форм адаптации к нему.

Когда же эти отношения выходили за рамки функциональных, конфликтность обретала иное качество и была направлена против посреднических институтов режима и самой тоталитарной системы. В таких случаях (спонтанные забастовки, саботаж производства, акции протеста, имевшие политический оттенок и т. д.) единственным способом решения «рабочего вопроса» становилось подавление, к которому режим прибегал незамедлительно. Однако репрессии приводили не к тушению очага недовольства, а к расширению его тлеющей зоны. Конфликтность по-прежнему сохранялась и гармонично вписывалась в общую «подрывную традицию», носителями которой оставались низшие слои общества, в том числе рабочий класс.

Термин «подрывной» широко используется в исторической литературе и в материалах полиции. Исследователи толкуют его в широком смысле как некий историко-психологический феномен, присущий итальянскому обществу в новейшее, новое и даже более раннее время, и состоящий в совокупности элементов сознания, поведения, отношения к социально-политической сфере и ее атрибутам, наконец, действий низших слоев общества, направленных против существующих порядков и властных структур и переплетающихся с идеологическими компонентами организованного рабочего и демократического движения. Смысл, который вкладывали в термин «подрывной» полицейские бюрократы, был значительно проще: любые действия (в том числе высказывания), подрывающие стабильность и престиж фашистского режима и его лидера.

Изучение этого феномена на основе документов полиции подводит к выводу о нарастании во второй половине 30-х годов потенциала не только пассивного, но и активного протеста в массах. Вернемся еще раз к центральной политической картотеке. Категория «подрывные элементы» включала в себя три группы «опасных персон»:

— лица, представляющие исключительную опасность для режима (последовательные антифашисты, эмигранты, коммунисты) и подлежащие «немедленной нейтрализации» в любой ситуации;

— лица опасные, способные вмешиваться в установленный порядок и нарушать проведение официальных мероприятий, манифестаций, парадов, шествий, массовых гуляний и, следовательно, подлежащие «нейтрализации» в случае проведения таковых;

— *лица, которые могут считаться опасными в случае уже произошедших* нарушений общественного порядка, то есть потенциально способные принять участие в антиправительственных действиях и потому подлежащие «профилактической нейтрализации». Все антифашисты попадали в эти три группы по определению, даже если они не собирались ничего предпринимать.

В квестурах велись списки еще двух, менее опасных категорий лиц с ограниченным периодом наблюдения, так называемых «неуравновешенных», количество которых исчислялось тысячами. Раз в 2–3 года списки обновлялись, составлялись заново в алфавитном порядке по категориям. Их сравнение обнаруживает интересующую нас тенденцию: во второй половине 30-х годов общее количество лиц, попадавших на заметку полиции, увеличивалось в арифметической прогрессии за счет появления новых персонажей, а те, кто уже состоял на учете, неуклонно передвигались вверх по лестнице «категорий опасности», то есть полиция считала их все более радикальными.

Для этого были веские основания: оппозиционно настроенные «элементы» «созревали» в рабочих кварталах, впитывая в себя как «подрывную» традицию народных низов, так и уроки антифашизма внутри страны, связанные с активизацией деятельности левых сил. К этому примешивалось сохраненное старшим поколением революционное наследие недавнего прошлого, рисовавшее в воображении рабочих мифологизированные представления о социальной революции, Сталине, России и Испании.[144]

Эта причудливая, но взрывоопасная смесь лежала в основе так называемого «народного антифашизма», существенно отличая его от «антифашизма буржуазного», набиравшего силу в верхних и средних слоях общества.[145] Пестрые и многослойные элементы «народного антифашизма» переживали длительный период латентного развития. Они прорывались наружу лишь отдельными всплесками, которые становились все более частыми по мере усиления напряженности, связанной с подготовкой режима Муссолини к войне.

Ее неумолимое приближение чувствовалось во всем. Стремясь не отстать от своего агрессивного партнера и одновременно доказать стране, что ось «Берлин–Рим» действует и в интересах Италии, дуче в апреле 1939 г. направил 40-тысячную армию на захват Албании, а в мае подписал с Гитлером так называемый «Стальной пакт», в котором стороны взяли на

себя обязательство оказывать друг другу военную помощь в случае конфликта и не заключать перемирия с противником без взаимного согласия.

Однако к войне Италия была не готова. В армии ощущалась нехватка современных типов вооружений, стратегические запасы сырья, топлива и боеприпасов после интервенций в Эфиопии, Испании и Албании были почти исчерпаны. Летом 1939 г. Боккини неоднократно информировал Муссолини о том, что абсолютное большинство итальянцев не собирается воевать и боится войны. Стараче пытался доказать обратное, уверяя дуче, что все 40 млн итальянцев рвутся в бой. Вечером 31 августа 1939 г. Чиано откровенно признался Боттаи, что все эти уверения — сплошная ложь. «Итальянский народ не хочет войны. Он чужд ей. Он нам не верит».[146]

Да и как можно было рассчитывать на очередной кредит доверия, если режим оказался неспособен даже выдвинуть новую, общенациональную, сколько-нибудь правдоподобную объединительную идею, как это случалось прежде — в экономических «битвах» 1926–1927 гг., в реализации лозунга «Лицом к народу!» путем расширения сферы социального вспомоществования в 1931–1933 гг., в борьбе против санкций Лиги Наций в 1935–1936 гг. Перспектива быть втянутыми в мировой конфликт не «открывала», а «закрывала» сердца, итальянское общество оказалось не готовым к восприятию войны как «закономерной необходимости». Несмотря на многолетнее нагнетание милитаристских настроений, война не вписывалась в мировоззрение итальянского народа, она была чужда его историческому сознанию. В менталитете масс не возникало прямых ассоциативных связей между созреванием европейского конфликта и какой-либо перспективой улучшения жизни. К этому добавлялось интуитивное понимание слабости итальянской армии (на опыте Эфиопии и Испании), ее неспособности противостоять сильному противнику.

Поэтому начало войны было встречено массой итальянцев с двойственным чувством: с одной стороны, «неучастие»[147] принесло некоторое психологическое облегчение и породило надежды на возможность остаться в стороне. С другой — усилился инстинкт самосохранения, подсказывавший, что избежать кровавой бойни не удастся. Всплеск негативных эмоций зафиксировали в своих донесениях сотни полицейских агентов. «Рабочий люд, — сообщал один из них, — относится враждебно к вступлению в войну, и очень часто можно слышать дискуссии и критику в адрес фашистского правительства».[148] Как отмечал квестор Милана, даже в средних слоях населения гипотеза о вступлении в войну «не рождала энтузиазма и, как правило, отвергалась в надежде, что Дуче удастся избежать опасности».[149]

Эти надежды были лишены оснований, так как Муссолини, не разделявший ни мрачного пессимизма Боккини, ни дутого оптимизма Стараче, уже бесповоротно «встал на тропу войны» и втайне уповал на силу своего могущественного союзника. Однако сколь ни велика была его личная роль, выбор в пользу Германии и силового решения конфликта стал

совокупным результатом устремлений правящего блока (точнее, большей его части), интересы которого в решающей степени определяли внешнюю политику режима.

В этой связи нам представляется не только малоубедительной, но даже тенденциозной мысль Де Феличе, высказанная им в знаменитом «Интервью о фашизме». «Я убежден, — заявил он, — что если бы Муссолини удержал Италию от вступления во Вторую мировую войну, он вернул бы большую часть потерянного согласия и, может быть, даже укрепил его».[150] Логика тоталитаризма неудержимо вовлекала режим в военный водоворот, и Де Феличе, как никто другой из историков, был осведомлен о том, что дуче не мог и не собирался удерживать страну в стороне от конфликта. Поэтому само допущение такой мысли представляется не вполне корректным.

После нападения Германии на Норвегию и Данию Муссолини поставил перед средствами массовой информации задачу «поднять температуру» народа, чтобы подготовить его к грядущим испытаниям.[151] В печати была развернута кампания, прославлявшая успехи гитлеровцев на севере Европы. Ее результаты зафиксировал в своем донесении специальный агент полиции, проехавший в апреле 1940 г. по Центральной и Северной Италии. В городах и селах он услышал «антифашистские оценки, огульную критику политики правительства, высказывания против союза с Германией, проявления раздраженности фашистским Режимом, выражавшиеся в очень резких словах».[152] Во многих донесениях отмечалось сочувствие населения небольшим северным странам, ставшим жертвами агрессии. Оно особенно усилилось в мае 1940 г. после вторжения Германии в Бельгию, Нидерланды, Люксембург и наступления на Францию.

Успехи гитлеровцев не вдохновляли, но обескураживали население, которое уже не питало иллюзий по поводу того, кто действительно развязывает войну в Европе. Упаднические настроения наслаивались на сформировавшийся в прежние годы негативный по отношению к Германии стереотип восприятия информации (привнесенный нацизмом расизм и антисемитизм, чувство униженного национального достоинства вследствие превращения Италии в сателлита, неприязнь как к бывшему врагу и т. д.) и усиливали общую антигерманскую тональность в общественных умонастроениях. Эта тональность тесно переплеталась с антивоенной, которая по мере приближения войны становилась доминирующей. Их сочетание в конечном счете рождало и антифашистскую направленность мыслей, ибо режим Муссолини был уже накрепко связан и с гитлеровской Германией, и с мировой войной.

Наиболее прозорливые наблюдатели улавливали эти тенденции и в прежние годы. Еще в мае 1938 г. Куриэль писал в одном из писем в загранцентр ИСП о том, что в Италии не существовало «партии войны» и ненависть к ней открыто выражалась «в частых дискуссиях, в барах, в фашистских

кружках». Но «одно дело — оппозиция политике войны, другое дело — оппозиция удачной вылазке, наконец, совсем иное дело — оппозиция фашизму, делающая режим ответственным за нынешнюю ситуацию».[153]

В этой общей зарисовке Куриэля, помимо главной идеи дифференцированности оппозиционных настроений, отмечены две любопытные детали. Во-первых, идея некой «удачной вылазки», которая имела хождение в обществе. Судя по доносам агентов полиции, речь шла о *возможности краткосрочных военных экспедиций в близлежащие страны* (Греция, Албания, Франция). После падения «линии Мажино» мысль о «небольшой, но удачной войне»[154] кружила многие головы, но не меняла негативного настроения общества в целом. Во-вторых, антивоенные разговоры «в фашистских кружках». О них сообщали и подпольные корреспонденты антифашистских партий,[155] и агенты ОВРА.[156] Были, конечно, и фанатики, ратовавшие за немедленное вступление в войну, но проводившиеся ими манифестации оставляли жалкое впечатление. «Мне ни разу не доводилось видеть в этих колоннах более 200–300 участников, — пишет один из миланских осведомителей, — в некоторых не набиралось и сотни... Можно сказать, что 95% их участников были студенты моложе 20 лет».[157] Вероятно, в колоннах маршировали убежденные сторонники режима, но сколько их было среди чернорубашечников, для которых ношение формы являлось естественным ритуалом, означавшим принадлежность к единой спаянной организации? С количественной точки зрения, вопрос остается риторическим, однако начавшийся развал фашистской партии становился явным и необратимым.[158]

Таким образом, рушилась еще одна опора консенсуса, который к концу 30-х — началу 40-х годов практически исчерпал свои потенциальные возможности. Механизм «мобилизации сверху» давал крупные сбои, инструменты консенсуса рассыпались (за исключением репрессивного аппарата), сфера влияния фашистской субкультуры сужалась. Крах надежд на осуществление обещанного режимом и нараставшее недовольство его внешнеполитическим курсом ускоряли процесс трансформации оппозиционных настроений, возникавших на уровне обыденных ориентаций, в понимание необходимости радикальных общественных перемен. Вступление Италии во Вторую мировую войну и последствия этого рокового шага сделали указанный процесс всеобщим и необратимым.

3. МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РЕЖИМА МУССОЛИНИ

10 июня 1940 г., в день объявления Италией войны Англии и Франции, Муссолини выступил со своего излюбленного места — балкона палаццо «Венеция» в Риме. Собранная на площади толпа бурно ликовала. Волна

«заказного» восторга прокатилась по городам и селам, оставив свой след на газетных полосах и в видеохронике.[159]

Однако подлинная картина выглядела совершенно иной. Из нескольких сот просмотренных нами донесений филеров 10 зон ОВРА, охватывавших всю страну, не обнаружилось ни одного, в котором приводились бы хоть какие-то факты, свидетельствовавшие об эмоциональном подъеме в рабочих кварталах. «Напротив, — сообщал полицейский агент из Турина, — места, посещаемые рабочими, погрузились в глухое молчание. Не видно никаких враждебных проявлений, как не заметно и ни малейших элементов благоприятного отношения».[160]

Его не было и не могло быть, ибо массы уже не верили утверждениям официальной пропаганды, что война необходима в интересах трудящихся, что требуется борьба со сверхприбылями «отечественных плутократов», «очищение от коррупции» и т. д. Период «реалистических альтернатив», питавших прагматизм рабочего класса по отношению к деятельности режима, завершился. Складывалась качественно новая ситуация, характеризовавшаяся не только отсутствием сколько-нибудь ощутимого доверия к власти, но и появлением новых, более жестких форм социального контроля и подавления, типичных для военного времени. Фабрики и заводы переходили на особый режим производства, над ними устанавливался контроль военных инспекторов,[161] вводились новые требования к дисциплине труда и трудовая повинность, проводились трудовые мобилизации,[162] усиливалась деятельность репрессивного аппарата. Подавление инакомыслия и иных форм протеста приобретало все более грубые и жесткие формы, которые в 30-е годы трудно было представить. Начался второй и наиболее мощный прилив репрессивной волны в условиях тоталитарного государства. За три года (до июля 1943 г.) количество задержанных полицией, взятых под административный надзор, высланных на поселение и осужденных Особым трибуналом в несколько раз превысило аналогичное число лиц за предшествующие пять лет, причем не менее половины из них составляли молодые люди в возрасте до 30 лет.[163] Наибольшее количество приговоров выносилось «за организацию антифашистских групп», «распространение подрывной литературы», «коммунистическую пропаганду» и т. д.

Начало войны обнажило механизм «мобилизации сверху», поскольку фашистский режим, не брезгуя никакими средствами, открыто стремился «единообразить» мотивации и поведение масс, направить материальные и людские ресурсы на военные цели, отождествляемые с целями национальными. К этому времени война уже давно стала частью идентификационного образа режима Муссолини: интервентизм[164] рассматривался как движение, генерировавшее фашизм; военный миф был одним из основных в системе мифотворчества тоталитаризма; победа в войне становилась обязательным условием выживания режима и целью, которой подчинялась

вся жизнь нации. Из этой установки логически вытекал очередной императив господствовавшей системы: все действия и помыслы, противоречившие войне (как факту, так и идее), автоматически вступали в конфликт с самим фашизмом. На практике это означало, что термин «пораженчество» включал теперь широкий спектр действий, которые прежде не могли быть квалифицированы как «подрывные», а его применение становилось оправданием для наращивания репрессивных мер.

Милитаризация охватывала все более широкие сферы общественной жизни. Интенсификация труда, усиление агрессивной пропаганды, бытовые неурядицы, нехватка продовольствия, переживания за родных, оказавшихся на далеких фронтах, страх за собственную участь — все это оказывало мощное негативное воздействие на повседневную жизнь и усиливало психологическую напряженность в обществе. Резко сузились пределы личной свободы и автономности граждан: запреты, предписания, угрозы, мобилизации, репрессии и прочее затрагивали такие поведенческие модели и ситуации, в которых в прежние годы индивиды пользовались гораздо большими преимуществами автономности. Разрывались семейные и дружеские узы, сокращалось свободное время, остававшееся в личном распоряжении людей, обострялись элементарные потребности выживания, унифицировавшие стереотипы массового поведения.

Экстремальные условия войны углубили прежнее противоречие между насаждавшейся идейно-политической гомогенностью и социально-демографической гетерогенностью общества. Социально-политические различия среди итальянцев, которые фашизм безуспешно пытался нивелировать в рамках так называемой «национальной идентичности», резко увеличивались по мере обострения проблемы выживания. «Национализация масс», на которую рассчитывал режим, демонстрировала свою ограниченность, а само понятие «государство-нация» утрачивало в глазах людей свое прежнее, навязанное силой содержание, ибо ассоциировалось с войной, оказавшейся захватнической по отношению к другим народам. Нападение на Албанию, Грецию и Югославию никоим образом не вязалось с идеей войны «молодой нации» против «старых плутократий», а с началом военных действий против Англии и Франции оставалось неясным, чем же они все-таки «провинились» перед фашистской Италией. Ширившиеся масштабы войны, ожесточенное сопротивление народов захватчикам, сведения о неподготовленности итальянской армии, о зверствах немецких оккупантов, отражавших подлинное лицо так называемого «нового порядка», — все это способствовало осознанию войны как чужой, антинациональной, как роковой и непростительной ошибки. И по мере углубления конфликта становилось все более очевидным, что его благополучный для Италии исход, если таковой вообще был возможен, зависел не от воли провидения и «гения» дуче, а от военной мощи Германии, заложницей которой становилась вся страна.

Процесс трансформации возникавших в обыденном сознании импульсов в качественные сдвиги на уровне базовых ориентаций заметно ускорился, ибо многие простые итальянцы столкнулись с одной из самых трудных из всех возникавших до сих пор проблем: правильно понятого национального долга. По сути дела они оказались перед альтернативой: желать победы, влекущей усиление фашистского гнета и дальнейшее закабаление Германией, или поражения, тождественного крушению режима?

Естественным императивом в выборе ответа на этот вопрос являлся фактор выживания «с» или «без» режима. Выбор «с» означал длительную, мучительную и весьма сомнительную перспективу (особенно после битвы под Сталинградом), оставлявшую мало шансов для физического выживания. Выбор «без» был тождествен пораженчеству, прямо противоречил интересам режима и создавал реальную угрозу жизни индивида, если проявлялся в действии. Таким образом, и в том, и в другом случае право на жизнь вступало в конфликт с самой тоталитарной системой, что обрекало массу итальянцев на состояние мучительной безысходности и страха. Прошедшие через длительный период конформизма, они еще не могли сделать окончательный выбор, оказываясь в плену отчаяния и апатии. «Общество не скрывает своего угнетенного состояния, — сообщал агент ОВРА из Авеццано. — Оно питается многочисленными слухами, которые отравляют атмосферу, сеют в массах нервозность и неуверенность в судьбах Родины».[165]

Понятия «Родина» и «режим» были по-прежнему слиты в сознании тех итальянцев, в особенности молодых, которые все еще считали себя фашистами.[166] Однако, будучи, как правило, изолированными от влияния оппозиции, эти люди не видели иного выхода для себя, кроме поддержания старой веры и следования традиционной модели поведения, что являлось лишь данью инерции, а не результатом свободного выбора. Многие из них сохраняли подспудную, едва теплившуюся надежду на то, что фашизм еще может стать таким, каким они его представляли, и испытывали своеобразное чувство стыда перед своими товарищами, которые «искренне верили», но уже «лежали под белыми крестами», что как бы лишало оставшихся в живых морального права разоблачать мифический образ, которому были отданы молодые жизни. Движимые чувством ложного патриотизма, они продолжали воевать, боясь даже себе признаться в иллюзорности идеалов юности.

Встречались среди них и молодые фанатики, узревшие в начавшейся войне возможность «на деле» доказать свою преданность. Это был иррациональный порыв в поисках выхода из замкнутого круга монотонной жизни, способ избежать «слишком молчаливой реальности», способ самоутверждения и самообмана. Война не только обострила психическое состояние людей, нагнетавшееся всей атмосферой жизни в предвоенной Италии, но одновременно открыла шлюзы для выхода низменных

инстинктов, для торжества силы над разумом. Война толкала людей на путь кровавого насилия, освобождая от моральных колебаний и ответственности за содеянное. Поэтому сделать «патриотический выбор» тем, кто еще сохранил остатки «веры», было психологически легче, нежели утруждать себя кропотливым поиском правды.

Этот выбор не был определяющим для основной массы итальянских солдат, отправленных на фронты Второй мировой войны. Анализ их настроений, проведенный Г. С. Филатовым,[167] свидетельствует о том, что фашизм не мог опереться на сколько-нибудь прочное идейно-политическое и моральное единство солдат. Их деморализация наступала вслед за каждым поражением.

Слухи о неудачах и тяжелых потерях проникали в Италию, становясь еще одним источником недовольства. «Ни усилия газет и журналов, ни радиопропаганда не приносят более желаемых результатов в попытке ободрить, поднять дух населения, — признавал миланский квестор в апреле 1941 г. — Повсюду передают из уст в уста, что итальянские войска были разбиты не греками, а гречанками, что не лучше идут дела и во флоте, так как офицеры, за редким исключением, заражены англофильским духом и антифашизмом».[168] С мест раздавались голоса осведомителей, сообщавших о «враждебной реакции на официальную пропаганду», о негативном воздействии на население средств массовой информации, «маниакально стремящихся презирать врага, недооценивать его, преувеличивать наши силы и достижения».[169]

Нараставшее недовольство режимом все чаще персонифицировалось в лице высших иерархов, которых обвиняли во всех неудачах, обрушившихся на страну. Даже многое повидавший и привыкший ничему не удивляться начальник полиции К. Сенизе был потрясен правдивостью доклада, представленного ему квестором Палермо Дж. Лауричеллой в феврале 1941 г. В конце доклада Сенизе сделал такую приписку: «Этот человек имеет смелость говорить правду». Подробно перечисляя источники возраставшего недовольства населения, Лауричелла особенно подчеркнул «крупные растраты и раздоры в верхушке иерархии», становившиеся известными людям. Трудно было утаить, что иерархи «вели жизнь, далекую от аскетизма, избегали участия в военных действиях, пренебрегали своими прямыми обязанностями».[170] «Люди не верят партийным и профсоюзным боссам, — сообщал в центр квестор Кальяри, — и в особенности тем, кто заседает в заготовительных комиссиях и прочих экономических учреждениях. Их поголовно обвиняют в коррупции, в нежелании защищать права населения, в использовании своего положения для личных целей».[171] Схожие рапорты поступали и от квесторов городов Северной и Центральной Италии.

Острые стрелы критики были направлены в человека, олицетворявшего собой саму систему тоталитарного господства. В начале 40-х годов,

когда на фоне гротескных форм возвеличивания персоны диктатора становились все более призрачными возможности выполнения данных им обещаний, начали сказываться действительные результаты насаждения культа дуче, которые оказались прямо противоположны ожидавшимся. Миф о «сверхчеловеке, ниспосланном Италии провидением», лопнул, как мыльный пузырь.[172] По своим эмоционально-психологическим, а затем и политическим последствиям крах системообразующего мифа был равнозначен крупному военному поражению. Итальянцы, стереотипы мышления и поведения которых были увязаны с верой во всемогущего вождя и ставшие, таким образом, невольными носителями фашистской субкультуры, быстро теряли почву под ногами. Разрыв устоявшейся связи индивида с обществом нарушал всю систему личной адаптации к режиму и рождал озлобление, направленное против объекта недавнего поклонения. Дуче оказался виновником бедствий миллионов. «Все говорят плохо о Муссолини, — сообщал подпольный корреспондент КПИ в конце 1940 г. — Женщины называют его "этот негодяй, этот убийца, этот предатель..." Общее недовольство выливается против войны, против Муссолини и против немцев, которые хотят стать хозяевами в Италии».[173] О росте ненависти к Муссолини не боялись доносить и многие полицейские агенты. Они отмечали, что «вера в Дуче уже не является слепой и абсолютной. Именно на него возлагают вину за то, что страна доведена до такого состояния».[174]

Экономика Италии не выдержала напряжения военного времени. Политика автаркии кончилась крахом. Страна испытывала нехватку промышленного сырья и материалов, стратегические резервы иссякли, многие предприятия работали не на полную мощность, что приводило к сокращению оплачиваемого рабочего времени и увольнениям.

Еще до вступления Италии в войну наиболее прозорливые граждане начали создавать «семейные продуктовые резервы». Феномен «запасательства» впервые был отмечен филерами летом 1939 г.,[175] а 18 сентября 1939 г. в Турине появился первый «отряд по наблюдению за продовольственным рынком» под руководством квестора. Это послужило сигналом для населения, бросившегося скупать продукты длительного хранения, что в свою очередь спровоцировало неконтролируемый рост цен и появление «черного рынка». Многие торговцы начали припрятывать товары, чтобы продать их состоятельным покупателям из-под прилавка.[176]

11 июня 1940 г. правительство «заморозило» цены и зарплату и приступило к централизованным закупкам продовольствия на селе. Но крестьяне не желали расставаться с продуктами своего труда, прятали их, отказывались предоставлять транспорт для доставки. Большая часть того, что удавалось скупить по фиксированным ценам, расходилась по связям и каналам клиентелы, а остатки распределялись в крупных промышленных центрах. Небольшие провинциальные города выпадали из централизован-

ного снабжения, а их жители самостоятельно отправлялись в деревни за продуктами.

С первых же дней войны с прилавков магазинов исчезли кофе, мыло и сахар. 1 октября 1940 г. были введены карточки на оливковое и сливочное масло, топленое и обычное сало; 2 декабря — на муку, макаронные изделия и рис. Эти три вида продуктов нормировались из расчета двух килограммов в месяц на человека, но норматив, как правило, не выдерживался. Карточки на хлеб (символ угрозы голода) появились 1 октября 1941 г., и одновременно были опубликованы декреты правительства, запрещавшие выпечку хлеба из чистой пшеничной муки: ее следовало смешивать с кукурузой, а позднее — с чечевицей. Размер «пайка» составлял 200 г в день на человека, плюс 100 г для рабочих промышленности и транспорта, плюс еще 100 г для занятых на тяжелых видах работ. С 15 марта 1942 г. основной норматив был урезан до 150 г, но добавки для рабочих сохранились. С учетом прочих видов продуктов, распределявшихся по карточкам, средняя физиологическая потребность человека удовлетворялась приблизительно на 50–60% (около 1000 килокалорий). Остальное докупалось (разумеется, не всеми) на «черном рынке», который, по свидетельству очевидцев, «приобрел исключительно широкий размах и стал явлением обыденным в том смысле, что им пользуются ежедневно представители всех социальных категорий и классов».[177] За спекуляции на «черном рынке» следовало лишь административное наказание, поэтому действенных способов борьбы с ним не существовало. Кроме того, многие продукты было трудно купить не из-за нехватки, а из-за беспорядка в распределении и хищений.[178] «Люди думают, и не без оснований, — доносил префект Палермо, — что одна из главных (если не сказать больше — самая главная) причин современного тяжелого положения состоит в огромном количестве консорциумов, комиссий, профсоюзных и прочих комитетов, которые не только мешают нормальной коммерческой деятельности, но взвинчивают цены на продукты питания».[179] Обилие посредников и бюрократов создавало условия для воровства, приобретавшего характер национального бедствия. Дело дошло до того, что весной 1942 г. правительство призвало население раскопать скверы под «военные огороды», что несколько снижало остроту, но не снимало проблему. Люди начинали голодать, и фашистское правительство знало об этом. Ситуация усугублялась нехваткой предметов первой необходимости, а также начавшимися реквизициями изделий из натуральных волокон (хлопка, шерсти, меха) и металлов. Для наименее обеспеченных слоев населения, в том числе рабочих, не имевших дополнительных источников существования и материальных запасов, социально-экономические и бытовые трудности превращались в проблему физического выживания и становились «источником сильного недовольства, которое, — по

мнению квестора Турина, — быстро распространялось и не могло быть ограничено какими-либо средствами».[180]

Таким образом, в отличие от предшествующего периода в начале 40-х годов в гамме общественных настроений появилась новая, мощная, пожалуй, даже доминирующая тенденция: недовольство режимом Муссолини на почве социально-экономического кризиса. Это направление протеста не только не вытесняло прежние антивоенные, антигерманские и антифашистские мотивации поведения, но питало и усиливало их.

Расширение масштабов участия Италии в войне создавало для протестных настроений все новые и новые источники. Так, начавшаяся депортация итальянских рабочих в «третий рейх», которая поначалу воспринималась массами как способ избежать безработицы и улучшить свое материальное положение, на деле оказалась палкой о двух концах: с одной стороны, немцы требовали преимущественно квалифицированную рабочую силу и тем самым наносили удар по итальянским предприятиям, на которых трудно было найти замену опытным кадрам;[181] с другой стороны, уехавшие в Германию рабочие довольно быстро осознавали свою «второсортность»: по сравнению с немцами им меньше платили, режим работ был крайне изнуряющим, многие испытывали нехватку пищи, так как не получали продовольственные карточки, и т. д.[182] Муссолини знал об этом и в присутствии ближайшего окружения неоднократно позволял себе злобные выпады в адрес союзника,[183] однако каждый раз выполнял требования Гитлера. Письма депортированных рабочих, несмотря на военную цензуру, доходили до родных и близких, усугубляя их пессимизм и усиливая недовольство.

Возмущение масс вызывало и поведение гитлеровских солдат, заполонивших Италию. В 1942 г. участились случаи изнасилования немецкими солдатами женщин, драки между германскими и итальянскими военнослужащими, особенно моряками, факты пренебрежительного отношения гитлеровцев к стране, ее традициям, обычаям, людям. Римский квестор с горечью сообщал, что немцы не скрывали своего презрения к итальянской военной машине, утверждая, «что в 1950 г., когда они займут Америку, мы будем с успехом продолжать бомбардировку Мальты».[184] Пренебрежительное отношение задевало кастовое самолюбие итальянского офицерства, рождало антигитлеровскую фронду в его среде.

С первых же дней войны английские самолеты начали бомбить промышленные центры страны, а осенью 1942 г. фашистский миф о «невозможности» для вражеской авиации достичь крупных городов развеялся как дым — налеты союзников стали систематическими и массированными.[185] Население оказалось почти беззащитным перед ними. Оправдались самые мрачные прогнозы об отсутствии эффективных средств противовоздушной обороны: катастрофически не хватало зенитной артиллерии, истре-

бительной авиации, бомбоубежищ,[186] средств индивидуальной защиты, мест в больницах и госпиталях. Бомбежки сеяли панику среди населения, пытавшегося любыми путями покинуть опасные места. Поскольку налеты обычно осуществлялись по ночам, люди убегали в пригороды, ночевали под открытым небом и утром обессиленные возвращались на работу в города. В самые опасные периоды из Турина уходило до 400 тыс. человек в день, то есть больше половины. «Поезда переполнены невероятно, трамваи и междугородные автобусы берутся штурмом, автофургоны и автомобили, телеги и повозки, запряженные животными, наконец ручные тележки, заполненные мебелью и домашним скарбом, — все это, сосредоточенное на окраинных улицах и дорогах, ведущих в пригороды, — свидетельство небывалой паники среди населения», — такую безотрадную картину рисовал в своем докладе квестор Милана.[187]

Поскольку боевые действия на территории самой Италии еще не велись, паника охватывала жителей городов лишь при воздушных налетах, то есть при возникновении непосредственной угрозы жизни. Но интуитивно люди чувствовали, что эта угроза с каждым днем возрастает, ибо конфликт приобретал все более затяжной характер, а возможность победы стран «оси» становилась все призрачней. К такому выводу подталкивали события на фронтах, подлинный смысл которых осознавался массами, несмотря на усиленную военную и идеологическую цензуру. Так, вторжение Германии на территорию СССР было воспринято обществом с холодной враждебностью. «Ни одного радостного возгласа, ни одного приветственного крика, ни одного живого жеста, — отмечал в те дни Дж. Боттаи. — Создается впечатление, будто новая война не имеет к людям никакого отношения».[188]

Боттаи был прав лишь отчасти, поскольку в рабочей среде известие о нападении на СССР вызвало сильный эмоциональный отклик. По свидетельству агентов охранки, среди обсуждавших эту тему было немало тех, кто почти не скрывал своих симпатий к Советскому Союзу.[189] Несмотря на многолетнее насаждение образа врага в лице коммунизма, в сознании многих рабочих старшего поколения сохранился иной образ, основанный, как правило, на идеализированных представлениях о реалиях социализма. Дефицит достоверной информации создавал благоприятную почву для появления именно идиллических, прямо противоположных официальным взглядов. Откровенное насилие над умами, навязывание ложных представлений как истинных рождало естественную реакцию отторжения. В умонастроениях рабочих эта тенденция опиралась и на конкретные факты социалистического строительства в СССР, которые становились известны в результате пропагандистской деятельности коммунистов. Многие итальянцы верили в мощь страны Советов, в силу идей социализма, в победу разума и справедливости. Поэтому крупные пораже-

ния Красной Армии летом и осенью 1941 г. воспринимались ими как временные, преходящие. Об этом в один голос заявляли квесторы крупных торгово-промышленных центров: Турина, Милана, Болоньи, Рима, Флоренции и др.[190]

Надежды рабочих получили новый импульс после поражения гитлеровцев под Москвой. Итальянская печать не проронила по этому поводу ни звука. Лишь 9 декабря в газетах было перепечатано сообщение командования вермахта о том, что операции на Восточном фронте отныне будут обусловлены особенностями зимнего времени. Это сообщение вызвало в обществе массу «злорадных разговоров» о неудаче немцев под Москвой.[191] А осенью 1942 г., когда советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом, даже фашистские средства массовой информации стали писать об «ожесточенном сопротивлении русских». Тем самым не только подтверждались слухи о кровопролитнейших боях и тяжелых потерях армий «оси», но и делалась попытка оправдать катастрофу, постигшую 8-ю итальянскую армию в России (АРМИР).

В ноябре — декабре 1942 г. семь итальянских дивизий были наголову разгромлены в районе среднего течения Дона, а три оставшиеся — в ходе Сталинградской битвы. Даже самые невероятные слухи об этой катастрофе трудно было считать преувеличением. АРМИР фактически перестала существовать. «Вот уже несколько дней не прекращаются разговоры об огромных потерях, понесенных нашими войсками на Дону, — докладывал в Рим квестор Болоньи. — Эти разговоры оказывают сильное угнетающее воздействие на людей».[192] Многие рабочие комментировали трагедию АРМИР, уже не боясь быть услышанными. И хотя «это еще не означало открытого восстания, климат на фабриках радикально изменился».[193]

Эхо Сталинграда прокатилось по Апеннинам, сокращая зону конформистского согласия и ускоряя процесс перехода на уровень более или менее осознанного антифашизма (переходный тип сознания). Этому способствовало возвращение на родину оставшихся в живых солдат и офицеров АРМИР. Их багажом была горечь от бессмысленно пережитых страданий, потерь боевых товарищей, разбитых иллюзий и надежд. Они привозили не только прозрение, но и ненависть к тем, кто искалечил их судьбы. Несмотря на жесткие приказы командования «не раскрывать рта» и скрывать действительные масштабы катастрофы, многие солдаты выразительно отмалчивались или даже рассказывали правду, передававшуюся из уст в уста и становившуюся дополнительным стимулятором роста антивоенных и антифашистских настроений. В феврале 1943 г. начальник полиции представил Муссолини доклад, в котором давалась общая оценка состоянию умонастроений масс в королевстве. «Ропот солдат, особенно тех, кто находится на фронте, по поводу нехватки продовольствия и обмундирования, красноречивое молчание многих солдат АРМИР,

рассказы беженцев из городов, серьезно пострадавших от налетов, лживая информация, распространяемая вражескими радиостанциями, — все это опасный яд, которому наша пропаганда не может найти действенного противоядия», — говорилось в нем.[194]

Однако фашистское правительство уже не имело не только пропагандистских, но и каких-либо иных средств воздействия на умы людей. Оно утратило контроль за развитием ситуации и оказалось де-факто оторванным от общества. «Мы всего лишь группа изолированных деятелей, — с отчаянием записал в своем дневнике Дж. Боттаи 13 ноября 1942 г. — Мы не составляем ни правящий класс, ни даже правительственную команду».[195]

Волюнтаристские и антинациональные решения, свойственные тоталитарной власти и в избытке принимавшиеся на рубеже 30—40-х годов, нарушили едва устоявшуюся сбалансированность общественного организма. Это был очевидный «кризис верхов», кризис тоталитарной системы управления обществом, обнаружившей свою несостоятельность в момент наивысшего напряжения сил. В отличие от сталинского и гитлеровского режимов, итальянский фашизм не только не сумел мобилизовать все потенциальные силовые возможности тоталитарной системы, но оказался «изъеденным» изнутри, лишенным той идейно-политической и психологической «клейковины», которая вынуждала общество переносить лишения в периоды «пробы на прочность». И хотя дуче получал весьма правдивую, хотя и неприятную информацию о действительном положении дел в стране (сохраняя тем самым обратную связь с нижними звеньями иерархической вертикали), он был уже не в состоянии корректировать стратегию и тактику. Для этого нужно было принимать радикальные решения, которые перечеркнули бы всю предшествовавшую политику. Для режима Муссолини такой путь был закрыт. Единственным шансом на выживание оставалась прежняя ставка на гитлеровскую Германию и ее возможную победу в войне.

Правительство судорожно, но безуспешно пыталось воздействовать на массы в этом направлении. Как отмечали информаторы, даже в среде самих фашистов все громче звучали голоса, «не одобрявшие нашего участия в войне».[196] Масса чернорубашечников внешне оставалась «спокойной и апатичной», но была «потрясена и шокирована непредвиденными военными неудачами».[197] Руководство ПНФ надеялось поднять их боевой дух в ходе празднования 20-летия «фашистской революции». Однако праздника не получилось. В своих донесениях квесторы сообщали, что мероприятие носило формальный характер, прошло «вяло и холодно». В Болонье, например, из 4600 сквадристов, призванных на площадь Гарибальди для торжественного шествия, явились всего 400.[198] Массовым и повсеместным стал отказ от вступления в фашистскую милицию. В начале 1943 г. «Ликторская молодежь» объявила призыв в ее ряды с целью замены новыми формированиями территориальных воинских частей. В миланской

провинции удалось набрать около 50 добровольцев, в римской — 32, в провинции Ливорно — 57, 19 из которых — сквадристы, а остальные — старые фашисты.[199] В большинстве провинций не нашлось ни одного добровольца вообще.

В этих фактах отразилось глубокое разочарование среди фашистов ходом войны, да и самим фашизмом как таковым. Тут нет противоречия, если вспомнить, что в основе идеологии фашизма лежала «идея нации» в ее агрессивно-империалистическом толковании. Иными словами, разочарование в фашизме еще не означало отход от национализма. Одним из первых обратил внимание на этот феномен историк-марксист П. Алатри. «Это было не отречение от национализма, — пишет он, — а сам разочарованный и неудовлетворенный национализм, который начал отходить от фашизма и изолировать его в глазах итальянского общественного мнения».[200]

Очевидным проявлением такого разрыва стал развал фашистской партии. В начале войны на пост секретаря ПНФ был назначен безликий студент Видуссони,[201] а условия вступления в партию существенно облегчены. Это привело к ее численному росту почти на 2 млн человек. Но уже вскоре обнаружилось, что «не менее 50% членов Партии отказываются возобновить свое членство», а среди оставшихся становится все больше таких, кто «не верит в возможность благоприятного для нас завершения конфликта... Иные считают, что наше крушение произойдет в ближайшем будущем, и озабочены лишь тем, чтобы продемонстрировать как можно большему числу людей, что фашизму остались считанные дни».[202] Так оценивал ситуацию начальник полицейского управления Рима. В годы войны в печати неоднократно сообщалось о групповых исключениях из партии, а в мае 1942 г. фашистское руководство было вынуждено провести чистку, в результате которой партбилетов лишились более 60 тыс. человек.

Не лучшие времена переживали также фашистские профсоюзы и корпорации. Военная регламентация производства существенно сузила сферу деятельности профсоюзов, а нормирование труда осуществлялось по новым, не подлежавшим оспариванию стандартам военного времени. Профсоюзные боссы поголовно обвинялись в том, что в погоне за личной наживой не сумели реализовать принципы, заложенные в корпоративизме. Уже упоминавшийся квестор Лауричелла писал о том, «что они не только не выдержали испытания огнем (имеются в виду основы корпоративной системы. — *Л. Б.*), но как таковые представляют собой громоздкое сооружение, более чем ненужное, опасное, ибо очень дорогостоящее и ставящее палки в колеса свободному развитию и любой честной инициативе».[203]

Партия, профсоюзы, корпорации, молодежные, женские[204] и прочие организации как инструменты обеспечения массовой поддержки режима практически перестали функционировать. Их паралич обрекал на исчезновение фашистскую субкультуру, терявшую ключевые опоры своего

существования. Этот процесс был необратим, так как идейные основы субкультуры (фашистские мифологемы, формировавшие сознание) оказались утрачены еще ранее.

Разложение стереотипов фашистского и профашистского сознания ускорялось все более отчетливо проявлявшимся изменением отношения к режиму со стороны Ватикана и монархии. Церковь осуждала начавшуюся войну с позиций религиозного пацифизма, а после вступления в нее Италии многие священники открыто выступали против военных действий. Им затыкали рты, угрожали, арестовывали, ссылали, закрывали католические издания,[205] что в конечном счете привело к резкому ухудшению отношений фашистского кабинета с Ватиканом. В этом конфликте со всей очевидностью проявился циничный инструментализм в подходе режима Муссолини к церкви как важнейшему общественному институту, а именно: ни малейшего уважения к самостоятельным, общечеловеческим ценностям, заложенным в католической религии, и их прагматичное использование ради пробуждения в гражданах чувств, соответствовавших задачам тоталитарного государства. Когда же оказалось, что церковь противодействует их выполнению, в ход вновь была пущена грубая сила.

С монархией дело обстояло иначе. Высокомерное, но легкое фрондирование, свойственное двору Виктора-Эммануила, после крупных военных неудач сменилось пониманием пагубности курса Муссолини. Представители старой аристократии, и прежде не питавшие особых симпатий к «политическим выскочкам», видели в легитимном монархе точку опоры для создания альтернативной фашистскому режиму системы власти. К этому все больше тяготели многие крупные представители государственной бюрократии, финансисты и промышленники, армейский генералитет и старшие офицеры. Летом 1943 г. король стал центром верхушечного военно-монархического заговора против Муссолини.

В массовом сознании, особенно на Юге, также быстро вызревало противопоставление между фашистским режимом и монархией. И хотя многие итальянцы, уже разделявшие понятия «родина» и «фашизм», были еще далеки от активного антифашизма, они все больше соотносили свои собственные интересы и интересы нации с судьбой и позицией Савойского дома, а не с Германией и дуче. Именно на короля возлагали свои надежды те, кто осмеливался во время манифестаций выкрикивать здравицы в честь короны, «забывая» о дуче, кто демонстративно отказывался служить в фашистской милиции и просил о зачислении в армейские части, кто распевал королевский гимн даже в тех случаях, когда следовало петь «Молодость» (гимн фашистов).[206] Эти проявления оппозиционности стремительно нарастали в 1942 — первой половине 1943 г., то есть в тот период, когда протест масс против режима Муссолини и войны постепенно приобрел открытый и организованный характер.

Выступления против фашизма охватили весь Апеннинский полуостров, включая самые глухие и отдаленные места. Об этом можно судить по специальным рапортам о политическом положении, присланным префектами министру внутренних дел в феврале 1943 г., а также по телеграммам 85 квесторов, содержащим перечень подрывных действий во вверенных им зонах. При многих региональных различиях и особенностях в них отражены усиление деятельности антифашистов, расширение масштабов пропаганды КПИ и других антифашистских партий, бессилие официальных средств массовой информации, состояние открытой враждебности населения, его усталость от тягот военного времени, лишений и бесконечного лицемерия власти, отсутствие каких-либо, за исключением единичных, проявлений энтузиазма по отношению к режиму, влияние побед союзников по антигитлеровской коалиции на рост антивоенных и антифашистских настроений, саботаж военного производства.[207]

Акты саботажа были многочисленны и разнообразны: умышленное нанесение неправильной маркировки на изделия, затягивание сроков приемки, нарушение технологического режима изготовления деталей, кражи и уничтожение наиболее ценных частей (оптика, фильтры и т. д.), поставка некомплектных изделий и многие другие, в том числе скрытые формы, не поддававшиеся контролю. Саботаж производства в условиях военного времени мог повлечь за собой весьма тяжелые последствия, что хорошо понимали рабочие, поэтому его широкое распространение отражало существенный сдвиг в сознании, проявившийся в переходе от выжидания к действию. Если использовать предложенную нами выше классификацию типов массового сознания, то речь шла о трансформации переходного типа в антифашистский.

Этот переход требовал преодоления нескольких психологических барьеров: во-первых, естественного чувства страха перед суровым наказанием, которое должно было последовать в случае обнаружения саботажа; во-вторых, чувства профессионального долга и рабочего достоинства, не позволявшего в обычных условиях «делать плохо» и тем более вредить производству; в-третьих, чувства «патриотизма» и «верности» солдатам, сидевшим в окопах и нуждавшимся в вооружении. Забастовки 1942–1943 гг. охватывали преимущественно военные заводы, на которые «засылались» ветераны и инвалиды Первой мировой войны, умевшие на доступном пониманию рабочих языке объяснить тяжесть последствий, которые влекли за собой стачки и бойкот производства для действующих войск. Иными словами, для совершения актов саботажа нужно было фактически занять пораженческую позицию, преодолеть «патриотический барьер» и отвергнуть обвинения в предательстве интересов нации и ее солдат. Сделать это было тем проще, чем глубже проникали в рабочую среду антигерманские настроения, подпитывавшиеся сведениями о глубоком

презрении к итальянцам не только со стороны солдат вермахта, но и со стороны немецких рабочих, которые по отношению к иностранной рабочей силе оказались частью господствовавшей общественной прослойки.

Саботаж военного производства оказывался лишь прелюдией к более действенным методам протеста — забастовкам. Зимой 1942–1943 гг. по стране прокатилась волна выступлений трудящихся, преимущественно на Севере, в ходе которых наряду с экономическими лозунгами выдвигались и антивоенные. По свидетельству одного из подпольных руководителей КПИ У. Массолы, работавшего в Ломбардии и Пьемонте, более половины стачек сопровождались политическими лозунгами,[208] что отчасти подтверждается документами полиции. Это означало возобновление классовой борьбы промышленного пролетариата в традиционной форме и свидетельствовало о коренном переломе в сознании участников забастовок. Риск, которому они себя подвергали, вставая на путь открытой борьбы в условиях военного времени, дает основание полагать, что переход к активным действиям был продиктован не только экономическими причинами и социальным кризисом, но и другими предпосылками, хотя основной мотивацией участия оставались все-таки условия, сложившиеся в социально-экономической сфере в целом и на рынке труда, в частности.

Вступление фашистской Италии в войну, мобилизация трудоспособного мужского населения в действующую армию и мощный отток рабочей силы в гитлеровскую Германию нарушили сформировавшийся в конце 30-х годов баланс на рынке труда. Ключевые отрасли экономики, работавшие на войну, испытывали дефицит квалифицированных специалистов, которые не могли быть заменены в одночасье рабочими из других отраслей или с низшей квалификацией, поскольку это требовало пересмотра общенациональных и региональных коллективных договоров. На рынке труда сложилось противоречие между пустовавшими местами высокооплачиваемых профессионалов и избыточной частью низкооплачиваемых рабочих и безработных.

Осмысление этого факта в увязке с затягивавшейся войной ускоряло политизацию сознания рабочего класса. Этот процесс развивался не автоматически, так как протест против эксплуатации и унизительных условий жизни не является самодостаточным для восстания против существующего порядка. Прямой зависимости между обнищанием части итальянского пролетариата и ростом его политической активности в начале 40-х годов не было. Страдания и лишения, вызванные войной, давили на трудящихся неравномерно, однако в забастовках принимали участие не только беднейшие слои, но и вполне благополучные рабочие, получавшие индексированную заработную плату и не потерявшие жилищ в результате бомбардировок. В немалой, но не поддающейся измерению степени они были движимы именно политическими и нравственными мотивами, кото-

рые усиливались двумя факторами: «исторической памятью», то есть классовыми традициями пролетариата, и деятельностью антифашистских партий.

Становление тоталитарного режима не повлекло за собой полного и бесповоротного разрыва промышленного пролетариата с историческими формами классовой борьбы и социалистической субкультурой, элементы которой сохранялись в подполье и в потаенных уголках памяти рабочих старшего поколения. Глубокий социально-политический кризис и развал «сферы консенсуса» сделали возможным выход этих элементов наружу, подтверждая тем самым факт их скрытого существования за внешним параличом рабочего класса в предшествующие годы. Его «историческая память» запечатлела как испытанные формы классовой борьбы, шедшие со времен «красного двухлетия», так и традиции «подрывной деятельности», уходившие корнями в более отдаленное прошлое, но обретавшие новое звучание и формы в период кризиса: надписи на стенах, анонимные письма, листовки, пародии, анекдоты и т. п. выражали антирежимный, оппозиционный настрой рабочего класса. Граница между этими двумя пластами «исторической памяти» была очень подвижной, расплывчатой. Они взаимообогащались, проникали друг в друга, ибо питались теми противоречиями, которое капиталистическое развитие рождало в системе тоталитарного режима и наоборот. Без этой «исторической памяти», объединявшей и усиливавшей то, что было раздроблено и разгромлено режимом, активизация деятельности антифашистов не привела бы к массовой мобилизации рабочего класса зимой — весной 1943 г. Одних лишь структурных, социально-экономических оснований было бы недостаточно.

В этой связи встает вопрос о роли и месте антифашистских партий, в первую очередь КПИ, в организации мощных выступлений рабочего класса на закате существования режима Муссолини, в том числе массовой забастовки в марте 1943 г. на Севере Италии. В послевоенной марксистской историографии много лет господствовала концепция, опиравшаяся на канву и картину событий, нарисованную У. Массолой. Она выглядит приблизительно так: на фоне катастрофического ухудшения социально-экономической и военно-политической ситуации рабочий класс восстал против капиталистического и фашистского угнетения, воспользовавшись традиционными формами классовой борьбы; подпольное руководство КПИ, «впитавшее» потребности рабочих и сумевшее выразить их в актуальном политическом лозунге, подготовило и возглавило акцию протеста, придав ей ярко выраженную антифашистскую направленность.[209] Эти события стали прологом или «первой главой Сопротивления»,[210] а борьба против режима приобрела открытый характер там, где уже действовали антифашистские партии.[211]

Диаметрально противоположной точки зрения придерживается английский историк Т. Масон, специально изучавший события марта 1943 г. в Турине. [212] Детальное, хронологически выверенное вплоть до часов воспроизведение событий 4–9 марта подвело Масона к выводу о том, что забастовки на двух заводах ФИАТ и небольшом металлургическом предприятии «Расетти» имели гораздо меньшее значение, нежели то, которое им придается в исследованиях авторов левой ориентации. Стачки были спровоцированы требованием рабочих увеличить зарплату и сократить длительность рабочего дня. Они возникли неожиданно, власти ничего не знали о возможном выступлении,[213] а когда оно состоялось и подразделения карабинеров приготовились к атаке,[214] Муссолини принял решение не применять силу. «Диктатура была не в состоянии или не хотела подавлять забастовки жесткими методами», — пишет Масон.[215] Он полагает, что не последнюю роль в решении дуче сыграло вмешательство хозяев, опасавшихся порчи оборудования в случае перехода конфликта в стадию силового подавления.[216] В последующие месяцы политизация забастовочного движения нарастала, чему способствовала как агитация коммунистов, подхвативших лозунг «Хлеба, мира и свободы!»,[217] так и позиция патроната, пытавшегося свалить на государство ответственность за невозможность самостоятельно повысить зарплату. Таким образом, форма социального протеста и экономический характер требований соответствовали критической ситуации в стране, но инстинктивная дисциплина позволяла рабочим удерживаться в пределах, не провоцировавших власти на жесткие репрессии. Таков окончательный вывод Т. Масона.[218]

Мы не берем на себя смелость быть арбитром в споре этих точек зрения, но считаем необходимым сделать два замечания. Во-первых, мартовские забастовки 1943 г. (независимо от того, какова была в них организующая роль КПИ) показали, что ореол несокрушимости фашистского режима в глазах промышленных рабочих Севера померк окончательно. Они осознали, что фашистская диктатура была раздираема противоречиями, что она ослабла и будет слабеть дальше, что ее внутренняя способность к консолидации практически исчерпана. Эта уверенность стала главной предпосылкой для участия в стачках, невзирая на страх перед возможными репрессиями, вплоть до применения огня на поражение. Рабочие сделали вывод о собственной силе (Муссолини уступил, заявив о начале переговоров о зарплате и уволив часть лиц из высшей олигархии, якобы повинных в забастовках, что также являлось показателем слабости режима) и осознали возможность политической альтернативы. Именно в этом сдвиге — принципиальное значение событий в Турине, хотя на уровне массового сознания новизна ситуации в полной мере проявится немного позже: в момент свержения режима Муссолини и в забастовках рабочего класса в декабре 1943 г. и в марте 1944 г. Кроме того, к выводу о необходимости

замены властной олигархии начали склоняться и многие предприниматели, увидевшие в выступлениях рабочих неспособность власти удерживать социальный контроль над массами.

Во-вторых, вопрос о соотношении стихийного и организованного начала в весенних забастовках 1943 г. представляется чересчур политизированным. Предпочтение той или иной точке зрения влечет за собой сведение многофакторного, динамичного процесса формирования антифашистского сознания к упрощенной схеме взаимодействия политических партий и рабочего класса. На самом деле процесс их взаимовлияния был противоречивым и незавершенным, постоянно обогащавшим обе стороны, основанным на понимании общности ближайших целей — необходимости борьбы с антинародным режимом.[219] В общем векторе движения сливались воедино и «историческая память» пролетариата, и «подрывная» традиция, и элементы структурного кризиса, и деятельность антифашистов. Поэтому следует, на наш взгляд, дистанцироваться от тех авторов, кто видит в мартовских событиях примат партийной организации, от тех, кто полагает, будто рабочий класс в любой ситуации движим классовым сознанием и желанием бороться с буржуазией, наконец от тех, кто вообще отрицает мобилизующую роль политических партий. Истину, вероятно, следует искать где-то посередине, то есть в позиции, включающей элементы каждой точки зрения и отвергающей крайности. Опираясь на сравнительный анализ документов полиции и оппозиционных сил, можно с уверенностью утверждать лишь то, что по мере нарастания кризиса тоталитарной системы сфера влияния антифашистских партий быстро расширялась, ускоряя процесс формирования антифашистских представлений масс на уровне базовых ориентаций. Причем антифашизм в данном случае следует понимать не только как явление политическое, но как феномен, противостоящий всему комплексу «этико-гражданских ценностей», навязанных обществу режимом Муссолини.

Отторжение этих «ценностей» происходило постепенно через осмысление конкретной реальности, явно противоречившей официальным идеям и лозунгам. Массовое недовольство режимом Муссолини и его политикой приобретало многофакторный характер. Оно стимулировалось неприятием войны и военными поражениями режима, неравноправным сотрудничеством с гитлеровской Германией и сильным влиянием нацистов на политику правительства, лицемерием и беспомощностью фашистского режима, поставившего страну на грань национальной катастрофы, физическими и моральными лишениями, вызванными нехваткой продуктов питания и предметов первой необходимости, постоянными реквизициями, бытовыми неурядицами, ростом спекуляции, бессмысленностью переносимых страданий и страхом за свое будущее, отчужденностью человека от элементарных радостей бытия. Это была совокупность факторов,

в которой политическое, экономическое, социальное, нравственное и психологическое слилось в единый клубок ненависти к режиму.

Это чувство не всегда трансформировалось в готовность бороться. Апатия, страх и конформизм глубоко пустили свои корни. Однако к антифашизму с каждым днем приходили все новые и новые люди, которым падение режима представлялось единственным шансом на выживание. Таков был общий нараставший итог в динамике умонастроений масс после вступления Италии в войну. Стремление выжить приобретало доминирующее значение, определяя поведенческие модели итальянцев в той степени, в какой они ощущали непосредственное приближение угрозы своей жизни и жизни близких. Эта угроза резко возросла после падения режима Муссолини, бегства короля, оккупации большей части территории страны гитлеровскими войсками и начала вооруженного Сопротивления.

Этот, казалось бы, очевидный факт стал в середине 90-х годов предметом специального изучения ряда итальянских авторов, пришедших к неожиданному заключению о необходимости различать «Сопротивление ради выживания» и «Сопротивление ради освобождения».[220] Поясняя различие, один из них, Дж. Семелин, утверждал, что подавляющая масса населения стремилась не столько освободиться от фашизма, сколько обеспечить «сохранение традиционных ценностей и образа жизни, которым угрожал фашистский режим», но это стремление преобразовывалось в вооруженную борьбу лишь по мере того, как «надежда покончить с нацизмом приобретала все более реалистические очертания».[221]

Схожую мысль высказывал и Де Феличе, по своему обыкновению не принимавший прямого участия в дискуссии. «После 8 сентября,[222] — пишет он, — подавляющее большинство итальянцев находилось в состоянии полной прострации, если не сказать больше, отказа как в отношении социальной республики,[223] так и Сопротивления. Несмотря на отрыв от фашизма, враждебность и даже ненависть к нацистским захватчикам не пробуждала в людях альтернативный выбор и желание примкнуть к партизанскому движению. Главная причина состоит в том, что речь не шла о политическом выборе: "primum vivere" (желание выжить. — *А. Б.*) было внутренним императивом людей».[224]

В этой цитате четко выражена дихотомия, отчасти даже противопоставление социального и политического, столь типичное для Де Феличе в описании форм протеста в 20—30-е годы и в подходе к оценке мартовской забастовки 1943 г. В таком противопоставлении утрачивается особый характер отношений между социальным и политическим в течение всего фашистского периода и умаляется значение «primum vivere», которое в экстремальных условиях резко ускоряло политизацию социальных устремлений. После вступления Италии в войну надежда на выживание была прямо связана с политикой (хотя это не всегда осознавалось людьми), ибо

фундаментальная моральная основа, на которой зиждутся политика и право, есть гарантия жизни индивида и общества. И если государство (фашистский режим) своими действиями отрицало это право, оно теряло легитимную функцию защитника жизни и побуждало индивидов искать альтернативные пути и способы самосохранения, что по существу означало необходимость именно политического выбора.[225] Те, кто оказывался перед трагической альтернативой, а таковых с каждым днем становилось все больше, стремились не просто «выжить», но «выжить свободными», как удачно выразился историк из пармского университета А. Паризелла.[226] И этот порыв к свободе мы вправе расценивать как конечный результат, завершившийся полным провалом, 20-летней борьбы режима Муссолини за завоевание ума, сердца и души итальянского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В мае 1928 г. в Италии были похоронены остатки представительной парламентской системы. Новый закон о выборах предусматривал корпоративный принцип выдвижения кандидатов в депутаты: отныне этим правом обладали лишь фашистские профсоюзы и общенациональные фашистские ассоциации. БФС «просеивал» предложенные ими кандидатуры и оставлял 400 имен, которые включались в список для голосования. На избирательных бюллетенях крупными буквами было напечатано слово «да», означавшее согласие с этим списком. Избирателям оставалось лишь опустить бюллетень в урну, или, рискнув очень многим, зачеркнуть навязываемое слово.

[2] Внешним проявлением этого стремления стало благословение Пием XI верующих с балкона собора св. Петра, что нарушало данный одним из его предшественников Пием IX обет затворничества.

[3] Цит. по: *Григулевич И. Р.* Папство. Век XX. М., 1981. С. 180.

[4] Напомним вкратце основное содержание соглашений: 1. Договор, фиксировавший взаимное признание итальянского королевства и папского государства; 2. Финансовая конвенция, предусматривавшая уплату фашистским правительством Ватикану в порядке компенсации 1 млрд 750 млн лир; 3. Конкордат, оставлявший за церковью преимущественные права в области семейно-брачного законодательства, допускавший изучение закона божьего в начальной и средней школе, лишавший священников-вероотступников церковного сана и гражданских прав, закреплявший «священный характер» вечного города, обязывавший вступавших в должность духовных лиц приносить присягу на верность фашистскому правительству и т. д.

[5] *Канделоро Дж.* Католическое движение в Италии. М., 1955. С. 538.

[6] Там же. С. 539.

[7] Тоталитаризм в Европе XX века. С. 183.

[8] ACS, MI, PP, 1929, busta 12/b, 17, 23/c ed altri.

[9] Цит. по: *Канделоро Дж.* Указ. соч. С. 547. В русском переводе «специальным судом» назван Особый трибунал.

[10] «Две религии оспаривают ныне господство в мировом сознании, — возвестил дуче в 1919 г., — черная и красная. Из двух Ватиканов исходят сегодня энциклики: из того, что расположен в Риме, и из Москвы. Мы являемся еретиками обеих этих религий» // Il Maglio, 23.8.1919.

[11] Подробнее о конфликте см.: *Токарева Е. С.* Фашизм, церковь и католическое движение в Италии. 1922–1943. М., 1999. С. 176–185.

[12] Например, *De Grazia V.* Op. cit. P. 313.

[13] ACS, MI, PP, 1931, busta 4/c, 13, 22 ed altri.

[14] F. G., PCI, 1930, 1931, 1932, 1933.

[15] Сравнительный анализ одних и тех же фактов по материалам Умбрии, Тосканы, Лацио, Марке, Ломбардии и ряда других регионов показывает, что разница в их интерпретации агентами КПИ и полицейскими осведомителями сводилась чаще всего к определению количества участников и характера их настроя.

[16] *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. II. P. 77.

[17] Из 10 цифр, предложенных Де Феличе, нами было проверено по тем же документам четыре: 1932 г. — 129 (129), 520 (526); 1933 г. — 82 (92), 251 (251) (ACS, MI, DGPS, Div. AA. GG. e RR, busta 67). В двух случаях данные совпали полностью, в двух других — расхождение минимальное, вполне допустимое.

[18] *Piva F., Toniolo G.* Sulla disoccupazione in Italia negli anni'30 // Rivista di storia economica, 1987, X, f. 3. P. 345–383.

[19] F. B., ser. /c, 1932, fasc. 17, 121; F. G., PCI, 1931, fasc. 823, 1932, fasc. 1013.

[20] См., например: ACS, MI, DGPS, AGR, 1931, b. 12, fasc. 43, fasc. 54; b. 32, fasc. 22.

[21] ACS, MI, DGPS, AA. GG e RR, Cat. G1, fasc. 446.

[22] См., например: *Franzina E.* Bandiera rossa ritornera, nel cristianesimo la liberta. Storia di Vicenza popolare sotto il fascismo (1922–1942). Verona, 1987. P. 116.

[23] Весьма показательно в этом смысле признание префекта Фрузинате (Лацио), который не сумел составить список лиц, на которых можно было бы целиком положиться в случае войны // ACS, MI, DGPS, Div. AA. GG e RR, 1933, b. 58.

[24] Типичным примером такого выступления может служить демонстрация убиравших табак крестьян, описанная квестором Виченцы: они собрались у муниципалитета под трехцветными знаменами, скандируя: «Да здравствует Муссолини, долой Дзаннини!» (Дзаннини — местный чиновник, связанный с уборкой табака) // Geografia e forme del dissenso sociale in Italia durante il fascismo (1928–1934). Cosenza, 1990. P. 310–313.

[25] Приведем пример, который нам представляется весьма показательным. 22-летний Франческо Торкиаро из Козенцы, никогда не имевший контактов с оппозицией, отправил местным властям анонимное письмо, содержавшее крайне оскорбительные выражения в адрес дуче, короля и папы римского. После ареста он заявил, что никто из них не сделал ему ничего плохого, но и не

ответил на его многочисленные призывы о помощи // ACS, MI, DGPS, AA. GG. e RR, 1933, b. 4.

[26] Многие квесторы сознательно перегружали картотеку так называемыми «подрывными элементами», ибо это был способ перестраховки и профилактики потенциальных противников режима. К примеру, в Тренто в картотеку попали молодые люди, которые во хмелю распевали на мотив фашистского гимна «Молодость» почти безобидную частушку:

Молодость, молодость, ты губишь наши силы,
Дуче, дуче, заплати за нас за свет,
Бенито, Бенито, заплати за нас за квартиру,
Стараче, Стараче, заплати за нас налоги // ACS, MI, DGPS,

AA. GG. e RR, 1936, ser. II, b. 1/E, fasc. 7/82.

[27] Ibid., 1933, ser. II, b. 58. Многие дела оставались нераскрытыми ввиду их незначительности. Так, после смерти в результате тяжелой болезни брата дуче Арнальдо на всех крупных кладбищах Италии в память о нем были посажены «мемориальные деревья». Вскоре с мест посыпались сообщения префектов об их многочисленных повреждениях. Пойманными злоумышленниками нередко оказывались женщины и дети, что давало префектам основание писать об отсутствии политических мотивов в их действиях, но вопрос о том, почему они портили именно эти деревья, оставался без ответа.

[28] Geografia e forme del dissenso sociale in Italia. Op. cit. P. 316.

[29] *De Felice R.* Op. cit. P. 86.

[30] Ibid. P. 80.

[31] Изучение материалов фонда А. Грамши не дает оснований для такой категоричности.

[32] Rinascita, 17. 10. 1975. P. 21.

[33] *Spriano P.* Storia del partito comunista italiano. V. II. Torino, 1969. P. 296.

[34] *Amendola G.* Intervista sull'antifascismo. Bari, 1976.

[35] FG, PCI, 1933, fasc. 1138/1.

[36] Ibid., 1934, fasc. 1217.

[37] *Fox Piven F., Cloward R. A.* I movimenti dei poveri. I loro successi, i loro fallimenti. Milano, 1980. P. 48.

[38] Подписанный в июне 1933 г., этот договор провозгласил солидарность сторон в стремлении установить в Европе «веру в мирное будущее». На самом деле Муссолини рассматривал его как инструмент пересмотра сложившейся системы международных отношений, ибо специальный пункт соглашения предоставлял подписавшим его государствам право ревизии ранее действовавших договоров.

[39] O. O. Vol. XXIV. P. 283.

[40] В донесениях агентов полиции по поводу этих визитов уже в те годы отмечалось неприязненное отношение обывателей и к Герингу, и к нацистам, и к самой Германии // ACS, MI, DGPS, AA. GG. e RR, 1932, b. 13/c, fasc. 123 ed altri.

[41] Popolo d'Italia, 29. 07. 1934.

[42] ACS, MI, DGPS, AA. GG. e RR., 1934, b. 54, fasc. 65, b. 56, fasc. 24 ed altri.

[43] FG, 1934, fasc. 1254, 1287.

[44] Мощный приток молодежи в экспедиционный корпус объясним не только шовинистическим угаром, но и весьма прагматическим интересом: в этом, по сути, не очень рискованном предприятии молодые люди увидели возможность присоединиться к тем привилегированным категориям лиц (участники Первой мировой войны, сквадристы, участники «похода на Рим»), которым всегда отдавалось официальное предпочтение в продвижении по служебной лестнице. Для молодых безработных это была реальная возможность избежать тяжелых последствий экономического кризиса, а для тех, кто искренне верил в фашизм, — «справедливое дело, которое надо было осуществить без лишних жалоб» // *Laiolo D.* Il Voltagabbana. Milano, 1963. P. 55.

[45] *Fanciulli G.* I nostri ragazzi. Milano, 1934. P. 135.

[46] В конечном счете эта кампания вылилась в гигантский фарс, так как значительную часть колец разворовали фашистские иерархи. После крушения режима они были обнаружены в квартирах некоторых из них на занавесках.

[47] FG, 1935, fasc. 1297, 1936, b. 18/b.

[48] FB, cassa n. 1, fasc. 69.

[49] В широком смысле слова под «гражданским обществом» понимается социально-политическая среда обитания индивида, в рамках которой протекает его общественная деятельность. Подробно об этом см.: *Гаджиев К. С.* Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии, 1991. № 7; *Перегудов С. П.* Гражданское общество как политический феномен // Свободная мысль, 1992, № 9; *Виктюк В. В.* Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995 и др.

[50] Резиденция короля, расположенная на одноименном холме в Риме.

[51] Напомним, что наступление фашистов на полномочия короля было начато сразу после прихода Муссолини к власти, когда был создан БФС, без согласия которого монарх не мог сместить главу правительства и который впоследствии получил право решения вопроса о престолонаследии. Его членов утверждал король, но по представлению дуче, большинство законов Италии издавалось в виде королевских декретов, но также по представлению главы правительства.

[52] Как, например, в ходе официального визита Гитлера в Италию в мае 1938 г., проходившего по монархическому, а не правительственному протоколу.

[53] The fall of Mussolini. His own story by Benito Mussolini. N. Y., 1948. P. 53.

[54] *Mussolini R.* Mussolini. An intimate biography by his widow Rachele Mussolini as told to Albert Zarca. N. Y., 1974. P. 152. Дуче имел в виду свои юные годы, когда будучи социалистом он яростно атаковал институт монархии как таковой.

[55] *Лисовский Ю. П.* Южный вопрос и социальные конфликты в Италии. М., 1979. С. 55.

[56] Тридцать лет жизни и борьбы итальянской коммунистической партии. М., 1953. С. 319.

[57] Авторитарный тип сознания является более ранним по происхождению и в XX веке попадает под более широкое понятие тоталитарного типа. В отечественной и зарубежной литературе содержится множество его определений. Приведем одно из последних, на наш взгляд, очень емкое и точное: авторитарный тип сознания «характеризуется неприятием индивидуальной свободы как самоценности, готовностью к подчинению личного общему благу, склонностью воспринимать информацию не самостоятельно, а в соответствии со сложившимися стереотипами, неприятием всего выходящего за рамки привычного, способностью без насилия над собой вписываться, растворяться в некой общности, не теряя при этом ощущения самоценности, крайней нетерпимостью по отношению к инакомыслящим, жесткостью по отношению к зависимым и подчиненным, повышенным стремлением к доминированию над ними и т. д.» // *Галкин А. А., Красин Ю. А.* Авторитаризм или демократия: варианты развития. С. 34.

[58] Многовариантность форм поведения конформиста блестяще показал в одноименном романе А. Моравиа. Его герой приспосабливался не только к аморальным нормам своей среды, но и к политическому строю, к подавлению свободы личности // *Moravia A.* Il Conformista. Milano, 1973.

[59] Этот необычный термин был предложен Н. Транфалья для интерпретации всей системы мер, применявшихся режимом Муссолини в ходе подготовки Италии к войне // *Tranfaglia N.* Labirinto italiano. Il fascismo, antifascismo, gli storici. Firenze, 1989. P. 59–75.

[60] ACS, MI, DGPS, Div. AA. GG. e RR, 1935, b. 26 ; 1936, b. 18/b. Даже по данным П. Роботти и Дж. Джерманетто, скрупулезно собранным на основе материалов КПИ, вырисовывается картина отдельных, спорадических и немногочисленных выступлений, в том числе, против отправки на фронт // *Robotti P., Germanetto G.* Trent'anni di lotta dei comunisti italiani, 1921–1951. Roma, 1952.

[61] *Gaddi G.* I comunisti nella resistenza veneta. Milano, 1977. P. 33.

[62] «В эти дни, — сообщал один из агентов КПИ в декабре 1936 г., — многие отправились в Африку не по убеждению, а от отчаяния, другие ждут своей очереди» // FG, PCI, 1936, fasc. 1451.

[63] Enciclopedia dell'antifascismo e della Resistenza. Vol. I. Milano, 1968. P. 89.

[64] ACS, MI, DGPS, Div. AA. GG. e RR., 1936, b. 21, fasc. 54/c; b. 33, fasc. 45. См. также: FG, PCI, 1935, fasc. 1381 (1).

[65] *Capitini A.* Antifascismo tra i giovani. Trapani, 1966. P. 171.

[66] FG, PCI, 1937, fasc. 1452.

[67] За республиканское правительство сражалось более трех тысяч итальянских антифашистов-интернационалистов. На стороне генерала Франко — десятки тысяч «добровольцев», посланных режимом Муссолини.

[68] *Lajolo D.* Op. cit. P. 38–40.

[69] *Кольцов М. А.* Испанский дневник. Избр. произв. в 3-х томах. М., 1957. Т. 3. С. 425.

[70] ACS, MI, DAGR, PS, Cat. G. 1, b. 24, fasc. 7/c.

12 Зак. 398

[71] Ibid., b. 226, fasc. 466.

[72] *Zangrandi R.* Il lungo viaggio attraverso il fascismo. Milano, 1962. P. 544.

[73] FG, PCI, 1937, fasc. 1448.

[74] Ibid., 1937, fasc. 1449.

[75] Ibid., 1936, fasc. 1369.

[76] Подлинные причины итальянской интервенции в Испанию лежали, на наш взгляд, не столько в идеологической, сколько в геополитической плоскости и заключались в стремлении к установлению гегемонии в средиземноморском регионе. Этот курс всячески поощрялся гитлеровской Германией, с которой в октябре 1936 г. было подписано соглашение о помощи генералу Франко и секретный протокол о необходимости нового международно-правового статуса для Европы.

[77] O. O. Vol. XXIX. P. 69.

[78] Ibid. P. 70.

[79] Ibid.

[80] FG, PCI, 1938, fasc. 1504.

[81] ACS, PNF, prov., b. 7. P. 14.

[82] В своем дневнике А. Франсуа-Понсе писал: «Во время заседаний Мюнхенской конференции я был поражен влиянием, которое оказывал Муссолини на своего партнера... Гитлер не сводил с Муссолини глаз. Он взирал на него с почтительным восхищением... Я заключил из этого, что Муссолини был единственным, кто может удержать Гитлера на грани войны, и, следовательно, ключи от мира находятся не в Берлине, а в Риме» // Цит. по: *Филатов Г. С.* Указ. соч. С. 102.

[83] ACS, MI, DGPS, AA. GG. e RR., 1938, b. 17, fasc. 87.

[84] *De Felice R.* Intervista sul fascismo. P. 53.

[85] По утверждению Муссолини, «римский шаг» был «изобретен» Евгением Савойским, а затем уже его переняли армии других стран // O. O. Vol. XXIX. P. 188.

[86] ACS, PNF, prov., b. 65, fasc. 244 ed altri.

[87] *Ludwig E.* Op. cit. P. 89.

[88] Menzogna della razza: documenti e immagini del razzismo e dell'antisemitismo fascista. Bologna, 1994.

[89] ACS, PNF, prov., b. 7, fasc. 29.

[90] Ibid., b. 28, fasc. 17.

[91] Тоталитаризм в Европе XX века. С. 189.

[92] Enciclopedia dell'antifascismo e della Resistenza. P. 86.

[93] «Il Bo» (Padova), «La Campana» (Pisa), «Il Ventuno"(Venezia), «L'Appello» (Palermo), «Rivoluzione», «Campo di Marte» (Firenze), «Il Cantiere», «La Sapienza» (Roma), «Architrave» (Bologna), «Libro e moschetto» (Milano) и др.

[94] Il Maglio. 1938. 3. XII.

[95] *Mori R.* Considerazioni e ricordi sul «consenso» al regime // Storia e politica, 1977. № 1. P. 142.

[96] ACS, PNF, S–C, 1936, fasc. 121.

[97] L'Assalto. 1936. 12. III.

[98] La Sapienza. 1937. 18. VI.

[99] «Преждевременно говорить о братстве между студентами и рабочими, или о студентах, как политических наставниках рабочих» // Libro e moschetto. 1939. 1. XII.

[100] La generazione degli anni difficili. Bari, 1962. P. 42.
[101] *Zangrandi R.* Op. cit. P. 127.
[102] *Addis Saba M.* I giovani del Littorio e D'Annunzio // Il Ponte, 1975. N 7–8. P. 815–816.
[103] Подробнее см. канд. дисс. Е. П. Наумовой «Партия действия в Италии (1942–1947 гг.): формирование и эволюция идейно-политической платформы». М., 1998.
[104] *Capitini A.* Op. cit. P. 106.
[105] *Cocchi M.* La sinistra cattolica e la Resistenza. Roma;Milano, 1966. P. 23.
[106] ACS, CPC, b. 122.
[107] Дж. Амендола не раз писал о том, что в послевоенной антифашистской литературе было много преувеличений роли пролетариата в подпольной борьбе, что рабочий класс придерживался выжидательной и абсентеистской линии поведения, причины которого тщательно изучались коммунистами // *Amendola G.* La «continuita» dello Stato e i limiti storici dell'antifascismo italiano // Critica marxista, 1974, quad. 7.
[108] *Franzina E.* Op. cit. P. 222.
[109] *Эрколи.* О задачах коммунистического интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. М., 1935. С. 87–89.
[110] Конкретное содержание нового курса пояснялось в выступлении Ч. Негарвилле на пленуме ЦК КПИ в сентябре 1936 г. и в редакционной статье Р. Гриеко в журнале «Стато Операйо» в октябре того же года: взять на вооружение лозунг Муссолини «Дорогу молодежи!», ибо он глубоко проник в сознание юных итальянцев, вложив в него собственное содержание, а именно: право на жизнь и политику мира, на семью и средства ее обеспечения, на широкое участие в политической и культурной жизни, выполнение обещаний, данных правительством молодым солдатам, вернувшимся из Африки // Lo Stato Operaio. 1927–1939. Antologia. Vol. 2. P. 442–447.
[111] Об особенностях этой работы см.: *Тольятти П.* Указ. соч. С. 79–142.
[112] Цит. по: *De Grazia V.* Op. cit. P. 270.
[113] ACS, SPD, CR, 1938, fasc. 131.
[114] ACS, DPP, b. 99, fasc. B/92.
[115] Ibid., fasc. 150.
[116] Ibid., 1940, fasc. 56/b.
[117] *Gaddi G.* Eugenio Curiel, gli anni de «Il Bo» // Rinascita, 1965. N 8. P. 17; *Modica E.* Curiel e la prospettiva unitaria del «partito nuovo» // Critica marxista, 1969. N 6; *Briamonte N.* La vita e il pensiero di Eugenio Curiel. Milano, 1979. P. 47.
[118] Подробнее см.: *Белоусов А. С.* Политические взгляды Эудженио Куриэля — руководителя Фронта молодежи в итальянском Сопротивлении // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1982.
[119] По свидетельству Л. Лонго, Куриэль пришел к ней самостоятельно, в результате «умозаключений, вытекавших из практической жизни и соответствовавших ей» // Rinascita, 1955. N 7–8. P. 514.
[120] *Curiel E.* Scritti. 1935–1945. Roma, 1973. Vol. 1. P. 235.
[121] L'Unita. 1970. 26. III.
[122] Один из них. Р Гандольфи, по заданию КПИ трудился в этом качестве на предприятии Сабием-Паренти в Болонье. Он оставил подробные воспоминания

о технике легальной работы (*R. Gandolfi*. I fiduciari di fabbrica. L'attivita' degli operai comunisti all'interno del sindacato fascista a Bologna. Milano, 1980). Так, во время ежегодных кампаний по обновлению членства в фашистской партии и профсоюзе он обращался к рабочим с вопросом: «Ты ведь ничего не дашь, верно?», добавляя при этом, что никто еще не внес в качестве членских взносов ни лиры. Возвращаясь с пустыми руками, он заявлял протест администрации, говоря, что «уже много чего выслушал» (р. 37). Или, прикидываясь простачком, шел «за советом» к партийным и профсоюзным боссам, излагая суть дела таким образом, что иерархи принимали решение, необходимое коммунистам (р. 46). Или вдохновлял волнения рабочих, «удивляясь» в беседах с ними невыполнением условий коллективных договоров и «подставляя», таким образом, администрацию (р. 57). Наконец, пользуясь возможностями «доверенного лица», Гандольфи не раз удавалось распознать провокаторов, засылавшихся квестурой в рабочие коллективы (р. 55).

[123] Ibid. P. 31–33. См. также доклад агента КПИ, специально изучавшего ситуацию в рабочей среде в зоне Триеста в апреле 1937 г. // FG, PCI, 1937, fasc. 1449.

[124] Один из подпольных корреспондентов КПИ в Болонье после нескольких месяцев работы пришел к выводу, что «рабочие совершенно не доверяют профсоюзу, они единодушно считают (включая убежденных фашистов), что профсоюз не способен защищать их интересы. Это недоверие, это настроение, которое в политической ситуации, отличной от современной, означало бы массовый выход из профсоюзов и создание классовой организации, в нынешних политических условиях обусловливает, напротив, ожидание, апатию и недоверие, и вынуждает рабочих терпеть обиды от хозяев... Естественно, такое поведение рождается огромным страхом, который испытывают рабочие перед угрозой потерять работу» // Ibid., fasc. 1451.

[125] Ibid., fasc. 1505(2), 1506.

[126] В результате активной социальной деятельности фашистского правительства система патерналистских связей в обществе значительно ослабла, но сохранилась. Поскольку, однако, сам феномен «патернализма» не поддается какому-либо жесткому количественному измерению, вопрос о степени его распространенности в 30-е годы остается риторическим.

[127] ACS, SPD, CR, 1938, fasc. 17/c.

[128] FG, PCI, 1938, fasc. 1503.

[129] Приведем лишь один пример: в 1938 г. в рабочих кварталах городов Северной Италии стала популярной песенка «Марамео, почему ты умер?» За легкой мелодией и безобидным, на первый взгляд, содержанием скрывалась ирония по поводу дуче, который молчит и бездействует, когда простым людям становится плохо // ACS, MI, DGPS, AA. GG. e RR, b. 84, fasc. 97.

[130] В данном конкретном примере более адекватной представляется оценка ОВРА, так как, во-первых, нужно было эту песню ЗНАТЬ, во-вторых, должна была быть определенная внутренняя готовность ее петь («что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»).

[131] Число таких граждан не всегда увеличивалось пропорционально росту количества актов индивидуального протеста, зафиксированных полицией, поскольку многие отказывались быть свидетелями, вдруг становясь «глухими и слепыми».
[132] Le Sentenze istruttorie e le Sentenze in Camera di Consiglio emesse dal Tribunale fascista contro gli imputati di antifascismo dall'anno 1927 al 1943. V. 3, Milano, 1980; *Dal Pont A., Carolini S.* L'Italia al confino. Le ordinanze di assegnazione al confino emesse dalle Commissioni provinciali dal novembre 1926 al luglio 1943. V. 3, Milano, 1983.
[133] FG, PCI, 1937, fasc. 1448; 1940, fasc. 1532.
[134] ACS, PNF, prov., b. 28.
[135] Цит. по: *Melograni P.* Rapporti segreti della polizia fascista. 1938–1940. Roma;Bari, 1979. P. 27–28.
[136] ACS, PNF, prov., b. 28, fasc. 149.
[137] В Модене Стараче однажды уверял аудиторию в том, что он «никогда не спит и всегда работает, даже в постели»; в Милане бахвалился тем, что фашистам «потребовалось всего семь месяцев, чтобы завоевать империю, а итальянским женщинам, чтобы сделать сына волчицы, нужно целых девять» // ACS, MI, DPP, «Starace», fasc. 3.
[138] Ibid., fasc. 5.
[139] ACS, SPD, CR, b. 90, fasc. W/R.
[140] *Ciano G.* Diario. 1939–1943. Milano, 1963. Vol. 1. P. 199.
[141] *Cannistraro P. V.* La fabbrica del consenso. Fascismo e mass media. Bari, 1975.
[142] *A. Tamaro.* Op. cit. P. 456.
[143] См.: *Passerini L.* Torino operaia e fascismo. Roma;Bari, 1984. P. 225–245.
[144] «В России живется лучше, чем в Италии, потому что в России больше справедливости», — рассуждал рабочий Пеллиццани, вернувшись из Испании. (ACS, MI, DGPS, AA. GG. e RR, cat. G. 1, b. 226, fasc. 466). Это умозаключение — лишь типичный пример из множества аналогичных, нашедших отражение в донесениях филеров.
[145] Именно это различие послужит в будущем одной из предпосылок социально-политического размежевания антифашистских сил в движении Сопротивления.
[146] *Bottai G.* Vent'anni e un giorno (24 luglio 1943). Milano, 1949. P. 132.
[147] Материальная неподготовленность к войне была столь очевидной, что фашистское правительство предприняло ряд мер с целью отсрочить вступление Италии в конфликт. Дуче объявил о «неучастии», стремясь тем самым подчеркнуть временный характер этого шага и рассчитывая на его политические выгоды.
[148] ACS, MI, DGPS, DPP, fasc. per materie. № 134.
[149] ACS, SCP, 1939, fasc. 3.
[150] *De Felice R.* Intervista sul fascismo. P. 53.
[151] O. O. Vol. XXIX. P. 375.
[152] ACS, PNF, prov., 1940, b. 7, fasc. 181.
[153] *Curiel E.* Op. cit. Vol. I. P. 201–206.
[154] ACS, MI, DGPS, DPP, fasc. per mat. N 89.

155 FB, Cassa 1, fasc. 27, 56, 87. FG, PCI, 1939, fasc. 1500.

156 «Возможное выступление на стороне Германии вызывает сильную враждебность даже среди фашистов и Милиции», — докладывал один из них (ACS, MI, DGPS, PP, b. 1, fasc. 34).

157 ACS, PNF, prov., b. 162.

158 «Я вынужден сообщить вам, — информировал Боккини агент, внедренный в бюрократию ПНФ среднего звена, — что Партия постепенно становится “мертвым грузом”». Фашисты устали от формальных лозунгов и бесконечных манифестаций, которые они считают повинностью» // ACS, MI, SCP, b. 15, fasc. 201.

159 Cronache del XX secolo filmate. Immagini di un dittatore. 1989, Produzioni Artistiche Milanesi.

160 ACS, PNF, 1940, b. 7.

161 В декабре 1941 г. на многие предприятия была распространена даже военная юрисдикция, а в начале 1942 г. принято решение о создании «штрафных бараков».

162 В 1942 г. в газетах стали появляться сообщения о преследовании врачей, которые выдавали фиктивные справки, позволявшие уклоняться от трудовых мобилизаций // L'Avvenire d'Italia. 1942. 12. V, 1942. 11. VII; Il Resto del Carlino. 1942. 20. V.

163 *Gbini C., Dal Pont A.* Gli antifascisti al confino. P. 391–467.

164 Движение за вступление Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты.

165 ACS, MI, DGPS, SCP, fasc. 103.

166 После вступления в войну один из них с грустью констатировал: «Все бесполезно, мы пришли к неизбежному концу. Мы — поколение, рожденное для бойни. Италия не сделала ничего иного, кроме войн, и мы — дети войны». Нет, возражал ему один из товарищей по службе, «мы должны быть последовательны до конца» (*Lajolo D.* Op. cit. P. 164) — Эта фраза высвечивает существо внутреннего состояния тех, кто продолжал упорно цепляться за прогнивший режим.

167 *Филатов Г. С.* Указ. соч. С. 244–264.

168 ACS, SCP, prov, fasc. 22.

169 Ibid., fasc. 17, 46/bis ed altri.

170 Ibid., fasc. 4.

171 Ibid., fasc. 47.

172 Подробнее см.: *Imbeni A. M.* Gli italiani e il Duce: il mito e l'immagine di Mussolini negli ultimi anni del fascismo. 1938–1943. Napoli, 1992.

173 FG, PCI, fasc. 1532.

174 ACS, SCP, prov., fasc. 41.

175 Ibid., fasc. 21, 26.

176 Ibid., fasc. 10, 32.

177 Ibid., fasc. 94.

178 Квестор Неаполя был неподдельно удивлен тем, что его морской город оказался совершенно необеспеченным рыбой (Ibid., fasc. 85).

179 Ibid., fasc. 66.

[180] ACS, MI, DGPS, b. 57, cat. K–1–b, fasc. 18.

[181] В этой связи особенно часто жаловались дуче префекты Милана и Турина // Ibid., SCP, fasc. 13, 30.

[182] Подробнее см.: *Mantelli B.* Camerati del lavoro. I lavoratori italiani emigrati nel Terzo Reich nel periodo dell'Asse 1938–1943. Firenze, 1992.

[183] «Я не позволю этим немцам думать, что мы полезны лишь как работяги, — «кипятился» дуче на глазах невозмутимого Боттаи, — мы же солдаты!» // *Bottai G.* Op. cit. P. 204.

[184] ACS, SCP, prov., fasc. 113.

[185] Подробнее см.: *Bonacina G.* Obiettivo: Italia. I bombardamenti aerei delle citta' italiane dal 1940 al 1945. Milano, 1970.

[186] В Турине, население которого превышало 700 тыс. человек, бомбоубежища могли вместить лишь 115 тыс., но и это не гарантировало надежную защиту // *Maida B.* La classe operaia torinese nella crisi del regime fascista // Studi storici, 1991. N 2. P. 441.

[187] ACS, SCP, prov., fasc. 101.

[188] *Bottai G.* Op. cit. P. 205.

[189] ACS, SCP, prov., fasc. 37, 65.

[190] Ibid., fasc. 39, 41, 42 ed altri.

[191] Ibid., fasc. 44.

[192] Ibid., fasc. 81.

[193] *Gandolfi R.* Op. cit. P. 45.

[194] Ibid., fasc. 123.

[195] *Bottai G.* Op. cit. P. 233.

[196] ACS, SCP, prov., fasc. 47.

[197] Ibid., fasc. 102.

[198] Ibid., fasc. 97.

[199] Ibid., fasc. 8.

[200] *Алатри П.* Происхождение фашизма. С. 57.

[201] «Посмотрим, — говорил Муссолини, — что даст партии этот новый рецепт: старые кадры плечом к плечу с молодыми. Это последняя попытка, после чего можно будет закрыть лавочку» // Цит. по: *Филатов Г. С.* Указ. соч. С. 281–282.

[202] ACS, SCP, prov., fasc. 104.

[203] Ibid., fasc. 4.

[204] О развале женских организаций режима см.: *De Luna G.* Donne in oggetto. L'antifascismo italiano. Torino, 1995.

[205] Тоталитаризм в Европе XX века. С. 202.

[206] Ibid., fasc. 92, 97, 112.

[207] ACS, SCP, prov., b. 10, 11, 12.

[208] *Massola U.* Marzo 1943, ore 10. Roma, 1950. P. 15.

[209] Эта позиция прямолинейно выражена, например, в статье G. Vaccarino. «Gli scioperi del marzo 1943. Contributo per una storia del movimento operaio a Torino» // AA. VV. Aspetti della Resistenza a Piemonte. Torino, 1977.

[210] *Spriano P.* Storia del Partito comunista italiano. Vol. III. Torino, 1973. P. 195.

[211] Там, где их не было, свержение режима «исчерпалось жестом удовлетворения» // Ibid. P. 263.

[212] *Mason T.* Gli scioperi del marzo 1943 // AA. VV. L'Italia nella seconda guerra mondiale e nella Resistenza. Milano, 1988.

[213] Этот факт признает начальник полиции К. Сенизе (*Senise C.* Quando ero Capo della Polizia. 1940–1943. Roma, 1946. P. 171). Факт весьма примечательный, поскольку отражает «молчание» населения и бессилие филеров. И хотя в Италии, в отличие от гитлеровской Германии, добровольные доносы были весьма редки, «молчание» людей можно расценивать как показатель роста недоверия к режиму.

[214] Судя по документам, опубликованным Р. Де Феличе, на подавление стачки были стянуты лишь 300 карабинеров // *De Felice R.* Mussolini l'alleato. 1940–1945. Vol. I. L'Italia in guerra. Torino, 1990. P. 940, nota 5.

[215] *Mason T.* Resistenza non organizzata delle masse: scioperi nell'Italia fascista e nella Germania nazionalsocialista // Modelli culturali e stato sociale negli anni trenta. Firenze, 1988. P. 33.

[216] Версия Масона перекликается с точкой зрения Де Феличе, основанной исключительно на документах полиции. По его мнению, забастовки носили сугубо экономический характер и начались спонтанно. Муссолини был хорошо осведомлен о происходившем и сумел сыграть «джолиттианскую» роль, не применяя силу, но контролируя развитие событий. Дуче якобы интуитивно чувствовал, что политические мотивы в движении или отсутствовали вовсе, или носили маргинальный характер (*De Felice R.* Op. cit. P. 921–958).

[217] L'Unita. 1943. 15. III.

[218] *Mason T.* Op. cit. P. 35.

[219] Общность цели не означала прямолинейности движения к ее достижению и не исключала непонимания, как, например, 1 мая 1943 г., когда рабочие остались глухи к призывам коммунистов к стачке под политическими лозунгами.

[220] La Resistenza non armata. Roma, 1995.

[221] *Semelin J.* La Resistenza civile nel 1943: dalla sopravvivenza alla Liberazione // Ibid. P. 23.

[222] 8 сентября 1943 г. было объявлено о подписании перемирия между союзниками и правительством П. Бадольо, возглавившим кабинет министров Италии после отставки Муссолини.

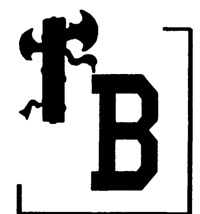
[223] «Социальной республикой» (или «республикой Сало») называлось новое государственное образование во главе с Муссолини, созданное гитлеровцами на территории оккупированных ими областей Центральной и Северной Италии.

[224] *De Felice R.* Rosso e nero. Milano, 1995. P. 86.

[225] Напомним, что отказ от службы в фашистской республиканской армии рассматривался как тягчайшее преступление и жестоко карался.

[226] *Parisella A.* Sopravvivere liberi. Roma, 1997.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ



о второй половине 20-х годов в фашистской Италии сформировался в основных чертах тоталитарный режим. Его появление стало результатом сознательного выбора наиболее влиятельной части правящего блока, увидевшей в новом типе организации общества гарантию социально-политической стабильности и «порядка». Этот выбор оказался совокупным результатом слившихся в единый поток социально-экономических, политических, моральных и психологических тенденций, набиравших силу в итальянском обществе после Первой мировой войны и периода революционного подъема.

События тех лет наглядно продемонстрировали изменение роли масс в определении судеб исторического развития, их превращение в действующий субъект политики. Умение овладеть настроением масс, или, что гораздо важнее, создать его и направить усилия на выполнение конкретных задач («мобилизовать сверху») стало одним из решающих условий для поддержания сложившегося баланса сил и сохранения режима Муссолини как такового.

В отличие от большинства авторитарных режимов прошлого, тоталитарная власть пыталась «мобилизовать» массы на пути их «соучастия», то есть интеграции в складывавшуюся систему общественных отношений в качестве «носителей», «деталей» тоталитарного механизма. Это требовало радикального разрыва существовавших прежде ассоциативных связей, установления нового типа отношений общества с властью, формирования качественно иного менталитета людей, основанного на синтезе понятий «гражданин» — «производитель» — «солдат». Такая «человеческая модель» должна была соответствовать одиозному и амбициозному проекту тоталитарной системы, нацеленному на формирование идентичности гражданского общества, государства и нации. Для осуществления подобного исторического «эксперимента» режим Муссолини располагал двумя ключевыми инструментами: насилием и согласием.

В практике тоталитарных режимов (и не только тоталитарных) эти меры взаимосвязаны и взаимозависимы. Они присутствуют всегда, но в конкретных исторических ситуациях используются в большей или меньшей степени. В Италии режим Муссолини опирался на прямые, открытые методы подавления преимущественно в начальной стадии, в ходе борьбы за самоутверждение, и на завершающем этапе, в фазе крушения. Между двумя

подъемами репрессивной волны лежал относительно спокойный период, когда аппарат подавления использовался преимущественно в своей профилактической функции (и в этом смысле являлся составной частью механизма обеспечения консенсуса), когда режим Муссолини применял «мирные» методы обеспечения своего господства, когда в рамках диктатуры установилась прочная и многосторонняя связь между государственной функцией подавления и тоталитарным механизмом формирования массового согласия. Эта связь обусловила «итальянское своеобразие» функционирования бинома «насилие — согласие», а именно: использование не только и не столько методов прямого физического подавления, сколько идейного, правового и нравственного принуждения к конформизму. В этом — одна из главных особенностей итальянской тоталитарной модели.

Тем не менее принуждение (пусть даже без явного насилия) всегда оставалось непременным атрибутом тоталитарной власти. Оно заключалось, во-первых, в отсутствии реальной альтернативы, то есть возможности свободного выбора для подавляющего большинства обычных людей, не склонных подвергать себя риску и опасности потерять то, что они уже имели; во-вторых, в построении режимом «обязательных жизненных путей», по которым следовало двигаться, чтобы не быть вычеркнутым из общества, иметь хоть какую-то личную перспективу и доступ к определенным привилегиям; в-третьих, в навязывании идеологизированных «ценностей», априори убеждавших граждан в правильности того выбора, который им надлежало сделать. Порабощение индивида тоталитарной системой превращалось, таким образом, в норму. Принуждение жить по предписанному свыше стандарту, посягательство на свободу и достоинство личности становилось сущностью духовной сферы тоталитаризма.

В этой сфере использовалась комплексная система мер, включавшая элементы экономического, социального, политического, правового, идейного, морального и психологического воздействия на людей. Целью их применения являлось формирование массового сознания, основанного на мифологизированных представлениях о режиме Муссолини, и внедрение таких моделей и стереотипов поведения, которые соответствовали бы месту и роли трудящихся в тоталитарной общественной системе. Результатом их применения должна была стать социально-политическая стабильность общества, которая гарантировала бы режиму Муссолини историческую перспективу.

Достижение этой стратегической цели требовало использования всех имевшихся в распоряжении тоталитарного режима средств, а именно: мощного, но гибкого репрессивного аппарата и цензуры, унитарной идеологии и мифотворчества, массовых идеологизированных организаций и учебно-воспитательных учреждений, правовой системы, государственного вмешательства в сферу рыночных, производственных и социальных отношений.

Активное применение этих «инструментов консенсуса» в 30-е годы привело к значительному возрастанию роли государства в жизни общества по сравнению с предшествовавшим периодом. Оно стало более упругим, сильным, опиравшимся на капиллярную сеть ассоциаций (профсоюзы, «Дополаворо», детские, юношеские, женские, спортивные и прочие), охватывавших подавляющую часть населения и находившихся в прямом или опосредованном подчинении у фашистской партии. Партии отводилась стратегическая роль в осуществлении «принципов фашистской революции», но не в непосредственном управлении обществом. ПНФ не подменяла собой государство. Этот факт следует особо подчеркнуть в качестве еще одного существенного отличия в механизме функционирования итальянской модели тоталитаризма (по сравнению, к примеру, со сталинской). Массовые организации имели исключительные возможности и широкие полномочия для идейно-политического, культурного и психологического «убеждения» масс, которые таким образом вовлекались в общественную жизнь страны, но лишались возможности оказывать на нее прямое воздействие. Вопреки видимой активизации их роли, массы превращались в пассивный субъект политики. Это вполне соответствовало замыслам правившей элиты, даже с учетом того факта, что большинство итальянцев оказалось не столько оболванено режимом, сколько приспособлено к новым условиям существования. В 30-е годы именно конформизм стал наиболее типичной поведенческой моделью в широких слоях населения.

Однако конформизация общества не означала выработки иммунитета против фашистской идеологии и мифотворчества. В соотношении этих «ценностей» (что также является одной из существенных особенностей итальянской тоталитарной модели) абсолютный приоритет отдавался идеологизированным мифам, которые стали главным и весьма эффективным инструментом воздействия на умонастроения масс. Их совокупность (харизматический вождь, «высшая социальная справедливость» в рамках корпоративного государства, «величие нации», «универсальность» фашизма, новый «стиль жизни» и «человек эпохи Муссолини») воспроизводила модель некого «идеального общества», к которому Италия должна была неуклонно приближаться. Усиленно насаждая мифологизированные представления о действительности, режим Муссолини пытался реализовать эту утопическую модель на практике. Пропагандируемые им мифы наслаивались друг на друга на уровне обыденных ориентаций индивида, но становились базовыми, мировоззренческими лишь в тех случаях, когда «срабатывал» принцип приоритета иррациональной веры над знанием.

Этот принцип стимулировался целенаправленным воздействием режима Муссолини не только на духовную, но и социально-экономическую среду обитания индивида. В фашистский период в Италии сложилась гибкая и эффективная система государственного регулирования социальных отно-

шений, упрочивавшая позиции режима в обществе, точнее в тех его слоях, которые не испытывали реального падения жизненного уровня. Биосоциальные условия жизни значительной части трудящихся оставались в годы фашизма весьма стабильными. Режим Муссолини не принес с собой явного улучшения качества жизни людей, но и не допустил его ухудшения. В конце 20-х — начале 30-х годов фашистская Италия стала первой из индустриальных стран Запада, открыто провозгласившей принцип социальной ответственности государства за поддержание минимально необходимых биосоциальных условий жизни своих граждан. Удивительный факт: тоталитарное государство, с момента своего появления открыто выражавшее ненависть к либерализму, на практике осуществляло меры в духе кейнсианства (разумеется, наряду с подавлением) и даже в ряде случаев продвинулось в этом направлении гораздо дальше демократических государств (индексация зарплаты, коллективные договоры, социальное страхование).

Однако подавляющая масса трудящихся относилась к этим льготам прагматически, не увязывая их получение напрямую с идеологическими постулатами режима. Многие из них считали, что полученного явно недостаточно и следует добиваться большего. Поэтому в рамках фашистской стратегии «мобилизации сверху» курс на расширение социального страхования и мирное урегулирование классовых конфликтов не приносил режиму Муссолини явно выраженной идейно-политической выгоды, что не исключало расширения зоны конформистского согласия и укрепления консенсуса.

Пик «согласия» приходится на середину 30-х годов, когда в обществе еще не обозначились признаки надвигавшихся перемен, но завершилось складывание новой композиции идеологизированных субкультур: либеральная практически исчезла, социалистическая, будучи изолированной от основной массы трудящихся, с трудом сохраняла «островки» присутствия в обществе, католическая сократила сферу влияния, но сумела уберечь основные идейные и организационные механизмы своего влияния. Все это означало замещение элементов гражданского общества неким суррогатом, который стал доминирующим и может быть условно назван «фашистской субкультурой». Она сформировалась как агрессивный гибрид мифологизированных представлений, организационных структур их насаждения, прямого и опосредованного принуждения и имела паразитирующий характер. Помимо собственных «идейных ценностей» фашистская субкультура вобрала элементы католической и социалистической традиции, историко-патриотической и обновленческой, традиционализма как такового. Внутренне скрепленная воинствующим национализмом, она стала легко доступной формой самовыражения значительной части итальянского общества.

Однако момент триумфа, связанный с завоеванием Эфиопии и провозглашением империи, одновременно становится и едва заметной точкой отсчета в начинающемся разложении режима. Во второй половине 30-х годов в недрах тоталитарного общества начали вызревать процессы, не поддававшиеся контролю со стороны политической власти, а именно: разложение стереотипов мышления и поведенческих моделей, соответствовавших «новому фашистскому типу», формирование антиконформистских настроений, сужение сферы воздействия на массы доминировавшей субкультуры. Начавшаяся в мирное время внутренняя коррозия режима Муссолини стала еще одной характерной чертой, отличающей итальянскую модель тоталитаризма от гитлеровской.

В основе процесса коррозии политической системы лежал разрыв между мифологизированными представлениями о реальности, иллюзиями масс и конкретной действительностью, не только плохо вязавшейся, но зачастую прямо противоречившей официальным постулатам. Нараставшее недовольство усиливало в менталитете трудящихся элементы конфликтности, которые постепенно выходили за рамки функциональных, преодолевали барьер установленной «системы ценностей» и трансформировались в множественные формы протеста, направленные уже против самой тоталитарной системы. Тем самым продолжалась «подрывная традиция» общества, ставшая одним из несущих элементов так называемого «народного антифашизма», переживавшего период латентного развития и прорывавшегося наружу отдельными всполохами, которые учащались по мере усиления приготовлений режима Муссолини к войне.

К ее началу от шовинистического угара, пережитого обществом после африканской авантюры, не осталось и следа. Эмоциональный консенсус лопнул вместе с мифами о «величии нации», о «высшей социальной справедливости», о «гениальном вожде» и прочими. Заметно возросшие элементы эскапистского мироощущения накладывались на сформировавшийся в прежние годы антинацистский стереотип сознания и усиливали общую антивоенную тональность в умонастроениях масс. Сочетание антигерманской и антивоенной направленности мышления рождало антифашистский, то есть антирежимный настрой, который постепенно становился доминирующим после вступления Италии во Вторую мировую войну.

Экстремальные условия военного времени и выдвижение на первый план проблемы выживания обострили противоречие между идейно-политической гомогенностью, к которой стремились фашисты, формируя «национальную идентичность», и реальной социальной гетерогенностью общества. Пути выживания напрямую зависели от материального и социального статуса граждан, чье естественное право на жизнь подвергалось угрозе, которая оказалась конечным результатом господства тоталитарной системы.

Понимание этого факта (даже интуитивное) вопреки усилиям власти приводило к разрыву устоявшейся связи индивида с обществом, к нарушению всей системы личной адаптации к режиму и, следовательно, к стремительному сокращению в обществе зоны конформистского согласия и ускорению перехода граждан, в том числе рабочих, на позиции более или менее осмысленного антифашизма. Наружу вышли те формы конфликтности, которые прежде были скрыты под покровом конформизма. Агрессивное стремление тоталитарной системы проникнуть не только в социально-политическую и духовную среду обитания индивида, но также в сферу личной этики, семейных и общечеловеческих отношений рождало скрытую реакцию отторжения, основанную на распространенных субкультурах и традиционных стереотипах мышления. Всесторонний кризис системы и развал «зоны согласия» обнажили глубинный процесс вызревания на уровне базовых ориентаций нонконформистских и антагонистических настроений, побуждавших людей занимать более активную позицию.

Консенсус середины 30-х годов на деле оказался шатким и поверхностным, не затронувшим базовые ориентации подавляющей части населения, в том числе рабочего класса, и в этом — еще одна особенность итальянской тоталитарной модели, которая (по сравнению со сталинским и гитлеровским режимами) оказалась внутренне менее прочной. Титанические усилия режима Муссолини по формированию идейно однородного общества, сплоченного на основе фашистской мифологии, не дали ожидавшихся результатов. В итоге в самый ответственный момент, когда потребовалось исключительное напряжение всех сил и возможностей страны, тоталитарная система в Италии (опять-таки в отличие от сильных диктаторских режимов в Европе тех лет) не смогла «мобилизовать массы сверху». Ни с политической, ни с идейной точки зрения подавляющая часть общества, в том числе промышленный рабочий класс, не ассоциировала себя с режимом Муссолини, то есть не испытывала внутренней готовности идти на лишения и жертвы ради сохранения сложившейся системы. От былого «согласия» середины 30-х годов не осталось и следа.

Таким образом, если под термином «консенсус» понимать формализованное выстраивание граждан в ряд под единый политический выбор и идеологию правящего блока, а также их согласие с теми или иными действиями власти, то такая цель в 30-е годы была достигнута. Но если под этим термином подразумевается свободное и осознанное одобрение выбора правящего класса, сделанного под влиянием тех сил, на интересы которых были ориентированы последующие решения и действия, — такого в фашистской Италии не было.

Именно здесь проходит основная межа, отделяющая нас от концепции Де Феличе, для которого «консенсус» — это характерная, системообразующая черта итальянского общества середины 30-х годов, выхо-

лащивающая саму тоталитарность режима Муссолини и придающая ему вполне благопристойный облик («незавершенный тоталитаризм»). В нашем понимании «консенсус» есть категория преимущественно интерпретативная. Она подразумевает одну из форм социально-политического контроля режима над массами и в этом смысле является обязательной составляющей в системе управления обществом любым тоталитарным режимом. Консенсус отражает уровень и характер приспособления, адаптации общества к специфическим условиям жизни в период диктатуры. Приспособление не тождественно добровольной поддержке. Такой поддержкой со стороны трудящихся, во всяком случае, промышленного рабочего класса, режим Муссолини не располагал никогда, ибо по сути своей всегда оставался режимом антинародным.

Тезис о его «незавершенности» ввиду отсутствия массовых репрессий, мягкости и терпимости к политическим противникам также не выдерживает критики, ибо режим Муссолини был в полной мере наделен «родовыми признаками» тоталитаризма. Он может быть охарактеризован как вполне сложившийся, законченный режим тоталитарного типа, обладающий, как и все ему подобные, рядом национальных особенностей, перечисленных выше. Это дает основание говорить об «итальянской модели» тоталитаризма, анализу которой и была посвящена данная работа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

Archivio centrale dello stato:
Casellario Politico Centrale.
Ministero dell'Interno. Direzione Generale Pubblica Sicurezza. Affari Generali e Riservati. Raccolta circolari, Atti diversi, Atti speciali.
Ministero dell'Interno. Direzione Generale Pubblica sicurezza. Segreteria Capo Polizia.
Ministero dell'Interno. Polizia Politica, carteggio «Milizia».
Ministero della Cultura Popolare. Ufficcio Stampa.
Partito Nazionale Fascista. Circolari, Provincie, raccolte «Farinacci», «Turati», «Starace».
Presidenza del Consiglio dei Ministri, Gabinetto.
Segreteria Particolare del Duce. Carteggio Riservato.
Fondazione A. Gramsci. Partito Comunista Italiano. 1929–1943.
Fondazione L. Basso. Seria /c. Esilio. Cassa 1.
Archivio storico CGIL (Lazio). Contratti collettivi di lavoro nel periodo fascista.

Опубликованные источники

Муссолини

The fall of Mussolini. His own story by Benito Mussolini. N. Y., 1948.
Ludwig E. Colloqui con Mussolini. Milano, 1965.
Mussolini B. Citazioni. Il manuale delle guardie nere. Roma, 1969.
Mussolini B. La mia vita. Roma, 1947.
Mussolini B. My autobiography. N. Y., 1928.
Mussolini B. Opera omnia. (A cura di Edoardo e Duilio Susmel). 36 vol. Firenze, 1972, 1973.
Mussolini B. Scritti e discorsi, 8 vol. Milano, 1934.
Mussolini B. Spirito della rivoluzione fascista. Milano, 1937.
Taccuini mussoliniani (raccolti da Yvon De Begnac). Bologna, 1990.

Фашистская и антифашистская публицистика

Barnes J. S. Gli aspetti universali del fascismo. Roma, 1931.
Benettini G. La nuova legge sugli infortuni sul lavoro e sulle malattie professionali. Breve commento sistematico e qualche considerazione critica. Milano, 1937.
Benzi L. Organizzazione del Reparto Utensileria. Torino, 1931.
Bianchi M. I discorsi, gli scritti. Roma, 1931.
Bonferroni C. E. Le assicurazioni sociali in Italia // Annali di Economia, 1937.
Bottai G. Fascismo e capitalismo. Roma, 1931.
Bottai G. Esperienza corporativa. Firenze, 1934.
Camanni V. Come si e' giunti al perfezionamento e coordinamento legislativo della previdenza sociale // Le Assicurazioni sociali, 1935. N 6.

Caporilli P. The education of Youth in the Fascist State. Rome, 1930.
Carbonaro S. Il partito nazionale fascista e la sua struttura giuridica. Firenze, 1939.
Le corporazioni fasciste. Milano, 1935.
Coselschi E. La gioventu' per l'ordine nuovo. Roma, s. d.
Costamagna C. Il diritto corporativo italiano. Torino, 1927.
Costamagna C. Storia e dottrina del fascismo. Torino, 1938.
Costamagna C. Corporativismo. Dizionario di politica. Roma, 1940. Vol. 1.
D'Annunzio G. Lo Statuto della Reggenza del Carnaro con i discorsi fondamentali del Comandante. Roma, 1940.
Del Giudice R. Aspetti del lavoro commerciale. Roma, 1940.
Fanciulli G. I nostri ragazzi. Milano, 1934.
Farinacci R. Un periodo aureo del Partito Nazionale Fascista. Foligno, 1927.
Farinacci R. Realta' storiche. Cremona, 1939.
Ferrero G. Da Fiume a Roma. Milano, 1923.
Foderaro S. La milizia volontaria e le sue specialita', ordinamento giuridico. Padova, 1935.
Gentile G. La vita e il pensiero. Firenze, 1948.
Gentile G. La religione. Firenze, 1957.
Gentile G. La difesa della filosofia. Firenze, 1969.
Gravelli A. Giovinezza... giovinezza. S. d., s. l.
Gravelli A. Difesa dell'Europa e funzione antieuropea del fascismo. Roma, 1932.
Gravelli A. Verso l'internazionale fascista. Roma, 1932.
Gravelli A. Panfascismo. Roma, 1935.
La Via L. Politica e tecnica fascista dei prezzi. Roma, 1937.
Marzolo R. The youth movement in Italy. Rome, 1939.
Mezzasoma F. Essenza dei G. U. F. Genova, 1937.
Monelli P. La tua patria. Roma, 1929.
Nardelli M. Fascismo idea universale. Trento, 1936.
Nicoletti E. Da Nitti a Mussolini. 1919–1922. Napoli, 1927.
Orano P. Mussolini da vicino. Roma, 1932.
Pardini G. Organizzazione pratica del lavoro. Milano, 1921.
Pergolesi F. La magistratura del lavoro. Roma, 1928.
Perulli V. L'Opera Nazionale Dopolavoro nel sistema giuridico. Padova, 1934.
Piccoli D. S. Le organizzazioni giovanili in Italia. Roma, 1936.
Quaderni del dopolavoro. Roma, 1925.
Renda U. Lo statuto del Partito Nazionale Fascista. Torino, 1938.
Rocco A. Scritti e discorsi politici. 3 vol. Milano, 1938.
Rossi-Ragazze B. Le controversie individuali del lavoro. Roma, 1942.
Roggero S. Fascismo e lavoro. Genova, 1935.
Rondi E. Mussolini creatore d'economia. Roma, 1936.
Rossi R. Mazzini e il fascismo. Sintesi critica e polemica. Livorno, 1931.
Settimelli E. L'autorita' dello Stato. Roma, 1928.
Starace A. Opera Nazionale Dopolavoro. Milano, 1938.
Starace A. Gioventu' italiana del Littorio. Milano, 1939.
Toesca di Castellazzo C., Binello G. Il Partito nella vita economica italiana. La politica fascista degli approvvigionamenti e dei prezzi. Torino, 1938.
Tuninetti D. M. Il Partito Nazionale Fascista nella vita nazionale. Roma, 1933.
Turati A. Ragioni ideali di vita fascista. Roma, 1926.
Turati A. Una rivoluzione e un capo. Roma;Milano, 1927.
Turati A. Il Partito e i suoi compiti. Discorsi. Roma, s. d.
Vecchia P. A. Storia del fascismo bresciano. Brescia, 1929.
Zincone V. Ragionamenti sulla politica dei prezzi. Firenze, 1940.

Грамши А. Избранные произведения. Т. 3. М., 1959.
Грамши А. Формирование человека. М., 1983.
Джулио Ю. Фашистская Италия. Шесть лет диктатуры черных рубах. М., 1929.
Кольцов М. А. Испанский дневник. Избр. произв. Т. 3. М., 1957.
Петров Е. Гослото // Ильф И., Петров Е. Собр. соч. Т. 5. М., 1961.
Тольятти П. (Эрколи). О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. М., 1935.
Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974.
Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953.

Bauer O. Tra le due guerre mondiali? Torino, 1979.
Berneri C. Lo spionaggio fascista all'estero. Marsiglia, s. d.
Curiel E. Scritti. 1935–1945. 2 vol. Roma, 1973.
Gaddi G. Il razzismo in Italia. Parigi, 1939.
Gramsci A. Quaderni del carcere. 4 vol. Torino, 1975.
Marchesi C. Fascismo e Universita' // Rinascita, 1945, N 1.
Matteotti G. Un anno di dominazione fascista. Roma, 1924.
Reale E. Le corporativisme fasciste. Pages de politique contemporaine. Marseille, 1935.
Silone I. Il fascismo: origini e sviluppo. Carnago, 1992.
Tasca A. Nascita e avvento del fascismo. Firenze, 1950 (Scandicci, 1995).
Togliatti P. Discorsi ai giovani italiani. Roma, 1953.
Togliatti P. Lezioni sul fascismo. Roma, 1970.
Togliatti P. Opere. Vol. 3. T. 1. Roma, 1973.

Периодика

Antieuropa
L'Avvenire d'Italia
Bianco e rosso
Bollettino del ministero dell'interno
Casa e lavoro
Il Corriere della Sera
Critica fascista
Il Diritto del lavoro
L'economia italiana
Gazzetta Ufficiale
Gente nostra
Gerarchia
Lavoro fascista
Il Lavoro d'Italia
L'Ordine fascista
L'Organizzazione scientifica del lavoro
Popolo d'Italia
Il Resto del Carlino
S. e C.
Il Secolo fascista
La Stampa
La vita nuova
Университетские издания: «L'Appello», «L'Assalto», «Architrave», «Il Bo», «La Campana», «Campo di Marte», «Il Cantiere», «Libro e moschetto», «Il Maglio», «Rivoluzione», «La Sapienza», «Il Ventuno».
Lo Stato Operaio. 1927–1939. Antologia. 2 vol. Roma, 1964.

Воспоминания, дневники, художественная литература

Моравиа А. Равнодушные. М., 1976.
Пезенти А. Университеты жизни. Борьба антифашиста. М., 1977.
Amendola A. La mia guerra, 1940–1945: avventure, gioie e dolori degli italiani raccontati da loro stessi. Milano, 1990.
Amendola G. Una scelta di vita. Milano, 1976.
Amendola G. Intervista sull'antifascismo. Bari, 1976.
Bottai G. Diario. Milano, 1989.
Bottai G. Quaderno africano. Firenze, 1995.
Bottai G. Vent'anni e un giorno (24 luglio 1943). Roma, 1949.
Capitini A. Antifascismo tra i giovani. Trapani, 1966.
Capoferri P. Venti anni col fascismo e con i sindacati. Milano, 1947.
Caviglia E. Diario. Aprile 1925–Marzo 1945. Roma, 1953.
Ciano G. Diario: 1937–1943. 2 vol. Milano, 1963 (Milano, 1990).
De Stefani A. Baraonda bancaria. Milano, 1960.
Farinacci R. Squadrismo. Roma, 1933.
Fascismo e antifascismo (1918–1936). Lezioni e testimonianze. Milano, 1971.
Federzoni L. Italia di ieri per la storia di domani. Milano, 1967.
Federzoni L. 1927: diario di un ministro del fascismo. Firenze, 1993.
Ferrero L. Diario di un privilegiato sotto il fascismo. Torino, 1946.
Gaddi G. Ogni giorno tutti i giorni. Milano, 1974.
Gambetti F. Gli anni che scottano. Milano, 1978.
Gandolfi R. I fiduciari di fabbrica. L'attivita' degli operai comunisti all'interno del sindacato fascista a Bologna. Milano, 1980.
La generazione degli anni difficili. Bari, 1962.
Giuriati G. La parabola di Mussolini nei ricordi di un gerarca. Bari, 1981.
Graziani R. Una vita per l'Italia: Ho difeso la patria. Milano, 1994.
Lajolo D. Il Voltagabbana. Milano, 1963.
Leto G. O. V. R. A. Fascismo, Antifascismo. Bologna, 1952.
Leto G. Polizia segreta in Italia. Roma;Milano;Napoli, 1961.
Massola U. Marzo 1943, ore 10. Roma, 1950.
Massola U. Memorie: 1939–1941. Roma, 1972.
Maurano S. Ricordi di un giornalista fascista. Milano, 1973.
Montagnana M. Ricordi di un operaio torinese. Roma, 1952.
Moravia A. Il Conformista. Milano, 1973.
Mori R. Considerazioni e ricordi sul «consenso» al regime // Storia e politica, 1977. № 1.
Mussolini R. Mussolini. An intimate biography by his widow Rachele Mussolini as told to Albert Zarca. N. Y., 1974.
Rossi A. Figlio del mio tempo. Prefascismo, Fascismo, Postfascismo. Roma, 1969.
Sardi A. Pulviscolo di un'epoca. Sulmona, 1962.
Senise C. Quando ero capo della polizia. Roma, 1946.
Signoretti A. Come diventai fascista. Roma, 1967.
Treves P. Quello che ci ha fatto Mussolini. Roma, 1945.
Turati A. Fuori dell'ombra della mia vita. Dieci anni nel solco del fascismo. Brescia, 1973.
Valiani L. Il confino di polizia sotto il fascismo // Nuova Antologia, lug. –sett. 1983.
Zangrandi R. Il lungo viaggio attraverso il fascismo. Milano, 1962.

Отдельные документы и сборники

Конституции буржуазных стран. М., 1939.
L'assicurazione obbligatoria contro gli infortuni sul lavoro. Roma, 1933.
Atti parlamentari. Camera dei Deputati. Sessioni 1924–1931. Documenti. Disegni di leggi e relazioni. Roma, 1934.
Autobiografia del fascismo: i miti del totalitarismo fascista. Sesto San Giovanni, 1994.
La Carta della Scuola. Milano, 1939.
Codice della legislazione sul PNF e sulla M. V. S. N. Milano, 1939.
Il Consorzio Provinciale per l'Istruzione Tecnica e Professionale. Torino, 1931.
Conti C. Servizio segreto. Cronache e documenti dei delitti di stato. Roma, 1946.
Credere obbedire combattere: i catechismi del fascismo. Viterbo, 1996.
Cronache del XX secolo filmate. Immagini di un dittatore. Produzioni Artistiche Milanesi. 1989.
Dal Pont A., Carolini S. L'Italia dissidente e antifascista. Le Ordinanze, Le Sentenze istruttorie e le Sentenze in Camera di Consiglio emesse dal Tribunale speciale fascista contro gli imputati di antifascismo dall'anno 1927 al 1943, 3 vol. Milano, 1980.
Dal Pont A., Carolini S. L'Italia al confino. Le ordinanze di assegnazione al confino emesse dalle Commissioni provinciali dal novembre 1926 al luglio 1943, 4 vol. Milano, 1983.
Davanzati R. F. Il Balilla Vittorio. Roma, 1934.
La Dichiarazione dei diritti del fanciullo nella legislazione e nella vita sociale italiana. Roma, 1980.
I 10 anni della Carta del lavoro. S. L., 1937.
Difesa della razza. Raccolta completa dei provvedimenti legislativi e ministeriali coordinati ed annotati. Roma, 1939.
Documenti della storia. La scuola in Italia dalla legge Casati a oggi. Torino, 1976.
La dottrina del fascismo. Milano, 1935.
Economia armata. Milano, 1937.
Elementi di cultura fascista. Bologna, 1932.
Liuzzi B. Il partito nazionale fascista nel diritto pubblico italiano. Roma, 1930.
Melograni P. Rapporti segreti della polizia fascista. 1938–1940. Roma-Bari, 1979.
Menzogna della razza: documenti e immagini del razzismo e dell'antisemitismo fascista. Bologna, 1994.
Movimento operaio e organizzazione sindacale a Roma (1860–1969). Documenti per la storia della Camera del Lavoro. 2 vol. Roma, 1976.
Norme per la decisione delle controversie individuali del lavoro. Annotate e illustrate con i lavori preparatori. Roma, 1934.
ONB. Il capo centuria. Roma, 1930.
ONB. Norme e programmi dell'Opera Nazionale Balilla. Vicenza, 1930.
OND. Costumi, musica, danze e feste popolari italiane. Roma, 1933.
L'Opera Nazionale Dopolavoro. Roma, s. d.
Paresani M., Ruffolo G. La disoccupazione in Italia. Relazione sintetica delle indagini e degli studi promossi dalla Commissione parlamentare d'inchiesta sulla disoccupazione. Bologna, 1954.
Perche' non si deve emigrare. Roma, s. d.
P. N. F. Atti del V Congresso Nazionale. Roma, 21–22 giugno 1925. Roma, 1925.
Partito Nazionale Fascista. Testi per i corsi di preparazione politica. S. l., s. d.
PNF-GIL. La gioventu' nella legislazione fascista. Roma, s. d.
Popolazione e fascismo. Roma, 1933.
Reale Accademia d'Italia. Fondazione A. Volta. Atti dei convegni. Convegno di scienze morali e storiche. 14–20 novembre 1932, XI. Tema: L'Europa. Roma, 1933.
Realizzazioni e sviluppi dell'Opera Nazionale Dopolavoro. Borgo San Dalmazzo, 1933.

Uomini e secoli. Letture storiche per la scuola media. Il risorgimento e l'Italia fascista. Torino, 1942.
Vademecum dello stile fascista — dai fogli di Disposizioni del Segretario del Partito. Roma, s. d.

Статистические материалы и справочники

Annuario di statistiche del lavoro. Roma, 1949.
Annuario statistico italiano. 1922–1948, ser. 4,5. Roma.
Censimento industriale e commerciale del 1937–1940. Industria. Roma, 1942.
Compendio statistico italiano, 1937 — XVI.
De Felice R. Bibliografia orientativa del fascismo. Roma, 1991.
Enciclopedia dell'antifascismo e della Resistenza. 2 vol. Milano, 1968.
Istituto nazionale fascista della previdenza sociale. Notizie statistiche. Roma, 1940.
Un secolo di statistiche italiane, Nord-Sud. (1861–1961). Roma, 1961.
Sommario di statistiche storiche. Roma, 1942.

Исторические исследования

Алатри П. Происхождение фашизма. М., 1961.
Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
Виктюк В. В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995.
Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989.
Галкин А. А., Красин Ю. А. Критика российского авторитаризма. М., 1995.
Галкин А. А., Красин Ю. А. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М., 1998.
Голомшток И. Тоталитарное искусство. М., 1994.
Григорьева И. В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978.
Григулевич И. Р. Папство. Век XX. М., 1981.
Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980.
Де Лутиис Д. История итальянских секретных служб. М., 1989.
Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
Желев Ж. Фашизм: тоталитарное государство. М., 1991.
История Италии. Т. 3. М., 1971.
История фашизма в Западной Европе. М., 1978.
Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М., 1955.
Кин Ц. И. Миф, реальность, литература. М., 1968.
Кин Ц. И. Алхимия и реальность. М., 1984.
Кин Ц. И. Итальянский ребус. М., 1991.
Комолова Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. 1943–1947. М., 1972.
Лисовский Ю. П. Южный вопрос и социальные конфликты в Италии. М., 1979.
Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919–1929 гг. М., 1968.
Лопухов Б. Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977.
Лопухов Б. Р. Эволюция буржуазной власти в Италии. М., 1986.
Михайленко В. И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987.
Мэк Смит Д. Муссолини. М., 1995.
Овсянин П. Конец режима Муссолини. М., 1965.

Ольшанский Д. В. Массовые настроения в политике. М., 1995.
Панталеоне М. Мафия вчера и сегодня. М., 1969.
Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
Сандомирский Г. Фашизм и молодежь. М., 1925.
Серени Э. Аграрный вопрос в Италии. М., 1949.
Токарева Е. С. Фашизм, церковь и католическое движение в Италии. 1922–1943 гг. М., 1999.
Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.
Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.
Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
Тоталитаризм, что это такое? М., 1993.
Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М., 1973.
Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995.
Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1993.
Хиббефт К. Бенито Муссолини. М., 1996.
Холодковский К. Г. Италия: массы и политика. Эволюция массового социально-политического сознания трудящихся в 1945–1985 гг. М., 1989.
Хормач И. А. СССР–Италия. 1924–1939. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995.
Шатров Б. Правители фашистской Италии (Муссолини, Чиано, Фариначчи). Портреты. М., 1943.
Шейнман М. Ватикан между двумя мировыми войнами. М.;Л., 1948.
Яхимович З. П. Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма. Конец XIX — начало XX вв. М., 1986.

Acciaio per l'industrializzazione. Contributi allo studio del problema siderurgico italiano. Torino, 1982.
Addis Saba M. Gioventu' italiana del Littorio. La stampa dei giovani nella guerra fascista. Milano, 1975.
Alatri P. Le occasioni della storia. Roma, 1990.
Amato G. Individuo e autorita' nella disciplina della liberta' personale. Milano, 1967.
Antifascismo come lotta di classe. Roma, 1974.
Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1965.
Arcangeli G. La cattura della ragione. Aspetti della propaganda fascista. S. L. 1979.
Argentieri M. L'occhio del regime. Informazione e propaganda nel cinema del fascismo. Firenze, 1979.
Artieri G. Tre ritratti politici e quattro attentati. Roma, 1953.
Aspetti della Resistenza a Piemonte. Torino, 1977.
Bairati P. Vittorio Valletta. Torino, 1983.
Barberi B. I consumi nel primo secolo dell'unita' d'Italia 1861–1960. Milano, 1961.
Bernard W. American immigration policy. N. Y., 1950.
Bertoldi S. Mussolini tale e quale. Milano, 1965.
Betti C. L'Opera Nazion speri. Vite divergenti. Bologna, 1983.
Bevilacqua P. Le campagne del mezzogiorno tra fascismo e dopoguerra. Il caso della Calabria. Torino, 1980.
Bigazzi D. Il Portello: operai, tecnici e imprenditori all'Alfa Romeo. 1906–1926. Milano, 1988.
Bobbio N. Profilo ideologico del Novecento italiano. Torino, 1986.

Bologna S. Nazismo e classe operaia. Milano, 1993.
Bonacina G. Obiettivo: Italia. I bombardamenti aerei delle citta italiane dal 1940 al 1945. Milano, 1970.
Bonelli F. Lo sviluppo di una grande impresa in Italia. La Terni dal 1884 al 1962. Torino, 1975.
Bracher K. D. Fascismo e nazional-socialismo. Bologna, 1986.
Braschi A. Mussolini e De Gasperi. Vite divergenti. Bologna, 1983.
Briamonte N. La vita e il pensiero di Eugenio Curiel. Milano, 1979.
Brunetta G. P. Storia del cinema italiano, 1895–1945. Roma, 1979.
Caizzi B. Storia dell'industria italiana. Torino, 1965.
Caldiron G. Gli squadristi del 2000. Roma, 1993.
Cannistraro P. V. La fabbrica del consenso. Fascismo e mass media. Bari, 1975.
Castronovo V. Giovanni Agnelli. La Fiat dal 1899 al 1945. Torino, 1977.
Casula P. I prefetti nell'ordinamento italiano. Milano, 1972.
Catalano F. L'Italia dalla dittatura alla democrazia 1919–1948. Milano, 1962.
Ceccarini V. Il Tribunale speciale per la difesa dello Stato. La Spezia, 1977.
Cederna A. Mussolini urbanista. Lo sventramento di Roma negli anni del consenso. Roma;Bari, 1979.
Cento A. Bull Capitalismo e fascismo di fronte alla crisi. Industria e societa' bergamasca. Bergamo, 1983.
Cesari M. La censura nel periodo fascista. Napoli, 1978.
Chabod F. L'Italia contemporanea (1918–1948). Torino, 1961.
Cherubini A. Storia della previdenza sociale in Italia (1860–1960). Roma, 1977.
Chiappelli U. L'assicurazione sociale di malattia. Milano, 1969.
Chiaramonte U. Economia e societa' in provincia di Novara durante il fascismo, 1919–1943. Milano, 1987.
Chiurco G. Storia della rivoluzione fascista. 5 vol. Firenze, 1929.
La classe operaia durante il fascismo. Milano, 1981.
Classe operaia e sindacato. Storia e problemi, 1890–1948. Roma, 1982.
Cocchi M. La sinistra cattolica e la Resistenza. Roma;Milano, 1966.
Colarizi S. Classe operaia e ceti medi. Venezia, 1976.
Colarizi S. L'opinione degli italiani sotto il Regime, 1929–1943. Roma;Bari, 1991.
Colombo F., Feltri V. Fascismo/antifascismo. Milano, 1994.
Conti L. L'assistenza e la previdenza sociale: storia e problemi. Milano, 1958.
Cordova F. Le origini dei sindacati fascisti. Roma;Bari, 1974.
Costamagna C. Storia e dottrina del fascismo. Torino, 1938.
Cotta S. Resistenza. Come e perche'. Roma, 1995.
Cultura e fascismo: letteratura, arti e spettacolo di un ventennio. Firenze, 1996.
Curcio C. La politica demografica del fascismo. Milano, 1938.
Dallo stato liberale al regime fascista. Problemi e ricerche. Milano, 1973.
Dal Pont A. I lager di Mussolini. L'altra faccia del confino nei documenti della polizia fascista. Milano, 1975.
Dal Pont A., Leonetti A., Maiello P., Zacchi L. Aula IV. Tutti i processi del Tribunale speciale fascista. Milano, 1976.
De Begnac V. Palazzo Venezia: storia di un regime. Roma, 1950.
De Bernardi A. Operai e nazione. Sindacati operai e stato nell'Italia fascista. Milano, 1993.
De Felice R. Autobiografia del fascismo. Roma, 1978.
De Felice R. Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1995.

De Felice R. Mussolini il fascista. 2 vol. Torino, 1966 (1995).
De Felice R. Mussolini il duce. Vol. 1. Gli anni del consenso. Torino, 1974; Vol. 2. Lo stato totalitario. Torino, 1981.
De Felice R. Mussolini l'alleato, 1940–1945. Vol. 1. L'Italia in guerra. Vol. 2. Crisi e agonia del regime. Torino, 1990; La guerra civile. 1943–1945. Torino, 1997.
De Felice R. Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici. Bari, 1970.
De Felice R. Intervista sul fascismo. Bari, 1975 (Milano, 1992).
De Felice R. Mussolini e Hitler. I rapporti segreti 1922–1933. Firenze, 1975.
De Felice R. Il fascismo e l'Oriente: arabi, ebrei e indiani nella politica di Mussolini. Bologna, 1989.
De Felice R. Rosso e nero. Milano, 1995.
De Grand A. G. Breve storia del fascismo. Bari, 1994.
De Grazia V. Consenso e cultura di massa nell'Italia fascista. L'organizzazione del dopolavoro. Roma;Bari, 1981.
Del Carria R. Proletari senza rivoluzione. Storia delle classi subalterne in Italia. Vol. 4. Roma, 1979.
De Luna G. Donne in oggetto. L'antifascismo italiano. 1927–1943. Torino, 1995.
Donosti M. Mussolini e l'Europa. Roma, 1945.
D'Orsi A. Il potere repressivo. La polizia. Milano, 1972.
Economia ed istituzioni nello stato fascista. Roma, 1980.
L'economia italiana dal 1861 al 1961. Milano, 1961.
L'economia italiana nel periodo fascista. Bologna, 1976.
Ercole F. Storia del fascismo. 2 vol. Milano, 1939.
Fabrizio F. Sport e fascismo. La politica sportiva del regime. 1924–1936. Fi-renze;Rimini, 1976.
Fabrizio F. Storia dello sport in Italia. Dalle societa' ginnastiche all'associa-zionismo di massa. Firenze;Rimini, 1977.
Il fascismo. Antologia di scritti critici. Bologna, 1982.
Fascismo e capitalismo. Milano, 1976.
Fascismo e societa' italiana. Torino, 1973.
Fascismo, grande industria e sindacato. Il caso di Torino 1929–1935. Milano, 1975.
Il fascismo politica e vita sociale. Milano, 1980.
Fermi L. Mussolini. Una biografia. Milano, 1974.
Fisichella D. Totalitarismo. Un regime del nostro tempo. Roma, 1994.
Fossati A. Lavoro e produzione in Italia. Torino, 1951.
Fossati A. Lavoro e produzione in Italia dalla meta' del secolo XVIII alla seconda guerra mondiale. Torino, 1973.
Fox Piven F., Cloward R. A. I movimenti dei poveri. I loro successi, i loro fallimenti. Milano, 1980.
Franzina E. «Bandiera rossa ritornera', nel cristianesimo la liberta». Storia di Vicenza popolare sotto il fascismo (1922–1942). Verona, 1987.
Franzinelli M. Stellette, croce e fascio littorio: l'assistenza religiosa a militari, balilla e camicie nere 1919–1939. Milano, 1995.
Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1965.
Gaddi G. I comunisti nella resistenza veneta. Milano, 1977.
Gallerano N. L'uso pubblico della storia. Milano, 1993.

Gallo E. Il Tribunale speciale per la difesa dello Stato e il suo ambiente politico-culturale. Roma, 1980.
Gallo M. Vita di Mussolini. Bari, 1967.
Gambino A. Storia del PNF. Bari, 1962.
Gatta B. Mussolini. Milano, 1988.
Genovesi P. La riforma Gentile tra educazione e politica: le discussioni parlamentari. Ferrara, 1996.
Gentile E. Il culto del littorio: la sacralizzazione della politica nell'Italia fascista. Roma, 1994.
Gentile E. La via italiana al totalitarismo. Roma, 1995.
Geografia e forme del dissenso sociale in Italia durante il fascismo (1928–1934). Cosenza, 1990.
Germani G. Autoritarismo, fascismo e classi sociali. Bologna, 1975.
Gbini C., Dal Pont A. Antifascismo al confino 1926–1943. Roma, 1971.
Gobbi R. Il mito della Resistenza. Milano, 1992.
Golino E. Parola di Duce: il linguaggio totalitario del fascismo. Milano, 1994.
La grande industria a Terni. Terni, 1986.
Gribaudi M. Mondo operaio e mito operaio. Spazi e percorsi sociali a Torino nel primo Novecento. Torino, 1987.
Grifone P. Capitalismo di stato e imperialismo fascista. Milano, 1975.
Guarnieri F. Battaglie economiche tra le due guerre. 2 vol. Roma, 1978.
Guerin D. Fascismo e gran capitale. Roma, 1994.
Haider C. Capital and labor under fascism. N. Y., 1930.
Hobsbawn E. J. Studi di storia del movimento operaio. Torino, 1973.
Hobsbawn E. J. Lavoro, cultura e mentalita' nella societa' industriale. Roma;Bari, 1986.
Imbeni A. M. Gli italiani e il Duce: il mito e l'immagine di Mussolini negli ultimi anni del fascismo. 1938–1943. Napoli, 1992.
Immagine di popolo e organizzazione del consenso in Italia negli anni trenta e quaranta. Venezia, 1979.
Innocenti M. I gerarchi del fascismo: storia del ventennio attraverso gli uomini del Duce. Milano, 1992.
Isnenghi M. Intellettuali militanti e intellettuali funzionari. Appunti sulla cultura fascista. Torino, 1979.
L'Italia nella seconda guerra mondiale e nella Resistenza. Milano, 1988.
Jocteau G. C. La magistratura e i conflitti di lavoro durante il fascismo. Milano, 1978.
Kersbaw J. Popular opinion and political dissent in the Third Reich. Oxford, 1983.
Koon T. H. Believe, Obey, Fight. Political Socialisation of Youth in Fascist Italy, 1922–1943. Chapel Hill-Londres, 1985.
La Francesca S. La politica economica del fascismo. Bari, 1973.
La Mendola V., Prisinzano E. Legislazione dell'istruzione secondaria. Firenze, 1968.
Lavoratori e sindacati di fronte alle trasformazioni del processo produttivo. Milano, 1962.
Lazzari G. Le parole del fascismo. Roma, 1975.
Lazzero R. Il partito nazionale fascista. Milano, 1985.
Ledeen M. A. L'internazionale fascista. Bari, 1973.
La lingua italiana e il fascismo. Bologna, 1977.
La lotta non armata nella Resistenza. Roma, 1994.
La lotta non armata nella Resistenza. Roma, 1995.
Lyttelto A. La conquista del potere. Il fascismo dal 1919 al 1929. Bari, 1974.

Mangoni L. L'interventismo della cultura. Intellettuali e riviste del fascismo. Bari, 1974.
Mantelli B. Camerati del lavoro. I lavoratori italiani emigrati nel Terzo Reich nel periodo dell'Asse 1938–1943. Firenze, 1992.
Martinelli F. Mussolini ai raggi X. Milano, 1964.
Martinelli F. L'OVRA. Fatti e retroscena della polizia politica fascista. Milano, 1967.
Martini A. Biografia di una classe operaia. I cartai della Valle del Liri (1824–1954). Roma, 1984.
Mason T. W. Nazism, fascism and the working class. Cambridge, 1995.
Matteotti M. La classe lavoratrice sotto il fascismo (1922–1943). Annali Feltrinelli 1972. Milano, 1973.
Megaro G. Mussolini dal mito alla realta'. Milano, 1947.
Melograni P. Gli industriali e Mussolini. Rapporti tra Confindustria e fascismo. 1922–1929. Milano, 1972.
Merlin G. Com'erano pagati i lavoratori durante il fascismo. Roma, 1970.
Merlin T. Storia di Monselice. Padova, 1988.
Mezzosecolo. Materiali di ricerca storica. Torino, 1985.
Minio-Paluello L. Education in fascist Italy. London, 1946.
I miracoli del Duce. Roma, 1985.
Missori M. Gerarchie e statuti del PNF. Gran consiglio, Direttorio nazionale, Federazioni provinciali: quadri e biografie. Roma, 1986.
Modelli culturali e stato sociale negli anni trenta. Firenze, 1988.
Monelli P. Mussolini piccolo borghese. Milano, 1959.
Monteleone F. La radio italiana nel periodo fascista. Studio e documenti. 1922–1945. Venezia, 1976.
Monticone A. Il fascismo al microfono. Radio e politica in Italia (1924–1945). Roma, 1978.
Musso S. La gestione della forza lavoro sotto il fascismo. Razionalizzazione e contrattazione collettiva nell'industria metallurgica torinese (1910–1940). Milano, 1987.
Neumann F. Lo stato democratico e lo stato autoritario. Bologna, 1973.
Nozzoli G. I ras del regime. Gli uomini che disfecero l'Italia. Milano, 1972.
Oliva G. I vinti e i liberati. Milano, 1994.
Operai tipografi a Roma 1870–1970. Milano, 1984.
L'opposizione popolare al fascismo. Roma, 1996.
Ostenc M. La scuola italiana durante il fascismo. Bari, 1981.
Palla M. Fascismo e stato corporativo. Milano, 1991.
Panunzio S. Il fondamento giuridico del fascismo. Roma, 1987.
Papa A. Storia politica della radio in Italia. 1924–1943. Napoli, 1978.
Pareto V. Trattato di sociologia generale. 2 vol. Milano, 1964.
Parisella A. Sopravvivere liberi. Roma, 1997.
Passerini L. Torino operaia e fascismo. Roma;Bari, 1975 (1984).
Per una storia della previdenza sociale in Italia. Studi e documenti. Roma, 1962.
Pisano G. Mussolini e gli ebrei. Milano, 1967.
Politica e societa' in Italia dal fascismo alla Resistenza. Problemi di storia nazionale e storia umbra. Bologna, 1978.
Pombeni P. Demagogia e tirannide. Uno studio sulla forma-partito del fascismo. Bologna, 1984.
La previdenza sociale in Italia. Roma, 1957.
Il processone. Gramsci e i dirigenti comunisti dinanzi al Tribunale Speciale. Roma, 1961.

Quazza G. Resistenza e storia d'Italia. Problemi e ipotesi di ricerca. Milano, 1976.
Ragionieri E. La storia politica e sociale // Storia d'Italia dall'unita' a oggi. Vol. IV. T. III. Torino, 1976.
Il regime fascista. Storia e storiografia. Roma;Bari, 1995.
La Resistenza non armata. Roma, 1995.
La Resistenza tra storia e memoria. Milano, 1998.
Robotti P., Germanetto G. Trent'anni di lotta dei comunisti italiani, 1921–1951. Roma, 1952.
Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1972.
Rossi C. Il tribunale speciale. Storia documentata. Milano, 1952.
Rossi E. I padroni del vapore. Bari, 1957.
Rozzi R. Psicologi e operai. Soggettivita' e lavoro nell'industria italiana. Milano, 1975.
Rugafiori P. Uomini, macchine, capitali. L'Ansaldo durante il fascismo, 1922–1945. Milano, 1981.
Salvati M. Il regime e gli impiegati; la nazionalizzazione piccolo-borghese nel ventennio fascista. Roma, 1992.
Salvemini G. Under the Axe of fascism. N. Y., 1936.
Salvemini G. Mussolini diplomatico (1922–1932). Bari, 1952.
Salvemini G. Scritti sul fascismo, 3 vol. Milano, 1974.
Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967. 2 vol.
Santomassimo G. La dittatura totalitaria e l'imperialismo fascista: 1926–1943 // Lezioni di storia d'Italia. Roma, 1979.
Sapelli G. Fascismo grande industria e sindacati. Il caso di Torino. 1929–1935. Milano, 1975.
Sapelli G. Organizzazione di lavoro e innovazione industriale nell'Italia tra le due guerre. Torino, 1978.
Sarti R. Fascismo e grande industria: 1919–1940. Milano, 1977.
Secbi S. La pelle di Zigrino. Storia e politica del PCI. Bologna, 1980.
Spinosa A. Mussolini. Il fascino di un dittatore. Milano, 1989.
Spriano P. Storia del partito comunista italiano. 2 vol. Torino, 1967, 1969.
Storia della stampa italiana. Vol. IV. Bari, 1980.
Storiografia e fascismo. Milano, 1985.
Sylos Labini P. Problemi dello sviluppo economico. Bari, 1970.
Sylos Labini P. L'emigrazione dal Mezzogiorno. Milano, 1977.
Tamaro A. Venti anni di storia (1922–1943). Roma, 1953.
Tomasi T. Idealismo e fascismo nella scuola italiana. Firenze, 1969.
Touraine A. La coscienza operaia. Milano, 1969.
Tranfaglia N., Murialdi P., Legnani M. La stampa italiana nell'eta' fascista // Storia della stampa italiana. Vol. IV. Bari, 1980.
Tranfaglia N. Labirinto italiano. Il fascismo, antifascismo, gli storici. Firenze, 1989.
Treves A. Le migrazioni interne nell'Italia fascista. Politica e realta' demografica. Torino, 1976.
Turi G. Il fascismo e il consenso degli intellettuali. Bologna, 1980.
Turi G. Giovanni Gentile. Una biografia. Firenze, 1995.
Tuzet E. L'education du peuple italien selon les fascistes et selon lui-meme. Paris, 1923.
Uomini e volti del fascismo. Roma, 1980.
Vene G. F. La condanna di Mussolini. Milano, 1973.
Volpe G. Storia del movimento fascista. Milano, 1939.
Zucaro D. Lettere di una spia. Pitigrilli e l'OVRA. Milano, 1977.

Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7.
Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2.
Галкин А. А. О фашизме — его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. 1995. № 2.
Кин Ц. И. Начало итальянского фашизма: Бенито Муссолини, социально-психологический портрет // Вопросы философии. 1988. № 11.
Милза П. Что такое фашизм? // Полис. 1995. № 2.
Перегудов С. П. Гражданское общество как политический феномен // Свободная мысль. 1992. № 9.
Рассоха И. Н. Тезисы о тоталитаризме // Полис. 1995. № 2.
Рахшмир П. Фашизм: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10.
Смирнова Н. Д. Неизвестные страницы советско-итальянских отношений 1939–1941. По новым документам // Новая и новейшая история. 1996. № 3.
Сумбатян Ю. Г. Авторитаризм как категория политической социологии // Кентавр. 1995. № 5.
Умланд А. Старый вопрос, поставленный заново: что такое «фашизм»? (Теория фашизма Роджера Гриффина) // Полис. 1996. № 1.
Холодковский К. Г. Заметки Грамши «Американизм и фордизм» // Проблемы итальянской истории. М., 1972.

Addis Saba M. I giovani del Littorio e D'Annunzio // Il Ponte, 1975. N 7–8.
Amendola G. La «continuita» dello Stato e i limiti storici dell'antifascismo italiano // Critica marxista, 1974, quad. 7.
Aquarone A. Lo spirito pubblico in Italia alla vigilia della seconda guerra mondiale // Nord e Sud, 1964. N 49.
Aquarone A. Violenza e consenso nel fascismo italiano // Storia contemporanea, 1979. N 1.
Bonfanti L. Realta' operaia e vita famigliare fra le due guerre: testimonianze di lavoratori delle Legler di Ponte San Pietro // Storia contemporanea, 1984. N 22.
Burrin P. Politique et societe': les structures du pouvoir dans l'Italie fasciste et l'Allemagne nazie // Annales. ESC, 1988. N 3.
Casali L. E se fosse dissenso di massa? Elementi per un analisi della «conflittualita' politica» durante il fascismo // Italia contemporanea, 1981. N 144.
Cento Bull A. Appunti per un'analisi della famiglia operaia e contadina bergamasca sotto il fascismo // Storia contemporanea, 1981. N 15.
Cipriani A. Il fascismo in una provincia creata dal Duce // Farestoria, 1996. N 27.
Collotti E. Una storiografia afascista per la «maggioranza silenziosa» // Italia contemporanea, 1975. N 119.
Contini G., Banti A. M., Bianco M. L. Su «Mondo operaio e mito operaio» // Quaderni storici, 1988. N 1.
De Bernardi A. Operai, sindacati e regime negli anni venti. Il caso di Milano // Societa' e storia, 1988. N 40.
De Grazia V. La taylorizzazione del tempo libero operaio nel regime fascista // Studi storici, 1978. N 2.
Gallerano N. Memoria pubblica del fascismo e dell'antifascismo // Politiche della memoria. Roma, 1993.

Galli G. Un'organizzazione ausiliaria del PNF: l'Opera Nazionale Dopolavoro in provincia di Arezzo // Studi storici, 1975. N 3.
Gaddi G. Eugenio Curiel, gli anni de «Il Bo» // Rinascita, 1965. N 8.
Gentile E. Il problema del partito nel fascismo italiano // Storia contemporanea, 1984. N 3.
Gentile E. La natura e la storia del PNF nelle interpretazioni dei contemporanei e degli storici // Storia contemporanea, 1985. N 3.
Guigni G. Esperienze corporative e postcorporative nei rapporti collettivi di lavoro in Italia // Il Mulino, 1956. N 1.
Ilardi M. Ristrutturazione aziendale e classe operaia sotto il fascismo: la societa' Terni // Movimento di liberazione in Italia. 1973. N 112.
Jocteau G. C. La magistratura del lavoro nello stato fascista. Le controversie collettive (1926–1935) // Politica del diritto, 1973. N 3.
Legnani M. Postilla sul fronte interno. Paese muto o storico sordo? // Italia contemporanea, 1991. N 182.
Linz J. J. Totalitarian and Authoritarian Regimes // Handbook of Political Science. Vol. 3. Macropolitical Theory, Fred. I. Addison-Wesley, 1975.
Lo Giudice M. R. Razza e giustizia nell'Italia fascista // Rivista di storia contemporanea, 1983. N 1.
Lyttelton A. Fascismo e violenza: conflitto sociale e azione politica in Italia nel primo dopoguerra // Storia contemporanea», 1982. N 6.
Maida B. La classe operaia torinese nella crisi del regime fascista // Studi storici, 1991. N 2.
Mason T. Storiografia della cultura operaia // Italia contemporanea, 1987. N 167.
Modica E. E. Curiel e la prospettiva unitaria del «partito nuovo» // Critica marxista, 1969. N 6.
Montenegro A. Politica estera e organizzazione del consenso // Studi storici, 1978. N 4.
Nello P. Mussolini e Bottai: due modi diversi di concepire l'educazione fascista della gioventu' // Storia contemporanea, 1977. N 2.
Palla M. Sul regime fascista italiano. Precisazioni terminologiche e interpretative // Italia contemporanea, 1987. N 169.
Petersen J. Elettorato e base sociale del fascismo italiano negli anni venti // Studi storici, 1975. N 3.
Petersen J. Il problema della violenza nel fascismo italiano // Storia contemporanea, 1982. N 6.
Pignatelli A. I controlli politici del giudice dallo stato liberale al regime fascista // Politica del diritto, 1975, febbr.
Piva F., Toniolo G. Sulla disoccupazione in Italia negli anni trenta // Rivista di storia economica, 1987, X, f. 3.
Pivato S. L'organizzazione cattolica della cultura di massa durante il fascismo // Italia contemporanea, 1978. N 132.
Pivato S. Il teatro di parrocchia. Mondo cattolico e organizzazione del consenso durante il fascismo // Quaderni della Fiap, 1979. N 33.
Preti D. La regolamentazione delle controversie «individuali» di lavoro in regime fascista // Studi storici, 1977. N 2.
Rochat G. Il quarto volume della biografia di Mussolini di Renzo De Felice // Italia contemporanea, 1976. N 122.
Rochat G. Ancora sul «Mussolini» di Renzo De Felice // Italia contemporanea, 1981. N 144.

Santomassimo G. Il fascismo degli anni trenta // Studi storici, 1975. N 1.
Santomassimo G. Senza dubbio fu reazione. Fascismo: a proposito della polemica intorno alla «Intervista» di Renzo De Felice // Rinascita, 1975. N 35.
Sapelli G. Appunti per una storia dell'organizzazione scientifica del lavoro in Italia // Quaderni di sociologia, 1976. N 2–3.
Sapelli G. Organizzazione scientifica del lavoro e innovazione tecnologica durante il fascismo // Italia contemporanea, 1976. N 125.
Sapelli G. Formazione della forza-lavoro e psicotecnica nell'Italia fra le due guerre mondiali // Quaderni di sociologia, 1977. N 1.
Sapelli G. Macchina repressiva, «sovversivismo» e tradizione politica durante il fascismo // Mezzosecolo, 1976–1977.
Sapelli G. Per la storia del sindacalismo fascista: tra controllo sociale e conflitto di classe // Studi storici, 1978. N 3.
Sylos Labini P. La politica economica del fascismo e la crisi del 1929 // Nord e Sud, 1965. N 70.
Ugge A. Prezzi, salari, costo della vita e occupazione operaia // Rivista internazionale di scienze sociali, 1937, VII.
Vannutelli C. Salari e costo del lavoro nell'industria in confronto all'anteguerra // Rivista di politica economica, 1946, XII.
Vannutelli C. Le condizioni di vita dei lavoratori italiani nel decennio 1929–1939 // Rassegna di statistiche del lavoro, 1958. N 3.
Vannutelli-Masini C. Gli assegni famigliari. Previdenza o salario? // Previdenza sociale, 1946. N 5.
Violante L. La repressione del dissenso politico nell'Italia liberale e giustizia militare // Rivista di storia contemporanea, 1976. N 4.
Vivarelli R. Benito Mussolini dal socialismo al fascismo // Rivista storica italiana, 1967. Vol. LXXIX.
Zapponi N. Il partito della gioventu'. Le organizzazioni giovanili del fascismo. 1926–1943 // Storia contemporanea, 1982. N 4–5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Белоусов Лев Сергеевич

РЕЖИМ МУССОЛИНИ И МАССЫ

Текст публикуется в авторской редакции

Зав. редакцией
Г.М. Степаненко

Оформление
и оригинал-макет
В.В. Пономаревой

Технический редактор
Г.Д. Колоскова

Зав. корректорской
Т.И. Алейникова

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97
Подписано в печать 16.05.2000
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Mysl Narrow». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 30,55.
Тираж 1000 экз. Заказ № 398 Изд. № 6972

**Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО
"Типография ИПО профсоюзов Профиздат",
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.**